

Алая Лента

СОДЕРЖАНИЕ

$$\begin{array}{r}
 37 \\
 8 \checkmark \\
 \hline
 2960
 \end{array}$$

$$\begin{array}{r}
 12 \\
 24 \\
 30 \\
 15 \\
 15 \\
 \hline
 14
 \end{array}$$

$$\begin{array}{r}
 15546 \\
 19131 \\
 \hline
 19677
 \end{array}$$

$$\begin{array}{r}
 19898 \\
 111 \\
 \hline
 20009
 \end{array}$$

$$\begin{array}{r}
 20009 \\
 20015 \\
 \hline
 81
 \end{array}$$

$$\begin{array}{r}
 81 \\
 \hline
 20096
 \end{array}$$

$$\begin{array}{r}
 131 \\
 32 \\
 \hline
 917
 \end{array}$$

$$\begin{array}{r}
 32 \\
 180 \\
 \hline
 370
 \end{array}$$

$$\begin{array}{r}
 393 \\
 37 \\
 \hline
 4842
 \end{array}$$

$$\begin{array}{r}
 4007
 \end{array}$$

ВАСИЛИЙ ЮХНИН

алая
лента

БИБЛИОТЕКА
РОССИЙСКОГО
РОМАНА

„Современник“
Москва 1974

**ВАСИЛИЙ
ЮХНИН**

**Алая
лента**

РОМАН

**Перевод с коми автора
и А. ДМИТРИЕВОЙ**

**„Современник“
Москва 1974**

С (Коми)

Ю 94

Юхнин Василий Васильевич.
Ю 94 Алая лента. Роман. М., «Современник», 1974.
463 с., 1 л. портр. (Библиотека российского романа).

Василий Юхнин — один из родоначальников коми советской литературы, автор многих рассказов, очерков, литературоведческих статей, пьес и романов. «Алая лента» — самое значительное произведение писателя.

В центре повествования — формирование нового революционного мировоззрения деревенского парня Ильи Ошлапова, который предстает в живой атмосфере действительности, в гуще народной жизни, быта, суровой природы.

Ю $\frac{0733-22}{106(03)-74}$ 140—74

С (Коми)

СУДЬБЫ НАРОДНЫЕ

Василий Юхнин — писатель старшего поколения. Родная земля Коми края, где он родился в 1907 году и на которой до последнего дня (23 ноября 1960 года) жил, была для него неиссякаемым кладезем, откуда писатель черпал вдохновение, мысли, образы. Еще во время учебы в школе он ездил ямщиком в далекие Кибру, Визингу, Сыктывкар. Позднее работал на лесозаготовках. Принимал активное участие в строительстве новой жизни: работал в республиканской газете, десять лет возглавлял писательскую организацию. Писать начал в 1931 году. Сначала стихи, рассказы, повести. Но самым значительным в его творчестве является роман «Алая лента». Это первый роман в коми литературе.

«Алая лента» — произведение историческое, крупноплановое. В нем много героев, характеров, судеб. Автор стремится к тому, чтобы каждая, даже третьестепенная фигура несла в романе свою психологическую и социальную нагрузку. Не всегда сюжетную, но всегда психологическую и социальную.

Центральное место в романе занимает история семьи таежного охотника Степана Ошлапова. Сам Ошлапов, его жена Марфа, их дети Михаил и Илья предстают перед нами во всей сложности внутренние противоречивых взаимоотношений друг с другом. Люди духовно чистые, сильные физически и бедные материально, они далеко не одинаково воспринимают окружающую действительность, разными путями ищут свое счастье и правду.

Действие романа разворачивается на большой географической площади: далекое северное село Важгорт, бесконечные дороги России и Украины, Киев с его лаврой, промышленный Урал. Богата «национальная география» романа: коми, русские, татары, мордва, марийцы, чувашаи, удмурты и даже иностранцы — представители чужеземного капитала. Все это говорит о широте охвата жизни писателем, о масштабности поставленных проблем.

Может быть, нет в романе особо «острого» сюжета, чисто внешней занимательности. Это — серьезный, с глубокой психологической разработкой образов роман. Он написан в народной тональности, языком образным и колоритным, с первых же страниц захватывает вас и до последних страниц волнует ваше сердце.

Мне думается, что читатели «Алой ленты» будут благодарны писателю за интересное, полное душевности, лиричности и драматизма произведение о судьбах упорного, трудолюбивого народа коми, за правдивый рассказ о сложности социальных отношений в один из драматических периодов нашей истории: в период пробуждения народных масс и поворота передовой части народа к революционной борьбе.

Сергей Баруздин

БОГАТОЕ ЛЕТО

1

В тот год землю Коми обдало дыханием полыхавшего засухой Поволжья.

Еще по весеннему снегу вдоль Камня, к верховьям Камы и по-над вятскими лесами хлынул на север теплый туман. Он пролился всеобмывающим дождем, пробуждая парму¹ от долгой зимней спячки. С шумом устремились вниз тысячи лесных речек и речушек, дружно сходясь в большие реки, широко и стремительно несущие свои воды в Белое и Баренцево моря.

Весна была доброй, заботливой матерью. Множеством голосов на все лады восхваляли ее щедрую ласку местные и перелетные птицы. На лугах колыбалась иссиня-зеленая травка, на пашнях кудрявилась озимь. Со всех кустов и кустиков с удивлением новорожденных смотрели на мир мириады едва обозначившихся ягод.

Но охотники все еще выжидали чего-то более важного и значительного, без чего доброта скупой на милости северной природы не была бы полной. Они ждали той поры, когда станет ясно, что небывало яркое солнце не затопило смолой богатый урожай хвойных шишек, когда на свежие шишки слетятся клесты, а за ними объявится и промысловая белка.

Год был памятен и другим — все лето горели леса. Сперва пожары начинались от подсек. Огонь цеплялся за прошлогоднюю траву, играл на мшистых елях,

¹ Парма — тайга.

легким палом прихватывал только что зазеленевший кустарник. Но первая же роса гасила его. Потом, когда высохла почва, старая хвоя, истлевшие колоды, разный лесной мусор — все стало горючим, как порох. Стоило охотнику пострелять по глухариному выводку или не затоптать костер, разведенный для защиты от мошкеры, как тут же вздымались к небесам клубы черного дыма.

Так было в Прилузье и по Сысоле, вдоль Вычегды и в верховьях Печоры, на Ижме и Мезени. И дальше на север, вплоть до самой тундры, жилье человека обозначилось лесными пожарами.

Сбились с ног лесники и объездчики. Каждое утро десятские гнали людей тушить пожары. Но народ выказывал послушание только до сенокоса. В страду люди либо вовсе не шли, либо только делали вид, будто отправляются на пожар, а на самом деле расходились по лесным пожням ставить стога. Хорошо еще, что не горели дальние леса — там некому было поджигать. Люди селились лишь по берегам больших рек, и зеленый лесной океан в глубине своей оставался непотревоженным.

Затем, когда просохли болота, огонь принялся за торф. И хотя в сенокос прошли грозовые дожди, дыму в воздухе не стало меньше, а все прибавлялось, и сквозь него уже едва виднелось ржавое солнце. С мутной от угара головой убирали рано поспевшие хлеба. В густом дыму приближалась охотничья пора.

И еще до того, как подошло время охоты, со стороны Поволжья, вдоль Камы и по пыльным вятским дорогам потянулись на север люди с изможденными, землистыми лицами. Тут были татары и мордва, чуваш и русские, марийцы и удмурты. Все они бежали от голодной смерти, которая, словно разыгравшееся чудовище, день и ночь косила голытьбу на выжженной земле.

Много голодающих попало в здешние края. Бредя по лесным дорогам, они видели, что над ними в том же направлении летят стаи маленьких громкоголосых птиц. Это были клесты. Их тоже прогнал с насиженных мест голод, они тоже пустились искать сытные края.

Влажное и короткое северное лето не боится засухи. В солнечный год оно сулит богатый урожай. Пришедший с юга голодный люд рассеялся по зажиточным хозяйствам, а клесты с жадностью принялись шелушить шишки — оказалось, что дым умерил яркость солнечных лучей и шишки уродились без налета смолы.

Дым стоял в воздухе до самой осени. И когда пошла белка, эти рыжие зверьки казались стремительно растекающимися язычками пламени, словно лесные пожары выпустили их, чтобы охватить огнем новые участки. А в пору кочевья белка ничего не боится, движется, не разбирая дороги: если лес на пути — лесом, если село — через село, если речка — и она не преграда.

Однажды осенним днем, перебегая по изгороди, тянувшейся от реки ко дворам, появился на селе такой рыжий язычок. Он будто и в самом деле выискивал, что бы поджечь, — то замрет и прислушается, то вскочит на кол изгороди, повернется на нем и пускается дальше. Вот он добрался уже до бань, прикорнувших вдоль тропы, по которой скот ходит на водопой, потом пересек узкую полосу жнивья, прошмыгнул на огородах, затерялся в кочнах капусты, мелькнул в картофельной ботве и вдруг объявился на задворках ближайшей избы. Тут раскинулась лужайка, где на солнце-цепеке в поисках корма бродили куры. Охранявший их петух нахохлился:

— Кто такая?

Белка метнулась к коровнику и, уже карабкаясь по срубу, заверещала в ответ: цоп-цоп-цоп! — мол, до чего же ты напугал меня, красный гребешок!

На цокот белки быстро обернулся Степан Ош-лапов.

— А-а, кормилица наша! — протянул он, глядя на зверька. — Что это ты, словно и не думаешь менять свой мех? А я-то стараюсь, уж и пищаль проверил, и избушку охотничью укрепил...

День был воскресный. Степан Матвеевич сидел на взволоке у сарая и мастерил про запас силки. Его черные, по-стариковски стриженные волосы трепал легкий ветерок, а круглая борода, которую он задрал

торчком, высматривая белку, отчетливо выделялась на фоне голубой ситцевой рубахи.

— Добро. Коли так, добро,— продолжал он.— Сама пришла к нам! Ну что ж, погости у нас, погости!..

Белка тем временем взобралась на бревно, выступающее из стены под самой стрехой, и притаилась там.

Степан радовался. Для него, как и для других охотников-коми, промысловая белка означала не просто заработок, но и хлеб, и одежду, и самый смысл жизни. И оттого, что белка пошла уже на осеннюю стерню и что год, судя по этому, обещал быть промысловым, Степан Матвеевич в последнее время стал добрее и разговорчивее. Вот на днях как-то, в гостях у шурина, жену свою Марфу даже по имени покликал! Крепко надеялся он на свою силу и охотничью сноровку, да и на сыновей-женихов можно было смело положиться — и на двадцатидвухлетнего Михаила и особенно на девятнадцатилетнего Илью.

Неспроста же люди говорили:

— Мы-то разве охотники! Вот Степан с сыновьями — этот белки больше всех огребет. И собаки у них хороши, да и сами не хуже яранов¹ охотники. У Степана глаз зоркий, насквозь все видит.

Так думал и его сосед Куимов, которого все звали просто дед Пашко. И сейчас, заметив Степана, сидящего на взволоке у сарая, дед приковылял к нему на своей деревянной ноге.

— Я еще летось говорил вам, охотникам,— начал дед Пашко,— если, мол, уродилась шишка да прилетел на нее клест, знать, и белка придет. По-моему вышло, кум?

И, не рассчитывая на ответ, он залюбовался притаившейся под стрехой белочкой.

У деда Пашко не было ни скотинки, ни животишки. Жил он с бабкой Матреной чем бог пошлет да что поднесет молодежь, приглядевшая их избушку под вечерки и гулянья. А все же дед Пашко человек полезный: и перемену погоды загодя предскажет, и

¹ Я р а н ы — ненцы.

сколько возов сена на лошадь и корову заготовить посоветует, и сколько дней от праздника до праздника знает.

Степан не помнил, пророчил ли дед Пашко хороший промысел. Но он и сам был не слеп и не глух. Еще летом, хаживая в лес драть бересту или по другим хозяйственным нуждам, он приметил появление клестов. «Цип-цип-цип... Курли-курли-курли-куу-ур!» — щебетали они, летая большими стаями.

— Да, уж коли прилетели клесты, примета верная, — отозвался наконец Степан. — А ведь сколько лет зря собак кормили!

Старик присел рядом со Степаном.

— Ежели память мне не изменяет, — вслух прикидывал он, — то после японской войны целых четыре года выдались без промысла. Ну, и остальные три тоже не больно порадовали.

Дед Пашко рассуждал не торопясь, степенно поглаживая рукой свою лысую голову. Его морщинистое лицо, как всегда, выражало глубокую задумчивость. Судя по облику, ему было предназначено стать философом, хотя жизнь превратила его просто в нищего, склонного поразмышлять.

Степан согласился с рассуждениями Куимова, но продолжать разговор не стал. Настоящий охотник никогда не позволит себе ошипывать неподстреленного рябчика. Слово что стрела, куда еще обернется? Да и кто знает, о чем сейчас думает затаившийся под стрехой зверек. Может, слушает этот разговор и на ус себе наматывает?

Где-то возле погоста ребятишки гнались за белкой. Одновременно с улицы слышались приближающиеся удары палкой о стены изб.

— Эй! Купец Бикмедов приехал! — оповещал мальчишеский голос. — У Алексея Расова остановился. Эй! Татарин новый товар привез! Эй!..

Голос у мальчика был звонкий. Парнишка колотил палкой по бревнам с такой силой, что здесь, у сарая, услышали о новости задолго до того, как он поравнялся с сидящими.

— Никитка! — окликнул его дед Пашко. — Ты что это, забыл, сынок, чей ты есть?

— Как забыл?..

— Да так — сзываешь покупателей, будто к чужим, будто сам ты не Расов. А ну, подойди сюда.

Никитка — самый младший из пяти сыновей Алексея Расова. Ему сегодня доверили важное дело и потому одели его по-взрослому: на нем были сапоги, черный пиджак и картуз, все не по росту большое.

— Мне как велели, так и кличу, — объяснил мальчик. — Я ведь до самого нижнего конца пойду, там могут и не знать, чей я. А в верхний конец Петьку послали. Ему приказчик Бикмедова тоже посулил за труды калачей дать...

— Ты вот что скажи, — перебил его Степан, — много ли товару-то?

— Ох, и много! Целых три телеги. В боковушку все носили, носили...

На пухлой рожице мальчика можно было прочесть искреннее восхищение, его черные, как бусинки, глаза дерзко стреляли по сторонам.

«Жесткий у парнишки взгляд, — подумал Степан. — Вроде как у отца. Заметит белочку — сглазит еще чего доброго!»

И сказал:

— Ну, валяй дальше, Никитка, а то не поспеешь.

Никитка вернулся на дорогу и снова принялся колотить палкой по стенам изб. Долго еще доносился его звонкий голос:

— Эй! Купец Бикмедов приехал! У Алексея Расова остановился. Эй! Татарин новый товар привез! Эй!..

Куимов осуждающе покачал головой, будто приезд Бикмедова в эту пору был незаконным.

— Да, у него нюх тонкий, такой не прозеваешь, — заметил он. — В самой Казани учуял, в какие края подаваться да где загодя ловушки расставлять.

Степан отложил еще один готовый силок и ответил поговоркой:

— Пораньше в поле выйдешь — не прогадаешь, пораньше женишься — не расквесишься.

Тем временем шум ребячьей облавы на белку все приближался.

— Здесь она, здесь! — слышалось совсем рядом. — У Пилько на крыше!

— Буско, возьми! Ату ее, Соболь!

— Ребята! С той стороны давай!

— Заходи, заходи!..

Такая же рыжая белочка, как и та, что сидела под стрехой, проскользнула по тесинам соседней крыши, видимо намереваясь прыгнуть во двор к Степану, но ребята и собаки успели забежать ей навстречу, и зверек в растерянности замер на самом краю.

— Живьем словить надо, живьем!

— Обождите, я попробую...

Вопили мальчишки, визжали не приученные еще к охоте щенки, даже взрослые парни и старые лайки, казалось, потеряли всякое приличие.

Когда-то, в детские годы, Степан и сам был таким же. Погоня за белками пробуждала в нем, как и в этих ребятах, первую страсть к охоте. Но с возрастом человек меняется, и сейчас, увидав среди горлавающей ватаги своего сына Илью, Степан даже плюнул от досады.

Рядом с Ильей, в новых калошах и камашах, с гармонью за спиной, суетился Кондратий, сын Дениса.

Илья, поймав на себе взгляд отца, выпустил из рук палку и спрятался за спинами товарищей. А мальчишки уже бегали по соседской крыше. Теперь белке некуда было деваться, и она прыгнула с конца желоба прямо в крапиву. Но крапива тут разрослась и вширь и ввысь, и собаки не стали преследовать белку — побоялись обжечь себе носы.

— Эй, вы, босоногая команда! — крикнул Кондратий. — Кому охота сладенького отведать? Слышите меня?

Ребятишки мигом окружили Кондратия.

— Кто босиком войдет в крапиву и выгонит белку, получит конфету, — продолжал он.

— Так ведь не дашь, обманешь, — усомнились мальчишки.

Кондратий оглядел окружившую его ватагу и подкрутил воображаемые усы.

— Обутым не соваться, только босым! — приказал он и швырнул в крапиву пригоршню карамели. — Видели?!

— Видели, видели!.. Не зевай, ребята!

Белка была забыта. Но тут с места поднялся дед Пашко.

— А ты бы, Кондратий, сам попробовал слазить туда босым,— неожиданно предложил он.

Кондратий и виду не показал, что обиделся на Куимова.

— И тебя не держу,— попытался он поднять старика на смех.— Валяй поищи конфетку. Деревяшку-то твою крапива не обожжет...

Но никто не засмеялся — молодежь уважала деда Пашко,— и он осмелел:

— Ты не осуждай, коли что не так скажу. Я ведь про тебя по-иному думал: понимание должен иметь, разум.

— Понимание, разум! Что ты в этом смыслишь?— сердито процедил Кондратий сквозь зубы и зашагал прочь.

Илья подошел к отцу.

— И ты, детина, тоже за белками гоняешься? — пристыдил его Степан.

— Да так, побаловался немножко... Сегодня ведь праздник.

Илья знал, что он у отца с матерью желанный сын, и в разговоре никогда не старался угодить им. Он и без того с малых лет отличался послушанием. Однако Степана радовало в младшем сыне не только это. Илья рос парнем крепким, работающим и скромным. Вот и сейчас он уважил отца:

— Может, помочь тебе?

— Помоги, коли не лень. Сам знаешь, придется в этом году по всей тропе силки обновлять, погнили старые.

Илья снял картуз, положил его на бревно, расчесал пальцами свои темные выющиеся волосы, отодвинул назад кисти шелкового пояса и нагнулся:

— Обожди-ка, я сначала землицей руки протру, чтобы жир отбить. А то жирный конский волос мыши едят.

Дед Пашко командовал ребятами, искавшими в крапиве карамель. Илья поглядел на них, хотел что-то сказать, но передумал и обратился к отцу:

— Тебя давеча татарин спрашивал.

Степан вздрогнул.

— По какому же это делу? По плохому или по хорошему?

— Наверно, по хорошему. Мы-то ему не должники.

— Верно говоришь, мы ему не должники. О чем же выводывал?

— О разном. Что, мол, отец поделывает, не женили ли Михаила...

— Сказал бы: только тебя и ждали...

Илья рассмеялся. В красноватых лучах заходящего солнца сверкнули белизной его ровные, красивые зубы.

— А Бикмедов еще больше растолстел,— сообщил он.— Совсем как бочка стал.

— Зато уж другие татары не растолстели, еле кости свои притащили сюда,— напомнил Степан о голодном человеке, пришедшем в здешние края в поисках пропитания.— У купцов-то хлеба, думаю, и там хватает.

— У купцов конечно,— согласился Илья и добавил: — Видно, наш Мишка покоя не дает Бикмедову. Спрашивал, когда ему срок кончится батрачить.

— И про то ведает? — удивился Степан.— Видать, бесы ему, нехристю, докладывают.

— Может, и они,— снова рассмеялся Илья.— А товару у него полно! Даже гармошки имеются. Ладные такие... Сказывал, самые что ни на есть лучшие вятские мастера по заказу делали.

— Гармошки, говоришь? — улыбнулся Степан.— Ну что ж, ежели доведется удачно полесовать, и гармошку купим и одежду справим.

Он оглядел ноги сына, который сегодня был обут в старые отцовы сапоги. Илья перехватил его взгляд. Может, теперь отец купит новую пару...

Степан неожиданно поднялся.

— Придется сходить, коли спрашивал. Ну-ка, сынок, сними сапоги-то. Купец есть купец, к нему негоже идти в таких вот,— кивнул он на свои катаные калоши.

Илья стал разуваться. Сапоги, узкие в голенищах, стаскивались туго, и Степан строго сказал:

— Сперва надо за портянку тянуть. Этак тебе и на одну осень не хватит. А я пятнадцать годков их носил! — Но, видно вспомнив, что Илье о том уже известно, добавил: — Вечером обратно обуешься...

2

Появление в селе нового купца — большое событие. Людям не терпится поглядеть на товар. В первый день они приходят так просто, без денег, пока что прикинуть на глаз покупки да поторговаться — авось купец еще сбавит цену.

— Больно твой товар дорогой, все дорогой, — калякают они по-русски. — Убавишь если, одно возьмем, другое возьмем...

Но купцы да приказчики — это такой народ: похитрее горностая, что однажды уже попадал в ловушку. Их не проведешь. Если человек торгуется, они то будто осерчают, то снова добрым словом приветят и лихо метнут на прилавок новый кусок ситца или какой другой материи: пусть, мол, покупатель сам пощупает, годится ему товар или нет. Но цену сбавлять не собираются, а если уж и сбавят, то лишь в самом крайнем случае.

Наконец покупатель начинает неохотно расстегивать прикрепленную к поясу мошну из дубленой кожи, где обычно хранятся трут и кресало, или развязывать платок с припасенными грошами.

— Ладно, давай меряй ситец, полфунта рис вешай, полфунта сахар...

И торговля начинается.

В приказчиках у Бикмедова состоял его будущий зять Максим Баринов, парень шустрый и бойкий на язык. Купец относился к нему почти как к сыну и полностью ему доверял. Он знал, что у будущего зятка голова крепко сидит на плечах, уж он-то за прилавком не даст промашки. Сам же Бикмедов хотел первые дни покрутиться среди охотников, чтобы заблаговременно да понадежнее опутать их своими сетями. Разве иначе приехал бы он в такую раннюю пору сюда, в далекую землю Коми? У Бикмедова все наперед рассчитано — когда в какой край явиться да в

какой волости у кого остановиться. Вот и теперь, приняв в соображение все стороны дела, он расположился в селе Важгорт, у Расова.

Алексей Петрович Расов — человек крепкий, живет сам по себе. Этот к соседям за безменом не пойдет, но уж зато и горсти навоза другому не уступит. Его летняя трехкомнатная изба что твоя хоромина, а уж зимняя боковушка, сложенная из семивершковых бревен, ну прямо белочкино гнездышко. К тому же и место подходящее: никто мимо не пройдет — близко от церкви и у самого поворота дороги на деревню Ручпиян.

Но больше всего привлекало Бикмедова то, что Расов пока еще ни по родству, ни по хозяйству не был связан со здешним купцом Власием Сирвойтовым. У Алексея огромная родня — и со стороны братьев, и со стороны жены, да еще со стороны двух невесток. Третий сын Расова, Афоня, правда, пока в солдатах, но четвертый, Митрий, тоже парень взрослый. Так что, если всех их вместе собрать, получится целая артель, которую Гафар Макарович Бикмедов твердо решил отбить у Власия Спиридоновича Сирвойтова. И не только Расовых. Он и Степана Ошлапова затеял переманить от местного купца.

Сейчас к дому Расовых собирался народ. Алексей недавно начал строить для старшего сына избу, и на лужайке перед домом лежали купленные по билету бревна. На бревнах, окруженный толпой, сидел Бикмедов. С годами располневший и низкорослый, весь он казался каким-то кругленьким, аккуратным. Макушку его бритой головы прикрывала слепящая яркими красками тюбетейка, а тело было укутано халатом цвета шкурки бурундука.

Приближаясь к толпе, Степан услышал знакомый говорок Бикмедова:

— Тайга в Коми пестрая стала — осень подошла. Собаки лают — белка идет. Ой, много белки! Ой, хороший промысел будет!

Голос у него был высокий, и звучал он как-то льстиво; с его жирного, безбородого лица не сходила улыбка, а сквозь узенькие щелочки выглядывали проныцательные карие глазки.

— Знаю я вашего брата, ох, знаю! — продолжал Бикмедов. — В промысловый год нет народа хитрее, чем на Вычегде, разборчивее, чем на Вишире. На Богословские заводы не идет, дрова пилить не хочет — дома хорошо. Из ружья пиф-паф — с деревьев деньги сыплются. В такой год визинские пимокаты или там пыелгинские портные неохотно в Сибирь едут. А в Прилузье и того чище: льна много, а волокно не продают, цену набивают, до последней ярмарки придерживают. На Печоре совсем беда: некому точила делать, все на охоте.

Бикмедов мог бы еще многое порассказать — и о добыче соли на Выми, и об оленеводстве в тундре, и об искателях подземных сокровищ в лесах Ижмы и Ухты. Но обширна земля Коми, богатства в ее недрах, лесах и водах неисчислимы, и, что называется, всего за один раз не сгребешь. Да и слушатели пока не просили его продолжать. Пораженные познаниями бывалого купца, они молча стояли, разинув рты.

— Так оно, наверно, и есть, — наконец удивленно протянул кто-то.

— Ну и память у тебя, Гафар Макарович! — слышалось из толпы.

— Память? — еще больше воодушевился Бикмедов. — Память, она в дороге разбухает. Из одной речки воды попьешь — кое-чего узнаешь, из другой отхлебнешь — опять кое-чего узнаешь, а из многих отведаешь — всего наберешься. Ха-ха-ха!..

Смеялся купец, хохотали мужики. Уж больно интересно рассказывает Бикмедов! Впрочем, не всем было весело. Денис, по прозвищу Певчий, тот сидел, хмуро опустив голову. Это был пожилой узколицый человек, не то русый, не то рыжий, с торчащим на макушке наростом величиной с куриное яйцо. Денис приходился ближайшей родней Власию и потому неодобрительно относился к появлению татарина. «Кому он нужен, приезжий, когда есть у нас не хуже купец, да еще свой человек!» Сын Дениса Кондратий в большие праздники не зря помогал Власию торговать.

Не смеялся и подошедший вслед за Степаном Ош-лаповым дед Пашко. Он степенно поглаживал свою блестящую лысину. Проведет по ней рукой и снова

установится на купца: веселись, дескать, толстопузый леший, морочь людям головы, а от меня пользы тебе не будет, не жди, прошла моя пора охотиться на белку...

Степан сперва постоял позади толпы, потом присел на бревна. Бикмедов едва заметно кивнул ему: подходи, мол, садись, мне как раз такие и нужны.

— Память не все,— продолжал он.— Совесть надо иметь, большую совесть. Сказать, как бывает?

— Скажи, скажи...

— Говори, послушаем.

Мужики поддакивали, а на уме у них было другое: «У купца-то совесть? Это уж ты, брат, брешешь».

Бикмедов почувствовал недоверие со стороны охотников, и его глазки еще больше сузились. Он осмотрелся, отметив непримиримую враждебность, застывшую на лице Дениса, и остановил взгляд на Алексее Расове, который в эту минуту спускался с крыльца в домотканом сукмане и свежесмазанных дегтем сапогах.

«Доволен Алексей, что я у него остановился»,— подумал Бикмедов, и глазки его снова расширились, лицо заулыбалось.

— Думаете, про себя хочу сказать? Про вас речь. Большую память имеете! Большой совести народ!

— Верно, братцы, верно...

— Я всегда говорю верно,— подхватил Бикмедов и приступил к рассказу: — Еду я как-то на телеге по одному селу. Вдруг слышу — кто-то кличет меня. Обернулся — мужичок догоняет: «Постой, Бикмедов, остановись, Гафар Макарович! Я ведь тебе должник, с прошлого года в долгу. Дроби-пороху у тебя брал. Хотел шкурками расплатиться, да промысел плохой был, не сумел тогда отдать. Бери долг теперь». А я ему: мол, нынче промысел будет, вот и уплатишь добычей. Белку надо, лису надо, куницу надо, рябчика стреляй, глухаря стреляй, зайца лови. Все заберу. Много денег дам. Много товару дам.

Раззадоренные охотники затоптались на месте. Год предвиделся хороший, теперь только не ленись. Люди уже прикидывали в уме — авось удастся справить неотложные нужды. Степан подумал про своего Миха-

ила: пора женить парня. Расов тоже о сыновьях соображал: «Вот старшему избу надо поставить... Прямо беда с ними! — досадовал он. — Одному выстроишь, другому выстроишь, потом третьему, четвертому... Глядишь, вся сила, да и все нажитое на сыновей и уйдет. А состаришься — никому ты не нужен будешь...»

Тут слышался голос деда Пашко.

— А в какой же это деревне тот мужик проживает? — спросил он.

— Не в той деревне дело, не в том мужике, — отзывался Бикмедов. — Все вы народ верный, каждый большую совесть имеет.

И хотя из ответа явно следовало, что купец немного приврал, охотникам было любо слышать о себе такие слова. После этого как-то уж сама собой зашла речь и о людях нечестных. А кто ж самый вероломный человек в селе Важгорт? Ясное дело, Сирвойтов. На его-то голову и посыпались все шишки.

— Власий-то Спиридоныч? Да, он того... Есть грех. Тут таить нечего.

— Верно, паря! Прямо сказать — забыл он свою совесть у кобылы под хвостом...

— Ха-ха-ха! Скажет же кум!

— Да что говорить, так оно и есть, — слышался в толпе басистый голос. — Помните муку, что пароход привез? Не хуже твоего кирпича была мука, обухом пришлось дробить. Сколько народу животами маялось от такого хлеба! А продавал-то он ту муку за полную цену, ни гроша не сбавил.

— Из-за твоего-то брюха цену сбавлять? Да ты в своем ли уме, Петрован? У тебя живот, что хорошая мельница — чего ни напихаешь, все смелет.

Снова раздался хохот.

— Да, на живот не жалуюсь, — улынулся Петрован. — Если, к примеру, с маслицем, то и зубьями от бороны могу закусить.

Массивная фигура Петрована казалась грубо слепленной из глины. Ноги у него толщиной с полуведерный самовар, мускулы на руках горбятся под одеждой, а шея будто намертво приделана — чтобы

посмотреть в сторону, он поворачивается всем туловищем.

— Ты вот что, Петрован,— ввязался в разговор Денис, надеясь отвести пересуды от Власия,— поведал бы ты нам лучше, как тебя угораздило целых полпу-да сухого гороха слопать.

Про этот случай, видимо, многие знали, потому что в толпе снова захохотали. Но тут Петрован осерчал.

— Горохом-то попрекаешь, а вот когда оклупень¹ на избу укладывал, небось меня на подмогу позвал.

— Крепко врезал! — одобрили в толпе замечание Петрована.— Ничего, сдача подходящая!

А Петрован еще добавил:

— Не обо мне разговор. Да что тут толковать! Другой насолил, а на тебя сваливают. Когда так, то и мышонок обороняться будет.

Конечно, Петрован менее всего походил на беззащитного мышонка, но люди поняли его слова правильно: Власий Сирвойтов — кровосос, а тот, кто держит его сторону, не лучше. И недовольство Сирвойтовым заявило о себе с новой силой. Он и залежалый товар продает за полную цену, он и луга-пашни за бесценок скупает у мужиков, попавших в беду. Да мало ли что вызывало ропот!

Именно теперь, в присутствии постороннего человека, хотелось людям высказать все, что накопилось у них против местного мироеда. Кому же еще пожалуешься? До бога высоко, до царя далеко, а в волостной управе у Сирвойтова все сватья да кумовья. Есть еще урядник, длинноусый, с кривой саблей, господин Белоштык. Но ведь ему самим законом положено служить верой и правдой богатеям, а не тем, кто ропщет на богатых.

Бикмедов, угождая охотникам, сначала поддакивал, но потом постепенно умолк, и вскоре деланная улыбка сошла с его лица. А когда внезапно поднялся дотоле незаметно сидевший Микола Безрукий и стал уже безо всякого стеснения проклинять Власия Сирвойтова, тут Гафар Макарович порядком струсил и

¹ О к л у п е н ь — бревно, укладываемое по коньку крыши, поверх тесин.

даже усомнился: а не слишком ли добреньким выказал он себя, не зря ли подлил масла в огонь?

— Вы только поглядите, люди добрые, до чего довел меня ненасытный этот Власий! — пьяным голосом кричал Микола. — На него работая, потерял я правую руку, по его милости надел на себя нищенскую суму. Что мне оставалось делать? Пить, глушить свое горе вином горьким, выпрошенным Христа ради...

Микола стоял в своем старом коротеньком зипуне и холщовых, залатанных штанах, обратив к людям одутловатое, землистого цвета болезненное лицо, над которым лохматились серые, как зола, волосы. Он смешно вскидывал обрубком правой руки, а левой тряс свою пустую суму, откуда, видимо, только что извлек собранные куски и уже успел обменять их на рюмку вина.

Потерял руку Микола еще в молодости, когда ставил Сирвойтову сруб. Вскоре он запил и продал Власию свое хозяйство и скотину. Теперь Безрукого знали по всей округе как горького пьяницу, обзывали его именем всякого, кто был пристрастен к водке.

— Не боюсь я! Никого не боюсь! — кричал нищий. — Пусть в тюрьму посадят, пусть сгнию там заживо, все одно ненасытному кровопийце Сирвойтову на всю жизнь поперек глотки застряну!

Стоявшие возле Миколы мужики стали его утешать, чтобы не горланил зря; сколько раз уже они слышали эти пустые угрозы Безрукого, всерьез их давно никто не принимал.

«Нет, это все баловство, — думал Бикмедов, глядя на разошедшегося пьяницу. — Настоящая сила — это Сирвойтов, Белоштык и им подобные. А с другой стороны — вон тот лысый старик, охотник Степан Ошлапов да тот молодой, здоровый мужик, что помогает людям оклупень поднимать...»

Он оглядел всех троих. Но Куимов больше не вмешивался в разговор. Степан? Что ж Степан! Его еще, видно, крепко держал в руках Сирвойтов. Петрован тоже замолчал — высказал обиду и умолк, его ропот тоже ничем не грозил.

«А что думают такие, как Алексей Расов? — размышлял купец. — Они на чьей стороне?»

Глазки у Бикмедова снова сузились, и его взгляд, острый, как буравчик, впился в хозяина дома.

Алексей Петрович так и не присел на бревна и казался всех выше и сильнее. Широкоплечий, чуть сутулый, он стоял сбоку и слегка шевелил толстыми пальцами.

На его редкобородом, загорелом лице ходили желваки, словно он скрипел зубами. Но выражал ли он этим осуждение Миколу или одобрял его, понять было трудно. В конце концов Гафар Макарович сделал вывод, угодный для себя:

«Видно, Алексей нищего порицает, но и на купца Сирвойтова зуб имеет, сам хочет стать богатым. А вот станет ли? Как говорят русские: «Горбом жить — добра не нажить». Нет, такой, пожалуй, станет».

Большого Бикмедов и не хотел знать. Ему было ясно, что в этом глухом краю такие, как Алексей Расов, тоже набирают силу.

«Зря я оробел, — решил он. — Ерунды напугался. Раз Власия ругают, мне веселее. Его топят — мне на поверхности просторнее».

Он снова заулыбался и громко объявил:

— Товару много привез. Выбор большой. Заходи — посмотреть будем! Все заходи!

Степан поднялся и вопросительно посмотрел на Бикмедова: мол, зачем звал-то? Купец немного отстал от людей, поваливших в избу.

— Дело к тебе есть, — похлопал он Степана по плечу. — Ругать тебя буду. Зачем неладно живешь? Зачем старшего сына батрачить отдал? Промышлять надо. Зверя, птицу бить надо.

Для Степана этот разговор был неожиданностью, но именно потому он и тронул его сердце.

— Правду говоришь, Гафар Макарович, — почесал затылок Степан. — Нескладно получилось, сам вижу. А покуда навоз не вывезут, не выйдет Михаилу срок.

— Ай-ай-ай! К тому времени что в лесу останется? Ни зверя, ни птицы. Все выловят.

— Что поделаешь, Гафар Макарович, — оправдывался Степан. — Время трудное было. Сам знаешь, хлеб в прошлом году плохо уродился. Да и землицы у меня — вороне сесть некуда. Вот и поприжало. Пришлось Михаила за хлеб отдать...

— Нехорошо, ой, как плохо!

Все в Бикмедове выражало сейчас искреннее сожаление, будто он на самом деле хотел помочь Степану, как близкому человеку.

— Твой сын — мои деньги, — неожиданно предложил он. — Отдай деньги Власию Спиридоновичу, выручай сына. С тобой сойдемся, пушниной уплатишь.

— На деньги он согласия не даст, — безнадежно махнул рукой Степан. — Спиридонычу работу подавай.

— Работу? — на миг закрыл глазки Бикмедов. — Верно! А зачем у тебя второй сын? Ой, хороший сын! Отдай его тоже Спиридонычу. Два сына — две работы. До покрова управятся. Потом сыновей в дальние уголья, сам из дому лесовать будешь. Много белки соберешь, много зверя наловишь. Большую цену дам, богатым будешь.

Степан задумался.

— Что ж, — на такое дело Власий, пожалуй, согласится. И когда Бикмедов направился к крыльцу, про себя добавил: — Чудеса да и только! Как же это я сам не смекнул?

И Степан тоже пошел в избу Расова — поглядеть новый товар.

3

Илья считал себя уже взрослым и в праздничный день стеснялся показываться на люди босиком. После ухода отца он так и остался на взвозе — перегнулся через перила и принялся насвистывать знакомую кадрили. Замысловатые коленца получались легко и казались Илье очень красивыми. А все красивое воодушевляет человека, рождает в нем чувство радости, зовет к жизни...

Илья насвистывал и улыбался, мечтая о том, что важнее всего на свете в глазах любого деревенского парня, — о справной одежде и звучной гармошке. Ему бы и то и другое — тогда уж от девок отбоя не будет, тут и толковать не о чем!.. И надеяться он ни на кого не станет, сам, своим трудом да сноровкой, все наживет. Наловит за осень побольше белок, горностаев, куниц и лисиц, а может, даже и медведя пришибет. Продадут потом шкурки — глядишь, деньжонки себе-

ругся, отец тогда и скажет: «Ну, сынок, поохотился ты на славу, теперь можно и потратиться на тебя. Помнишь, на взвозе сидели, обещал я тебе...»

В воображении Ильи рисовались картины, какие раньше и присниться ему не могли. Вот он, младший сын Степана Ошлапова, тот самый, что еще в прошлом году стеснялся на посиделках выйти из-под полатей, теперь идет по селу, окруженный ватагой парней, и наяривает на гармошке. Не доходя до избы, где обычно собирается молодежь, Илья перестает играть, передвигает гармошку за спину, вместе с товарищами решительно поднимается на крыльцо и отворяет дверь. С ними в помещение врывается холодный воздух и, прежде чем исчезнуть, кружится клубами по комнате. С приходом парней девушки обрывают свою нескончаемую песню о милом-ненаглядном. Они прядут расчесанную кудель. Теперь только и слышно пение веретен да шуршание пряжи у тех, у кого кудель поглубже, — словно коровы траву щиплют.

Краешком глаза Илья обводит ряды девушек и находит свою подругу, сидящую за прялкой, сделанной им самим.

— Ты бы, Илья, ногам своим отдых дал, — говорят ему девушки.

А он им в ответ:

— Я ведь на паре подкатил, вот и не устал.

— Коли так, поиграй нам, Илья, — не унимаются девушки, — а мы подтянем тебе, губы разомнем.

— Поиграть? Это можно, сделаем такое одолжение, — соглашается Илья и норовит расположиться под полатами.

Но сидящие там девушки хоть и с сожалением, а указывают ему на красный угол:

— Там, Илья, посветлее будет, да и кудель тут у нас всюду набросана — к одежде пристанет.

А из-под образов уже зазывают:

— Сюда, Илья, сюда!

Прялки раздвигают, и Илья усаживается рядышком со своей подругой, ухитрившись незаметно ущипнуть ее: здравствуй, мол, дорогая! И уж только теперь замечает он, что в избе жарко, тесно, а дым от лучины ест глаза. Но разве это помеха для гармониста!

А еще радостнее и привольнее весной, когда все на свете оживает... Вот девушки уже отужинали, сменили сарафаны и выглядывают на улицу: не слышать ли там серебряных ладов Ильи? А Илья шагает себе по дороге, переборы его гармошки разносятся по селу, и на этот привычный зов, словно бабочки в засуху на влажный песок, собираются девушки.

Ой ты, милый, миленький,
Сушишь сердце девичье...—¹

выводят под гармошку девичьи голоса.

Молодежь все прибывает, песня, того гляди, заглушит его переборы. Но Илья еще шире разводит мехи, еще увереннее перебирает лады, и вот уже ноги сами несут его, и ему кажется, что он и есть душа этого радостного, чудесного вечера...

За горизонтом, где-то совсем близко,— кажется, рукой подать,— ненадолго прячется солнце, чтобы вздремнуть самую малость и снова показаться. На землю выпадает роса, и на ласковой, слегка влажной траве-мураве отдыхает умолкнувшая гармонь...

Ой вы, весенние розовые зори, полыхающие светом! Ой вы, кукушки и соловьи, радующие слух своими голосами!.. Ох, обманет вас короткая северная ноченька, так и останетесь без сна!..

Илья все еще стоял, прислонившись к перилам взвоза, и, увлеченный мечтами, продолжал насвистывать знакомую кадрили, не чувствуя, что в этот самый момент жизнь смотрела на него злыми глазами старшего брата.

— Ну и черт с ним, если даже отозваться не хочет! — выругался про себя Михаил.

Согнувшись под тяжестью большой охапки свежескошенной травы, с косою-горбушей в руке, он, видимо, уже давно стоял посреди дороги, по которой гоняли скот, и с обидой глядел на Илью.

— Ему-то что, — бормотал себе под нос Михаил, — он на чужих спину не гнул. Отец с матерью его все

¹ Перевод стихов в романе М. Светловой.

еще за дите малое держат. А вот меня, это самое, за человека не считают. Ну и пусть!.. Когда-нибудь спохватятся, да поздно будет. Тогда уж кайся не кайся, а былого не воротишь...

Он дернулся, чтобы подправить ношу, и хотел было уже двинуться своей дорогой, как вдруг заметил стоявшую возле житницы приемную дочь Сирвойтовых Веру. От нее, как видно, не укрылось все происшедшее — и что Михаил окликнул Илью и что тот даже не отозвался.

— Ты уж иди, Михаил, иди,— негромко сказала она.— А то тетка Фекла и так чуть не побила меня по твоей милости. «На час, говорит, пошлешь вас, а потом до ночи не дожدهшься». На пашне где-то изгородь развалилась, так вот туда тебя налаживают...

Михаил скверно выругался. Он, правда, думал, что выразился про себя, а вышло громко, даже Илья услышал и наконец-то посмотрел в его сторону.

— Это что ж такое? — продолжал Михаил.— Нет, пусть уж Власий сам сходит! У меня ведь, это самое, тоже сегодня праздник.

В семье Ошлаповых ругаться не полагалось, и теперь Михаил с недоверием посмотрел на младшего брата — как бы он, чего доброго, не рассказал отцу про это невольное сквернословие. А Илья, очнувшийся от своих мечтаний, уже подходил к изгороди, отделявшей двор от дороги.

— На какой же это пашне ограда развалилась? — с деланным беспокойством осведомился у Веры Михаил, но, взглянув на приближающегося Илью, досадливо сплюнул и пошел дальше, не дождавшись ответа.

— Что это с нашим Мишкой? — кивнул Илья вслед брату.

Вера подошла к изгороди с другой стороны. Это была круглолицая, невысокая, но стройная девушка с длинной русой косой. Светло-синие глаза мягко оттеняли ее загар. На ней было кубовое платье, доставшееся от покойной матери. В руках она теребила уздечки.

— Обидно ему, гоняют как собаку,— объяснила она.— Вот и ты ему ответить не соизволил. Он ведь чего-то допытывался, выпрашивал.

— Кого?

— Тебя, конечно. Кого же еще!

Илья почувствовал, что лицо его вспыхнуло и некуда стало девать руки. Вера заметила его смущение и тоже покраснела.

— Разбогател, видно,— упрекнула она,— либо крепко задумался о чем-то. Этак можно и самого себя забыть.

— Да, можно...— Рукам Ильи наконец-то нашлось применение, он стал старательно сдирать с еловых жердей оставшуюся кое-где кору.— А ты чего с уздечками ходишь?

— Да вот лошадей в телячий загон свела.

— В телячий загон? — удивился Илья.— Откуда здесь у Власия загон?

— А я и не говорю, что здесь. Твоего брата искала, заодно и свела.

Рукам Веры тоже нашлось занятие, она зажала уздечки под мышкой и принялась старательно тереть перекинутую на грудь косу.

Илья представил себя со стороны — как он с отсутствующим взглядом насвистывает кадрили, находясь где-то в воображаемом мире.

— И долго ты на меня смотрела тайком-то?

— Почему же тайком? — будто удивилась Вера.— А по правде сказать, долго. Еще подумала: «Видать, зазнобу завел и о ней печалится». Не отпирайся, Илья, не отпирайся, ведь о ней тосковал?

Илья перестал колупать кору и как-то по-особенному глянул на Веру.

— Таких подруг, как ты, немало найдется,— сказал он в шутку.

— Какая же из меня подруга? Ни кола, ни двора, ни хлеба, ни овечки... Даже тестя и тещи не будет у тебя. Ни рюмочки вина, ни горячего блина...

— Ловко обженила! — рассмеялся Илья.— А коли тесть и теща к слову пришли, куда же Власия Спиридоновича с супругой денешь? — сорвалось у него с языка.— Дошли до меня слухи, будто тетка Фекла говорила, что содержит она тебя как родную дочь.

Теперь Вера и впрямь удивилась, даже перестала тереть косу. Да, ее мать приходилась жене Власия

двоюродной сестрой, и когда Вера осиротела, Фекла взяла ее семилетней девочкой к себе. Уже одиннадцать лет прожила Вера у Сирвойтовых, но что-то ни разу еще не почувствовала себя купеческой дочкой. Разве так относилась тетка Фекла к своим дочерям? Вон ее Сандра ровесница с Верой, и росли они вместе, а разве пришлось ей в семь лет пасти, в девять убирать сено наравне со взрослыми, а с двенадцати ходить за скотом? Сандра еще ни одного мотка ниток не напярала, ни одного аршина холста не наткала, она училась, пока Вера работала. На Вере холщовое платье, оставшееся от матери, а Сандра в шелках ходит. Вера и в праздники не знает отдыха, а Сандре все лето праздник. Приедет на каникулы из города — щепки не перевернет, все романы читает да от скуки кружева вяжет.

Вера так и осталась бедной сиротой, а Сандра в барыни вышла. Да и маленькая Устя тоже бездельницей растет.

Замечание Ильи обидело Веру до слез, но она не любила жаловаться на судьбу.

— Вот видишь, какая у меня хорошая родня, — только и сказала она. — Ты и это прими в расчет.

Илья, конечно, знал из бабьих пересудов, что тетка Фекла относится к Вере хуже, чем к батрачке. Но ответил он в том же тоне:

— Да, уж придется намотать на ус...

Постояли молча. Слова не шли с языка, да и не знали они, о чем говорить. А расставаться никак не хотелось. Отчего же это так, отчего? Но вот Вера вспомнила про Бикмедова:

— А я и забыла! Говорят, купец-татарин приехал. Не ходил еще?

Илья невольно посмотрел на свои босые ноги.

— Глазами покупать никогда не поздно.

— Говорят, добра там всякого, чего только нет! — добавила Вера. — И золотые колечки, и шелковые ленты...

— Ну да! — почему-то удивился Илья и вдруг почувствовал, как учащенно забилося у него сердце, как трудно стало дышать, словно он долго и быстро бежал. — Много привез, значит? — будто невзначай

осведомился он и снова принялся колупать кору на жерди.— И что же, всяких цветов?

— Ты про ленты? Сказывают, всяких...

Вера старалась не смотреть на Илью, но и без того понимала: в самом деле он кого-то полюбил и хочет купить своей милой подарок. Но кто же она, эта счастливица, чьи руки будут гладить его волосы? И зачем он такой красивый, такой ласковый? Почему не как все парни?..

— Коли так,— мельком взглянул на нее Илья,— скажи, Вера, какого цвета лента краше?

Вера вспыхнула и от этого смутилась еще больше.

— Я ведь не знаю, Илья...

Илья тоже старался не смотреть на Веру. От волнения у него даже голос переменялся.

— А ежели алую взять?

— Алую? Она и есть краше всех...— Вера бросила боязливый взгляд в сторону улицы, будто испугалась вдруг постороннего глаза. А там действительно мелькнула чья-то фигура, показавшаяся ей знакомой.— Ой, мне ведь давно пора! — И, словно через силу оттолкнувшись от изгороди, она скрылась за амбаром.

Но Илья теперь уже знал, что алая лента — всех краше!

В нем пробудилась внезапно неведомая буйная сила, которую необходимо было разом израсходовать тут же, немедленно. Его взгляд упал на большой серый камень, лежавший возле взвоза. Никто не знал, откуда и когда появился здесь этот камень. Илье вдруг захотелось сдвинуть его с места. Он засучил рукава, поплевал на ладони и нагнулся. До предела напряглись мускулы, загорелое лицо стало бурым от натуги, а камень будто пустил в землю глубокие корни — никак не двигался с места. Пришлось стать поудобнее и еще крепче ухватиться, еще сильнее потянуть на себя. Под камнем что-то стало похрустывать, будто и в самом деле трещали корни:

— Давай, давай! — неожиданно раздался рядом ядреный мужской голос.— Коли поясница еще не болит, то уж непременно заболит, когда подымешь.

Илья быстро выпрямился и даже вздрогнул. По двору прямо на него, выпятив грудь, шел сам Власий

Спиридонович. Высокий и крепкий, еще не успевший растолстеть, он шагал широко и уверенно.

— Думаешь осилить? Кишка тонка! В моей молодости не чета тебе были парни, и то редко кому удавалось приподнять этот камень.

Илья не знал, как быть и что сказать. Надо же такому случиться — Власию на глаза угодить! Как и все сельчане, он робел перед богачом.

— А ты не отступайся! — вдруг заявил Власий. — Каждый человек должен знать свою силу. Знать и уметь ею пользоваться.

В этих словах и в самом тоне, каким они были сказаны, Илья уловил доброжелательность. Но за камень больше не взялся.

— А ну-ка, я попробую! — Купец бросил на землю картуз, затем скинул сюртук и повесил его на перила взвоза. — Как полагаешь, подыму или нет? А?

Илья осмелел:

— Думаю, подымешь. Ты ведь вон какой крепкий! Власий взглянул на Илью.

— Верно говоришь! — охотно согласился он и, становясь поудобнее, добавил: — Мне без силы нельзя. Понимаешь? Мне никак слабым нельзя быть.

Едва он ухватился за камень и поднатужился, как что-то на нем с треском распоролось. На волосатых запястьях набухли вены, глаза налились кровью, и все его квадратное лицо словно слилось с рыжей бородой.

Илья невольно тоже напрягся, и будто именно от его усилий камень неохотно подался вверх. Вот он уже отделился от земли, из-под него осыпался комьями дерн, и только после этого увесистая глыба тяжело рухнула на место, тряхнув почву под ногами.

— Тьфу! — Власий вытер с лица пот. — Ну и дурак я, балуюсь, как мальчишка. Кто же моей силы не знает!

И в самом деле — кто же не знает силы Власия Спиридоновича! Той именно силы, что он сам имеет в виду, подчиняющей всех, всем диктующей его волю.

Но так ли это? Вот приехал в село, в его село, купец-татарин, который тоже считает себя сильным. И не только считает, но и подкапывается под Власия,

хочет отнять у него барыши. Говорят, весь народ повалил туда, все охотники толкуются возле татарины.

От этих дум Сирвойтов переменялся в лице.

— Пожалуй, тебе свою силу и незачем знать, — уже надевая сюртук, сухо сказал он.

У Ильи даже глаза расширились от недоумения. Почему же незачем? Но ведь сказано-то самим Вла-сием Спиридоновичем, как тут возразишь!

— Отец-то дома? — еще строже спросил купец.

Он ведь пришел сюда не затем, чтобы баловаться тут с парнями. Со Степаном потолковать пришел. Как ни говори, а с такими охотниками, как Степан, нельзя не считаться, особенно теперь, когда Бикмедов их к себе приманивает.

Илье не хотелось говорить, куда и зачем ушел отец, поэтому он ответил неопределенно:

— Был дома, а сейчас не знаю.

Власий решительно направился к крыльцу.

— Скажи отцу, чтобы вышел ко мне.

Степан Матвеевич Ошлапов поставил свою пяти-стенку всего несколько лет назад. Низко нависшая крыша, четыре оконца на улицу. Пятое, как одино-кий глаз, смотрело в сторону крыльца. Наличники так и не удалось покрыть белилами, и оттого изба вовсе не имела вида.

Власий присел на протянувшуюся вдоль стены скамью из крепкой плахи и окинул хозяйство Степана Ошлапова оценивающим взглядом.

Крыльцо покоилось прямо на земле, но было укрыто под небольшим навесом. За столбами крыльца, там, где начинался сарай, у стены стояли березовые кряжи — на лучину. Рядом висели дуга и оглобли от деревянной бороны, тоже похожие на дугу, но только с длинными концами. Еще дальше, под навесом, хранились дровни, дедовская соха и заготовки для новых саней. Поодаль от навеса одиноко торчала задранны-ми в небо оглоблями двуколка.

Илья вошел в дом, а на крыльце появился пес Степана Лыско. При виде чужого шерсть на нем взды-билась. Собака приблизилась к Власию и стала обню-хивать его.

Сирвойтов привык оценивать каждую собаку по тому, сколько ее хозяин приносил к нему в лавку пушнины. Вот почему он даже погладил Лыско по бурой шерсти.

Лыско действительно отличался острым нюхом и трудолюбием. Такую собаку Степан выискивал много лет. Сколько тогда щенят прошло через его руки! Иным он даже и в пасть не заглядывал, сразу отбрасывал в сторону.

«Дубиной будет,— оценивал он про себя.— Сердце еле колотится».

Но когда пальцы опытного охотника нащупывали силу маленького сердца по дробному, настойчивому стуку, Степан весь напрягался, открывал щенку пасть и начинал считать рубцы на деснах. Чем меньше было извилин, чем чаще они обрывались, тем дольше и внимательнее рассматривал он щенка. Сначала изучит задние лапы, достаточно ли они согнуты, а следовательно, быстро ли собака будет бегать, длинные ли когти и есть ли мизинцы — в заморозки они только мешают. Потом осмотрит голову, короткий или длинный нос, что важнее всего у собаки — ведь у коротконосой нюх плохой. Если уши короткие,—значит, собака будет ленивая; если усы направлены вперед, собака будет сердитая, строгая, тоже надо учесть. Затем, бывало, сгребет рукой кожу на затылке и поднимет щенка над полом. Если щенок не проявит никакого беспокойства, такого тоже отбросит в сторону.

С теми щенками, у которых уже прорезались глаза, Степан проделывал еще один опыт. Он надевал шубу наизнанку, становился на четвереньки и, подобно медведю, бросался на щенка. Хороший щенок от такого зверя не спрячется под лавку, а будет лаять.

Именно так лаял маленький Лыско на своего будущего хозяина, когда Степан Матвеевич приглядел его себе. Больше того — у Лыско было две пары глаз. Да, да! Над обычными глазами опытный человек мог различить еще скрытые, которыми собака, по мнению бывалых охотников, может видеть леших и всякую нечистую силу.

Лыско стоял сейчас перед Власием, не очень-то доверяя ему, хотя купец тянулся погладить его.

Смешно да и только! Власий Спиридонович Сирвойтов ласкает собаку Степана! Не увидел бы кто, а то еще посмешищем станешь... Власий быстро сунул руку в карман и хотел было прогнать от себя Лыско, но удержался. Нет, так нельзя, придется потерпеть, не то Бикмедов всех охотников оболванит...

Лыско обернулся в сторону двери и вильнул хвостом. Уши у него прижались к полосатой голове.

— Нету отца дома, Власий Спиридонович,— показавшись в дверях Илья,— куда-то на село ушел.

Власий встал и строго посмотрел на Илью. Парню стало не по себе.

— Сходи отыщи его,— сухо сказал Власий,— да передай, что я был, мол, своими ногами к нему дорожку мерил...

Он хотел было еще что-то сказать, но круто повернулся и едва не налетел на Лыско. Пес понял это по-своему и сердито зарычал на купца. Власий остановился, прикинул, чем бы ударить собаку, но ничего подходящего не нашел и со всего маху пнул ее ногой. Двор огласился неистовым собачьим визгом. В открытом окне показалось испуганное лицо Марфы. Волосы у нее были распущены — она, видимо, в этот момент расчесывала их. Растерянный Илья замер на месте.

А Власий Спиридонович уже шагал по улице, и полы его сюртука хлестали по голенищам лакированных сапог.

4

Село Важгорт протянулось длинной цепочкой по вершине пологого косогора, обращенного на юг. Внизу величаво несла свои воды судоходная река, дугообразная пойма которой плавно огибала косогор. Тому, кто смотрел на село с противоположного берега, дома казались нанизанными на одну нитку бусами, окаймляющими поля, что раскинулись по склону. Бусинки были разные: одни мелкие и серенькие, другие покрупнее и посветлее, третьи еще крупнее, крашеные — белые и желтые, а посредине сверкала самая большая

бусина — церковь с куполом и колокольной. По обеим сторонам от нее расположилось и большинство крашенных домов — избы Сирвойтова, попа, старосты, волостная управа и казенка.

Что касается истории села, то едва ли можно установить, когда на месте нынешнего Важгорта появились первые поселенцы. Но было два свидетельства, на основании которых учитель местной земской школы Николай Иванович Степанов пришел к заключению, что люди жили тут на протяжении многих веков. Одно из этих свидетельств — висевший в здешней церкви старинный образ с надписью, выведенной буквами алфавита коми времен Стефана Пермского¹. А другое — деревянный идол, несколько лет назад случайно вытащенный сетями из омута Куль.

Николай Иванович рассуждал так. В незапамятные времена народ коми поклонялся своим языческим богам, но в четырнадцатом веке принял христианство. Между сторонниками старой и новой веры вспыхнула борьба. Старых богов предавали огню или топили в омутах. Тогда же Стефан Пермский составил алфавит коми. Но им пользовались недолго, и надписи тех времен сохранились только на старых иконах. Следовательно, на месте теперешнего Важгорта коми жили еще до введения христианства. А до этого? А до этого — и сам идол не знает...

Что касается истории рода Сирвойтовых, то она хорошо известна в трех поколениях.

Дед Власия гнал смолу. Бывало, наберет смолистых пней, разрубит их на куски и загрузит ими котел. Потом опрокинет котел с чурками на широкую деревянную доску с отверстием, обложит его со всех сторон землей и разведет поверх котла, на его днище, костер. Глядишь, капает уже из отверстия смола. Сколько накапает, столько и денег набежит. Из капель складываются копейки, из копеек — рубли. Продавал смолу он подрядчикам, приезжавшим по воде из Архангельска.

¹ Стефан Пермский (XIV век) — епископ, распространитель христианства среди коми (зырян), создатель местной письменности.

— Сир войт¹ идет! — смеялись тогдашние важгортцы, завидев смологона.

Но известно, что смех, как и стыд, глаза не ест. Отцово дело продолжал и Спиря, отец Власия. Только он уже не в котле и не сам гнал смолу, а в больших печах да наемными руками. Власий еще помнит эти печи. Помнит, как весь их род стали обзывать «сирвойтами» — смологонами. А когда Спиря обзавелся лавкой и открыл торговлю, его уже стали величать Спиридоном Сирвойтовым. Так прозвище превратилось в фамилию.

Покинув двор Ошлаповых, Власий шел по селу, настроенный сердито и решительно. Часто попадавшие ему прохожие здоровались с ним поклоном, но он, убежденный, что все они уже навестили татарина, никому не отвечал. Ему казалось, что сидящие у окон люди, завидев его, только о том и говорят, что татарин обошел его. И ребята, игравшие на дороге в городки, тоже, чудилось ему, были в чем-то виноваты, и он прошел прямо по их владениям. Даже крик галок раздражал его и казался сегодня необычным: «Ага-ага! Не по-твоему нынче?! Ага! Не по тебе?!»

Особенно много галок оказалось около церкви, и когда Власий Спиридонович повернул к дому и зашагал вдоль церковной ограды, ему захотелось бросить в надоедливых птиц камнем.

Имение Власия Сирвойтова — так можно было назвать хозяйство владельца купца села Важгорт — начиналось сразу за церковью. Двухэтажный, обшитый тесом и покрашенный охрой дом смотрел рядами окон прямо на церковь. Вплотную к нему стоял старый одноэтажный дом. Рядом с высоким крыльцом, тоже окрашенным, было прежнее крыльцо, чтобы простой народ не топтал зря новые ступеньки. Под окнами, вдоль стены, росли высаженные года два назад березы, лиственницы и черемуха. По правую руку от дома, окаймляя ровную площадку, тянулись длинные амбары — трехкомнатная лавка и склады Власия.

¹ Сир — смола. Войт — капля.

Немного дальше, уже по правую сторону церкви, крепко сидел на взгорке тоже обшитый тесом, но белый одноэтажный дом — волостное правление. Слева от церкви жили поп с дьячком.

Возле лавки сегодня народа не было. Власий увидел лишь несколько запряженных двуколок и телегу, хозяева которых явно отправились к Бикмедову. Власию не хотелось входить в лавку, но и в дом он не пошел. Что-то надо было придумать — ведь пустой злобой пни не корчуют. Он двинулся на задворки и по ту сторону коровника вышел на косогор, откуда его глазам открылись подернутые дымкой бесконечные лесные дали заречья, а ближе — его, Власия Сирвойтова, нивы и луга.

Пониже огорода зеленело обширное озимое поле, и большая часть этой озими принадлежала ему, Власию Сирвойтову. Еще ниже шли богатые сенокосные угодья, и опять же львиная доля их, если не брать в расчет участки попа, дьякона и казны, была его собственностью. Дальше начинались заливные луга, где сейчас стояло множество больших и малых стогов. И здесь тоже, не считая поповских и казенных, самые крупные стога стояли у Власия. А еще дальше паслись коровы и лошади.

Если спросить, как в сказке: «Чей это там скот?» — то последует ответ: «Ясное дело, купца Сирвойтова!» Ну, и, конечно, казны, а также других уважаемых людей, таких, как мельник Иван, староста Зосима, Денис Певчий.

Раздумьям Власия помешали — из-за угла постройки показалась шишкаястая голова легкого на помине Дениса.

— Ты здесь, сват? — произнес он и осторожно, будто опасаясь вытоптать и без того помятую на задворках траву, на цыпочках подошел к Власию.

— Ну, что там нового? — спросил купец и указал Денису на козлы для пилки дров: садись, мол.

Денис сообщил, что он прямо от Бикмедова.

— Опасный человек татарин. Хитер больно, — добавил он, усевшись на козлы. — Своим прикидывается, шуточками людей вокруг пальца обводит.

— Каков товар? Цены какие?

Денис стал перечислять, что привез Бикмедов и почем торгует.

Власий слушал, хмурился, прохаживаясь перед ним взад-вперед. Руки он заложил за спину и нервно перебирал пальцами.

О том, что народ ругал Власия, Денис, конечно, не посмел ему рассказать и принялся снова корить Бикмедова за коварные повадки. Но сват, судя по всему, не был расположен затягивать разговор. Денис быстро это смекнул и поспешил убраться.

— Захаживай на досуге, сват,— сказал, прощаясь, Власий.— А за новости спасибо.

Слышно было, как под большим навесом для дров Фекла бранила работниц. Власий знал, что уж если жена взялась кого-нибудь пилить, то конца не жди. Чтобы не слушать ее поганных слов, Власий, едва только Денис скрылся за поповской избой, двинулся обратно к дому.

У старого, некрашеного крыльца стояли Степан со старшим сыном. На Михаиле были рабочие сапоги, старый, коротенький пиджак и картуз с поломанным козырьком. Под мышкой он держал топор,— видно, только что вернулся с пашни, куда его посылали чинить изгородь. Рядом с отцом он казался еще более долговязым, хотя и был выше Степана всего на два-три вершка. Таким Михаила делали его узкие плечи и непомерно длинные руки. Да и вообще он пошел в материну родню — нос с горбинкой, волосы жесткие, до глянца черные, глаза казались всегда испуганными.

Увидев Степана с сыном, Власий вспомнил слова Дениса о Бикмедове, о том, что татарин умеет прикинуться своим человеком и завлечь в свои сети любого охотника, поэтому он постарался встретить Степана приветливо.

— Тебя-то мне как раз и надо, Степан,— сказал он, подходя.— Даже дома у тебя был. Младший-то твой уже говорил, наверно?

Степан стал было объяснять, что он завернул сюда, не побывав еще дома. Но Власий Спиридонович поспешно перебил его:

— Понимаю, чего там: новый купец — новый товар... А ты, Михаил, куда ходил с топором-то? Сегодня отдыхать надо.

Таких слов Михаил никак не ожидал от хозяина. От растерянности он несколько раз покачал топором.

— Да вот... это самое... изгородь ходил чинить, там, на пашне Чойберд... Тетка Фекла послала: «Сходи, говорит, почини!» А мне что, куда пошлют... Прясла немного покосились. Ну, я их выправил, укрепил хорошенько — и обратно. Это для меня пустяк, вроде как прогулка...

Степану предстояло начать трудный разговор об освобождении Михаила ко времени охоты, и потому он одобрил его слова:

— Невелик труд на пашню Чойберд сходить. По такому делу еще никто мозолей не натер.

— Да, я своим работником доволен, очень даже доволен, — сказал Власий.

Ему ведь тоже предстоит большой разговор со Степаном Ошлаповым, с лучшим из здешних охотников, так что не лишним будет для начала задобрить его.

— Вот я и говорю, — продолжал он, — такого казака не каждый год доводится держать. А хорошему работнику и цена хороша. Потому, значит, сверх обещанной по уговору платы еще зимнее пальто прибавляю да штаны зимние. Пускай носит на здоровье.

Михаил взглянул на отца: видал-де, какие чудеса на белом свете творятся! Глаза у него заблестели от счастья, а уголки губ едва заметно подрагивали, словно он хотел что-то сказать, но потерял дар речи, и от того лишь забавно шевелились его черные усики.

В этот момент из-за угла послышался голос Феклы:

— Да ты, Михайло, все еще тут торчишь! Сходи-ка живо в дровяник да наколи поленьев, а то велики больно. Никогда ведь ничего как следует не сделают... Дармоеды!

— Схожу, коли так, это самое...

И Михаил направился к навесу, но даже со спины было видно, что он в эту минуту проклиная в душе и купчиху и все ее хозяйство.

А купчиха будто плыла по двору. Одета она была в широченный кашемировый сарафан и в шелковую кофту с оборками. На голове ее красовался кокошник. Нарядилась она так потому, что ходила к попадье — поздравить ее по случаю рождения еще одной дочки.

— Ты, Власий Спиридоныч, долго тут не удержи-
вайся,— бросила она на ходу,— соберу полдничать
сейчас.

Власий словно и не расслышал — и без жены зна-
ет, долго ли ему тут стоять да когда в дом идти.

— Сказывают, татарин вам, охотникам, полны кар-
маны денег посулил и товаров целыми возами? — об-
ратился он к Степану.— Одурачивает он, нехристь, ва-
шего брата. Ему-то что, ему греха нечего бояться.
А вы, точно дети малые, слушаете его разинув рты.
Негоже как-то получается.

Степан не знал, что сказать, и молча стоял, глядя
в землю, как провинившийся.

— Никак он уже сговорился с вами? — продолжал
Власий.— На непойманных-то зверей?

— Не знаю, Власий Спиридоныч, про то не слы-
шал,— несмело начал Степан.— А так — был разговор.
«Не обижу», говорит...

— А конины отведать не предлагал? — рассердил-
ся Власий.— Палкой его надо гнать отсюда! Да и вам
следовало бы умнее быть. Поразмислить прежде, ка-
ков купец — свой человек или пришлый. Свой-то всег-
да помощь окажет, подсобит в случае чего...

— Оно, конечно, всяко бывает,— неопределенно
протянул Степан, а про себя подумал: «То-то тебя все
кровопийцем величают!»

— Папаня! — послышался вдруг сзади женский го-
лос.— Вы же мне еще никогда ни в чем не отказыва-
ли, ведь правда?

Власий сразу подобрел.

— Правду говоришь, Сандра!

— Мне уже скоро в город, а платье я так и не
сшила.

— Сшей, дочка, сшей! Зайди в лавку, набери ма-
терии, какая тебе понравится, да отдай шить.

Сандра, румяная, как свежая булочка, теперь сто-
яла против отца: узенькое в талии шелковое плать-

ице, белые перчатки до локтя, голубая шляпка, туфельки на высоких каблуках.

«Иначе не скажешь — куколка!» — подумал Власий Спиридонович.

Дочку он любил до безрассудства и ничего не жалел для нее. Он часто бывал в городе, заводил знакомства с людьми «из общества» и лелеял мечту через дочку породниться с кем-либо из настоящих тузов. И то время уже не за горами — будущей весной Сандра должна окончить гимназию.

— Вы же знаете, папаня, что в нашей лавке нет такой материи, какая мне нужна.

От Степана не укрылось, что глаза купца неожиданно сверкнули злобой, но Власий сумел тут же ее подавить.

— Ты хочешь сказать, дочка, что надо купить у других. За деньги, значит... Ну ладно, ладно,— быстро перебил он сам себя, заметив, что дочь покраснела, смущенная его скупостью,— потом, в избе, поговорим. Зайдем-ка, Степан, с тобой разговор тоже не кончен. Пошли, пошли...

Сандра пропустила их в дом, а сама, увидав приближающуюся Веру, задержалась на ступеньках.

— Ты еще не была у Бикмедова? — спросила она Веру.

— Нет, Сандра, некогда было.

На левой руке Вера несла охапку дров, а в правой у нее было деревянное ведро из-под пойла для телят.

— У него столько товару, столько товару! Даже шелк и крепдешин.

— Чего? — не поняла Вера.

— Креп-де-шин... Есть такая дорогая материя,— пояснила Сандра и вдруг рассмеялась.— А приказчик — ну, настоящий комедиант!

— Что-то я не понимаю,— призналась Вера.

— Меня или комедианта?

— Обеих вас.

Сандра расхохоталась. Вера почувствовала, что эта молодая барыня потешается над ней, над ее домотканой крашениной, над мозолистыми руками, над ее необразованностью. А ведь когда-то они спали в одной постели и теперь, бывает,—за одним столом едят.

— Приказчик, говорю, такой смешной и шустрый, прямо как на шарнирах! Усики русые, волосы ежиком... А глаза! Ты бы видела его глаза! Так и играют... Ты нарочно сходи посмотри.

Сандра стрекозой вспорхнула на крыльцо и уже хотела было войти в дом, но тут заметила батрачку Федору.

— Сейчас твоих земляков видела! — крикнула ей Сандра.

— Моих земляков? — у Федоры радостно блеснули глаза. — Кто ж такие? Где они?

— Как это «кто»? — удивилась Сандра. — Бикмедов и его приказчик. Разве не слыхала?

— А-а-а... — разочарованно протянула Федора. — Об этих слыхала. Так ведь они с землячками вроде меня и разговаривать не станут.

— Ты думаешь? Да, возможно...

И Сандра, круто повернувшись на каблучках, вошла в дом.

Еще весной у Федоры было настоящее татарское имя, красивое и звучное — Файруза. Так ее звали и мать, и молодой муж, и соседи. С этим именем она ушла из родного селения, опаленного неистовым зноем.

Когда она нанималась к Сирвойтовым, купчиха быстро оценила внешность татарки. У Файрузы были крепкие икры, крупные руки, широкие плечи и добрые глаза. А Фекле такая и требовалась. Но она поставила условие:

— Нам работниц с некрещеными именами не нужно. Хочешь, мы тебя будем звать Федора? У нас уже жила одна, тоже так звали.

Файруза тогда еще плохо понимала язык коми и больше кивала головой либо произносила одно и то же усвоенное ею выражение:

— И то латно... И то латно...

— Сынишку твоего тоже наречем по-православному, — диктовала Фекла. — Пусть будет Федором. Коротко и красиво: Федорин Федор. А? Еще когда-нибудь спасибо мне за это скажешь.

— И то латно... И то латно... — по-вдовьи смиренно кивала головой Федора.

Тут хочешь не хочешь — на все согласишься. Оказалась она одна-одинешенька, далеко на чужбине. Мать умерла как раз перед тем, как отправиться им в дальний путь. Муж умер уже в дороге. Остался двухлетний сынишка, ради которого она готова была пожертвовать всем на свете.

Федора взяла у Веры ведро.

— Наша барышня скоро в город? — спросила она.

— Да, Федора, — задумчиво сказала Вера и, взглянув на батрачку по-родственному тепло, принялась рассказывать ей, что маленький Федор только что занозил ногу и никому не дает вынуть занозу.

Испуганная мать поставила ведро и бросилась искать сына. А Вера медленно, словно ноги не слушались ее, стала подниматься по ступенькам старого крыльца. Ей вдруг почему-то очень захотелось поплакать.

5

После того как Власий ушел, Лыско еще долго жаловался Илье: то поскулит, то сбегает на дорогу и полагает в ту сторону, куда ушел злой человек, а потом снова вернется во двор.

Илья, как мог, успокаивал собаку:

— Не надо было ему под ноги попадаться. Тебе бы посторониться немного. Он ведь, знаешь, какой! Пнет — не заметит, даст щелчка — не спросит... Видишь, вон к тебе твой Катшыс бежит, он тебя лучше поймет.

Катшыс, молодой широкогрудый кобель в черных подпалинах, сохранил еще щенячьи повадки. Сегодня он с самого утра гонялся вместе с мальчишками за белками.

«Что тут случилось? — сразу насторожился Катшыс и, подбежав к Лыско, деловито обнюхал его. — Тебя кто-то обидел? Ты на кого-то сердит? Кто такой? Подать мне его сюда! Я ему всю шерсть выдеру!»

Катшыс был не по возрасту силен и зубаст. А у собак закон такой: кто посильнее да позубастее, тот и верховодит всеми.

Лыско еще не успел пожаловаться, а Катшыс уже рванулся на дорогу, и было слышно, как он там сразу накинудся на первую попавшуюся собаку. Тогда Лыско поспешил ему на помощь.

— Ну и чудилы! — покачал головой Илья и вошел в дом.

Изба Ошлаповых внутри ничем не отличалась от соседских. Из сеней сначала попадаешь под полати. Добрую половину этой части избы занимает большая русская печь, сбита из глины. По бокам, вымазанным белой глиной, припечки, где обычно сушатся портянки и рукавицы. Тут же висит рабочая одежда. В переднем углу, под божницей, стоит стол. Над окнами длинные полки, где хранится всякая нужная по хозяйству мелочь, что всегда должна быть под рукой.

Марфа уже успела причесаться и теперь хлопотала у печи. Увидев Илью, она выпрямилась.

— Отец-то где? Полдничать давно пора.

— На него сегодня спрос,—остановился Илья в дверях, ведущих в другую комнату.—Видала, как обхаживают? Татарин наказал к нему прийти, а Власий — тот даже сам пожаловал. Так и велел передать: своими, мол, ногами дорогу мерил...

— Скажи, какую милость оказал! Из золота у него ноги, что ли?— ворчала Марфа, но в душе была довольна: не всегда же бедняку кланяться, пусть и богачи немного потревожат себя.

Утренний наряд, в котором Марфа ходила в церковь, уже был заменен на домотканую холстину. Не по росту узкие плечи облежала старая, сшитая в талию кофта. Черные гляцевитые волосы были закручены узлом на затылке. Она и в молодости не отличалась красотой, а бедность, частые роды и болезни детей — из девятерых выжили только двое — не сделали ее краше.

Илья вышел из соседней комнаты, сел в переднем углу и взялся было за рыболовную сеть, которую они с отцом вязали вместе, с разных концов. Но уже че-

рез несколько минут он оставил это занятие. Илья решил почистить пищали, но вычистил только одну и тоже бросил. Так он брался то за одно, то за другое дело, но все у него не клеилось.

«Что это с ним сегодня?» — подумала Марфа, однако ничего сыну не сказала.

Да Илья и сам не мог бы толком объяснить, что с ним происходит. Он только чувствовал, как непривычно ноет у него сердце, будто кто-то его ласкает, но жесткими руками.

Отец пришел уже под вечер. Он молча разделся и залез на печь отдохнуть.

— Что ж про товары не расскажешь, Степан? — зажигая лучину, спросила Марфа.

Степан вроде что-то ответил, но она не расслышала, а переспросить не посмела. Не слепая, видит, что муж не в духе.

Илья тоже не стал тревожить отца и вместо расспросов снова взялся за сеть.

— Да что это с вами с обоими стряслось? — не выдержала наконец Марфа. — Целый день не евши, а с ужином не торопите.

Она постелила на стол белую скатерть, принесла хлеб и ложки.

— Степан, а Степан! Мы с Ильей ужинать садимся. Спустишь-ка, не то отстанешь!

И по тому, как Степан нехотя слез с печи, как молча нарезал хлеб, можно было заключить, что его, а значит и всю семью, постигло какое-то горе.

Ели скучно. У Ошлаповых в доме такая безмолвная трапеза случалась лишь в голодуху, когда, как говорится, нечего держать в левой руке, либо уж если пропадала лошадь или корова. Но в подобных случаях о напасти знали все, и от этого было легче. Теперь же о беде знал только хозяин. Знал и не говорил.

Вот он кашлянул, повернулся к светцу и поменял лучину, хотя старая еще не догорела.

— Был у Власия, — начал Степан, — сговорился отдать ему Илью тоже. Вдвоем с Михаилом они быстрее зарок отработают. До охоты надо освободиться от этого дьявола. К покрову оба дома будут.

Все трое положили ложки и почти голодными встали из-за стола.

Убирая посуду, Марфа печально напомнила:

— Ты же собирался до начала охоты пашни прибавить. Да и луг...

— Ладно,— хмуро отозвался Степан,— тебя не спросили!

Марфа понимала, что он сам на себя досадует, и не стала больше ему докучать.

Но потому ли досадовал на себя Степан, что пришлось и Илью в батраки отдать? Это ли печалило его? Если бы только в том было дело, он, как и всегда по вечерам, наверно, сел бы вязать сеть. А тут по-другому вышло. Вместо работы Степан пододвинул светец поближе к столу и тем дал понять жене, что хочет лечь.

Не все рассказал Степан. Горевал он потому, что из-за проклятых богачей пришлось ему покривить душой, изменить своему слову и дать такие обещания, которым противилась его натура. Прожив на земле более пятидесяти лет, Степан не помнил случая, чтобы слово у него расходилось с делом. Сказано — сделано! А сегодня? Сначала он посулил продать свою будущую пушнину Бикмедову. Но потом зашел к Сирвойтову — и все обернулось по-иному.

— Вот что,— сказал ему Власий.— Если хочешь, чтобы твои сыновья у меня только до покрова работали, придется вам троим все, что напромышляете, продать мне. Мы с тобой для памяти кабалу составим и руку к ней приложим. Без того не дам согласия отпустить Михаила к покрову.

Долго чесал голову Степан, все прикидывал, как ему решить. Но пришлось принять условие — другого выхода не было,— в конце концов он приложил большой палец к составленной Власием бумаге, и теперь это обстоятельство не давало ему покоя.

Марфа постелила Степану на полу, а сама отошла к печи мыть посуду. Степан улегся, но долго еще слышал, как жена тайком плачет за печью, жалея сыновей.

Илья тем временем молча обузался на приступочке. В другое время отец обязательно ему сказал бы:

чего, мол, парень, спать не ложишься, завтра ведь разбужу раненько. А тут встал из-за стола и сам предложил:

— Сходил бы, что ли, на посиделки. Вон сапоги, под лавкой...

Жаль было Степану отдавать любимого сына на чужие хлеба, потому-то он так до сих пор и не спросил Илью, хочет ли он в батраки пойти. И только когда Илья уже собрался уходить, Степан заметил:

— Что же ты, сынок, слова не вымолвишь? Я ведь хочу, как лучше...

И тут Илье вдруг стало совестно оттого, что он все это время молчал. Не потому, конечно, молчал, что нечего было сказать. Нет, он-то хорошо понимал, что отец поступил правильно — только так и можно избавить брата от кабалы. Но он не решался открыто сказать об этом по той же причине, по какой не мог сегодня ни сеть вязать, ни ружье чистить. Мешала та самая тревога на сердце, которая овладела им после встречи с Верой. Пойти к Власию в работники — значит ежедневно видеть ее, говорить с ней. И если прямо сказать отцу: я, мол, согласен, — он, конечно же, подумает: «Еще бы не согласен, когда там девки такие пригожие!»

Илья нарочно собирался медленно, не торопясь.

— Вот ведь ты какой! — снова заговорил Степан.

Илья взялся за дверную скобу и глянул на отца.

— Как велишь, так и будет, — отозвался он. — Работы я не боюсь, а Мишку высвободить непременно надо.

И, не ожидая ответа, вышел.

На улице было совсем темно. Остро пахла стареющая трава. Где-то брехали собаки. В нижнем конце села мычала разлученная с телянком корова. Кое-где из окон пробивался слабый свет.

Илья направился в сторону церкви — уж, наверно, парни и девки сейчас там, вьются возле торговли Бикмедова. Вечернее время и без того молодежи принадлежит, а в темноте к тому же и выменять в лавке удобно заветную вещицу, не привлекая посторонних глаз, из-под полы, чтоб не стыдно было. Ведь купец все возьмет: и пеньку, и лен, и щетину, и прошлогод-

ние беличьи шкурки, и опойки, и пудовик овса или жита — все что угодно, лишь бы за полцены посчитать. Конечно, не всем была нужда сторониться людей — у богатых сынков и так деньги водились. Вот и сейчас они уже уплетали калачи, жевали пряники, щелкали орехи и попыхивали папиросками.

Торговали оба — Бикмедов и Баринов. В нос Илье ударили запахи разнообразных товаров. Тонкий запах фабричной мануфактуры пробивался сквозь вонь трески, мята пряников спорила с запахом рогожи, табачный дым смешивался с угаром от коптящих под потолком ламп.

У порога возился с парнями Михаил. Илья протиснулся к прилавку и сразу встретился глазами с Максимом Бариновым.

— Тебе что?

— Мне? — Илья с непривычки даже опешил. — Погоди, пригляжу...

Сам Бикмедов отмерял кому-то ситец. Железный аршин мелькал у него в руках, словно игрушка, а ситец он рвал с таким треском, будто это была сухая кожа.

— Ну что ж, выбирай, — бросил Максим. — Сукно дорогое имеется, шелк, батист, чертова кожа, перстни, бусы, кресты, гребенки. Есть льняное масло, толокно...

Приказчик Бикмедова действительно двигался как на шарнирах, то к одному подскочит, то к другому. Его густые, словно сплошной покров, стриженные ежиком волосы и тонко закрученные усики так и мелькали за прилавком.

В глазах Максима, пожалуй, ничего особенного не было, разве что они быстро меняли выражение: с девушками становились обманчиво ласковыми, с парнями — нахальными.

Покупали с ленцой, многие будто чего-то ждали, но от прилавка не отходили.

— Торопитесь, люди добрые, спешите купить! — приговаривал неугомонный Баринов. — Сегодня, ради почину, цены сбавлены, до завтра кое-что и разберут, не останется... Вот тебе, любушка-голубушка, шелк для вышивания, вот коклюшки — кружева плести, вот ленты разноцветные!..

Илья давно уже приметил эти ленты. Пестрыми кистями они свисали по краю полук. Он даже приглядел себе алую, самую красивую из всех. Но как же купишь ее при всем честном народе? Да и на что купить, когда в кармане ни гроша?

— Охотник? — вдруг спросил у него Баринов. — Можно и в долг. Потом белками заплатишь...

Сердце у Ильи тревожно забилося, он почувствовал, что краснеет.

Бикмедов подошел к приказчику и что-то шепнул ему. Тот метнулся в предпечье и через мгновение появился снова.

— Ну как, прошлогоднюю игру не забыли? — обратился он ко всем, потрясая связкой баранок.

— Давай, давай, веселей будет!

— Бревно тащить? Это можно...

— Ну-ка, посередке, разойдись!

— Баранки даровые, а со лбами ничего не случится...

Баринов сел на прилавок и повесил к нему снаружи связку баранок.

— Начинайте! — командовал он. — Тащить бревна будем поперек настила. За десять плах одна баранка. Только уж так нажимать, чтоб всем слышно было!

Кое-кто пытался поторговаться, рассчитывая на поддержку остальных:

— Одной баранки вроде маловато, братцы. Гляньте, какой пол грязный!

— Да и плахи у дяди Алексея, считай, по десять вершков в ширину.

— Десять не десять, а по восемь наверняка будет.

— Ну уж ладно... Кто посильнее нажмет, тому и прибавить можно. А кто с одного раза кожу со лба сдерет, тому сразу три баранки дам.

Игра больше походила на издевательство. Надо было, колотя лбом об пол, промерить помещение вдоль или поперек, чтобы гремело, будто бревно тащат!

Ясное дело, что тут расчет был на безденежных — баранок-то всем хочется отведать.

— Ну, кто начнет? Чего замешкались! Давай, Михаил, открывай дорогу. Авось твоему лбу ничего не сделается.

— Верно, Мишка, не зевай. Даровыми баранками полакомишься.

Михаила втолкнули в круг. Для виду он отпирался, но, по всему судя, готов был начать игру. Для чего-то он засучил рукава своего старенького пиджака, затем сорвал с головы картуз с давно треснувшим козырьком и, как тряпку, швырнул его на пол.

— Начнем, коли так!

Илья видел, как брат нагнулся. Затем в наступившей тишине послышалось дробное постукивание лба об пол.

— Слабо нажимаешь, слабо!

— И впрямь... Ты не бойся мозги-то растряссти.

— Вот так штука! Ха-ха-ха!

— Молодец, Мишка!

— Так, так! Жми крепче!..

Илье стало стыдно за брата, и он отвернулся к прилавку. Воспользовавшись удобным случаем, девки, то одна, то другая, украдкой что-то покупали. Бикмедов торопливо отпускал им товар.

— Тебе что?— внезапно наклонился он к Илье.

— Ленту мне. Алюю,— шепнул он купцу.— Два аршина. В долг... В другой раз беличьими шкурками расплачусь.

— Имя, фамилия?

Илья назвал себя. И тут же у него в руке оказался маленький бумажный сверточек. Ни одна душа не видела, что он купил, и это было самое главное.

А посреди избы шумели и гоготали парни.

— По очереди, по очереди! Баранок всем хочется!

— Эй, Баринов! Порядок бы надо навести!

— Да замолчите вы, довольно галдеть!

Илья решил немного потолкаться среди парней, только для того, чтобы потом уйти незамеченным.

Теперь бревна тащил кто-то другой, а Михаил стоял в первом ряду и с гордостью уплетал даровые баранки. Вдруг чья-то рука потянула его из круга, он наклонил голову, с кем-то пошептался и вышел из избы.

Илье это показалось странным. Вскоре и он вышел на улицу. Возле избы, на углу, мелькали людские тени. Илья направился было в ту сторону, но тени тотчас исчезли за оградой.

«Ну и пусть себе прячутся, мне-то что», — подумал Илья и еще крепче сжал в кулаке покупку, чтобы, чего доброго, не потерять ее.

Назавтра по всему селу разнеслась весть, что ночью кто-то изрезал бикмедовскую сбрую. Целых два дня Белоштык занимался расследованием, но так и не обнаружил виновных.

6

Долго в этом году тянулась осень — теплое, ясное бабье лето. Уже закончили малую молотьбу, выкопали картошку, расстелили на покосах тресту прошлогоднего льна, убрали коноплю. Разве что остались еще в земле брюква-галанка, капуста да в лесу, на подсеках, сладкая репа — эти овощи быстрее всего растут именно в осенние темные ночи. Пусть вызревают, пусть наливаются, — ведь по средам и пятницам, не говоря уже о больших постах, народ только ими и кормится. Уж хозяева не дадут им угодить под снег — как зяблик начнет накликать холод, так все будет убрано, ни один кочан не пропадет.

Теперь люди все свободное время занимались сбором грибов и ягод. Уродилось их в этом году видимо-невидимо. Даже у Марфы, хоть и одна женщина в семье, собралось припасов на всю зиму. В житнице висели мешки с сушеной черемухой и черникой, грибов было засушено и засолено больше, чем когда-либо. И таких северных лакомств, как малина и морошка, вдоволь припасла Марфа к праздникам.

— Вот и славно, вот и ладно! — не раз говорила Марфа соседкам. — Небось наша зима да весна, как прожорливые коровы, все перемелют.

— Перемелют, Марфа, как есть все перемелют, — соглашались с ней бабы. — Нынешняя осень, слава богу, пришла что твой корабль, полный разного добра. Видать, пророк Илья не зря гремел с ранней весны по самую осень. Не часто, родненькие, такой урожайный год выдается.

А Степан точно соперничал с женой — котомку за котомкой тащил с дичью, возвращаясь домой с лесной тропы.

Хороша была у Степана тропа, по самым выгодным местам проходила: по берегам болот да речек, по редколесью на взгорках,— как раз там, где дичи больше всего водится. Теперешний охотник хитер на всякие ловушки, а хорошая тропа — сплошная ловушка, протянувшаяся по лесу на двадцать — тридцать верст, на целый день обхода.

Вспорхнет где-нибудь рябчик, опустится возле кривых коряг поклевать мелкой гальки на зиму — глядь, перед ним раздольное гуменце, тут ему и порезвиться. А гуменце-то это разделено перегородкой пополам, и сделан в перегородке той узенький проход, где и поставлен силок. Побегает рябчик с одной стороны, захочется ему на другую — тут в силок и угодит.

Вот ходит по земле глухарь. У старых глухарей перья седые, а весит такой глухарь с полпуда и больше, иного даже крылья с трудом держат. Вот он ковыляет по земле, а соображения ни на грош — и не заметит, как в силок попался.

Другое дело — тетерев. Его в силок не заманишь, у него глаза, как говорится, с развилкой. Но охотник и тетерева проведет. Для этого он устраивает ловушку — слопец. Над продолговатым гуменцем приподняты с одного конца два нетолстых кряжа. Подходит к такому слопцу тетерев и видит — под нависшими кряжами земля свежая, так и тянет его туда потрепыхаться. Заходит он под настороженные кряжи, наступает на планочки — они и срываются, а кряжи давят птицу.

Или скачет зайчик в осеннюю ночь. Встречается ему на пути завал, нарочно сделанный по бокам слопца. Походит он вдоль завала, понюхает и увидит под кряжами проход. Захочет перебраться на ту сторону и... даже пикнуть не успеет.

Слопцом не то что тетерок и зайчишек, даже лисиц и медвежат придавить можно. А таких слопцов у Степана было устроено около двух сотен. Поперек лесных речек понаставлены у него слопушки на норок, в самых темных чащобах — проскоки на куниц, возле лесных зародов — силковые сети на горностаев.

Но самую большую выгоду принесла все же Власию Сирвойтову погожая осень. Он словно оседлал

это бабье лето и извлекал теперь пользу из чего только мог. То и дело Власий созывал людей на помощь — либо корчевать пни под пашню, либо ровнять кочковатые луга, либо сенокос расширять. И уж больно дешево ему это обходилось! Выставит две-три четверти вина, а польза огромная. К тому же и должников у него много было. По весенней бескормице к нему народ валом валил сенцом разжиться. С мольбой, словно взывая к богу, за одну охапку сена рядились отработать в страду по два, по три дня.

Вчера Сирвойтов снова объявил помочь. Правда, на этот раз людей собралось мало, да и сделали немного. Но, как человек расчетливый, Власий не хотел прослыть скупцом, всех напоил вдосталь: пусть помнят его щедрость — на будущее пригодится. Многие у него и заночевали.

Илья тоже напился до бесчувствия. Проснулся он наутро и увидал, что лежит под лавкой. Солому, которой вчера устлали пол, точно в ступе истолкли. Видно, порядком повозились. У порога лежал Михаил, возле ножки стола — Петрован. Положив голову к нему на ноги, храпел Митрий, один из сыновей Расова.

Илья не спешил подняться. Ему хотелось вспомнить, что же было вчера вечером. Голову ломило, душно, с трудом, но он восстановил в памяти все.

С работы пришли уже в потемках. Только успели раздеться, как хозяйка, тетка Фекла, стала торопить своих батраков — Веру, Федору, Мишку и его, Илью, с ужином.

Натаскали в старую избу соломы, чтобы не поцарапать крашеные полы, самовары поставили, столы приготовили. Тут и помочане стали подходить — уже успели помыться да принарядиться. После помочи народ всегда на угощение являлся как на праздник.

Вдруг тетка Фекла кликнула Илью во вторую комнату. А там оказался сам Власий Спиридонович — в жилетке поверх кумачовой рубахи, волосы церковным маслом смазаны, лицо так и лоснится. По всему видно — выпил малость.

— Ну, Илья, — сказал он, — пора начинать. Вот тебе водка, наливай прямо из четверти. Эту опорожнишь, другую возьмешь, все они стоят.

Это было полной неожиданностью, Власий доверил угощение ему, простому батраку. Илья даже растерялся. А Власий будто того и ждал:

— Ты людей на помочь водил да на работу ставил вместо хозяина, значит, тебе и угощением командовать. А трудился ты, сказывали, достойно.— Он налил Илье полный стакан водки и поощрительно добавил:— Люблю я таких, что за работу обеими руками берутся.

Прежде Илье почти не приходилось пить, и невдомек ему было, что может сделать с человеком стакан водки на голодный желудок. Он опрокинул стакан, взял в руки четверть и вместе с хозяином вышел к людям.

Власий объявил народу, что вечер у него занят и что распоряжаться за ужином он поручает Илье Ошлапову. А помочанам только того и хотелось — без Власия они сами себе хозяевами будут.

Илья стал обносить людей вином. Вскоре все помочане вокруг него стали будто на одно лицо, голоса их слились в общий гул, каждый о чем-то рассказывал, не слушая другого.

— Нет, уж сначала сам выпей, Илья,— говорили ему.— Со мной ты еще не пил. Так, браток, не пойдет...

Илья и людей потчевал и сам понемногу выпивал — без того нельзя. А тело становилось все легче, и откуда-то появилось столько силы, что впору было выйти сейчас на улицу, ухватиться за венец да и приподнять избу целиком.

Он еще помнит, как вынес из другой комнаты вторую четверть, но кто-то ее, кажется, у него отобрал. Потом заиграла гармошка, и он подошел к Вере и нечаянно вышиб у нее из рук тарелки с ложками...

«Ну и дела!..» — мысленно произнес Илья, вспомнив о тарелках, и осторожно вылез из-под лавки.

Тут замычал Михаил. Еще под хмелем, он, видимо, звал мать, но получалось у него невнятное «ам». Илья передразнил брата, протер ладонью запотевшее стекло и сел у окна.

Утро выдалось морозное, с инеем. На церковном кресте играл отблеск зари, над колокольной кружилась большая стая галок.

Тихонько вошла Вера. Она обвела глазами избу и покачала головой.

Илья громко зевнул.

— Что, спать хочется?— спросила Вера.

Илья обернулся.

— Как раз тебя-то мне и надо!— обрадовался он и робко спросил:— Дрались?

— Нет. Драться уже моченьки ни у кого не было. Порвали друг у друга рубахи — только и всего...

— А я?

Вера подошла к нему.

— Знатный сокол, раньше всех захмелел.

— Ну, и что было?

Илье хотелось знать все, даже то, о чем он боялся спросить прямо.

— Для начала две тарелки у меня из рук выбил — да вдребезги... погоди уж, купчиха теперь такое за поет — добром от нее не отвяжешься.

Пристыженный парень отвернулся и снова стал смотреть в окно.

— Расскажи все, что было, — не оборачиваясь, попросил он.

Но Вера молчала. Казалось, все ее внимание поглощено какой-то пылинкой на рукаве. И только когда Илья, не выдержав, взглянул на нее, она пристально посмотрела ему в глаза:

— Не верю я пьяным словам... Да ты и не помнишь, наверно...

Илья понял. Видно, он предлагал вчера Вере алую ленту, да только на словах.

Однако продолжить разговор им не удалось — вошла сама хозяйка.

— Вот где ты пропадаешь! — прямо с порога набросилась Фекла на Веру. — Что, не видишь, какой срам на полу? Небось когда кадрили танцуют, тебе приказаний не требуется... Поганка! Глянь, вчера опять две тарелки прахом пустила... А с полом что сделали! Окаянные!

Ее истошный голос разбудил Петрована.

— Это кто там хозяйничает? А? — в шутку произнес он. — Ты бы, тетка Фекла, чем бранить нас, лучше бы опохмелиться поднесла.

— У-у, пьяницы! — презрительно протянула Фекла, но все же вынесла из соседней комнаты сороковку.

— Вот это другое дело! — обрадовался Петрован. — Слова твои хоть и поганые, а сердце не совсем еще обледенело.

И впрямь, ругань тетки Феклы мало кем принималась всерьез. Она и сама это знала, а потому не рассердилась на Петрована.

— Ты пей да зубы не скаль, — отмахнулась от него Фекла. — А вы, — обратилась она к Илье и Вере, — от нечего делать сходили бы в лес за свежей брусникой.

Михаил тоже проснулся и смотрел на всех с таким видом, будто никак не мог понять, о чем идет речь. Как только Фекла вышла, он снова закрыл глаза.

Петрован блаженно провел рукой по могучей, словно колокол, груди, потом потрогал свою негнущуюся шею.

— Ох, и хорошо-о-о! — протянул он. — Недаром говорится: «С вечера хоть голову вином мой, но уж рюмочку на утро обязательно припаси...» А ты, Илья, не примешь лекарство-то?

— Может, через полгода и смогу поднести к губам, а сейчас даже тошно смотреть, как ты пьешь.

— Тогда буди Митрия. Одному мне столько нельзя. Некогда пьянствовать.

Митрий, молодой парень, лицом похожий на отца, Алексея Расова, приподнялся было, но тут же снова уронил голову.

— Не тревожь, и так башка трещит...

Илья и Вера шли полем. Оба они были в белых холщовых шабурах¹. За спиной — берестяные пестери, в руках — набирушки.

Утренний морозец слегка пощипывал ноздри, румянил лица. В лесу чья-то собака звонко облаивала белку. Скоро подадут голоса и другие собаки, хотя ни один охотник не подойдет к ним, потому что белка еще негодна для промысла.

¹ Ш а б у р — верхняя летняя одежда из холста.

С пашни, что протянулась по опушке, поднялись журавли и, курлыча, полетели на юг.

— Счастливые!— позавидовала журавлям Вера.— Летят, когда захотят и куда понравится. А мы тут живем... В яме родились, так в ней состаримся и по-мрем.

Илья с недоумением посмотрел на нее.

— И давно тебе это взбрело в голову?— насмешливо произнес он.

— Ты про что?— не поняла Вера.

— Про твою зависть к журавлям,— пояснил Илья, и тут же ему стало совестно: зачем насмешничать, если он и сам иной раз о том же думает...

Разве земля ограничивается селом Важгорт? Когда он был еще мальчонкой и учился в школе, учитель рассказывал им про моря и океаны, про степи и пустыни, про высокие горы и глубокие пропасти. Он говорил, что на земле живут разные люди и даже у одних кожа желтая, у других черная. Не довелось ему, крестьянскому сыну, поучиться больше четырех лет. А ведь сколько бы можно еще узнать!

И, чтобы Вера не подумала о нем плохо, Илья добавил:

— Если бы человеку крылья, тогда, конечно, и разговор был бы другой... Эх! И отчего это у бога так заведено, что одному быстрые ноги и нюх дадены, другому — умение говорить и думать, а иным — большая сила да острые когти либо могучие крылья?.. Всем понемножку, будто поскупился бог. А по-моему, так надо было все одному дать. Пусть бы бегал, как быстроногий олень, летал, как ястреб, боролся, как медведь, думал, как старый колдун, а жизнь бы любил так же горячо, как любит удалой молодец свою милую.

Вера улыбнулась.

— А ты почему знаешь, как любит удалой молодец свою милую?

— Так, полагаю,— весело ответил Илья и рассмеялся.— Сердце-то у меня не сушеная репа.

— А я-то думала, как раз такое...

На этих словах разговор вдруг прервался. Позавидовав журавлям, Вера думала лишь о том, что никто не волен над ними командовать и потешаться, как над

ней, и что трудно удержать их, если им тут не понравилось, а разговор неожиданно принял совсем другой оборот.

Они уже давно шли по лесной тропе.

Лес точно дремал. Прозрачный воздух казался уснувшим. Шаги их гулко раздавались в тишине. Где-то вдалеке горели кумачом гроздь рябины. Из ельника доносились голоса клестов, то и дело с шумом взлетали испуганные тетерки и рябчики.

— Эх, ружье прихватить бы!— снова заговорил Илья.

— Конечно, надо было... А ты меня еще долго собираешься водить?

— Теперь близко, Вера, совсем уже близко. Покажу тебе такое местечко, куда еще ни одна душа по ягоды не ходила. Там брусника такая крупная — что твоя клюква, а вкусная, как малина. Про это урочище только мы с отцом и знаем. Каждый год собираем там, только чуть позднее, уже перед снегом, чтобы совсем спелая была.

— Вот ведь ты какой!— пошутила Вера.— Хочешь потайное местечко чужому открыть... А что, если отец узнает?

— А я ему сам скажу: показал, мол, своему человеку. Ясно тебе?

Вера не отозвалась. Она не решалась поверить, что Илья в самом деле любит ее, боялась, что этой любви кто-то помешает.

Последние дни Вера только и жила мыслями об Илье. Он был для нее не просто парнем, которого можно любить или не любить,— в его характере она угадывала нечто такое, что, по всей вероятности, свойственно доброму брату. И когда Илья стал батрачить у Сирвойтова, Вера вдруг почувствовала такую радость жизни и такую боязнь чего-то неизвестного, что все остальное потеряло для нее значение.

...Вот, к примеру, вчерашний спор мог причинить Илье много неприятностей. Пьяные мужики завели разговор о том, как нехорошо получилось, что кто-то испортил сбрую на бикмедовских конях, и давай распекать молодых, сваливая вину на них.

— Никогда еще не было у нас такого сраму!

— Теперешняя молодежь не только что отца с матерью не стыдится, а бога не боится!

Теперь Илья уже ничего этого не помнил, но вчера он здорово осерчал.

— Вы всю молодежь в одну кучу не валите! — крикнул он. — Виноваты тут не все парни. А вот некоторые, может, и в самом деле повиниться должны!

Кое-кто, наверно, заметил, что при этом у Михаила округлились глаза и он поспешил отойти в сторонку. Тут к Илье бросился Кондратий, тоже, видно, напуганный.

— Ты сегодня хватил лишнего, — стал он по-доброму уговаривать Илью, — а пьяному о таких делах не гоже болтать.

Илья зачем-то подставил Кондратию грудь.

— На, ударь! Или боишься меня? Ну, бей!..

Вера успела что-то шепнуть Митрию, и он встал между Ильей и Кондратием.

— Ну, уж драться-то не следует, — сказал Митрий и обнял Илью.

Илья взглянул на добродушное лицо Митрия и успокоился.

— Это верно, драться не следует, — согласился он. — Но и позорить всех парней тоже не годится. По справедливости судить надо, вот что!

Но ведь, по правде сказать, оттого, что кто-то испортил сбрую на бикмедовских конях, ни у кого голова не болела. Купцу ничего не стоило приобрести новую. Пусть уж так оно и будет, если все обошлось без особого шума и наказаний. Сегодня это — пустые пересуды, завтра — одни воспоминания, а послезавтра и вовсе все позабудется. Головешки после пожара сами гаснут.

Илья не стал рассказывать, как в тот вечер товарищи таинственно вызвали Мишку из лавки, как потом в темноте возле избы Расова мелькали чьи-то тени. Баловство, конечно, на их совести. Но ведь сам-то Илья никого не поймал с поличным, все это только его предположения. Потому и в волостном управлении, когда его в числе других вызвали туда, он сказал приставу, что ничего не видел и не слышал...

Они шли по лесу, и вдруг Вера спросила:

— Что это ты вчера так выставлялся перед Конд-ратием?

— Кто? Я?— удивленно произнес Илья.— Ей-богу, не помню. А что?

— Да так просто, не стоит слова тратить.— И она заговорила о другом:— Пора бы уж собирать, видишь, какие крупные ягоды попадают.

— Еще одну речушку перейдем и начнем собирать. Заповедное место, куда Илья привел Веру, оказалось небольшим мысом, поросшим по кромке болота вековыми соснами. Среди белого ягеля и брусничника лежали поваленные ветром огромные стволы. Повсюду торчали коряги. Брусники здесь было столько, что хоть лопатой загребай.

Илья и Вера повесили свои пестери на сломанную сосну и принялись за дело. Они даже костер не развели — низкое солнце стало понемногу пригревать. После заморозков брусника была настолько мягкой и сладкой, что ее хотелось собирать без конца.

Глухо шумели сосны. Со стороны болота то и дело доносился тонкий посвист рябчиков. Где-то монотонно лаял бурундук. В небе неумоимо кружил ястреб-канюк и печально кричал, будто канючил у кого-то дождичка. Но все эти голоса как бы поглощались старческими вздохами девственного леса, невольно располагавшими к раздумью.

Да, вот сейчас Илья наполнит первую набирушку, вернется к пестерям, кликнет Веру и заведет разговор о том, о чем не сумел толком сказать ей вчера. Да, он снова будет предлагать ей алую ленту.

«Но с чего начать, какие тут слова подойдут? Ох ты, сердце мое, кабы ты само разговаривало!»

Может, так начать:

«Скажи мне, Вера, видел нас кто вчера, когда я предлагал тебе подарок? Почему ты положила его обратно мне в карман? Я ведь купил-то его трезвым. Тебе, для тебя одной. Вот он. Бери...»

Вера, наверно, покраснеет и скажет совсем не то, что у нее на душе:

«Я ведь девка одинокая, сам знаешь. Видно, потому и надумал посмеяться надо мной, что некому меня защитить. Нет, не возьму я от тебя подарок, не хочу

быть обузой тебе, да и себя обманывать не стану. А ты найдешь жену побогаче да с хорошей родней...»

«Неужели так и скажет?— думает Илья и чувствует, как у него от волнения посасывает под ложечкой.— Не может она так сказать, не может! Я ведь знаю — любит она меня!»

Но он все-таки возражает ей, где-то в самых сокровенных уголках своей души, в самых глубинах сердца находит он слова:

«Послушай, Вера! Да если бы такая девка, как ты, да в шелку выросла, так ведь наш брат и подумать о ней не посмел бы. Она бы, знаешь, как высоко вознеслась, так, что и не достать из наших-то ружьишек. Да и не нужно мне таких, они мне не пара. Сдается мне, они в большинстве никчемный народ, не приучены ни к работе, ни к трудной жизни нашей. Нет, не обманываю я тебя, Вера. Сама потом увидишь...»

Тут Вера может так сказать:

«Тебе-то я верю, Илья, но ведь есть отец и мать. Что-то они на это скажут? А ведь родительская воля не прясло, чтобы перескочить, где захочешь. Упрутся — и все тут».

«Помолчи, Вера, помолчи,— мысленно отвечает ей Илья.— Родители у меня добрые, родному сыну худого не пожелают».

Набирушка у него уже наполнилась. Но, оказывается, Вера опередила его, и, когда он подошел к пестерям, она была уже там.

— А ты, парень, горазд ягоды собирать!— удивилась она.— Женщинам не уступишь. Да смотри-ка, какие у него крупные!

Брусника и в самом деле переливалась разными оттенками кумача.

Илья заглянул в набирушку Веры и совсем по-мальчишески улыбнулся.

— У меня хороша ягода, но не краше твоей. У тебя вон и соринки не найдешь.

— Сор не смола, не прилипает,— в свою очередь улыбнулась Вера и повернула разговор на другое.— Дай-ка пестерь, сначала твой наполним.

— Ладно, коли так,— подал Илья ей пестерь.— Мой так мой.— Ему было приятно это предложение, и

он шутливо добавил: — Авось хозяйка не будет спрашивать, в каком пестере чья брусника.

— Может, и не будет. Мы сегодня столько принесем, что, глядишь, еще спасибо нам скажет.

— Спа-си-бо? — протянул Илья. — Ишь чего захотела! Сама скажи спасибо, если не заругается, а только так пожурит: мол, вот, сходили да принесли, а не то весь день лодырничали бы.

— Верно, так и скажет, — рассмеялась девушка. — И еще добавит: «Жрать-то ведь сами будете».

Здесь, в уединении, можно было сколько угодно потешаться над жадной купчихой, не боясь посторонних ушей. Но осенний день короток, а Вере хотелось и в самом деле собрать ягод столько, чтобы тяжело было нести. И она заторопилась.

— На обратном пути будем болтать. Ладно?

Илья почесал затылок. Только он собрался заговорить о главном, а тут вон оно что! Просто смешно — неужто Вера так и не помянет больше об алой ленте? Неужто ей это безразлично? Илья никак не мог понять ее.

Но на самом деле все было по-другому. Вера только и думала об Илье и о ленте, которую он предлагал ей вчера вечером. Ведь принять от парня подарок — значит признать его женихом, выбрать его себе на всю жизнь. Этому неписаному закону коми следуют спокон веку. Однако и другой закон есть — воля, а то и прихоть родителей. Что будет, если она целиком доверится Илье, а его родители не примут того в расчет? Куда тогда деваться бедной девушке?

Вера привычно обирала кустики брусники и не заметила, как под ее пальцами красные ягодки стали отдавать влажным блеском. Да, девушка плакала. Она уже не в силах была трезво рассуждать о том, что будет, если она примет ленту, и не придется ли ей потом каяться, когда злые люди нарушат их любовь. Непреоборимая сила влекла Веру к Илье, и девушка была не в состоянии противиться ей.

Илья отошел в сторону болота. Он собирал ягоды, все время ощущая у себя за пазухой завернутый в тряпицу маленький комочек, который словно жег ему грудь. Сколько раз ему хотелось извлечь этот комочек

на свет и, убедившись в том, что там действительно хранится алая лента, снова спрятать его за пазуху.

Вдруг где-то поблизости хрустнула ветка. Илья оглянулся. За стволами деревьев мелькнуло что-то темное, Илья еще не успел сообразить, в чем дело, как почувствовал, что у него под шапкой зашевелились волосы.

Медведица!.. Она на секунду подняла голову, понюхала воздух и снова принялась есть бруснику. Возле нее вертелся медвежонок.

Илья укрылся за корягой, а потом, стараясь остаться незамеченным, поспешил к Вере.

Девушка задрожала, когда увидела крадущегося к ней Илью, и хотела что-то сказать, но он сделал ей знак — молчи, мол. И, подойдя, шепнул:

— Не пугайся, Вера, там медведица с медвежонком...

Вера вскрикнула и прижалась к Илье, не в силах сдержать дрожь.

— Ты что, боишься, на нас бросится?— обдал ее горячим дыханием Илья.— Нет, зубы тупы. Прошел медвежий срок. Только к семенову дню, когда они свадьбы справляют, медведь может загрызть человека. Тогда трое суток, сказывают, бог не охраняет людей от медведей... Смотри, к нам идут! Медвежонок, видать, прошлогодний. Эх, хороша бы шапка вышла — крепкая да красивая!

Вера еще теснее прижалась к Илье.

— Она злая, когда с медвежонком. Может искушать...

— Да мы ведь тоже не мертвые. У нас топор с собой и нож.

Илья слегка отодвинулся от Веры, быстро развязал ремень, поправил шабур и снова опоясался.

— Топор там лежит, возле пестерей, сбегай украдкой.

Но внимание Веры отвлек лежавший на земле тряпичный сверточек.

— Видно, ты обронил...

Она нагнулась, подняла сверток, а Илья настолько растерялся, что чуть не вырвал его у нее из рук. Но тут же лицо у него просветлело.

— Это тебе... То, что вчера давал... Бери.

Вера поняла, что это шелковая лента, и вовсе смутилась.

— погоди, Илья... Как же мне быть?..

Но где тут было раздумывать, когда дорога каждая минута.

— Возьми, говорю,— настаивал Илья.— За пазуху сунь.

Стоя в замешательстве, Вера видела, как он осторожно, словно рысь, бежал к пестерям. Вот он схватил топор и так же быстро вернулся обратно.

— Думаешь, медведицы испугаюсь? Думаешь, не прогоню ее?

Вера хотела было остановить его, но он уже двинулся в сторону болота.

Очевидно, медведица услышала их голоса. Она спокойно озиралась, привстав на задние лапы. Теперь Вера увидела ее. Илья, слегка согнувшись, быстро приближался к ней.

Зверь зафыркал. И тут Илья закричал на весь лес:

— Ах ты, леший!

Медведица снова привстала на задние лапы, потом бросилась к медвежонку, шлепнула его лапой, чтобы он побыстрее убирался в болото, и ринулась на Илью.

Вера озиралась, выискивая, что бы такое схватить для защиты. Но все получилось само собой. Тряпица развязалась, и в руке у нее мелькнула лента, слепя глаза полыхающим алым цветом.

В то же мгновение над Ильей сверкнул топор. Но медведица, двигаясь легко, словно тень, махнула лапой и едва не вышибла топор у него из рук, только когти ее царапнули по коре сосны. Илья замер. Перед ним блеснули молочно-белые зубы разъяренного зверя, чья пасть горела зловещим оскалом, а глаза налились кровью.

Опытные охотники говорят, что в такой момент самое важное — не пятиться от зверя. Илья снова замахнулся топором, да мимо — медведица увернулась за дерево, нелепо покрутилась там и вдруг злобно плюнула в Илью.

— А-а! Боишься?!— закричал он.

Будто в ответ, медведица оглушительно рывкнула. Она, казалось, стала еще проворней, приплясывала перед Ильей, плевалась и отчаянно ревела. Илья знал, что она будет вертеться перед ним, пока детеныш ее не уйдет подальше. Но он понял также, что хватить ее сейчас топором было бы безрассудно — раненый зверь уже ни с чем не посчитается.

Вдруг медведица испуганно мотнула головой, громко фыркнула и отступила от Ильи. И сразу до него донесся пронзительный голос Веры:

— Спалю-ю-ю! Спалю-ю-ю!..

Илья обернулся, и в глаза ему ударило мелькавшее среди деревьев алое пламя. Вера бежала к нему, и в руке у нее огненным мечом развевалась лента.

— Пали ее! — бросился вслед за медведицей Илья. — Пали-и-и!..

Но медведица уже пустилась наутек, и теперь перед ним лишь мелькал ее зад. Алую ленту она приняла за огонь, а огня, как известно, боятся все звери.

Вскоре Илья и Вера вернулись к пестерям и развели костер. Они чувствовали себя счастливыми. В их отношениях произошел такой важный, такой значительный сдвиг, что обычные слова уже не могли передать всю меру их восторга, они смеялись, вспоминая медведицу, испугавшуюся простой ленты.

— Первое дело — не робеть! — убежденно говорил Илья. — Труса и шелудивая собака покусает.

— А ты заметил, что у нее передняя лапа кривая?

— Ну да? Вот уж не заметил! — удивился Илья.

— Правду говорю. Совсем кривая.

— Значит, медведица с приметой... Какая же — правая, левая?

Вера задумалась.

— Что-то не соображу... И впрямь, какая же у нее лапа кривая, а? Ей-богу, не могу вспомнить!

И они снова захохотали.

Уже под вечер Илья и Вера покинули лесной холм. Они набрали так много брусники, что с трудом тащили пестери.

ДЕНЬ ПОКРОВА — ОХОТНИЧИЙ ПРАЗДНИК

1

Вот и бабьему лету конец пришел. Надолго спряталось и без того остывшее солнышко. Набухшие влагой бесконечные тучи просеивали на землю мелкий, холодный дождь. В ближнем лесу уже не токовали больше жирные тетерева, как это было еще недавно, сухими, морозными утрами: на деревне не горланили им в ответ горделивые петухи. И те и другие грустили под монотонный шум дождя, съезжившись в укрытиях, совсем как непоседливые ребятишки, которые покинули шумную улицу и, забившись на печку, слушали теперь бесконечную сказку «Бобэ, Бобэ, куда ходил?» — ту, что снова и снова рассказывали им дедушки и бабушки. В хлевах мычали коровы, блеяли овцы. Казалось, никогда не вернутся на землю солнечные денечки, та ласковая пора, когда человеку под любой елочкой ночлег приготовлен.

В такой тоске и наступил канун покрова.

Но люди знали, что скоро дожди уйдут на юг, морозец быстро просушит землю, снова высыпет на улицу детвора, перестанут мычать коровы... А главное — подошло время белковать.

Степан Матвеевич решил даже вывести в лес собак. Он осмотрел ловушки да заодно разведал, много ли в его угодьях белки. Ходил он два дня, с ночевкой, и теперь только что вернулся.

Марфа уже тревожилась — она ожидала мужа еще вчера к вечеру.

— Сыновья-то успели дважды наведаться, — сказала Марфа с упреком. — Беспокоятся. «Не случилось ли, говорят, чего с отцом?» Ведь вон какая непогода на дворе!

Степана обрадовала сыновняя забота, но он не показал виду.

— В первый раз, что ли, в лес ходил? — ответил он, будто осуждая жену. А затем, уже оправдываясь, добавил: — Лешие меня до самой кузьдавской избушки таскали, оттого и запоздал.

Но Степан не жалел, что ходил так далеко. Собаки всю дорогу часто лаяли, и повсюду попадались уже почти спелые белки. Приметил он места, заселенные и более ценным зверем.

— Они что же, завтра обещались домой прийти?— спросил про сыновей Степан.

— Сказывали, сегодня к вечеру вернутся. Власий Спиридонович тоже, говорят, тебя заждался — к себе пригласить хочет.

— Что так раздобрился?

— Раздобрился, нет ли, а, как ни крути, два мужика целое лето на него горбы гнули.

Марфа спустилась в голбец и вынесла оттуда большую деревянную чашку с пивом.

— Может, выпьешь перед баней? Готово уже.

Пиво было не хмельное. Коми варят его из солода, обычно к престольным праздникам и к свадьбам.

Степан сдул пену, поднявшуюся белой шапкой, и погрузил в чашку свои черные усы.

— Добро-о-о!— крикнул он, опорожнив чашку.— Много ли наварила?

— Ведра три-четыре. Маловато, конечно, да где уж нам больше!

Степан промолчал. Сколько есть, столько гости и выпьют.

Баня была уже готова, когда снова наведалься Илья. Он был одет по-дорожному, чтобы в случае чего сразу отправиться в лес. Отец улыбнулся про себя:

«Значит, правда, тревожились: вон даже на розыски собрался идти».

Отец и сын ушли в баню, а Марфа принялась просеивать муку и готовить квашню для завтрашних пирогов. Она возилась возле печи и думала о том, что наконец-то сыновья избавятся от Власия и эту ночь будут спать уже дома. Теперь после праздника пойдут охотничать. Опять она останется одна, опять ляжет на нее все хозяйство. А ведь троим охотникам — отцу с сыновьями — понадобится потом одежда новая, известно ведь, что в лесу все быстро изнашивается. Придется ей попроворнее и прясть, и ткать, и шить, и чинить. А много ли она может одна! Да и годы уже не те. Вот обженить бы старшего, взять бы в дом помощницу.

Станет тогда Марфа свекровью, пойдут у молодых дети. В длинные зимние вечера будут они, свекровь со снохой, сидеть вдвоем у светца, и начнет Марфа учить молодую сноху всему, чему научила ее жизнь. Не может того быть, чтобы молодайка не стала ее слушаться. Ведь к словам Марфы, к ее советам, прислушиваются даже соседки. И ее покойную свекровку тоже слушались. Хотя и своенравна была, хоть и немало слез пришлось пролить при ней Марфе, зато уж теперь она тоже сумеет себя показать. На то ведь и свекровь, чтобы снохой командовать. А помрут старики, тогда и хозяйничай как умеешь...

Во дворе залаял Катшыс. На крыльце звякнула щеколда. В сенях кто-то завозился,— видно, посторонний. Марфа глянула на стол, где лежала дичь, принесенная Степаном, и поспешно прикрыла ее скатертью.

Вошла Вера, закутанная от дождя в большую шаль. Не выходя из-под полатей, она наскоро помолилась на божницу.

— Вот уж кого не ожидала!— обрадовалась Марфа.— Гостя к нам пожаловала небывалая.

— Какой там небывалая! Я везде поспеваю,— ответила Вера, неуверенно шагнув на середину избы.

— А вот наш порог еще не переступала. Проходи сюда, проходи! По делу, наверно?

— Разве дяди Степана нет еще? Мне говорили — пришел он.

— В бане они с Ильей.

— Дядя Власий наказал передать дяде Степану: пусть, мол, чай приходит пить.

Марфа хоть и знала уже о приглашении, а все же удивилась: с чего это Сирвойтов так расщедрился.

— Не знаю, тетка Марфа,— ответила Вера.— Слышала только, что ругались они с хозяйкой и дядя Власий сказал ей, что сегодня надо позвать, а то завтра гости будут.

— Завтра-то, конечно...— согласилась Марфа. Она вставила в светец новую лучину.— Да пройди ты сюда, тут посветлее. А коли свободна, можно и в баньку вместе сходить — воды у меня много нагрето.

— В баню уж не придется — заругают.

— Чего же ругать? Завтра праздник, сегодня ведь прясть не сядешь. А помыться небось еще не успела?

— Какое там! В урочище Лемпу-шор за сеном ездила, вот и вернулась поздно, баню уже не застала.

— В Лемпу-шор? — переспросила Марфа. — Это почему же так далеко? Мало у них, что ли, здесь, рядом, сена?

— Свой-то скот они ближним сеном кормят, хорошим. Ну, а на праздники гости на лошадях приедут, вот мне и велели привезти сено с дальней пожни.

— Ох и жилы! — покачала головой Марфа. — А то бы, Веруша, в самом деле помылась, вдвоем-то веселее. Мужики, поди, теперь скоро выйдут. Сбегай, возьми белье да возвращайся. Ведь и праздник не в праздник, коли в бане не помоешься.

И Вера согласилась.

Но оказалось, что она сегодня еще свое не отработала. После бани Фекла встретила ее новыми поручениями.

— Некогда мне тут возиться с вами, — начала она. — Сто дел еще не сделано, да и утром рано вставать. Поди скажи хозяину, чтобы меня не тревожил. А что понадобится — сама подашь на стол. От тебя ведь тут не прячут, и без меня все найдешь.

Точнее сказать — это означало: «Поставь самовар да собери на стол, будь хозяйкой, угости Степана и его сыновей так, как прикажет Власий Спиридонович».

— Да, — вспомнила хозяйка, — скажи Федоре, пусть не забывается. А то не оторвешь ее от сыночка, больно балует его, все он возле материнского подола трется... Тьфу-ты, прости господи, — разворчалась Фекла, — ведь надо же такому греху под праздник случиться! И за что бы с нас угощение! Уж не за то ли, что мы этих здоровенных дармоедов поили-кормили, уж не за нашу ли хлеб-соль? Небось летовали бы дома, на родительских харчах, и половины бы того не съели... Нет, будь человек в своем уме, нипочем не стал бы своих же батраков угощать...

Вера не стала слушать теткину ругань. Не пошла она и к Федоре: пусть бедняга хоть немного побудет с малышом, у нее ведь только и радости в жизни, что сынишка, — а сразу отправилась наверх.

На втором этаже нового дома Сирвойтовы в первой комнате тоже устроили полати. Но все здесь было выкрашено — пол, лавки, брусья под полатями. Стены оклеили обоями в синий цветочек. Предпечье закрыли от постороннего глаза шкафом и пестрой ситцевой занавеской. На одной стене, примыкающей к красному углу, повесили вид Киево-Печерской лавры, на другой — изображение страшных мучений грешников в аду. Обе картинки в прошлом году подарили Фекле монахини, с которыми богомольная купчиха издавна дружила.

Следующая комната была немного больше. Ее называли гостиной. Там в застекленных рамках висели портреты царя и царицы, красовался граммофон с большой трубой, стояли недавно привезенные из города дорогие стулья и комод. Дальше шла третья комната, за ней четвертая, облюбованная Сандрой, где теперь, после отъезда сестры, жил младший Сирвойтов — Владимир.

Чтобы зря не жечь керосин, Власий Спиридонович ждал Степана в первой комнате. Он сидел за столом в стареньком пиджаке и что-то подсчитывал, стуча костяшками счетов. Дверь в гостиную была закрыта. Десятилинейная висячая лампа горела вполсвета, но в ее лучах ярко блестела божница, вся в больших иконах и лампадах.

Увидав поднимающуюся снизу Веру, Власий Спиридонович велел поставить самовар и позвать Степана с сыновьями.

Власий Спиридонович не очень-то тосковал по тем, кого он сейчас ожидал. Просто он считал нужным еще раз напомнить охотникам об уговоре. Кроме того, Сирвойтов собирался и еще кое о чем потолковать со Степаном Ошлаповым. Видно, тесно стало купцу в своем родном Важгорте и надумал он попытать свои силы на более доходных делах.

Собирался Власий Спиридонович к будущей зиме взять подряд на заготовку сортового леса. Об этом он думал долгими бессонными ночами, и какие только картины не возникали в его воображении! Вот Власий Сирвойтов подрядчик... А вот он уже доверенный... А сын его Владимир Власиевич! Плохой разве у него

сын? Умен, сметлив, прилежен. Сам Сирвойтов вовсе без образования, и то какими делами ворочает! А сын коммерческое окончил...

«Да, да,— в такт костяшкам счетов думал Сирвойтов,— надо выпытать у Степана, в каких местах, у какой речки самые подходящие леса да как далеко раскинулись пожарища в этом году. Выгоревшие участки можно у лесничества по дешевке скупить, а там ведь и хорошего леса немало наберется».

Снова появилась Вера и сказала, что самовар вскипел и что Степан Матвеевич с сыновьями уже здесь.

— А тетка где? — спросил Сирвойтов.

Вера передала ему слова жены. Власий промолчал. Он и сам понимал, что сегодня не время угощаться. Но что ж тут поделаешь! Нынче не потолкуешь — завтра не до того будет. А Степана Ошлапова после праздника никакая сила дома не удержит, сразу в лес уйдет. Вот потому-то и пришлось сегодня позвать его.

Вскоре на столе уже фыркал блестящий никелем фигурный самовар, играл радугой граненый графин с водкой, поблескивали стаканы. На тарелках лежали вятские калачи и астраханская селедка.

Степан просто глазам своим не поверил. Ну и чудеса! Он сел на лавку под полатями и стал ждать появления хозяина, который еще до прихода гостей вышел со своими бумагами и счетами в гостиную. Михаил — тот сразу забрался на полати и стал наблюдать оттуда. Илья сделал вид, что рассматривает висящую на стене картинку, а на самом деле поглядывал на Веру, которая хлопотала у стола.

На Вере было красное в белый горошек платье — подарок Сандры. Ей оно уже не нравится, не по-городскому сшито, говорила, даря его, Сандра, а Вера будет носить и вспоминать свою двоюродную сестру. И серьги, что были сейчас на Вере, тоже перешли к ней от Сандры — слишком уж они стали для нее простенькими. Но Веру и платье и серьги очень красили, особенно сегодня, когда она была здесь за хозяйку. Да и много ли надо, чтобы зажглись глаза у одинокой девушки, которая с детства не знала родительской ласки, не слышала от людей приветливого слова! А сегодня, смотрите-ка, и тетка Марфа приголубила ее, и тетка

Фекла отнеслась к ней с доверием, сказала, что ничего, мол, тут от нее не прячут. Как-то все сразу изменилось... Вот сейчас она будет угощать Илью и Михаила, а ведь еще днем они были просто батраками, а она батрачкой.

Все в ней ликовало. Ее разрумянившееся после бани лицо, казалось, излучало сияние. Но ведь она же не маленькая девочка, которая не может удержаться от того, чтобы не похвастаться полученной конфеткой! Значит, надо быть сдержаннее. Вон Илья тоже, видно, остерегается, как бы отец не догадался о его чувствах к ней.

Вошел Власий Спиридонович.

— Вот и ладно, что послушался меня,— взглянул он на Степана.— Сейчас будем чай пить. Садись за стол.

Степан погладил свою круглую бороду.

— Вроде негоже людям надоедать,— сказал он.

— Надоедают нищие, а тебя я сам позвал. Надо же как-то труды твоих сыновей отметить. Я ведь ими доволен... Ну что ж, садитесь все. Михайло, Илья, сюда давай!

После таких слов Степан уже не стал ждать вторичного приглашения, он подошел к столу и присел на лавку.

— А ты, Михаил, что? Ждешь, когда тебя за руку потащат? Ты ведь пока еще у себя. Вот когда гостем будешь, тогда и ломайся.

— Да я будто и есть не хочу, за ужином живот набил,— неуверенно произнес Михаил, но тут же спустился с полатей.

Илья сел с таким расчетом, чтобы самовар закрывал от него Веру,— этак оно лучше будет.

— Ну, будь здоров, коли так,— поднося Степану рюмку, обратился к нему Власий.— Грех жаловаться, хорошо твои сыновья поработали. Вот и надумал я посидеть с тобой сегодня. Завтра разве придется? К тебе гости придут, ко мне придут. Завтрашний день хуже страды... Ну, давай, Степан, пей до дна.

— Вам с женой виднее,— отпив, сказал Степан, радуясь в душе за сыновей. Вон какими стали, людям на похвалу.

Когда Илья брал рюмку, ему бросилась в глаза волосатая рука хозяина, и сразу вспомнилось, как они поднимали возле их сарая большой серый камень, как потом скулил Лыско, обиженный осерчавшим купцом.

«Да, ты и впрямь силен,— промелькнуло в голове у Ильи.— Захочешь — вином напоишь, не захочешь — и куска хлеба у тебя даром не выпросишь».

Но, видно, он слишком замешкался, держа рюмку в руке, потому что хозяин посмотрел на него строго. Илья отхлебнул половину, после чего Власий Спиридонович взял у него рюмку, так и не предложив выпить до дна.

Илья еще не мог взять в толк, в чем тут причина, но только за последнее время он уже не раз ощущал на себе строгий взгляд Сирвойтова. Да и сам Илья хоть и не замечал того, а бывало, поглядывал на хозяина недобро. Видно, кровь у них не поладила.

Михаил отказался было от вина, но Власий принялся упрашивать.

— Прямо скажу,— пояснил он, обращаясь к Степану,— привыкли мы к нему, своим человеком у нас в доме стал. Вроде и расставаться жалко.— И как бы про себя добавил:— Ну, да, может, не в последний раз...

От похвалы у Михаила, как и прежде, стали подрагивать губы, при этом забавно шевелились его черные усики, и было видно, что он не знает, куда девать руки.

— Ох, и силушка у каналы! — расхваливал его Власий.— Коли за пятипудовый мешок взялся, то уж помощи не понадобится.

— А на что помощь? Тут, это самое, вдвоем и делать-то нечего,— прихвастнул Михаил и глянул на Илью: мол, ты, может, и посильнее будешь, да вот не тебя хвалят.

Илья улыбнулся и тут же снова почувствовал на себе тяжелый, испытующий взгляд хозяина.

А ведь поначалу, когда Илья пошел батрачить на него, Власий был им доволен. Ему пришлось по сердцу усердие молодого парня, который не боялся никакой работы. Недаром во время помочи Власий поставил его старшим.

Степан Матвеевич тоже осудил похвальбу сына.

«Видать, так и не выйдет из него, бедняги, стоящего человека,— подумал он.— А ведь женить пора».

И он посмотрел на Веру — чем не невеста! Степану никогда не доводилось видеть ее так близко, и уж, конечно, он ни разу не сидел с ней за одним столом. Понятно, Михаил ей не пара. Что бы там ни судачили бабы про тетку Феклу, будто она содержит Веру хуже иной батрачки, а все ж таки Вера им родственница, выросла у них в доме и теперь вот сидит за самоваром вместо хозяйки.

«Верно, всегда так бывает,— подумал Степан,— свое дитя и хворостиной побьешь — никто не приметит, а не родному только пальцем погрозишь — десять глаз увидят».

И еще он подумал, что не отдаст купчиха свою воспитанницу в дом, где на порог прямо с земли ступают. Нет, не захотят Сирвойтовы породниться с ними, с Ошлаповыми.

Степан подал Вере свой стакан, чтобы еще налила чаю, и глаза его невольно остановились на ее опрятной руке, окаймленной оборкой. Затем он украдкой посмотрел на ее высокий лоб, на белую полосу пробора и окончательно утвердился в своем мнении:

«Нет, такая девка сама к нашему брату в дом не пойдет».

— Говорят, уже с собаками в лес ходил? — спросил Власий, поднося Степану вторую рюмку.— Каков же промысел сулит нам нынешний год?

Степан поперхнулся даже: вот, оказывается, зачем пригласил его Власий! Тут надо держаться осмотрительно.

— Трудно сказать, Власий Спиридоныч. Местами будто лаяли... Обошел я силки... Только синяя еще белка...

Власий, конечно, понимал, почему Степан замешкался и почему ответил так неопределенно. Но ведь не скажешь прямо: «Чую, что Бикмедову норовишь продать свою добычу, потому и петляешь. Но не забывай, что мы кабалу составили, на бумаге там все как надо записано».

— Коли есть синяя, будет и спелая,— уточнил купец.— Не в том дело... Да ты ешь, на меня не гляди.

Наступило молчание. Видимо, Власий не находил подходящего повода для того, чтобы начать разговор о Бикмедове. Но тут из дальней комнаты неожиданно появился Владимир — стройный, высоколобый молодой человек. Он был чем-то взволнован и держал в руках недавно полученный журнал.

— Говорил же я тебе, отец,— словно и не заметил сидящих за столом гостей, обратился к Власию Спиридоновичу Владимир,— говорил, что если возник один проект, то уж неизбежно появятся и другие — второй, третий, четвертый... Но главное даже не в этом. Главное в том, что к нам упорно лезут иностранцы. Проектом строительства северной железной дороги, оказывается, заинтересовалась норвежская фирма, тесно связанная с английским капиталом. О чем они мечтают? Первым делом — прибрать к рукам лесные массивы вдоль железной дороги и вырубить их сплошь. Я говорю «первым делом» потому, что другие природные богатства надо еще разведать, а лес налицо. Нужна только дорога. А рабочей силы можно найти сколько угодно...

— погоди, погоди, Володя,— поднял руку Власий.— Ты говоришь так, будто у тебя где горит.

— Это хуже пожара! — разошелся Владимир.— Иностранцы нас дикарями считают, едут к нам, как в колонию, все кому не лень. А власть им покровительствует.

— Садись-ка ты чай пить. Царь-батюшка лучше нас знает, что надо делать.

— Царь-батюшка! — поморщился молодой Сирвойтов.— Да если бы ты только слышал, как о нем отзываются в деловых кругах, какие слова о нем говорят! Я ведь еще совсем недавно встречался с сыновьями влиятельных людей. Вот увидишь, скоро царь всех нас продаст иностранцам...

— Володя! — оборвал его отец.— Ты не забывайся, о царь-батюшке плохо говорить не смей!

Владимир нехотя сел за стол.

— Мы еще, отец, с тобой об этом поспорим,— вздохнул он.

Власий Спиридонович любил спорить с сыном. Да и его жизненный опыт и практичный ум иной раз удивляли Владимира. Но сейчас отец, видно, решил обратить все в шутку.

— Стоит ли ученому человеку спорить с простым мужиком? — скромно заметил он. — Ведь наш брат дальше своего прясла ничего не видит.

— Зря прибедняешься, отец, — тоже не то в шутку, не то всерьез отозвался Владимир. — Впрочем, действительно, куда лучше было бы, если бы мы повели себя на своей земле более дальновидными хозяевами.

— И сами построили бы железную дорогу? — подхватил Власий Спиридонович. — А на какие шиши ты ее построишь? Ты же сам говорил, во сколько миллионов она обойдется!

Владимир пожал плечами: да, действительно, без миллионов и на своей земле ничего не выйдет.

— А нельзя ли так сделать, — продолжал Власий Спиридонович, — чтобы и миллионы со стороны пришли и чтобы мы в дураках не остались? А?

Владимир внимательно посмотрел на отца. «Ох, и хитер же ты! Ох, и хитер!» — говорили его глаза. А вслух он сказал:

— Ладно, оставим пока этот разговор. Не всем интересно.

Но это было не так. Что касается Ильи, то он слушал затаив дыхание. Все ему было ново в этом разговоре, все казалось интересным. А больше всего хотелось узнать: какими же такими словами и кто именно обзывает самого царя? Да разве можно ругать его? Ведь он царь!

Было о чем поразмыслить и Степану Матвеевичу Ошлапову. Как же так? Придут какие-то иноземцы, построят железную дорогу, вырубят лес... А куда денется он, Степан? Где он будет лесовать, промыслять зверя, ловить птицу? Даже не спросили у него, можно ли так.

В разговорах с сыном Власий Спиридонович забыл про Бикмедова и теперь сразу стал расспрашивать Степана о том, где летом выгорели сосновые леса и далеко ли эти участки от речек.

— Есть такие места, выгорело порядком,— стал рассказывать Степан.— Вот, к примеру, по речке Вэрю, пониже починка Хуторковых, вдоль левого берега. Ох, и лес там был! На верхушку сосны глянешь— шапка с головы валится.

— Знаю я эти места,— сказал Власий.— Там когда-то мачтовый лес валили. А широко сгорело?

— Верст на пять будет.

— И сплошь?

— Вот про это не скажу. Может, сплошняком, а может, и нет.

— Так, так...— забарабанил по столу пальцами Власий.

Владимир понял, для чего отец выпрашивает Степана. Ему и самому захотелось задать несколько вопросов.

— Значит, говоришь, шапка с головы валится? — начал он.— И на большом пространстве стоят такие леса?

— Про то один бог ведает,— ответил Степан.— Я ведь в той стороне редко бываю. Мои угодья по речке Симве, в сторону Кузьдава. Но когда на лося ходил, довелось и в верховьях Вэрю побывать, и на речке Диньёль тоже. Леса везде хороши.

— А Диньёль большая речка?

— Нет, не велика. Она в Вэрю впадает.

— Так, так...

Отец и сын задавали и другие вопросы, но они не показались интересными ни Степану, ни обоим братьям.

Вскоре Михаил поднялся из-за стола.

— Мать, поди, давно ждет нас, а мы тут сидим да прохлаждаемся,— произнес он недовольно и стал собираться домой.

— Сейчас отправимся,— поднялся и Степан и стал благодарить хозяев.

Марфа и в самом деле уже давно ждала мужа и сыновей. Она была не одна. Сразу после ухода Степана к ним на праздник явился гость — Мирон с дальнего починка.

— Надо было загодя весть подать,— здороваясь с Мироном, укоризненно сказал Степан.

— И я то же самое говорю, да ведь их, перестарков, разве переспоришь! — заметила Марфа.

Мирон рассмеялся.

— Ты, тетка Марфа, никак шутить научилась,— сказал он.— Только в последний раз тебе, видно, насмехаться надо мной. Я потому и поспешил, чтобы в праздники себе невесту подыскать.

— Пора, Мирон, давно пора,— одобрила его слова Марфа и уступила гостя сыновьям, которые уже радостно здоровались с ним.

Мирон Хуторков, родственник Ошлаповых, только в прошлом году вернулся с действительной службы на флоте. Был он высок ростом и широк в плечах. В Важгорте все помнят, каким щеголем он явился сюда после службы. Матросский бушлат, брюки клеш, бескозырка с длинными лентами... Его полное, бритое лицо так и пылало, он то и дело бросался какими-то незнакомыми словами, вроде «полундра» или «аврал». Не одна девка вздыхала по этому, словно явившемуся из другого мира парню, не одна молодуха украдкой поглядывала на него, когда он своей размашистой походкой шагал по селу.

Их было три брата. Мирон — самый младший. В его отсутствие разделили общее хозяйство. Один из братьев продал свою долю и уехал с семьей в Сибирь. Прокопий Хуторков, старший из них, поставил себе в лесу починок и тоже распорядился принадлежащей ему долей по своему усмотрению. От Мироновой доли осталось одно название, ведь его самого при дележе не было.

Перед Мироном встал выбор: либо попытаться создать заново хозяйство, либо идти в батраки. Время было осеннее, начиналась промысловая охота. Прокопий позвал его к себе на заимку — промыслять сообща. Мирон хоть и ругал вначале старшего брата за то, что он переселился из деревни в лесную глушь, и даже обозвал его сгоряча медведем, но, перезимовав у Прокопия, решил тоже осесть в лесу. Он заготовил бревна и, призвав из села мужиков на помочь, как обычно и делалось в здешних краях, поставил сруб.

За год Мирон очень изменился. Его прежде бритое лицо заросло густой черной бородой. Флотская одежда уступила место простецкой рубахе со штанами. Говорил он теперь как все, и непонятные словечки почти исчезли из его речи. Даже не верилось, что это тот самый щеголеватый матрос, каким он был еще совсем недавно.

— А знаешь, тетка Марфа,— обратился к ней Мирон,— ведь мы с братом уже и окна прорубили в моем дому, и косяки поставили, потолок подшили, полы настелили... Так что скоро в новый дом переселяться...

— Вот и славно, Миронушка,— снова одобрила его слова Марфа.— Без своего гнезда ни зверь, ни птица жить не могут. У каждого должна быть семья, хозяйство свое. А то что ж — не человек, а полчеловека, вроде кукушки бездомной.

— Твоя правда,— согласился Мирон.— Но, честно сказать, тетка Марфа, сердце тоскует, не по душе мне там без людей, скучно...

— Еще бы! — вставил слово Степан.— В такой глуши, на хуторе...

— Ох, не по душе! — повторил Мирон.— Как на необитаемом острове. А брат доволен. Хоть насильно тащи его оттуда — не пойдет.

— А ты гостя напоила, накормила? — спохватился Степан, обернувшись к жене.

— И наелся и напился,— вместо Марфы ответил Мирон.— Теперь и спать пора. А то завтра хозяйке вставать рано.

Мирон хоть и на праздник пришел, но был он снаряжен по-охотничьи — по дороге промышлял белку. Сейчас, прежде чем лечь, Мирон вышел взглянуть на свою собаку Буско, запертую в пустом хлеву. Вскоре он вернулся и залез на полати, где уже лежали Михаил и Илья.

Мужу и себе Марфа постелила в другой комнате.

— Господи! — зашептала Марфа, когда они улеглись.— Надо же так перемениться за год! Едва узнала Мирона, когда он вошел. А ведь каким молодцом со службы вернулся!

Степан ничего не ответил. Но Марфа неспроста начала этот разговор. У нее весь вечер язык чесался, хотелось еще разок сказать мужу, что пора наконец Михаила женить. Так что Мирон понадобился ей только для предисловия.

— Одичал он там бобылем. Ему бы жену хорошую. Обзаведется семьей — и починок полюбится. — Не дождавшись ответа, Марфа толкнула мужа локтем. — Да ты что, заснул уже?

— Не сплю пока, — буркнул Степан.

Марфа сделала вид, что обиделась:

— Не жалеешь ты меня совсем...

— Не жалею? — удивился Степан самому этому слову. — Что вдруг так разжалобилась?

— Трудно мне одной за всеми вами ходить, всех вас одевать, помощь нужна.

«Вон оно что! — подумал Степан. — К Мишкиной женитьбе клонит. Да ведь свадьбу справить — не в бабки сыграть, на одно угощение денег сколько понадобится! А откуда их возьмешь до конца охоты? Но и то верно, что нельзя за это Марфу осуждать».

— Вот мы с тобой до каких времен дожили — сына женить пора! — уклончиво отозвался Степан.

— В солдаты Мишку не возьмут, — продолжала Марфа, — он старший. А женить все одно когда-нибудь придется.

— Нашлась бы невеста подходящая, — осторожно заметил Степан.

— А почему ж не найтись? Женихи ведь нынче тоже не валяются. Да мы в богатые дома, с большой родней и не будем свататься...

И Марфа поведала мужу свои думы про одинокую Веру, рассказала о том, как они сегодня мылись вместе, и по ее словам выходило так, что лучше Веры для Мишки невесты не сыскать. Степан слушал ее и лишь ухмылялся в темноте. А Марфа продолжала:

— Мишка у нас, сам знаешь, глуповат. Такому как раз и надо жену толковую и работающую. С умной женой и шалый мужик настоящим хозяином станет... Кто же за него хорошую девку из большой семьи выдаст? А обженить его на какой-нибудь ленивой колоде или сороке беспутной — всю жизнь потом маяться, за-

ботиться о них. Вот я и говорю: пусть Вера одна как перст, зато и спеси той не покажет. Да хоть бы и загордилась, у Мишки на такую дурной силы хватит. Глупые мужья, они, говорят, строгие.

А Вера — куда ей еще податься? На одинокую девушку, без приданого и подарков, мало кто польстится. Она за Мишку с радостью пойдет, небось надоело на чужих гнуть спину...

— Ну как, все сказала? — воспользовался минутной паузой Степан.

Но Марфе теперь уже хотелось выложить все премудрости ее нехитрой материнской философии.

— Илья — тот, спасибо господу, другое дело, — продолжала Марфа. — Ему надо не невесту подбирать, а родню. Тут не беда, коли сама девка не больно горазда окажется. При толковой голове и руки-ноги не ошибутся. Голова у ног ума не просит.

— Вот уж не думал, что ты у меня такая рассудительная! — пошутил Степан. — Только быть ли тому?

— А почему же не быть? — уверенно произнесла Марфа. — На то мы и родители, чтобы о своих сыновьях позаботиться.

Степан сначала думал отмолчаться, но, поразмыслив над словами жены, понял, что она затеяла весь этот разговор из желания сделать добро сыновьям.

— Ладно, — сказал он, — еще поговорим об этом после лесования. С пустым-то карманом свадьбу не сыграешь. А сейчас спать пора.

И сразу заснул.

2

За долгую ночь тучи поднялись высоко в небе. На улице стало яснее и просторнее. Но не этим примечательно было утро. Еще затемно хозяйки растопили печи, и вскоре по всему селу распространился необычный, щекочущий ноздри запах праздничной стряпни. Затем зазвонили в церкви. На перезвон колоколов откликнулись завыванием пришлые собаки, сопровождающие, как и Миронов Буско, многочисленных гостей, нагрянувших с вечера в село из дальних деревень и починков. Псов раздражали эти резкие звуки. От собачьего

воя становилось тревожно на душе, а медный перезвон как бы насыщал воздух запахом ладана.

Илья проснулся от этих разноголосых звуков и оглядел полати. С одной стороны согнулся дугой Михаил. Он спал, посвистывая носом. С другой — лежал на спине, широко раскинув ноги, Мирон. Его грудь мерно поднималась и опускалась, он громко всхрапывал. Слышно было, как мать вынимает из печи пироги. Илья с удовольствием вдыхал теплый, густой аромат свежего хлеба.

Степан и Марфа встали уже давно, но старались не шуметь. Марфа ходила на цыпочках. Работать в праздник считалось грехом, и Степан Матвеевич от нечего делать принялся менять в светце лучину, молча, чтобы не разбудить гостей.

Сегодня сыновья ведь тоже вроде как гости. Так-то и ладно — все дома, все на месте. Днем еще гости да родичи пожалуют, чтобы повидаться, побеседовать всласть, повеселиться, а там снова расстаться надолго.

Илья выпался в свое удовольствие и теперь встал свежий, радостный, бодрый. Он сразу вспомнил о Вере. Ведь надо же смелостью такой обладать! Выходили они вчера от Сирвойтовых — отец с Мишкой впереди, а он за ними. В сенях было темно, хоть глаз выколи. Вдруг сзади тронула его девичья рука. Илья чуть отстал. Вера ничего ему не сказала, только поцеловала горячо-горячо: мол, прощай, мой любимый, теперь уже не придется часто видеться. Поцеловала и снова исчезла в темноте...

Из-за печи показалась мать. Она вытерла руки о фартук и глянула вверх.

— Вы что ж, сынки, и подниматься сегодня не собираетесь? Видно, дома сладко спится... Ну, вставайте, вставайте! И гостя будите. На улице скоро день засияет.

— Пора, пора вставать, — поддержал жену Степан Матвеевич.

Ласковые речи родителей Илье не были в диковинку. Но сегодня эти простые слова показались ему особенно милыми, словно по сердцу мягким перышком маслянистым провели. Захотелось побаловаться, по-

дразнить кого-нибудь, в нем будто шаловливый мальчонка проснулся.

«Правда, чего это Мирон и Михаил заспались так?— соображал Илья.— Ну-ка, погодите, покажу я вам...»

— Мишка!— заорал он голосом хозяйки Сирвойтой.— Ну и чудеса, до каких пор валяется! Ах ты разоритель наш, ах ты говядина ленивая! Лошади не кормлены, не поены, сена — ни клочка, а он себе дрыхнет! А ну, поднимайся! И на гумно надо съездить, соломы привезти... Да хватит тебе потягиваться! Небось на посиделки не лень ходить, болтаешься где-то до полуночи...

Михаил будто и не спал вовсе. После первого окрика он вскинул голову, протер наспех глаза и слез на пол. Потом схватил свой пиджачишко, висевший под полатями на гвоздике, и стал одеваться, готовый теперь до самой поздней ночи тянуть привычную батрацкую лямку.

Все молча смотрели на него: Мирон и Илья — с полатей, свесив головы, родители — из-за стола. Наконец Илья не выдержал и захохотал. Засмеялся и Мирон.

Михаил вздрогнул и словно заново проснулся. Он стал растеряннo оглядываться и совсем смутился.

— Машина! — давясь от смеха, произнес Мирон.— Ну прямо что машина! Заведешь — работает, выключишь — перестает работать. Ох, и умора!

Рассмеялась и Марфа, но смех ее не был похож на хохот Ильи и Мирона. Это был грустный смех матери, жалеющей собственное дитя.

— О господи помилуй!— всплеснула она руками.— До чего же чужой хлеб человека доводит! Да ведь дома ты, Мишенька, дома уже! Раздевайся обратно. Обманули тебя баловники.

Михаил стоял вытаращив глаза и не верил случившемуся. Теперь он был попросту жалок, и смех на полатях умолк. Но тут же лицо обиженного парня вспыхнуло гневом и с языка его сорвались такие слова, какие он обычно не решался произносить на людях.

— Закрой поганный рот!— крикнула на него мать.— Ты что сказал, греховодник?

— Не слышала, что ли? — не то в шутку, не то в сердцах отозвался отец. — Умеет уже, научился...

Слова отца и тон, каким они были сказаны, окончательно пришибли Михаила. И хотя никто уже не смеялся над ним и не дивился на него, именно теперь ему стало особенно обидно. Он скинул пиджачишко и как ошалелый снова взобрался на полати.

Илье и Мирону стало совестно. Веселье обернулось наизнанку, вместо шутки только обозлили парня. Но в жизни бывает по-всякому, на пути человека встречается много развилок и поворотов, о которых ему заранее ничего не ведомо. Разве улегся бы обратно на полати Михаил, зная он о том, какое лихо припасено ему, какие напасти обрушит на его голову нынешний светлый денек, а потом мгристо-черный вечер? Нет, он, конечно, ответил бы на забаву брата шуткой, повозился бы с Мироном, после чего все трое отправились бы в церковь, себя показать да людей посмотреть. Ан не так случилось. Известно ведь, уж если в какой ручей упала росинка, в том ручье ей и плыть.

Последней собралась в церковь мать. Еще загодя она слышала, как Илья и МIRON уговаривали Михаила пойти вместе с ними, и считала, что все трое уже давно там. Поэтому, уходя, она сунула в дверную скобу коромысло — всем людям знак, что в доме никого нет и постороннему соваться нечего.

И вот в избе воцарилась звенящая тишина. Только и слышно было, что шорох тараканов да писк мышей, благо кошка у Марфы пропала и мышам было у Ошлаповых раздолье.

Михаил неподвижно лежал на полатах. В нем боролись два желания: одно — враз открыть глаза, слезть с полатей, накинуть новую одежду, заработанную в батраках, и выйти на люди; второе — так и пролежать здесь весь день, весь вечер, всю ночь и копить, копить злобу, чтобы, когда понадобится, спустить ее с цепи, как дворовую собаку.

Михаил и сам хорошенько не понимал, на кого он негодует. Эта злость родилась в нем не сегодня утром и не в последние дни, она накапливалась в нем с детства, еще с той поры, когда его сверстники играли под окнами на улице, а ему приходилось нянчить братиш-

ку, качать Илюшкину люльку. Это ему, шестилетнему мальчику, велели пасти скот, сначала свой — корову с телкой, а потом и чужой тоже. Когда другие ребяташки пошли в школу, мать дала ему прялку. «У тебя, — сказала она, — сестер нет, а холст ткать надо». Но мальчишеское ли это занятие! С десяти лет Мишке пришлось косить наравне со взрослыми, с двенадцати — бродить с отцом по лесу, с шестнадцати — почти каждое лето батрачить. Его всякий норовил обидеть, никто не считал его за человека, даже самая бедная девка не зарилась на Мишку Ошлапова. Во всем селе у него не было ни одного настоящего друга. И сейчас, конечно, никто не вспомнит про Мишку, где он и что делает, почему его не видно.

Будто нарочно, будто лишь для того, чтобы еще больше растравить в нем злобу, где-то под печью неприятно застрекотал сверчок. Нстойчивые тонкие звуки противно отзывались в груди. Захотелось куда-нибудь убежать. Надо же появиться на свет этакой твари — сама прячется, а другим жить мешает!

Но потом пиликанье сверчка воскресило в памяти давние образы. Вспомнилось сверкающее красотой и радостью весеннее утро. Это было в раннем детстве, когда Мишка еще не научился оценивать явления жизни и в его душе еще не было места для ненависти, когда он был тем, кем родился, — бойким, шаловливым, любознательным существом.

Отец изредка брал его на рыбалку, просто так, за компанию. Вот однажды они заночевали в шалаше. На рассвете отец пожалел будить Мишку и отправился один осматривать сети. Мишка проснулся под пение маленькой серой пичужки. Она сидела на ветке сосны, почти над самым входом в шалаш. Пела она так хорошо, что Мишка не смел шевельнуться: боялся спугнуть ее. Он смотрел на птичку и никак не мог в толк взять, каким это образом такое малое создание издает такие громкие звуки.

Кто знает, как долго пролежал бы Мишка в шалаше, если бы веселый певец вдруг не упорхнул куда-то. Мишка, позабыв обо всем, бросился на волю за ним. Оказывается, такие же птицы пели повсюду. Они приветствовали восходящее солнце.

Где-то поблизости закуковала кукушка. Эхо от ее неумолчных призывов, казалось, наполнило весь сосновый бор. Мишка бежал по узкой тропке, и с веток на него сыпались капли росы. Утренний воздух приятно щекотал тело, сердце в груди радовалось и куда-то спешило.

И вдруг опять новое ощущение: лес неожиданно кончился, перед ним раскинулись цветущие луга, ослепительно блеснула зеркальная гладь озера. А вокруг озера — всякие занятные птицы. «Испипири-испипири-испипири...» — мелко подрагивая остроконечными крыльями, выводил коростель. Всем на свете без конца хвастался сидящий на мокрой кочке голенастый кулик: «Витли-вотли, шел-ходил я пять недель, ел и пил на целый грош...»

Мишка хохотал и гонялся за этими веселыми птицами до тех пор, пока его не кликнул отец...

С улицы слышались голоса — видно, обедня кончилась и народ стал расходиться по домам. Под окнами прошли люди, потом еще. Тут же на крыльце звякнула щеколда. В избу вошла мать и сразу принялась готовиться к приему гостей.

Когда пришли первые гости, Марфа как раз спустилась в голбец за пивом, и вошедшие поздоровались с пустой избой. Михаил узнал обоих по голосам, а дядю Лавреня еще и по запаху кислой шерсти, который он принес с собой. Дядя Лаврень всю свою жизнь скорняжил, и его маленькая избушка всегда была заполнена сохнувшими после закваски овчинами. Михаил отчетливо представил его себе — низкорослого, чернявенького, с совиными глазками, которые так пугали в детстве. Другим гостем был конечно же дед Софрон — длинный, как жердь, мужик с тонким, прерывающимся голосом.

— Вот тебе раз! — с досадой произнес Софрон и стукнул об пол палкой, с которой он никогда не расставался. — Дверь открыта, а никого нет.

Михаил весь съежился: как бы старик на полати не заглянул...

— Я тут, отец, — поднявшись из подпола, отозвалась Марфа. — Проходите, пожалуйста, раздевайтесь. Хозяин скоро придет.

Степана долго ждать не пришлось. С ним вместе вошли его шури́н с женой и их старшая вдовая сноха — белобры́сая Акси́нья.

В доме сразу стало оживленно. Снохи немедленно принялись оценивать Марфино старание.

— И когда она успевает, голубушка? На все у нее рук хватает. Пол чистый, что белый снег, печь словно молоком выбелена.

— Да и тканьем-рукодельем гордиться может, — подошла Акси́нья к висевшему на гвозде рушнику. — Иди-ка сюда, молодка, иди-ка! — подозвала она младшую сноху. — Глянь, умеет ли кто нынче прясть да ткать вот так-то тонко? А вышивка! Видишь, как нас, старых мастериц, обучали.

Обе снохи были в длинных сарафанах и одинаковых белых платках. Акси́нья — безбровая, приземистая, вся какая-то ровная, без талии, как ступка, а молодка — та высока ростом и лицом пригожая.

— Что ж остатки смотреть, голубушки мои? — подошла к ним с чашкой пива Марфа. — Когда-то немало было у меня такого добра, да где уж, все давно кончилось. Ленюсь, милые мои, спать много стала... Отведайте-ка, выпейте на здоровье, коли получилось что.

Пока одна сноха пила, другая продолжала беседу:

— И не говори, Марфуша, тебе теперь только и жить! Спрядут и наткут без тебя. Два жениха в доме, хоть обоих сразу жени. Принесут тебе тогда и одежду, и рушники...

«Сами женитесь, — мысленно ответил на эти слова Михаил. — Хоть насильно будете заставлять, не женюсь! Нарочно не женюсь!»

Пришли еще гости. Видимо, они по дороге беседовали об урожае, потому что, даже переступив порог, кто-то из них еще продолжал:

— Нет, ребята, озимые в этом году неважные, черви все испортили... — И, спохватившись, добавил: — Как живете-можете? С праздником вас!

— Проходите, проходите!.. А он у вас тоже напакостил?

— Здорово живете!.. Червяк-то?

— Да, быть беде на будущий год. Как бы заново сеять не пришлось...

— Господи, да ведь надо было и бабушку и деток привести! Почему сватья не пришла?

— Уж и не говори, милая! Плоха наша сватья, совсем на один глаз ослепла.

— Это что ж за беда ее постигла? Откуда такая напасть?

— Да ей сперва в глаз хвоей ударило, ну и стало бельмом затягивать. Она к коновалу. Коновал дал лекарство. Да где там! Весь глаз лекарство выело. Потом уже ссыльного лекаря привели...

— Не лекаря, а доктора!

— По мне все одно. «Ничем, говорит, помочь не могу...» Василь, а Василь, как оно, лекарство-то, зовется?

— Ляпис.

— Вот-вот, ляпис! «Неладно, говорит, коновал лекарство присоветовал, совсем бабу испортил».

Говорили обо всем, особенно женщины. У кого и когда овца заболела, у кого сколько яиц курица на стороне снесла, в каком селе у кого девка родила. Да и что еще женщинам в гостях делать, как не судачить! Ведь в праздник у них даже рукоделья с собой не должно быть.

А Марфа тем временем уже покрыла стол белой скатертью и выставила угощение — пироги с мясом, пирог с рыбой, шанежки. Оно, конечно, полагалось бы сперва чаю попить, да самовара-то нет, а у людей сегодня не возьмешь — самим нужен.

— Садитесь, отведайте нашу хлеб-соль.

Когда смотришь со стороны, рюмка у Степана Матвеевича будто и не маленькая, но на деле она из такого толстого стекла, что если сунуть в нее большой палец, то уж вина там вовсе не останется. Впрочем, ведь и у других тоже такие рюмки. Не будешь же поить гостей из стакана! Важно, чтобы на голодный желудок поднесли, а уж вино свое дело знает.

— Пейте да закусывайте, дорогие гости и гостюшки! — потчевала собравшихся Марфа, то и дело бегая от стола к печи и от печи к столу.

Сегодня есть чем угостить народ. К празднику всего припасено. Сколько недель ложки молока не хлебнули — все масло копили. Спасибо, покупные крупы

еще от петрова дня остались, зато на белую мучицу пришлось раскошелиться, за целых два фунта заплатили. Ну и дичи разной вдоволь нажарила да запекла. Налимью печенку подала, да два вида блинов, да два вида селянки, затем кисели из черемухи и из черники, да молоко с морошкой и молоко с малиной — ягоды Марфа хранила в моченом виде.

Гости ели и удивлялись:

— Вон сколько у тебя наготовлено, Марфуша!

— Да все вкусное...

— Так во рту и тает...

А Михаил слушал и только слюнки глотал.

«Ишь толстобрюхие, в один день все сожрут, ничего не оставят. А ты после них постись всю зиму, давись пареной репой да редькой, черными грибами да кислой капустой...»

Ему захотелось соскочить прямо на середину избы и крикнуть: «Ах вы, черви поганые! Довольно вам разорять наш дом!» Но так нельзя. Нельзя даже чуть приподнять голову. Увидят — и уж тогда разговоров не оберешься. «Да ты здесь, Михаил? — закричат. — Ах, ты, оказывается, дома! Спускайся, соколик, слезай оттуда, покушаем вместе, выпьем».

Но гостям было не до Михаила. Они уже наполнили желудки, в головах у них зашумело, и едва только встали из-за стола, как кое-кто уже начал прочищать глотку:

— К-хы, к-хы!.. Может, споем, ребята?

— А что, в самом деле, повеселим хозяев!

— Коли не отвыкли еще петь-то.

— Начинай-ка, сват, у тебя голос ладный.

Стулья, скамейки — все сдвинули в один угол, и гости окружили запевалу.

Ох, и да был бы я не-же-на-а-тый...

У запевалы голос теплый, как парное молоко, а глаза затуманились, так и просят подтягивать. Да ведь и просить не надо! Сразу нашлись и низкие голоса, и высокие, и средние. Поначалу неслаженные, они вдруг подошли, слились воедино, заполнили собой весь дом, и песня словно устремилась на волю.

Шурин Степана Матвеевича, рыжебородый охотник Василь, старательно округлял губы, и голос вылетал у него изо рта, как из трубы, а сам певец напоминал сейчас протодьякона. Похожий на черного жучка Лаврень пыжился изо всех сил и выводил песню, как он сам говорил, «клиросным дишкантом». Голоса других мужчин и женщин укладывались между этими двумя певцами. И только дед Софрон никак не мог приладиться — то высунется выше всех, то возьмет куда-то вбок. В конце концов старик махнул рукой, отошел и завел разговор с хозяином.

А Михаил, бедный Михаил! Каково ему там одному! То ничком ляжет, то свернется калачиком. Но потом он сделал интересное открытие: оказывается, если часто-часто затыкать пальцами уши, то получается нечто напоминающее собачий лай: ава, ава, ава...

Спели уже несколько песен. Михаил так увлекся своей игрой на ушах, что не услышал, как к их избе свернула молодежь с гармошкой.

Женщины бросились к окошку. А самая проворная из них, Аксинья, на радостях притопнула и запела частушку:

Ох, тальяночка моя,
Сердцу утешеньице...

Молодежь ввалилась в избу гурьбой. Тут были Мирон, Илья, Митрий Расов, брат Петрована Иван и еще несколько парней из других деревень.

— Милости просим... Молодых мы уважаем... Сами были когда-то молодыми...

Женщины оказались разговорчивее мужчин, но слишком много говорить все же не полагалось — нельзя нарушать учтивость.

— Вы уж, молодые люди, нас, выживших из ума старух, не осуждайте. Мы хоть и редко гуляем, но погулять умеем. Эх, некогда, милые, много веселиться, да и не с чего!

Тальянка у Митрия щегольская, с колокольчиками, а мехи серебристые. И вот зазвенели колокольчики, и рассыпалась серебром «камаринская». Плечи у Аксиньи дрогнули, руки сами собой уперлись в бока.

— А ну, шире круг!

— Еще пошире, еще!..

Вдоль по улице Варваринской
Шел Касьян, мужик камаринской...

Начала Аксинья тихо-тихо. Сделала круг, прошла другой, приостанавливаясь, пристукивая каблуками и кидая по сторонам озорные взгляды.

— Почаще нельзя ли?

И пошло! Хмельные головы, лихая пляска... Тут уж кто удержится! Еще кто-то вышел в круг, за ним еще...

— А мы, ребята, что ж? Нешто теленка с шерстью слопали?

Вот встал Мирон. Раздевается Мирон. Он уже без бороды — забежал к учителю Степанову и побрился у него, — волосы подстрижены, лицо блестит. Ну совсем как прежний!

— «Матросскую», коли так...

Тальянка поперхнулась.

— «Матросскую» не умею. А «русскую» — это можно...

— Давай «русскую»!

Один сапог, другой сапог... Задник — носок, задник — носок... Глядите сами: охотничья обувь не то чтобы лаковая, а даже без каблучков. Зато ноги — пружины! Сделал этак, сделал так, сделал так, сделал этак... Люди даже рты разинули, сами вот-вот пустятся вприсядку.

— Эх, простору мало! Кабы на палубе!..

И Мирон завертелся, потом взвился в воздухе и, сжавшись комком, полетел вниз.

— Шире круг! Еще пошире!

И опять — как пошло, как пошло!.. Смеялась тальянка, звенели колокольчики. Кто приплясывал на месте, кто не мог усидеть, елозил по лавке. И каждый улыбаясь смотрел на Мирона. А Мирон! А Мирон! У него плясало все — и руки, и ноги, ну каждый мускул! Теперь казалось уже, что вообще все кругом пустилось в пляс — и чашки, и ложки, и полати, и сама изба.

— Ой, бабы, бабоньки! — спохватилась наконец молодуха. — Совсем мы тут забылись. Нам ведь еще в десяти местах побывать надо.

— Ох, верно ведь, пора!

— Уф! Ну и жарыща у вас...

— Пошли, пошли! Еще к тетке надо успеть да сваты со сватьями дожидаются, всю родню обойти надо.

— Спасибо тебе, Марфуша, солнышко ты наше! Спасибо, свет Степан Матвеевич! Погостили да будет...

Давешние гости наскоро распрощались и ушли. Осталась только молодежь.

Снова появилось пиво. Снова пришлось накрывать на стол.

— Мы, тетка Марфа, есть не хотим, обедали уже. И, как видишь, малость приложились тоже.

— Так ведь закусить-то все одно надо. Неужто откажетесь?

— От закуски? Нет, не откажемся!

Мирон держал сегодня ответ за всю компанию. Он и с хозяевами договаривался.

Степан тем временем вышел из избы. Вскоре он вернулся и сказал Мирону:

— Что-то, парень, Буско твой заскучал. Вынес ему хлеба — не стал есть. Видно, плохой ему праздник в хлеву.

— Выпустим его, дядя Степан, коли так, пусть с нами ходит. Собак он не боится.

Но Степан не согласился.

— Везде пьяные, еще зашибут ненароком, — возразил он. — Может, Лыско к нему поселим? Кобель с сучкой не станут грызться. Я своих собак тоже на сегодня запер.

— Пусть будет по-твоему, дядя Степан.

И они вместе вышли к собакам.

Марфу радовало, что Илья нашел себе хороших товарищей. Взять хоть Митрия Расова — никогда не буянит, никогда лишнего не скажет. Братья его в этом возрасте не такими были. Васька — тот вообще людей чурался. Сергей, бывало, в престольный праздник обязательно подерется, да и теперь, говорят, озорует. Опонь, тот, что в солдатах, — щеголь. Он с парнями из бедных домов не водился, всегда терся среди богатеньких. Из дружков Ильи нравился ей и Иван, который многим напоминал своего брата Петрована. Такой же

приземистый, с могучей шеей, грузный, словно из земли сложенный, он, бывало, что-нибудь не спеша расскажет и непременно улыбнется: так, мол, или нет? Да и другие парни, видно, были не из спесивых. Марфа, правда, их еще как нужно не распознала — из каких деревень да каких родителей сыновья, — но, судя по одежке, недалеко ушли от Ильи.

Очень удивил Марфу сегодня Мирон, и она, ставя сейчас на стол рыбный пирог, сказала:

— А я-то опасалась, Мирон Васильевич, что, там у себя в починке сидя, ты совсем прокис да мохом оброс.

— Там, тетка Марфа, и впрямь одичать проще простого, — согласился Мирон. — Сам не заметишь, как в медведя обратишься.

— А скажи, Мирон, — обратился к нему Митрий, — зачем же ты продал свою наследную долю? Ведь мог же здесь, в селе, остаться?

У Мирона зло сверкнули глаза: Митрий задел его больное место. Но он сдержался и только сказал:

— Вот когда получишь шестую часть отцова хозяйства, тогда и поговорим.

— А если и так, уж я-то не стану подаваться к медведям, — как всегда спокойно ответил Митрий. — Мне еще среди людей не надоело.

— Помолчи-ка, Митрий!

В словах матроса прозвучала та внутренняя сила, которая делает наиболее благоразумным прекращение острого разговора. Тут подошел Степан Матвеевич и подал Илье бутылку водки.

— Твои гости, тебе и угощать! — просто сказал он, на самом деле желая испытать сына — кому поднесет он первую рюмку.

Ну, и, конечно, Илья поднес отцу.

— Будьте здоровы, молодые люди! — торжественно произнес Степан, впервые приняв вино из рук любимого сына.

— Выпей на здоровье, отец! Мама, подойди-ка сюда!

Ах, как вкусно вино, поднесенное сыном! Марфа выпила до дна и опрокинула рюмку над головой, вызвав всеобщий восторг.

И только Мирон вдруг загрустил. Он, первый на селе озорник, а потом лучший плясун из всего экипажа боевого корабля, внезапно притих! Отчего бы это?

Ему вдруг вспомнилось, как он, совсем еще не-смышлениш, очутился на учебном судне у берегов далекого южного моря, как он стал матросом овеянного славой русского флота. Ведь это он еще совсем недавно чувствовал себя так же уверенно на высоченных мачтах, как куницы и белки на верхушках самых высоких деревьев. Ведь это он плавал и нырял, подобно дельфину, и стрелял по мишеням из башенных пушек не хуже, чем из своего охотничьего ружья. На море он полюбил простор, повидал красивые города, узнал, как живут люди в других странах...

— Ты что, Мирон, никак осерчал на меня?

— На тебя? Эх, что ты понимаешь, Митрий! Ничего-то ты не понимаешь...

— Ладно, пусть по-твоему будет. А ты вот что скажи, служивый. Слышал я, будто раньше крестьянам не позволяли отделяться от общества на хутора или в Сибирь переселяться. Верно или нет?

Чудной малый этот Митрий, если привяжется, то уж не отстанет.

— Ну что ж, скажу, если тебе так невмоготу,— улыбнулся Мирон и обвел взглядом приятелей.— Верно говоришь, закон такой вышел несколько лет назад, раньше выделяться не дозволялось. А знаете, кто выдумал этот закон? Царский министр, вот кто!

— Зачем выдумал?

— Ишь чего захотел!— заметил кто-то.— Разве про то ведомо?

— Да нет, просто Митрий торопится,— хотел было отшутиться Мирон.— Ему бы сначала спросить, кто он был, этот самый министр. Вот я ему и ответил бы: Столыпин.

Все засмеялись, приняв фамилию министра за очередную шутку.

— Святая правда! — стал убеждать приятелей Мирон.— Был такой царский министр Столыпин.— Он подозрительно огляделся по сторонам, нет ли посторонних, и добавил почти шепотом: — Матросы ему иное прозвище дали — «вешатель». А знаете почему?..

Только вы, ребята, об этом ша! Никому!.. Он матросов вешал. Тех, что против царя хотели пойти...

Мирон знал больше, чем рассказывал. В первые годы его службы на флоте много говорили о броненосце «Потемкине», экипаж которого восстал против царя и перешел на сторону революционных рабочих Одессы. И сколько бы начальство ни хулило бунтовщиков с «Потемкина», Мирон понимал — они были бесстрашными людьми, настоящими героями.

— Это Столыпин всех вешал, кто против царя шел,— добавил Мирон и еще раз обязал дружков молчать про то.

— Глянь, ребята, учитель куда-то пошел,— заметил Иван.

Мирон поспешно распахнул окно и высунул голову наружу.

— Николай Иванович, можно вас на минутку?

— А, Мирон Васильевич! Вы тут?

— Просим, Николай Иванович, в нашу компанию!

Степанов не стал отказываться. Через минуту в избу вошел белокурый человек в черном городском пиджаке. На вид ему было лет двадцать шесть — двадцать семь. Его немного веснушчатое лицо вызывало симпатию и выказывало характер человека общительного и приветливого.

Степан Матвеевич, Мирон и Илья поднялись навстречу учителю и усадили его на самое почетное место. По всему чувствовалось, что Николая Ивановича здесь уважали и относились к нему как к своему человеку, хотя учительствовал он в Важгорте всего лишь второй год. Недаром на сходках мужики доверяли ему писать прошения и жалобы тоже ходили к нему, и он никогда не отказывал. Но особенно любили его школьники. У Николая Ивановича они учились прилежно и старательно. А с каким удовольствием они ходили с учителем в лес или на речку! Бывало, он начнет беседу — и перед ними все кругом оживает, каждая былинка, каждый камень, каждая мошка обретает свою жизнь, свою историю, свое место в этом полном чудес мире.

Да и Степанов был доволен здешним народом. Он встретил здесь трудолюбивых, честных, приветливых

людей, опытных землепашцев и умелых охотников. Даже вспомнить смешно, как ему не хотелось сюда ехать. Когда его, после окончания Петербургской учительской семинарии, назначили в неведомый, захолустный уголок Российской империи, к «зырянам», как тогда называли коми, он счел это слишком суровым наказанием за свое «вольнодумство», за свои частые споры с преподавателями. Но раскаиваться ему не пришлось. Прав был покойный отец — тоже «скромный труженик на ниве просвещения», как ему нравилось себя называть. Он не раз говорил своему младшему сыну Николаю: «Нет благороднее дела, чем нести в народ свет и знания. Трижды благодарен труд человека, который, не щадя своих сил, сеет семена разума среди угнетенных племен, проклятых самим богом».

Приехав в эти края, Степанов попал вовсе не к дикарям, добывающим себе пропитание первобытными способами, как его пугали в столице. Человека пытливого и вдумчивого, его поразило то обстоятельство, что здесь наблюдалась та же картина, что и в центральных губерниях России, — немногочисленные деревенские богатеи стремительно набирали силу за счет разорения остальной деревенской массы. Николай Иванович оказался одним из немногих образованных людей, которых действительно заинтересовали и взволновали судьбы населяющего эти края народа, его история, быт и культура. Открывшийся ему в изобилии совершенно не тронутый в науке материал увлек его не менее, чем учительская деятельность, и он охотно общался с местным населением, стараясь проникнуть в душу здешнего человека, постигнуть характер, склонности и привычки своих новых друзей. Вот и сейчас он с радостью откликнулся на приглашение Мирона.

— За что же будем пить? — поднял предложенную рюмку Николай Иванович. — Знаете, что сегодня праздник охоты, давайте выпьем за богатый промысел!

Пожелание учителя понравилось хозяину дома, и он согласился:

— Сущая правда, Николай Иванович! Нынче наш, охотничий праздник. Видно, и в ваших краях его почитают.

— Я ведь родился в городе, Степан Матвеевич,— улыбнулся учитель.— В большом и шумном городе Петербурге. Наверно, слышали про Питер?

— Как не слышать! Питер-то один. И Москва тоже одна-единственная.

— Я это к тому, Степан Матвеевич,— пояснил учитель, заметив шутливые искорки в глазах парней, вызванные простодушием хозяина,— я это к тому, что вокруг больших городов леса редкие, там мало охотятся.

— Понимаю, понимаю! Как же, у каждого свое дело. Мы пушнину промышляем, а там, в Питере, товары производят. Без городского товара и мы пропадем.

Как-то сама собой исчезла неловкость первых минут, и беседа стала непринужденной. Темы обсуждались разные, но в конце концов снова заговорили о починках и займках, не упоминая про закон и про министра Столыпина. Учитель спросил, почему возник у них этот вопрос.

— Да так просто, Николай Иванович,— ответил Мирон.— Обо мне толковали. Скучаю я там у себя. Курс взял не тот, и фарватер тесноват. Понимаете меня?

— Очень хорошо понимаю, Мирон Васильевич,— серьезно сказал учитель. И, чтобы остальные уяснили значение флотских словечек, добавил: — Значит, направление не то взял. На узкой тропочке оказался... Что ж, бывает такое в жизни. Сначала просторы морей и океанов, ширь великой русской земли. Бывалые люди, высокие стремления, громкие события... А тут немой лес, и ты, еще недавно бравый моряк, будто затерялся в нем.

Слова Степанова произвели на Мирона столь сильное действие, что он схватился за грудь и едва не раторвал на себе рубаху.

— Душно мне там, Николай Иванович! Душно!— хрипло произнес он.

Все с удивлением смотрели на бывшего матроса, который, казалось, дошел вдруг до полного отчаяния.

— Полу-у-ундра! — взревел он диким голосом и хватил кулаком по столу, а кулак у него был с хорошую телячью голову.

— О господи, Мирон Васильич! — метнулась к нему от печи Марфа.

Но Мирон уже опомнился и только тяжело дышал.

— Не бойся, тетка Марфа, скандалить не буду... Извините, Николай Иванович...

— Ну что вы... По крайней мере характер виден.

— Характер подвыпившего матроса с потонувшего корабля,— горько покачал головой Мирон.

«А он мне положительно нравится!» — подумал учитель и ему вдруг очень захотелось, чтобы этот размашистый человек перебрался с заимки обратно в село.

— Кто купил ваши угодья, когда вы подались в лес? — спросил Степанов, намереваясь таким образом вызвать Мирона на желаемый разговор.

— Э, стоит ли о том говорить!..

— Нет, правда, как это у вас тут делается? Насколько мне известно, на починки ушли и другие, а многие и вовсе в Сибирь переселились. В чьи же руки попали их наделы?

— Покупатели у нас всем известны,— отозвался до сих пор молчавший Иван.— Власий Спиридоныч, Денис да мельниковы сыновья. Отчего ж им не скупать земли-то? За полцены к рукам прибирают. Небось пашню или лужок в Сибирь с собой не возьмешь...

— Вот и получается, что закон этого самого министра на руку тем, у кого и так землицы хватает,— добавил кто-то.

— Это вы про закон о хуторах говорите? — оживился учитель.

Но парни вдруг умолкли и теперь только переглядывались. Почувствовав, что своим вопросом он вторгся в запретную область, Николай Иванович поспешил переменить тему.

«Возможно, их секрет в том и состоит, что они пытаются найти правильный курс и более широкий фарватер,— подумал он.— Если так, то моя святая обязанность помочь им».

Занятый потчеванием гостей, Илья не вмешивался в разговор. Но ему еще со вчерашнего вечера мучительно хотелось выяснить, действительно ли кто-то позволяет себе поносить самого царя, как намекнул

об этом Володя Сирвойтов. Самого царя! Но спросить он так и не решился.

Вскоре гости стали расходиться.

3

После ухода молодежи Михаил слез с полатей.

— Разве ты, сынок, дома? — всплеснула руками мать. — С какой же стати хоронишься? Или разум помутился?

— Кто дома? Михаил? — показался в дверях Степан Матвеевич. — Что с ним такое стряслось?

— Башка болит, — пробурчал себе под нос Михаил, высматривая на печи какую-нибудь снедь.

— Врешь! — сердито оборвал его отец. — Не потому валяешься. Капризничаешь все, родители тебе не угодили!

Степан не терпел в сыновьях неискренности. Стоило им пожаловаться на что-либо или неловко схитрить, как он мгновенно вскипал.

— Ишь выхваляется! — продолжал он. — Из-за пустой шутки озлился, нос задрал. Думает пронять кого-то... Вот возьму ремень да так отхлестаю! Не посмотрю, что долговязый...

— Может, и впрямь голова болит у парня, — заступилась за сына Марфа.

— Брешет! Никогда не болела, а сегодня, видишь ли, заболела. Разве что заспал.. Ох, смотри, Мишка, у отца рука еще крепкая!

— Ну ладно, Степан, будет тебе, грех сегодня ругаться... Да и гости, слышно, опять идут к нам.

Гости сегодня будто подрядились ходить до поздней ночи. Одни желанные, другие — лучше бы и не тревожили, и без них не соскучились. Лезут назойливо, что осенние мухи, тоже почет им окажи, рюмкой не обнеси. Но ведь и хозяин хитер: никто и не приметит, как обойдет незваного гостя. Чем такого ублажать, рассуждает иной хозяин, лучше подать нищим, — вон они сколько грязи нанесли нынче в избу своими широкими лаптями!

Потчужа новых гостей, Марфа заодно накормила и сына.

Михаил встал из-за стола, оделся и вышел из избы. На крыльце он в нерешительности остановился. Село уже отужинало. Кругом слышались громкие голоса и пьяные песни. Куда пойти?

На сердце стало вроде легче немного. Но он все-таки никому не простит и все расскажет, о чем за столом давеча говорили. Только вот кому рассказать? Уряднику? А если Белоштык пристанет к нему с той изрезанной сбруей татарина? Вдруг дознается! Что тогда делать? Можно, конечно, оговорить Кондратия, еще кого-нибудь. Дескать, наняли Мишку Ошлапова... Да ведь все равно его-то самого тоже за это по головке не погладят. И от Кондратия попадет, и в тюрьму угодишь...

Михаил вышел на улицу и направился к церкви, рассчитывая застать там парней с девками.

Грязь стояла непролазная, особенно посреди дороги. Но недаром же говорится, что пьяному море по колено. Вон по самому месиву бредут три фигуры. Двое бородатых стараются помочь третьему, тому, что помоложе. Только ничего у них не выходит! И так они извозились, что не разберешь, во что одеты, во что обуты. Начнут петь — тоже ничего не получается, кто в лес, кто по дрова:

Е-е-ехали солдаты-ы-ы
Со службы домо-ой...

Михаил замедлил шаг.

— Ты, братан, вот что, — донеслось оттуда. — Ты скажи: где мы сейчас плывем? А?

— Тпру-у-у! Ногами нужно ходить, а не руками, ваше превосходительство...

— Плевать я хотел на его превосходительство!

— Правильно! Кому какое дело! Сами вылезем из грязи...

Вдруг Михаила окликнул детский голос, и к нему подбежал парнишка.

— Тебя Кондратий ищет, — сообщил он.

— Не знаешь зачем?

— Не знаю. Он к деду Пашко пошел с парнями.

— Ладно, найду, — сказал Михаил и направился к деду Пашко.

Изба Куимова стояла недалеко от погоста, чуть в сторонке от других домов, расположившихся вдоль дороги, и вел к ней узенький проулок, стиснутый между изгородями. Она давно обветшала, и крыша и крыльцо в три ступеньки почти совсем сгнили. Поставил ее дед Пашко еще в молодости. Сперва отапливалась она по-черному, потом он сложил трубу, прорубил второе окно, да так и простояла изба весь свой век.

Конечно, давно бы следовало Куимову построить новый дом, но все руки недоходили — каждое лето он и жена работали на других, а зимой уходили на Урал заготавливать дрова. Так оно и шло из года в год, покуда однажды не вернулся Пашко оттуда на деревянной ноге. А сыны, дочери у них не росли — родилось с полдюжины, да все померли...

Еще под окном Михаил слышал разноголосый шум и звуки гармошки.

— А ну, не галдеть! — увидав вошедшего, поднял руку Кондратий. Он был уже изрядно пьян. — К нам пожаловал дорогой гость, раб божий Михаил! Прошу любить и жаловать.

Шутка имела успех. С Михаилом все по очереди поздоровались и усадили за стол. Он сначала отказывался и смущался, думал, что усадили его только для потехи. Но все пошло ладно. На столе перед ним сразу оказались калачи, кружок колбасы, кусок семги и четвертная бутылка. Буль-буль-буль — полилась в стакан водка.

— Чтобы ни дыху, ни передышки! Слышишь, Мишка, залпом!

Ясное дело, он попробует залпом. Может, и осилит. Все внимание было сейчас приковано к нему. Смотрели на него парни с покрасневшими лицами, щуря озорные глаза. Смотрела, стоя у печки, бабушка Матрена, качая седой головой. А Михаил все выше и выше поднимал стакан, запрокидывая голову и с ужасом глотая огненную жидкость. Он едва не задохнулся, но пересилил себя, боясь прослыть робким новичком и стать посмешищем всего села.

— Ого-о-о!

— Молодчина!

— Здорово!

— Это, ребята, был штрафной. Налить снова!

Лицо Михаила сморщилось, ноздри раздулись, а залитые слезами глаза часто-часто моргали.

— Ох, и горькая! — едва переведя дух, прохрипел он. Ребята захохотали, засмеялся и сам Михаил.

Кондратий позвал Мишку Ошлапова не только для потехи. Дело в том, что он тоже опасался, как бы их проделка не всплыла наружу. Дернул же его тогда черт подговорить такого придурковатого парня, как Мишка, изрезать бикмедовскую сбрую! Что, если этот дуралей проболтается? Тогда и о нем, о Кондратии, пойдет дурная слава. Да и вообще — зачем ему было затевать эти козни против заезжего купца? Вступился за родню? А что ему, в конце концов, до выгоды Сирвойтова? Нет, глупое ребячество, и только! Но Мишку теперь надо держать на поводу. Пусть торчит тут, на глазах, все меньше заботы. Да и всей ватаге веселее — есть над кем посмеяться. Ну, а пройдут праздники, там дело по-иному обернется! кто в лес уйдет, кто на Урал...

У Михаила уже здорово шумело в голове. Ему вдруг стало так весело, что теперь он мог что угодно снести, как бы над ним ни потешались. Внезапно он вспомнил о разговоре, который подслушал, валяясь на полатах.

— Ребята! — смело крикнул он. — Погодите, ребята! А я что знаю...

Но его не слушали.

— Не хотите? Я вам такое скажу!

— Ты, Мишка, ничего не должен знать, — подошел к нему Кондратий. — Молчи! Понял? Не смей говорить! Чтоб ни единого слова!

— Это как же так? — даже вытянулся от удивления Михаил. — А если я хочу сказать?

— Голову оторву!

— Мне... голову? Ну ладно, не хотите — не надо, — ссутулился Михаил. — Помолчу, мне нетрудно.

Дед Пашко ушел из дому, еще когда молодежь только начала сходиться. Ему не по нраву пришелся разгул в день престольного праздника, хотя, собираясь у него в избе, парни ели-пили свое и обычно щедро угощали хозяина.

Неспокойно было и бабке Матрене. Что-то уж больно бахвалистые собрались сегодня, а ведь будто все хороших родителей дети. Кроме Кондратия, пировали нынче у деда Пашко сыновья Ивана-мельника, сыновья лесного объездчика, сын церковного старосты. Да и остальные не хуже, не беднее.

Пировали и хвастались напропалую. Все хотели казаться сильными, красивыми, бесстрашными. А какая уж там красота или сила, скажем, у Никона, сына церковного старосты! Сам с лукошко ростом, голос как у холощенного барана, лицо что решето — все оспой исклевано. Да и Кондратий недалеко ушел от Никона. Видать, в отца выдался, в Дениса Певчего. Тоже хилловат, того гляди ветром сдует. А ведь туда же, все кому-то грозитя, на кого-то зубы точит, кого-то не по-доброму поминает. То и дело показывает, не вынимая из кармана, что-то темное, вроде кожаных варежек.

Бабка Матрена понимала, что они сговариваются на какую-то большую драку, вот только никак не могла взять в толк, кого же им сегодня поколотить приспичило.

«Ой, Михайло, Михайло! — сокрушалась бабка Матрена. — Угодил ты нынче меж двух жерновов! Поколотят тебя и те и другие. Пошто к своим парням не идешь?»

Но заговорщики рядили по-иному, хотели укрепить свои силы за счет Мишкиных кулаков. В конце концов ему открыли тайну и прямо спросили:

— Ты за кого будешь?

— Кто угостил, за тех и буду, — пообещал Михаил и тут же пригрозил будущим противникам: — Я им покажу! Узнают, как человека обижать...

Ему и в самом деле вдруг захотелось избить кого-нибудь — такую почувствовал он в себе отвагу.

Лужок, примыкающий к церкви, тянулся и по ту сторону столбовой дороги, переходя в поросшую травой вырубку, где когда-то был мелкий сосняк. Здесь-то, у самой опушки леса, стоял сруб под амбар, который начали строить всем обществом. Возле сруба ле-

жали груды бревен, почва здесь была песчаная, сухая. Потому-то парни с девками тут охотно собирались. Сегодня сюда по старой памяти пришли и многие молодыены — потолкаться среди холостых сверстников. Были тут мужики и постарше, но те уже еле стояли на ногах, их мотало из стороны в сторону, и они всем мешали. В толпе притаились и свахи. Их сюда привела своя забота — невест приметить, женихов оценить.

Что тут сейчас творилось! Одни отплясывали кадрили, другие пели, третьи просто дурачились и грызли кедровые орешки. Тальянки наяривали вовсю, где звонко, где с хрипотцой. От них не отставали свистульки, сделанные из полого стебля дудочника. И множество этих разноголосых звуков — песен, переборов гармошки, пьяных выкриков — сливалось воедино, создавая беспокойный шум, все нарастающий по мере приближения хмурого, облачного вечера.

Вся ватага Мирона, кроме Митрия, была здесь. Илья сидел на разостланном пиджаке и, помахивая палкой для перетягивания, подзадоривал окружающих:

— А ну, с кем еще потягаемся? Садись, кто желает!

Среди обступивших его плотным кольцом парней и девушек большинство держало его сторону. Пусть уж он всех победит.

Вера тоже была здесь. В узкой, сшитой в талию жакетке и накинутой на голову шелковой шали, изпод которой виднелась коса, перевязанная на конце яркой лентой, она смотрела на состязающихся, опасаясь, как бы Илья не покалечился. Но разве скажешь ему об этом! А сказать надо, пока еще не поздно.

— Иван,— шепнула Вера соседу,— уговори его, хватит уже.

Мирон тоже беспокоился за Илью: парень молодой, кости и сухожилия еще не окрепли, в самом деле может худо кончиться.

А сквозь кольцо людей уже пробирался новый охотник потягаться.

— Ну-ка, пропустите меня,— приговаривал он.— И я хочу силушку испытать.

Это был Петрован. Когда он пробился через толпу, в кругу будто даже теснее стало.

— Погоди-ка, брат,— шагнул к нему Иван,— Илья уже утомился.

— Верно, верно,— поддержал его Мирон.— Коли охота, давай со мной. Ты ведь тоже не один тут,— обратился он к Илье,— дай-ка и другому попытать счастье.

Тут Вера вспомнила про наказ тетки Феклы: долго, мол, не шляйся, придешь — приберись в доме. Она пробралась к Илье, что-то шепнула ему и ушла.

Петрован был навеселе. Впрочем, с трезвой головой женатый человек и не пришел бы сюда. Он сбросил свой пиджачок и остался в одной рубаше. Теперь каждый мог оценить его могучую шею и мускулистые руки.

— Да, такому только оклупень и подымать!

— Ну, Мирон, прощайся!

— Вы, ребята, загодя не того... Мирон тоже не легкий кус.

Мирон, последовав примеру своего противника, скинул верхнюю одежду. За распахнутым воротом рубашки мелькнула татуировка — якорь, обвитый флотской лентой.

— Видали?

— Не слепые!

Люди сгрудились, тесня друг друга. Всем хотелось посмотреть на состязание двух силачей.

Вот они сели. Уперлись ногами. Ухватились за палку.

— Что в заклад поставим?

— Штоф вина.

— Идет!

Все видели, как у обоих на руках напряглись мускулы.

— Ишь, с места даже не сдвинулись!

— Словно прилипли!

— Известное дело, у Петрована один зад сколько весит!

— Погоди смешить...

Противники слегка покачивались: то Мирон поднимется, то Петрован — испытывают друг друга.

— Ну, каково тебе, туго приходится? — спросил Петрован.

— Ничего, пока терпимо, — отозвался Мирон.

Теперь у них напряглись даже мускулы лица, глаза налились кровью. Зрители затаили дыхание, круг стал еще теснее. Напряжение с обеих сторон возрастало удивительно ровно, будто на весы накладывали одинаковые гири. Но сколько же можно так накладывать?

— А теперь как? — с натугой произнес Петрован.

— Тяжелее становится, — хрипло выдавил Мирон.

Оба, видно, рассчитывали взять выдержкой, у кого терпения больше.

— Вот дьяволы! Пора уж кому-то сдаться...

Еще по одной гире на обе стороны. Качнулся один, качнулся другой. И снова замерли на месте. Напряжение отдавалось дрожью в спине и в ногах. Народ затих.

И вдруг раздался треск. Оба соперника отлетели в разные стороны.

— Сломалась.

— Палка не выдержала...

Толпа загудела, круг раздался.

— Сно-о-о-ва!

— Другую палку давай!

Удар о землю оглушил обоих. Петрован поднялся на ноги первым.

— Пошли за новой? — спросил он.

Но зрителям было уже не до состязания. Прямо на них шла ватага богато одетых парней. Впереди шагала, наяривая на гармошке, Кондратий. Идущие за ним горланили похабные частушки.

— Ого! — поднялся Мирон. — Отойти в сторонку, что ли?

— Из-за этих-то недоносков? — не согласился Петрован и шагнул вперед.

Товарищи примкнули к нему.

Шумная ватага прошагала у них перед носом, нахально спев при этом:

Кто под ноги подвернется —
Ляжет тот в сосновый гроб...

Лица угрюмые, глотки разинуты, глаза так и мечут злобные стрелы.

— Крепко серчают,— заметил Мирон,— нам грозятся.

Илья не поверил своим глазам.

— Видали? Наш Мишка с ними!..

— Да ты что, парень?

— Гляди! В последнем ряду.

— Верно ведь! Ну и дурак!

Кондратий и его дружки, не останавливаясь, вышли на большую дорогу и направились в верхний конец села. Но на полянке уже все расстроилось, круги распались, умолкла плясовая, и вскоре гармошки тоже двинулись в сторону села, зовя за собой всех собравшихся. Через некоторое время здесь почти никого не осталось.

Мирон глядел на сгущающиеся тучи.

— Опять небо плакать собирается,— сказал он.

— Да, придется нам крышу искать,— вздохнул кто-то.

— А не пора ли поесть? — посмотрел на брата Иван.

— Пошли к нам ужинать,— отозвался тот.— Заодно и спорный штоф разопьем.

И они тоже ушли.

Быстро темнело. Вскоре стал моросить дождь и загнал народ в избы. Пока ужинали, дождь усилился, и было ясно, что он зарядил надолго.

Вера и Федора быстро убрали дом и помогли хозяйке накормить ужином гостей. Потом они вышли в старую избу и договорились, что Вера сейчас уйдет, а если хозяйка ее кликнет, Федора что-нибудь да придумает. Федора была рада хоть чем-то помочь Вере, которая стала для нее самым близким человеком на земле.

Несмотря на дождь, из темноты время от времени доносились голоса. Где-то, судя по всему, дрались — визжали женщины, непристойно ругались мужчины.

Обходя свет, падающий из окон, Вера добралась наконец до узкого проулка, ведущего к дому деда Пашко. Илья условился с ней, что она будет ждать его здесь.

Откуда-то сзади слышались пьяные голоса. Видно, кто-то тоже шел сюда.

«Может, с ними Илья?» — подумала Вера, мечтавшая поскорее обнять своего милого, и сердце у нее забилося часто-часто.

Но что это? Кто-то со злобой поминает Илью и Мирона... Кто бы это мог быть?

Вера перемахнула через изгородь, плотнее укуталась шалью и стала ждать. Вскоре она узнала по голосам Кондратия и Михаила.

— Напугались... Попрыгались... — с трудом выговаривая слова, ярился Кондратий.

— Да ведь все одно ты бы им ничего не сделал, — убеждал его Михаил. — Какой от тебя сейчас толк, коли ты и ходить-то не в силах!

— От меня нет толку? — возмутился Кондратий. — А ну, по башке тебя стукну... Хочешь?

— Это зачем же? Ты уже давеча попробовал разок. На-ка, пощупай. Шишка с яйцо вскочила. Если бы я тогда не убежал, ты бы, наверно, и еще угостил.

Кондратий самодовольно рассмеялся.

— А ну, а ну! — оживился он вдруг и изо всех сил ударил Михаила.

Вместо того чтобы дать обидчику сдачи, Михаил жалобно заскулил:

— Я тебя, как самого себя, оберегаю, а ты меня бить! — хныкал он. — Ты эту варезку сегодня уже ко многим приложил... Кабы я тебя не увел потихоньку, крепко попало бы тебе, хоть они и друзья... Избили бы за милую душу...

— И ты с ними стал бы бить?

Веру теперь отделяла от парней только изгородь. Темень была такая, что она с трудом различала их фигуры. Михаил молчал, держась руками за голову.

— Говори: стал бы меня бить или нет? — настаивал с пьяным упорством Кондратий. — Ты что, осерчал, может? Ах, осерчал!.. Коли так, получай еще!

И снова слышался хлесткий удар.

Михаил замычал дурным голосом и упал было, но

тут же вскочил на ноги, бросился к изгороди, с яростью вывернул кол и со всего размаха опустил его на голову Кондратия. Тот повалился в грязь. Вера вскрикнула, и, будто напуганный этим криком, Михаил тоже упал.

— О господи! — прошептала Вера, не зная, что делать.

Она кинулась к деду Пашко и, вбежав в избу, остановилась на пороге, не в силах вымолвить ни слова.

— Что с тобой, Веруша? — удивилась бабка Матрена.

— Кондратий и Михаил... убили друг друга...

— Да что ты! Где?

— Тут, близко...

Только теперь Вера заметила, что в избе были посторонние — две соседские девушки — Катя и Аня, а также Митрий.

— Беда, значит, случилась, черти бы вас задрали! — выругался дед Пашко и, елозя своей деревянной ногой, стал слезать с полатей. — Да куда вы, куда? — крикнул он девушкам, бросившимся к двери. — Хотите, чтобы Белоштык затаскал вас по управам да судам?

Вера немного успокоилась и рассказала, как было дело.

— А может, не до смерти, — высказал предположение дед Пашко. — Только Мишку все одно могут в тюрьму засадить.

— Как же так? — возмутился Митрий. — Затеял-то драку Кондратий, а засадят Мишку? Что-то мне не понятно.

— Э-э-э! — протянул дед Пашко. — Поживи с мое — поймешь. Овца всегда перед волком виновата.. Так вот, Мишку надо спрятать, а тот пусть там лежит. Очухается — уйдет. Только чтобы все молчок! Поняли? — И скомандовал: — Тащите Мишку сюда, а сами выметайтесь поскорее! Вас тут не было, ничего не знаете, ничего не слышали. Ясно?

— Да, неладно получилось, — задумчиво потрогал свой картуз Митрий.

Он теперь раскаивался, что перед вечером решил

зайти домой и, пока ужинал, потерял из виду Мирона и остальных товарищей.

Когда молодежь вышла из избы, бабка Матрена похвалила мужа:

— Ты, старик, ладно придумал. Эти не скажут, я их знаю. Только вот за Митрия опасаюсь. У Алексея Расова сынки все задиристые.

— Погоди печалиться, старуха. Митрий не такой.

Тут внесли в избу Михаила. Мокрый, весь в грязи, он был без сознания и лишь тихонько стонал. Его уложили за печью.

— А теперь идите, идите отсюда! — снова скомандовал дед Пашко. — И чтоб молчок! Слышите? Ты, Вера, пока останься.

Когда все ушли, бабка Матрена стала особо наставлять Веру, чтобы никому ничего не рассказывала. Но Вера и сама понимала — Михайл-то ей куда ближе, чем Кондратий.

Внезапно под окном послышались голоса. И, как назло, Михайл застонал громче.

— Хоть бы он-то замолчал! — бросилась к нему испуганная Вера.

В дверях показался Мирон, за ним Илья и Иван. Они кого-то тащили на руках.

— Покойника на дороге нашли, — сообщил с порога Мирон.

— Ох, батюшки! — притворно изумилась бабка Матрена. — Кого же?

— Сейчас к свету поднесем — узнаем...

— Кондратий! — ахнул Илья.

— Кто ж его так?

— Ну и дела, друзья!

Кондратий лежал на полу посреди избы. Тело его было похоже на ком грязи, по бледному лицу стекала кровь.

— Может, жив?

— Сердце послушайте, сердце...

Илья опустился на колени и замер над телом. Потом встал.

— У меня у самого сердце так колотится, что и не разобрал.

Постукивая деревянной ногой, подошел дед Пашко.

— Вы вот что, молодые люди. Моя изба не лазарет. У него свой дом есть. И зря вы его с места тронули, надо было сперва уряднику доложить.

— Это верно,— согласился Мирон,— так бы и следовало сделать. А то начнут выпрашивать, как и что. Беги, Иван, скажи уряднику.

— Мы вдвоем сходим,— предложил Илья.

И они ушли.

Опять появились девушки и Митрий. Им не терпелось узнать, жив ли Кондратий. Но, увидав Мирона, они повели себя так, будто им ничего не известно. Митрий даже заранее придумал, что ему говорить на тот случай, если притянут Мирона.

— Мы ведь за вами шли, Мирон,— выдумывал он, чтобы и другим стало ясно, что он замыслил.— Вдруг слышим — вы там, впереди, кого-то нашли на дороге. Ну, мы тоже остановились. А потом опять за вами двинулись. Что, думаем, там такое случилось? Оказывается, вон оно что...

Катя и Аня понимающе переглянулись: мол, слышишь, как надо будет отвечать? Дед Пашко тоже подмигнул жене, словно спрашивал: «Ну как сынок у Алексея Расова, толковый малый?»

В избу ввалился Белоштык. На боку у него болталась сабля, его черные усы будто еще больше встопорщились, в глазах застыл испуг.

— Молчать! — первым делом рявкнул он, и все поняли, что урядник вдребезги пьян.

За ним вошли Илья и Иван, потом понятые, а там стали входить и просто любопытные.

— Зачем с места тронули? — заорал Белоштык.— Кто разрешил?

— Но, господин урядник, он ведь, может, жив еще,— сказал Мирон.

— Молчать! — снова рявкнул Белоштык и уставился на Мирона, только теперь узнав его.— А-а-а! Так это ты, матрос? Тогда все понятно...

— Мы, господин урядник, нашли его по дороге сюда,— невольно встал навытяжку Мирон.— И занесли в избу...

— Молчать! Под арест!

— Кого? Меня? Это за что ж?

На мгновение все притихли. Урядник мутными глазами оглядел собравшихся. Люди застыли в угрюмом молчании.

— Мирон ни в чем не виноват,— подался вперед Илья.— Он шел с нами.

— И я с ним шел,— поддержал Иван.

— Знаю, все знаю! — словно обрадовался урядник.— Одна компания! Днем еще вас видел. И вот ты, Расов, тоже с ними был.

Митрий начал было рассказывать то, что он придумал, но Белоштык оборвал его:

— Всех под арест! Понятые, глядите, чтобы не сбежали!.. Молчать!

Вера стояла за печью ни жива ни мертва. «Не виноваты они! Не виноваты!» — кричало все ее существо. Хотелось выйти и плюнуть уряднику прямо в его мерзкую харю. Но ведь так она выдаст Михаила, который все еще тихонько стонал, и его надо было поминутно укрывать какой-то, к счастью подвернувшейся под руку, одеждой.

Снова в избе стало тихо. Люди, обступившие распростертое на полу тело, понуро молчали. И вдруг Кондратий пошевелил рукой.

— Жив! Живой он!

Но странное дело — никто не решался к нему прикоснуться. Видно, так подействовали на людей угрозы урядника. На Кондратия смотрели с ужасом, как на ожившего покойника.

— Чего глядите? Поднять его с полу! — скомандовал Белоштык.

— Кого? Меня? — открыл вдруг глаза Кондратий и наотмашь ударил по полу vareжкой-свинчаткой. Всех в гроб вгону!..

Лицо урядника просияло. Значит, не придется ему, старому служаке, отвечать перед властями за убийство, совершенное в его селе. Значит, не будут его корить местные богачи. Ведь, как ни говори, а Кондратий сынок Сирвойтова свата...

— Дорогой ты мой Кондратий Денисыч! — не то восторженно, не то плаксиво протянул пьяным голосом Белоштык.— Значит, ты живой! Обратно ожил, дружок... Дай-ка я тебя за это поцелую!

И он, став на колени, склонился над Кондратием. Но тут произошло нечто неожиданное. Увидав над собой умиленное лицо урядника, Кондратий с силой вlepил ему в переносицу свою варезку-свинчатку.

Изба грохнула от смеха.

— Молчать! — рявкнул Белоштык и ухватился за нос. — Марш отсюда все! Марш!..

Все вышли из избы, а Белоштык, утерев из-под носа кровь, снова принялся что-то по-баbьи приговаривать, не то ликуя, не то сокрушаясь. Вот ведь какая история приключилась! Ох, и гоготать будут Денис и Власий Спиридоныч, когда он, честный служака, расскажет им за рюмкой, как Кондратий вlepил ему свинчатку прямо в нос!..

ДВА БРАТА — ДВА ДРУГА

1

Лесная дорога в сторону Кузьдава похожа на сказочно огромное, ветвистое дерево, упавшее еще в незапамятные времена. Будто стояло оно когда-то на месте села Важгорт, посередине большой поляны, окруженной раздольной пармой, да и рухнуло, сломленное под корень. Постепенно прижимаясь к земле, оно распласталось и само заросло лесом, только комель остался обнаженным. Тянулось оно от Важгорта на север, пересекая поля, поскотины и дровяные вырубki. А ветви — на северо-запад и на северо-восток — начинали отходить от ствола уже в лесу. Там они сами разбегались глухими лесными дорогами, а те в свою очередь ветвились на тропы. И ходили там люди, словно муравьи по своим скрытым путям, проложенным среди травы, никому не видные, никому не ведомые. И спешили они, подобно муравьям, перетаскивая в свои кладовые все, что давала им тайга-матушка. Зверь ли, птица ли, грибы ли, ягоды, всевозможные поделки из дерева, хлеб с лесных подсек, сено с расчищенных новин — многое шло в село Важгорт по этой самой дороге.

В той стороне находились и охотничьи угодья Степана. К ним вела тропа, которая отделялась от дороги далеко в лесу, близ устья Симвы, и тянулась к ее верховьям, туда, где на берегу под вековыми соснами стояла охотничья избушка. Она была срублена из восьмивершковых бревен и покрыта тесом из такого же толстого леса. Перед избушкой был устроен навес. Здесь стояли скамьи и низенький стол, сколоченные из толстых досок. Под навесом, на торчащих концах потолочных плах, лежали опрокинутые берестяные туеса, котелок, набирушки, миски, ложки, пята для звериных шкур. Здесь можно было хранить и небольшой запас сухарей и другие харчи, спички или кресало и кремень, дрова на несколько ночей — словом, если бы забрел сюда голодный и усталый человек, он смог бы тут подкрепиться и отдохнуть.

Недалеко от избушки, почти в лесной чаще, устроил Степан хранилище для хлеба, соли, мяса убитых зверей и дичи, а также для всяческих охотничьих припасов. Это была своего рода кладовая, только сооруженная на высоких столбах, чтобы не могли проникнуть туда ни мышь, ни медведь, никакая тварь — ни ползающая, ни летающая.

Запасы пищи Степан начал доставлять сюда заранее, постепенно, еще охотясь на дичь: то мучицы принесет, то овсяной крупы, то сухарей, то соли, чтобы в горячую пору не тратить времени на ходьбу домой. Однако в этом году все припасы он делал не для себя, не он будет ими пользоваться.

Был тихий вечер. Лес отдыхал после продолжительных дождей. Тучи кое-где развеяло, и в небесных окошках показались перистые облака, в которых переливались отблески вечерней зари. Вдруг где-то далеко-далеко залаяла собака. Замолчала, потом снова залаяла. Прогрохотал выстрел. Тайга, казалось, чуть вздрогнула и прислушалась. Под навесом Степановой избушки резвился рябчик. Заслышав выстрел, он мигом выпорхнул в чащу. Над вершинами деревьев торопливо пролетел к верховьям речки одинокий тетерев. Шумно прошли позади избушки лоси: идет человек, надо остерегаться. Снова слышался лай, теперь уже ближе. Но время было позднее, и охотник

стал звать собаку. Собака лаяла, хозяин кликал ее. Лай становился все более жалобным, неуверенным, потом прервался и совсем затих.

Из сумерек донесся человеческий голос. Вскоре примчался Лыско. Он обежал избушку, обнюхал все кругом и бросился по тропинке обратно, навстречу хозяевам.

— Ну как там? Все в порядке? — еще скрытый елками, спросил у Лыско Илья.

— Мува-ува!.. — Все, мол, как следует быть, только вот есть очень хочется.

Михаил шагал за Ильей. Оба в войлочных шляпах и домотканных сукманах, плечи которых обшиты кожей. На ногах кожаные пимы. Оба с ружьями.

Братья вошли под навес и по-хозяйски огляделись.

— Вот мы и пришли, изба-матушка, — первым заговорил Илья. — Пусти же нас квартировать! Порядком придется нам тут пожить.

Михаил тем временем постучал обухом топора по столу. Вокруг разнеслось громкое эхо, оповещающая тайгу о том, что пришли хозяева, что они тут поселяются.

Раздевшись, оба брата сразу же принялись за работу. С самого начала было ясно, что за старшего здесь Илья. Он настрогал щепок и стал разводить огонь на месте старого очага, чтобы сварить пищу, а брата послал на речку за водой.

Вскоре над весело потрескивающим костром появился котелок. У огня, на пеньке, сидел Илья и снимал шкурки с белок. Из дымового отверстия избушки за клубился дымок — это Михаил затопил печку-каменку. Печка истопится, закроют волоковое окошечко и дверь, и жар, пышущий от камней, быстро нагреет избушку, прогонит холод из-под пола и полка, на котором придется спать.

Но что такое? Почему Лыско вдруг перестал есть белку и уставился на дверь избушки? Илья тоже посмотрел туда. Слышно было, как внутри, потрескивая, топится каменка, плотными клубами вырывался из окошечка дым. И тут же будто чем-то тупым кто-то прикоснулся к сердцу Ильи.

Что там такое?.. Илья хотел уже окликнуть брата, но тут Лыско зарычал и бросился в избушку. В приоткрытую дверь просунулась рука Михаила. Она, казалось, что-то пыталась схватить и никак не могла достать. Илья бросился туда и быстро распахнул дверь.

— Ты что? — каким-то изменившимся голосом крикнул он.

Но Михаил был не в состоянии что-либо произнести. Он смотрел на брата широко раскрытыми глазами и силился перевести дух. Илью словно холодной водой окатили.

— Ну что случилось?

Лыско видел состояние хозяев и не мог устоять на месте — все бросался из стороны в сторону.

— К-кто-то есть в избе, — наконец проговорил Михаил. — Большой, мохнатый...

— Да что ты, парень... — И, перетащив брата через порог, Илья торопливо перекрестился.

— Ей богу! — тоже перекрестился Михаил. — Схватил меня за голову, когда я стал стряхивать с полка сено.

— А ты и перепугался? — стараясь унять собственную дрожь, успокаивал брата Илья. — Мышь ли, крот ли пробежал, а тебе уж невесть что почудилось.

— Не мышь и не крот...

— Ну ладно! Главное — не надо бояться. Сейчас мы его за волосы сюда, к огню, вытащим.

Последние слова Илья проговорил нарочно громко, чтобы тот, кто прятался в избушке, услышал и понял, что братья ничуть его не боятся. Кто знает, может, и правда сам леший поселился у них.

— Положи голик у порога¹. А дымоход я закрепщу, — уже тише сказал Илья. — Деваться-то ему, пожалуй, некуда будет. — И он побежал осенить крестным знаменем дымоход.

Самое верное дело — не испугаться нечистого, взять себя в руки. Деваться теперь ему некуда, поневоле он превратится в зверя или птицу, в крота или мышь. А их-то нечего бояться. Но осторожность и тут

¹ По народному поверью, оставленный у порога голик запирает нечистую силу.

не помешает, быть наготове никогда не лишнее. Дробовик Ильи был заряжен, но поверх заряда он засунул еще медную пулю, потому что простой свинец нечистого не возьмет — так говорят деды.

— Зажги бересту. Бери в руки топор, — приказывал Илья. — И не бойся. Человек всех сильнее. У него топор, нож, ружье, и нечего трусить! Испуганная овца и прохода в изгороди не видит, а ты сумеешь между жердями пролезть! Лыско, где ты?.. Сейчас мы с тобой зайдем и посмотрим.

Михаил стоял все еще бледный и растерянный. У него никак не загоралась береста. А Илья уже опоясавшись, сунул в ножны охотничий нож. И ружье он держал наготове. По его лицу было видно, что он решил либо умереть в борьбе, либо победить. Смелые люди идут на риск без долгих раздумий. Но в то же время такое решение не было безрассудством — сказки и предания о бесстрашных людях с детских лет укрепляли его врожденную смелость.

— Первым пойду я, — шепнул брату Илья. — Ты за мной. Будешь мне светить. Дверь за собой притвори. Лыско, возьми!

На мгновение все вокруг будто замерло. Так бывает, когда ждешь чего-то страшного. И как же все вдруг оживает, если это страшное оказывается смешным.

— Михаил! — расхохотался Илья. — А ты, выходит, трус! Погляди — вот твое пугало! Ха-ха-ха!..

Чихая от дыма, на пороге избушки показался Лыско с совой в зубах. Сова, видно, успела уже угореть и беспомощно разевала клюв.

Конечно, оба брата понимали, что лешему поневоле пришлось превратиться в сову. Но теперь он в руках охотников и они могут сделать с ним все, что захотят.

— Неси наружу, — приказал собаке Илья. — А ты, Михаил, возьми сову и положи вон на тот пенек.

Илья выстрелил медной пулей. Так будет надежнее.

Немного погодя в просвете между тучами ненадолго показался месяц. Казалось, он появился только затем, чтобы посмотреть, тут ли еще братья, но, увидев, что они пошли в избу спать, снова спрятался за тучи. Так осенней ночью заботливый хозяин, прежде чем лечь, обходит с фонарем свои владения.

В избушке было тепло. Илья в одной рубахе лежал на полке, опершись на локти. Михаил сидел возле каменки и менял лучины. После возни с совой ему было как-то не по себе... в голову лезли разные мысли.

— У охотников всяко бывает,— нарушил молчание Илья.— Помню вот, дед рассказывал. Будешь слушать иль нет?

— А я, может, и сам этот рассказ знаю.

— Про то, как он себе бороду вырвал, знаешь?

— Про это не слышал. Расскажи.

— Ну вот,— придвинулся Илья к брату.— Дед наш пошел однажды на охоту один и заночевал в чужой избушке. Спит он и вдруг сквозь сон чует у себя на лице чью-то ладонь. Проснулся он и решил, что это ему приснилось. Снова задремал. Но не успел по-настоящему заснуть, как опять человеческая ладонь шлепнула его по лицу. «Ох, думает, каналья!» А волосы у него так и встали дыбом, и рука сама потянулась к топору. Ясное дело, заночевал у лешего, теперь всю ночь будет баловаться, поганый. Конечно, если не струсить, он ничего не сделает... Ладно. Сон у него вовсе пропал, ждет, когда тот снова полезет. Но нигде ничего не слышно,— знать, перестал баловаться. Тут дед встал, засветил огонь, осмотрелся. Никого нет, все спокойно. Улегся он снова. И только закрыл глаза — та же самая рука хлоп его в третий раз, да еще прямо по губам. Он как схватил себя за лицо да как изо всей силы рванул — так полбороды и вырвал.

Илья рассказывал это весело, украдкой поглядывая на брата, но Михаил все еще не оправился от испуга, и Илья пожалел его.

— Как думаешь, кто это был? — спросил он.

— Ясное дело, сам леший.

— А вот и нет. Летучая мышь, вот кто. Утром дед нашел ее. Летучая мышь всегда на белое садится.

Михаил с облегчением вздохнул.

— Хорошо еще, что не заробел...

— Да, если стружишь, всякое может случиться.

Братья помолчали. Под навесом перед избушкой зарычал Лыско и снова умолк.

— Это ничего! А вот однажды он и впрямь перепугался! — снова заговорил Илья.— Тоже на охоте было.

Так одна история следовала за другой, да пришла пора ложиться спать. Но на новом месте хоть и ляжешь, сон долго не приходит. В голову лезут всякие небылицы, вспоминаются страшные истории. Ведь братьям такие страсти-мордасти рассказывали с малых лет, с тех пор, когда еще их в люльке качали, и потом, когда они уже в штанишках бегали, тоже рассказывали, да и теперь рассказывают. Про нечистую силу они наслышались и от своих сверстников, и от родителей, и от дедушек и бабушек. Об этом же толкуют попы и дьячки. Земля, мол, наша полным-полна нечистой силы, даже сам бог со всеми своими ангелами не всех успевает оградить от нечисти. Лешие, водяные и всякие там злые духи жили в сознании людей так же реально, как, скажем, звери, птицы, домашняя скотина.

Каждый человек в своем воображении видел их живыми существами, у которых есть руки и ноги, рога и хвосты.

Наконец братья улеглись. Последняя лучина догорела. Стало темно. Но сознание не переставало работать. Обоим виделись только что прошедшие праздники. Михаил даже боялся вспоминать про тот вечер — так худо у него тогда все обернулось. Знает ли Илья, что голову Кондратию прошиб не кто иной как его брат, тот самый, что лежит теперь с ним рядом? Знает ли он, что и у Михаила с того вечера на голове кровавые раны и что одна из них воспалилась и голова болит все сильнее?

Он тогда в избе деда Пашко спал не просыпаясь до следующего дня. Старик со старухой сказали ему коротко: ты-де проломил голову Кондратию, но пока удалось скрыть следы. Велели идти домой задворками и не показываться людям на глаза. Может-де, и пройдет буря стороной, не тронет тебя. А станут спрашивать — скажи, что ничего не помнишь, проснулся, мол, у деда Пашко.

Михаил действительно многое забыл. Но то, как они шли вдвоем с Кондратием, это он помнит хорошо. И как тот его бил по голове, тоже помнит. А вот как он сам ударил Кондратия — хоть голову отруби, не может припомнить.

Его никуда не вызывали, о нем никто даже ни разу не упомянул. Кто же мог подумать на Михаила! Он весь день пролежал дома на полатах, словно побитый кот, и с замиранием сердца слушал, как удивлялись люди бесстрашию человека, посмевшегося поднять руку на Кондратия. Ведь у Кондратия такой заступник, как Сирвойтов. А вечером, уже при огне, отец вел сыновьям с утра отправляться в лес на охоту.

— Не спишь еще, Михаил? — вдруг спросил Илья. — Хотел вот тебя спросить...

— Чего спросить? — насторожился Михаил.

— Скажи-ка мне: как это тебе удалось проломить башку этому задире Кондратию?

Это был такой неожиданный вопрос, что Михаила будто обожгло. Он вскочил с лежанки, но тут же сел.

— Да ты не пугайся, я ведь все знаю, — спокойно сказал Илья. — Мы же нашли его и затащили к деду Пашко. Но, оказывается, и тебя притащили туда.

В кромешной тьме Илья не мог разглядеть лица Михаила, но ему хотелось рассказать брату все, что он знал. Ведь это еще больше сблизит их.

— А знаешь кто пуще всех тебя охранял? Знаешь? Михаил и теперь словно в рот воды набрал.

— Вера, вот кто! — И Илья рассказал, как все было. Михаил слушал затаив дыхание. Он не проронил ни единого слова. Потом лег чуть поодаль от Ильи.

— По правде говоря, — заключил Илья, — ты молодец! Так ему и надо! Тут нельзя без сдачи, а то они совсем заклюют нашего брата. Молодец, говорю!

Илья скинул с себя сукман, которым сначала укрылся, широко разбросал ноги и собрался спать. Но теперь сон не шел. Как только он закрывал глаза, перед ним возникал образ Веры, ее опечаленное лицо.

Простились они совсем недавно, сегодня на рассвете. Но Илье казалось, что это прощание осталось где-то далеко позади и прошло с тех пор много-много времени. Просто чудно! Чтобы длинный путь стал короче, надо безостановочно идти вперед. А чтобы скоротать время разлуки, парень будет стараться как можно скорей прожить день. И чем ближе будет час, когда Илья снова увидится с Верой, тем сильнее будет ныть у него в груди.

Такова первая любовь, когда она сразу вспыхивает в обоих сердцах, чтобы никогда уже не угаснуть. Видно, в жизни человека эти вот дни и есть самые прекрасные... Даже когда люди старятся, это время все равно остается в их памяти, как самая счастливая, самая светлая пора, но для стариков она как звездочка в небе — недосыгаема и холодна.

...Сегодняшнее утро будет любимым воспоминанием Ильи. Помнится, Лыско на улице на кого-то залаял. Илья был уже в охотничьей одежде и последний раз осматривал снаряжение, как бы чего не забыть. Он думал, что кто-то пришел и сейчас войдет, но в избу никто не входил. У Ильи екнуло сердце. Прошлый вечер он довольно долго тайком поджидал Веру, но Сирвойтовы, видно, не отпустили ее. Так, может, это она и пришла теперь? Илья надел шапку, накинул на плечи сукман и вышел.

Было еще совсем темно. Илье навстречу кинулся Лыско. Он махал хвостом, словно хотел что-то сказать.

— На кого ты лаял? — нарочно громко спросил Илья, глядя по сторонам.

Под навесом промелькнула тень.

— Илья! — тихо позвала Вера. — Это я.

Они крепко обнялись.

— Думала, уйдешь в лес не повидавшись. Умерла бы от тоски. Думала, рассердился... Даже поплакала...

— Глупая ты у меня! Я ведь весь вечер проторчал около вашего дома.

— Скажешь тоже! Вчера вечером нам и вздохнуть по-настоящему не давали. Столько гостей было!

Илье давно уже пора бы вернуться домой, а он никак не мог заставить себя попрощаться.

— Теперь мы доо-о-о-олго не увидимся... Не забывай меня! — шептал Илья.

А Вера смотрела ему в глаза и с трудом говорила:

— Не знаю, что случилось со мной, Илья... Нет мочи жить без тебя. Ты ведь у меня один-единственный на всей земле...

От этих слов у Ильи запершило в горле. Илья тоже посмотрел в глаза Вере, и ему показалось, что он заглянул в ее душу.

— А плакать не надо,— проговорил Илья, когда его щека прикоснулась к ее лицу.— Все у нас с тобой впереди. Умей терпеть...

Илья вздохнул и повернулся на бок — надо же наконец заснуть! Откуда-то понесло запахом гнили.

— Михаил,— окликнул он брата,— чуешь, дурным запахом несет? Наверно, мышь где-то гниет...

Михаил ничего не ответил. Но спал ли он? Неизвестно. Рана у него на голове гноилась, и сам он был весь в огне.

2

Бесконечны и жутки осенние ночи в парме. Седые ели и вековые сосны будто слились воедино, образуя непроницаемую чашу, повисшую где-то между небом и землей. Весь мир казался громадным сосудом, наполненным крошечной тьмой. В такие ночи знакомые места становились вдруг чужими: ямки глубже, холмики выше, охотники могут заблудиться за сто шагов от своей хижины. Поэтому им приходится большую часть суток коротать в избушке. Если бы не эта ночная мгла, разве стали бы они дрыхнуть до одури в самую лучшую охотничью пору? Как во время сенокоса в погожий день, поспали бы чуток, поели-попили бы на ходу — и снова за ружье. Короткие осенние дни особенно дороги охотникам. Каждый вечер они возвращаются в свои избушки уже затемно, каждое утро покидают их еще до рассвета. Едят и пьют только рано утром, до выхода в лес, и вечером, когда приходят ночевать, чтобы днем не тратить время на еду.

Проснувшись, Илья сразу встал и вышел на улицу. Он решил, что небо уже начинает синеть. Илья развел костер и повесил над ним котелок, чтобы сварить суп из сушеных рябчиков. Но светать начало только тогда, когда Илья уже дважды добавил воды в выкипевший суп. Все это время он просидел у костра. Потом проснулся Лыско, подошел к хозяину, лизнул ему руку.

— Рановато, оказывается, я встал, Лыско,— заговорил Илья, поглаживая собаку между ушами.— Без

старшего-то, браток, не крепко спится. Надеяться не на кого. Ну, ничего, помаленьку и к этому привыкнем.

Он посмотрел на светлеющее небо, подошел к двери и окликнул брата:

— Суп готов, иди есть!

Михаил тяжело приподнял голову.

— Мне что-то неохота,— сказал он.

— Как это неохота есть здоровому мужику?.. До вечера долго ждать.

Михаил решил не говорить о своей болезни, но в то же время боялся совсем слечь. Завтракать он все-таки сел, хотя ничего не хотелось брать в рот.

Илья все чаще посматривал на пылающее лицо брата, на его помутневшие глаза.

— Ты, парень, сегодня словно гость,— забеспокоился он.— Может, болит чего?

— Что ты! С чего это я могу заболеть? — схитрил Михаил.

— Оставайся лучше тут, ежели болен,— предложил Илья.— Может, мережи сходишь поставить. Помнишь, отец говорил — без свежей рыбы, мол, не живите. В прошлую осень, пока лесовали, рыба не переводилась. Харьюзы, бывало, с полено попадались. Налимы тоже.

Другой на месте Михаила, конечно, сказал бы: меня, мол, что-то знобит, останусь на денек, а если смогу, схожу к запруде, поставлю мережи... Повязал бы он тогда рану чистой, мокрой тряпкой, и голова быстро бы зажила. Но Михаилу такое и на ум не пришло.

— Сказал же, что ничего не болит! — упрямо повторил он.

Пока хозяева возились у избушки, Лыско захотелось побегать немного по лесу. Он охотился здесь уже несколько лет подряд, и ему не терпелось осмотреть знакомые места. Ведь до рассвета времени еще много, Лыско успеет вернуться или хозяева сами позовут.

Утро просыпалось мягкое и сухое, лес дышал столькими запахами, до собачьего уха доносилось столько звуков, что Лыско и не заметил, как стал делать круг шире, чем собирался.

Между густыми елками только что промелькнул заяц. Пробегав целую ночь, он, видимо, возвращался

теперь домой на ночлег и был еще где-то поблизости. Но Лыско знает, что за погоню за зайцем во время охоты будут бранить, и побежал дальше.

Еще издали в нос ему ударил запах гнилой колоды. Вместе с запахом плесени донесся запах какой-то живности. Кто же это?.. Фу-ты! Мышь... Обманул запах плесени... Наверху что-то зашуршало. Оказывается, дятел ищет корм. Чуть подальше вспорхнул рябчик. Ну и пусть себе летает, такая мелочь.

Между высокими елями Лыско учуял запах белки. Собака насторожилась, прислушалась, и все стало ясно: белка только что вылезла из гнезда, не успела еще побегать по земле и не шелушила еще шишки. Ладно, пусть пока остается до другого раза. А вот опять новый запах. По опушке леса где-то бродит глухарь. Хозяева любят им полакомиться, а кости дают обычно Лыско, очень вкусные кости. Возможно, он еще здесь, этот глухарь. Надо поднять его. А сядет поближе — можно залаять. Только не так, как на белку, а по-другому, сдвоенно: ав-ав, ав-ав!.. Дело хозяйское, придут — ладно, не придут — позовут.

Вон глухарь поднялся между соснами и скрылся в лесу за ручьем. Ну и пусть. Это же не зверь. Лучше спуститься в пойму ручья. В прошлом году тут попадались норки. Здесь же жил старый горностай. Ох, и хитрец! Сколько раз гонялся за ним Лыско, а загнать так и не удалось. И трава здесь сильно пахнет, совсем как прошлогодняя... От этого запаха Лыско хочется чихнуть.

И вдруг стоп! Стоп-стоп! Ударило запахом более крупного зверя. Каждый раз после удачной охоты на этого зверя Лыско обычно хвалят и дают самый вкусный кусочек. Лыско, казалось, себя не чуял, да и слух стал острее, глаза зорче. Чего бы ни стоило, а куницу надо найти, загнать на дерево или заставить забиться под корягу...

Лыско мелькал среди увядшей высокой травы, прыгал с кочки на кочку, исчезал под поваленными деревьями. Ах! Прошла по колоде! В какую же сторону? В какую?... Очень уж старый запах. Видно, зверь ходил тут вчера поздно вечером. Но ведь он где-то здесь, в этих местах.

Лыско забыл обо всем на свете. Теперь его ничто не могло остановить. Это был какой-то особенный, природный собачий азарт — гнаться за ценным зверем, не считаясь ни с чем, и догнать его во что бы то ни стало.

Послышался более свежий запах — недавно упала с дерева хвоя. Значит, зверь прыгал по верхушкам деревьев, вдоль ручья, вниз по течению. В ту сторону и надо бежать. Теперь чаще доносился запах горностая, такой терпкий, такой противный, еще более противный, чем у норки. То запах горностая ударит в нос, то запах куницы. Оба тянутся в одном направлении. Лыско еще не знает, что куница подстерегает горностая. Вот совсем свежий запах куницы. Лыско не смог утерпеть и тявкнул.

Замелькали елки, коряги, смешанный березняк. И тут что-то белое промелькнуло перед глазами Лыско. Снова «тяв-тяв» — и стремглав за белым пятном. Горностай юркнул под поваленное дерево, собака с размаху перепрыгнула на другую сторону, чтобы перерезать ему путь, и тут же увидела, как в сторонке покачнулась елка, потом закачалась ветка, но уже гораздо дальше. Это убегала куница. Лыско взвизгнул и бросился за куницей. Однако было уже поздно.

Илья удивлялся: во время завтрака собака была около избушки и вдруг куда-то исчезла. Он позвал ее, чтобы дать хлеба, — не пришла. Братья уже оделись, а ее все нет. Стало уже почти светло, пора бы выходить, дать собаке знак и пустить ее на поиски зверя.

— Чудно! — дивился Илья. — Может, ей попало что-нибудь съедобное?.. Лы-ы-ыско!

На том берегу Симвы отозвалось эхо, а собаки словно и не было.

— Может, у тебя голос покрепче, Михаил...

— А-а-а-ту-у-у! — крикнул Михаил и чуть не схватился за голову — так больно отдалось в ране.

Илья шагнул к огромной сосне, стесал кору и стал бить по оголенному месту обухом топора.

— Лы-ы-ыско-о-о! А-а-а-ту!..

Грохотала тайга, аукалось эхо. А собака не отзывалась.

Старший брат тяжело опустил на пень. У Ильи заняло сердце. Охота начиналась не очень-то гладко.

— Да ведь придет же, поди,— не хотел поддаваться растерянности и отчаянию Илья.

— Коли домой не убежала.

— Что ты? Как это старая собака убежит домой!

Лыско ушел так далеко, что пришлось долго бежать на зов. И когда хозяева были уже совсем близко, он вдруг понял, что получилось неладно — вместо того чтобы побегать вокруг избушки, он забылся и убежал слишком далеко. Теперь даже неловко подойти к хозяевам. Хорошо еще, что та белка не ушла... Лыско принялся лаять.

Белка как сидела на ветке, луща шишку, так и замерла.

Охотники появились сразу. Они обошли ель раз, другой, не глядя на собаку. Кругом стояли более высокие ели, и они боялись спугнуть белку. Илья махнул рукой брату — подойди, мол, сюда.

— Может, вон тот комочек? На самых верхних ветвях? — тихонько спросил он.— Ну-ка, задень слегка обухом дерево. Поглядим...

Лыско вышел из-под ели и насторожился.

— Есть! — приподнял руку Илья. Более меткое ружье было у Михаила, он ведь старший брат.— Иди, стреляй!

Михаил сначала хотел выстрелить без опоры. Но как посмотрел вверх, в голове у него помутилось. Рядом стояла рябина. Положив ствол ружья на сучок, прицелился и выстрелил. Белка скатилась вниз.

Илья подул на мех — сначала в одном месте, потом в другом.

— До поясницы белая. На, погляди!

— Да что там смотреть! — пренебрежительно бросил Михаил и, вместо того чтобы подойти к Илье, принялся заряжать дробовик: моя, мол, задача — убивать зверя с одного выстрела, а твоя — подбирать.

Удача воодушевила Михаила, и даже боль в голове теперь не так чувствовалась.

Вскоре Лыско уже облаивал новую белку.

Братья охотились уже на восьмого зверька.

Сосны и ели возвышались до самого неба, и дробинки слегка задели белку. Раненная с первого выстрела, она стала прятаться среди густых ветвей. Удары по дереву обухом топора не помогали — белка на них не обращала внимания. А оставить ее было жалко. Начали валить деревья. Свалили уже три сосенки. Но пока дерево падает, белка успевает прыгнуть на соседнее и снова прячется.

Лыско уже лает нехотя, ему надоело. А у Михаила кружится голова, он чувствует себя совсем худо.

— Может, оставим?

— Еще одно дерево свалим и отступимся, — ответил Илья. — Если ты устал, отдохни. Я один повалю. Ель не толстая. Иди вон туда, на открытое место, и следи.

Умолк Лыско. Молчит Михаил. Только звенит топор Ильи.

— Хорошенько смотри! — Илья последний раз рубанул топором и отбежал, чтобы самому лучше видеть.

Ель нехотя стала крениться, освободилась из объятий сосен, треснуло место подрубки, все дерево дрогнуло и, набирая скорость, стало с шумом падать между деревьями. Подуло сразу во все стороны. Белки не видно. Лыско быстро obeжал поваленное дерево — по земле белка не ушла. Уже перестали покачиваться задетые елью деревья, затихли елки.

— Видел или нет, Михаил?

Но брат не отзывался.

— Михаил? Ты слышишь?

Тихо. Даже собака куда-то исчезла. Что такое? Илья пошел вдоль поваленной ели. Острый глаз охотника заметил, что в ветвях что-то промелькнуло, — видно, там притаилась раненая белка. Но сердце Ильи почувало беду.

Михаил лежал на земле. Около него вертелся Лыско.

— Что случилось? — бросился Илья к брату.

Тот не откликнулся. Лицо его было бледным, как бумага, губы пересохли.

— Разве я не говорил тебе, что ты болен?

Илья старался посадить брата. С головы у Михаила свалилась войлочная шляпа, и Илья увидел гноющую рану. Все стало понятно...

Михаил очнулся поздно вечером. Он лежал на спине, повернув голову немного набок и приоткрыв глаза. Больной никак не мог понять, где он и что с ним случилось. Перед ним было что-то черное, голова казалась влажной, руки и ноги — свинцово тяжелыми. Немного погодя Михаил догадался, что перед ним черное бревно. На этом бревне еще бревно, а выше — еще. Шея у Михаила одеревенела, он с трудом повернул голову и посмотрел еще выше. Стала видна вся стена и часть потолка. Смолисто-черная стена не то колебалась, не то по ней двигались тени... Все это было очень знакомо, все это он уже видел, но никак не мог вспомнить где.

«Надо еще повернуть голову». И Михаил напряг силы. Да это же их охотничья избушка! На стене играет свет лучины, иногда его заслоняет большая тень.

Напрягшись еще, Михаил увидел Илью. Он сидел лицом к каменке и при свете лучины разделывал белок.

«Так вот оно что!» Михаил обрадовался и только теперь стал припоминать случившееся. Все пришло на память: и как утром отправлялись на охоту, и как охотились, и как ель стала валиться в его сторону.

А как же он дошел до избушки? Ведь они далеко были. Неужто Илья его на себе притащил?

Хотелось заговорить. Но тут Илья сам посмотрел на него, увидел, что он проснулся, и отложил белку в сторону.

— Выспался? — подошел он к брату.

Михаил хотел сказать: выспался, мол, братец, но в горле пересохло, и он только пошевелил губами.

— Я сейчас питье принесу, — понял Илья и принес котелок. — Холодным супом напою — и горло смочит, и силы подкрепит. Нарочно трех рябчиков положил в котелок: пусть, думаю, покрепче навар будет... Поймай, поймай! Я приподниму тебе голову...

Михаил пил жадно. Потом, опустившись на изголовье, хотел похвалить питье, но опять ничего не получилось.

— Голос — это ничего, появится,—радовался Илья, что брат очнулся и даже охотно выпил суп.— Мясной отвар, знаешь ли, первое дело. А рана — тоже пройдет, не надо только бояться. Волосы вокруг я обрезал, на рану положил мокрую тряпицу, голову обмотал мокрым полотенцем. Два раза уже менял... Не бойся, говорю, все обойдется. Завтра поищу лечебную траву, положим ее на рану, и она вытянет всю дрянь. Потом и другую траву найдем — ею тоже будем лечить. Глядишь, через два-три дня и домой можно будет идти... Что говоришь? Не хочешь домой идти? Как же так не хочешь?

Но Михаил на самом деле не хотел. Он взял Илью за руку и неожиданно для себя заговорил в полный голос:

— Даже если гнать будешь,— не пойду... А вдруг спросят, где ушиб голову? Что я скажу?.. Ты ведь сам знаешь, как дело было.

— Это, парень, правда,— Илья почесал затылок.— Тебе и впрямь нельзя домой показываться. Будем здесь лечить. Ни одна живая душа не узнает.

Михаил чуть не заплакал от радости. Разве есть еще у кого такой брат!

Немного погодя Михаил заснул спокойным, целебным сном.

3

Целую неделю Илья промышлял в одиночку.

Конечно, бывало трудно. Все приходилось делать самому — и стучать по дереву, и искать белку, а порой и валить деревья. Хорошо еще, что Лыско умная собака, умеет только понимать ее. Гляди, с какой стороны лает на дерево,— на той стороне и ищи. Иногда она полает на дерево и садится спиной к нему. Тогда уж наверняка зверь притаился на нижних лапах ели. А если Лыско застигнет зверька на лесной молодежи или загонит его туда, сам близко к дереву не подойдет, чтобы зверь не убежал оттуда до прихода хозяина.

Лыско умеет выслеживать и горностаю и норку. Найдёт и поднимет из самой трущобы.

Михаил завидовал брату. Каждый вечер Илья все больше и больше приносил добычи. В этом году, видно, много зверя... Но скоро, скоро, еще день-другой, и Михаил тоже пойдет лесовать. Рана почти зажила. Голова совсем перестала кружиться. Да ведь, по совести говоря, Михаил тоже не бездельничал, особенно в последние дни. Дров припасет, суп сварит, лучины нащепает, рыбы наловит. Каждый день кормил Илью свежим уловом.

Вечером разделяют шкурки дневного промысла, отсыплют на завтра порошу, дробы, истопят печку, поужинают, перевяжут Михаилу голову и начнут рассказывать друг другу происшествия за день.

— А знаешь, что я сегодня видел, Илья? — бывало, начнет старший брат. — Большущий косяк хариусов. И все такие крупные!

— Это-то что! — отзовется младший. — А я, знаешь, чьи следы видал? — И добавит уже потише, словно их кто-то подслушивает: — Выдра. На песчаной отмели. И вроде не одна ходила. Вот если бы ее как-нибудь...

— Да-а-а! — соглашается Михаил. — Если бы ее, это самое... Добро было бы!

У Ильи уже есть одна шкурка ценного зверя, которую охотники сушат на самом почетном месте — под матицей: два дня назад он поймал первую куницу.

— Едва ли у нас когда будет под матицей висеть шкурка выдры, — нарочно сказал Илья, хотя думал совсем по-другому. — В воде, окаянная, живет.

А сколько сказок знают братья! Один расскажет про одно, другой про другое. Посмеются над глупым царем, похвалят Ивана-дурачка, вместе с богатырями повоюют с девятиглавым змеем Гундырем, побывают за трижды тремя морями, в тридевятом царстве...

Дружно жили братья. Илья покорила Михаила своим характером, постоянной заботой о нем, о Михаиле, и еще чем-то вроде бы и незаметным, трудно объяснить чем — силой своей, что ли, умом, добрым сердцем. А для Ильи Михаил был прежде всего попавшим в беду родным братом, которому требовались помощь

и поддержка. Кроме того, брат казался Илье чуть ли не героем. Чтобы там ни было, а Кондратия утихомирил Михаил! И пусть теперь крепко подумает забияка своей пробитой головой, прежде чем издеваться над другими парнями, да еще бить их свинчаткой. Пусть поищет виноватого!..

Да, да, Илья и Михаил не просто братья, они друзья. Два брата — два друга.

Дружба их стала еще крепче, когда Михаил снова вышел на охоту. И, может, первый раз в жизни Михаил почувствовал себя равным другим людям. А если так, почему же не сказать брату, что ему тоже известна одна тайна!

Перед тем как заговорить об этой тайне, Михаил весь день улыбался. Посмотрит на Илью и улыбнется, словно застенчивая девушка: погоди, мол, придет вечер — услышишь от меня такое...

Он сначала хотел заговорить об этом попозже, перед сном. Но не стерпел и начал сразу же, как только подошли к избушке:

— Ты, Илья, все хочешь знать, как я попал в компанию Кондратия и помню ли, как я проломил ему башку... Тут нет ничего интересного, дело самое что ни на есть пустяковое. Я поважнее кое-что знаю. Как вы тогда пировали у нас и разговаривали о разных там вещах...

Илья в это время как раз собирался отведать кипящий в котелке суп, но, услышав последние слова брата, отдернул руку, будто его пламенем обожгло.

— Я ведь тогда на полатах лежал. И все слышал.

— Что «все»?

— Да все. Про царского министра Столыпина. Как он вешает... И про богатеев тоже...

— Ты, видно, с ума спятил! — рассердился Илья. — Тут же ничего такого нет...

Михаил растерялся:

— Я ведь так просто... без злого умысла...

Он уже забыл, что в день праздника чуть не рассказал парням о подслушанном разговоре.

Илье хотелось обругать брата за то, что тот подслушивал. Но он видел, что Михаил об этом сказал действительно не со зла, и добавил:

— Ты же сам ставил Власию сено, пахал-сеял для него, хлеб убирал. Разве у него пашни такие, как у нашего брата? Думаешь, бог ему богатство подарил? Со всей волости сгреб. Переселяются люди на хутор — он покупает луга и пашни. Едут в Сибирь — тоже к рукам прибирает. Да за полцены или за долги. Весь народ об этом говорит.

Михаил теперь стоял перед братом как провинившийся мальчишка. Вот каковы оказались дела! А ему, бывало, глаз радовали гладкие луга Сирвойтова, его тучные хлеба.

Больше они об этом не говорили.

— А это я тебе не показывал? — спросил Илья и вытащил из-за пазухи синий сатиновый кисет. — Красивый, как, по-твоему?

У Михаила словно и не было дурного чувства. Он понял, что брат больше не сердится, а главное — не хочет ничего скрывать от него.

— Ох, и наградила тебя какая-то краля! Прямо хоть на ярмарку выноси! Кто подарил-то?

Он взял из рук Ильи кисет и стал рассматривать его. Подкладка из белого коленкора. Снаружи небольшой карманчик для курительной бумаги.

В углу вышиты три буквы: «И. С. О.» — Илья Степанович Ошлапов. Даже если потеряется, и то найдешь.

Подарок был, конечно, от Веры. Но Илья не захотел говорить об этом и перевел разговор на другое:

— Давай свернем по сигарке. Здесь ведь никто не увидит, что мы курим.

— Давай, коли так, свернем...

Братья курили, давились дымом. Крепкий табак их немного одурманил. Захотелось поговорить обо всем на свете, захотелось пооткровенничать.

— Ты как думаешь, Михаил, — спросил Илья, — гармошку сможем купить в этом году или нет? Отец сказал как-то: «Можно, ежели хорошо поохотимся».

— Гармошку? — переспросил Михаил. — Верно! В этом году непременно надо гармошку купить. Считаемся парнями, подходят года призываться, а у нас, это самое, и гулять-то не с чем. Если возьмут меня

В солдаты, ты тогда останешься единственным сыном и гармошка тебе достанется.

— Тебя не возьмут.

— Почему не возьмут? Я хоть сухопарый, а жилы у меня крепкие! Вот увидишь, возьмут.

— Нет, говорю. Старших братьев в солдаты не берут. Закон такой есть.— Илья при этом рассмеялся.— На племя их оставляют!

Михаил обнажил длинные желтоватые зубы.

— Что ж, я и на это самое, на племя, могу согнуться, милости просим!— Он почесал затылок.— Только вот не умею ласковым быть. Как подойду к девушке, так глупею...

Лес дрогнул от громкого смеха. Глядя на брата, Михаил тоже засмеялся.

В тот вечер Илья так и не сказал брату, кто подарил ему кисет. На завтра они решили, что добычу пора снести домой да и сюда кое-чего из дому прихватить. Охотничья пора была в разгаре, а потому договорились, что пойдет кто-нибудь один. Кинули жребий. Выпало идти Михаилу.

Братья стали укладывать котомку. Принесли связки беличьих шкурок. Сверху, завернув в белую тряпку, положили шкурки более ценных зверей — четыре норки, три горностая и одну куницу.

Михаил уже оделся и был готов отправиться в путь.

— Давай, паря, еще разок полакомлюсь, ежели у тебя табачок остался,— попросил он.

— Только ты поаккуратнее кури, пальцы чтобы не пожелтели. А то неладно будет, если отец узнает.

— М-м,— провел языком по бумаге Михаил,— это-то я знаю. Не впервой... Ты мне другое скажи. Кому, это самое, поклон-то передать?

— Будто и не знаешь!— чуть заметно покраснел Илья.

— Ей-богу, не знаю! Хоть голову отруби!

— Ну да еще... Целое лето с ней вместе работали, вместе ели-пили...

Михаил даже глаза выпучил.

— Вера, что ли?.. Вот ты каков! — И он обещал передать ей от Ильи низкий поклон.

Старые люди уступают право властвовать в семье сыновьям и дочерям с большим трудом, со вздохами, с сердечной болью, а порой даже после тяжелой борьбы. Ведь старым кажется, что их уклад жизни правильнее, их привычки лучше, слова и указания умнее. Кто их не слушается, кто не хочет жить по их указке, тот никуда не годный человек.

Но чем старше становятся молодые, чем больше набираются они ума-разума, тем меньше нравятся им жизненные устои родителей, их привычка все мерить на свой аршин. И если человек, проживший долгую жизнь, не сумеет примириться с тем, что время отбирает у него из рук хозяйские вожжи, то и не ужиться ему с молодыми, и станет он для них выжившим из ума старцем.

Понятно, такая борьба между молодыми и старыми длится долго и всегда по-разному. После первой борозды, после первого принесенного домой забитого зверя сын, конечно, не ставит еще себя выше отца, но он уже смелее садится за стол, с меньшей опаской ходит на вечеринки. Так же и у девушек. Первый кусок холста, вытканый ее руками, хоть и говорит о том, что дочь уже постигла премудрость матери, однако мать не постыдится отхлестать свою взрослую дочь ремнем, да еще при людях.

Время течет, родители становятся дряхлыми, но все еще хотят быть хозяевами. А сыновья и дочери выросли, поженились, появились у них дети, как говорится, сами обзавелись семьей. Все заботы, все тяготы жизни ложатся на их плечи. И тогда поучения родителей, свекра и свекрови становятся ненужными, в особенности если эти поучения раздаются с печки.

«Ладно, отец, ладно, мать! Если можно будет, по-вашему сделаем», — обещают такие сыновья и молодухи, которые еще считаются со стариками, их первыми приглашают к столу, хотя сами все делают по-своему. Другое дело — такие сыновья или снохи, которым ка-

жется, что если помрут их старики, убавится лишний рот, тогда и вся жизнь переменится к лучшему. На стариковские наставления они огрызаются: «Без вас знают, что делать!» А уходя на работу, с силой хлопают дверью.

Но бывает и так: сыновья уже могут жить самостоятельно, а отцы еще в силе. Тогда борьба между ними принимает другой оборот. Она напоминает борьбу зимы с весной на севере.

Весна овеваает землю теплом. А зима ей говорит: «Э, друг, не забывай, что хозяйкой тут до сих пор была я». — «Была ты, а буду я, — спорит весна. — Твоя жизнь прожита». — «Чья прожита? Моя? Это мы еще посмотрим!» — сердится зима и начинает показывать свою силу. Принимается осыпать землю снегом, кружится выюгой, сдвигает с неба тучи, чтобы вызвать с звездных высот трескучий мороз.

И в самом деле — весна как будто пропадает, не слышно ее ни слуху ни духу. Только и видишь, как пронизывающий северный ветер врывается в щели сараев, сметает остатки кормов, гоняет в лесу зайцев, срывает завертки у проезжающих по тракту подвод. Но весна не сдается. Отступив на юг и окрепнув, она приходит снова и с новой силой бросается на зиму. Зима начинает все чаще посматривать на Северный полюс, а затем убирается туда, словно дряхлый старик на свою печку.

Как раз начало такой борьбы впервые почувствовал в эту осень Степан Матвеевич. Ему как будто кто-то нашептывал: «Рано тебе еще, отец, в старики записываться. Силен ты еще. В кузьдавскую избушку надо было самому пойти. Сыновья — они, того, чем больше зверей настреляют, тем выше головы поднимут. Ты им одно слово скажешь, а они тебе пять. Ты их малыми ребятами считаешь, а они могут сказать: мы, мол, сами с усами. Вот ведь как получается».

И чтобы исправить этот промах, чтобы в самом деле не остаться в дураках, Степан решил не уступать сыновьям. Он отправлялся в лес, когда на день, когда с ночевкой. Из дому уходил затемно и возвращался уже в потемках.

— Ты хоть бы денек дал отдохнуть собаке,— говорила иногда Марфа.

А у него один ответ:

— Мы ведь с Катшысом, старый да малый, не надрываемся, потихоньку ходим.

Ходили потихоньку, а беличьи шкурки десятками прибавлялись, не на один шомпол нанизывались сушить.

Как-то в субботний вечер Степан возвращался домой. Еще далеко в лесу, на развилке дорог, ему повстречался Алексей Расов. Алексей охотился в своих дальних угодьях и тоже возвращался домой. Мешок его был не слишком туго набит. Разговорившись, Расов стал жаловаться на плохую охоту:

— Постарела собака. Не чует уже зверя. А без собаки какая же охота!

В хозяйстве Алексея три собаки, но с двумя лучшими охотничают сыновья — Васька и Митрий.

Степан тоже похулил своего Катшыса:

— Очень уж много озорства у моего пса. Несмысленный еще.

Шагают рядом, разговаривают чин чинном, а друг на дружку не глядят — боятся сглазить. Ведь в глазах соседа можешь увидеть собственное изображение вниз головой, а это уже плохо.

Надвигались вечерние сумерки. Стала шире лесная дорога. Скоро покажутся дровяные вырубki.

— Что нового на селе?— стал расспрашивать Алексей.— Ты ведь дома ночуешь.

— Все вроде по-старому,— ответил Степан.— Говорили, будто Микола Безрукый сгинул в каком-то волоке.

— Никто плакать не будет, прости господи,— сказал Расов.— Немало помучился человек, пора и на покой.

— Еще вот в селе Ручпияи одного уморили. Сына старика Антона. Простудой давненько уже хворал. Ну, а глупцам все кто-нибудь неладное посоветует. Вы, мол, его в печке попарьте, чтобы болезнь скорее прошла. Старуха посадила сына в печку, а заслонку закрыла наглухо. Больной, говорят, молил мать открыть заслонку. А она ему: «Потерпи, каса-

тик! Потерпи, родной!» У сына уже рассудок помутился, а старухе все невдомек. «Ну, слава богу, говорит, заснул. Пусть поспит». Когда открыла печку, парень совсем испекся.

Но и на это Алексей Петрович только и сказал:

— Хилый человек какой уж жилец!.. На стол не принесет, со стола от него мало убавится...

Дальше шагали молча. Разговор не клеился. С Алексеем всегда трудно разговаривать. Скажет слово — будто в тупик заведет: ни назад, ни вперед.

— Верно, еще есть слух,— вспомнил Степан,— будто Власий Спиридонович хочет взять подряд на заготовку сортового леса.

— Слух или правда?

— Правда, видно.

— В каких местах?

— Не могу сказать, Алексей.

Но Алексею и не важно где. Важно, что на зиму будет работа. И он сразу прикинул: «Заготовлять сортовку пойдет Сергей с женой. Дома, видно, тесно им, хочется пожить наособицу. Пусть поживут одни. В лесу свободно. Васька с женой будет работать в хозяйстве. Мы с Митрием пойдем охотиться. А тебя,— Алексей посмотрел на Серко, который еле плелся за хозяином,— тебя придется ободрать. Шкуру отдам на выделку, выйдет пара теплых рукавиц».

Охотники расстались еще в поле, чтобы выйти прямо к своим домам.

2

Михаил пришел домой уже в сумерках. Отца не было — он побыл дома воскресенье и ушел на две ночи в лес.

— А где Илья? — первым делом спросила мать.

— Остался охотиться,— раздеваясь, ответил Михаил и, чтобы мать не подумала, что ему просто захотелось побывать дома первому, добавил: — Мы, это самое, кинули жребий. Его черед теперь после меня.

Марфа пошла к скотине. А Михаил тем временем вытряхнул на стол содержимое своей котомки. Получилось порядочно. Пусть поглядит мать, какие у нее сыновья! Конечно, почти все это добыл Илья. Но ведь сам же он не велел никому говорить про Михайлову болезнь.

— Сто раз благодарение богу! — вернувшись в избу, провозгласила Марфа. — А шкурки-то вроде стоящие!

— мех уже зимний, — важно расхаживая по избе, сказал Михаил. Ему, видно, не сиделось на месте.

— И для чего только требуются они?

— Их, мама, за моря, говорят, везут, для тонконогих барышень. Шубы им из этих шкурок шьют, шейки ихние укутывают. Так нам дед Пашко сказывал.

— Вот куда, дитятко, вот куда, оказывается! Видно, там, за морями-то, холоднее, чем у нас. Ведь какой мягкий и теплый мех у этой вот куницы.

— Не знаю, мама, тепло там или холодно. Об этом дед Пашко не говорил.

— Ясное дело, холодно, — сказала Марфа. — Было бы тепло, из таких дорогих шкурок не шили бы шубы. Расход-то какой!

Марфа была довольна сыновьями. Она без умолку рассказывала Михаилу:

— Отец ваш здесь тоже старается, тьфу-тьфу, не сглазить бы... Толику уже продал на свинец, на порох...

— Кому продал-то? — спросил Михаил.

— Известно кому... Одна маета. Все по дешевке забрал Власий — низшим сортом посчитал.

— А зачем ему было отдавать? — рассердился сын. — Приедет татарин и за милую душу возьмет, и высоким сортом посчитает.

— И я так вот говорила. Да ведь отцу твоему не укажешь. «Без вас, говорит, знаю, что делать».

Было о чем потолковать матери с сыном. То сама чего-нибудь расскажет, то послушает.

Во время ужина она как-то по-особенному взглянула на Михаила и сказала:

— Крепче ешь, жених, крепче!

Михаил сначала не понял, к чему ведет мать, и рассмеялся.

— Моя невеста еще в люльке качается. Я, это самое, сначала в парнях погуляю, а после упираться, конечно, не буду, женюсь.

— Вот ведь ты какой! — будто опечалилась Марфа и стала приводить доводы, которые однажды уже излагала Степану.

Михаилу стало жалко мать. Ведь правду она говорит, их, мужчин, трое, а она одна, и ей нужна помощь. Михаил даже пробурчал что-то, вроде бы соглашаясь с матерью, и Марфа снова повеселела.

— Не знаю, что скажешь, а мы с твоим отцом уже благославили тебе девушку...

Марфа соврала: Степан никакую девушку не благословлял.

Жених даже ложку на стол положил. Черные усики у него стали подергиваться вместе с губой. Прикрыв глаза, он с трудом проглотил пищу.

— Вы, это самое, очень уж быстро обженили меня,— промолвил Михаил, а самому не терпелось узнать, кого сватают за него.

— К Вере хотим обратиться,— брякнула Марфа.

Михаил обомлел, растерялся от этой новости. А когда попытался заговорить, ничего у него не получилось, кроме невнятного бормотанья, и он торопливо встал из-за стола. Мать поняла по-своему: упрямится, мол, обормот! Да кто станет его спрашивать!

— Нас, сынок, когда женили с твоим отцом, не спрашивали. Соединили, как лед с камнем, сказали: вы, мол, муж с женой — и все тут. Думаешь, легко было смягчиться камню и согреться льду?..

Мать все еще что-то говорила, но Михаил уже ничего не слышал.

«С ума они сошли, совсем спятили! — с ужасом думал он.— Илья меня задушит. Да и какими глазами я посмотрю на него! Он столько добра мне сделал... А Вера на меня и глядеть не станет».

И чтобы скорее избавиться от матери, Михаил начал одеваться, собираясь на посиделки.

Главные посиделки, конечно, в доме деда Пашко. Девушек здесь что осенью сорок да ворон. Сидят на лавках вдоль стен — некуда нитку протянуть. Тут же и парни, те, что в лесу не охотятся и не ушли на Урал дрова пилить. У Пашко и его жены вечерами даже предпечье занимают. Хорошо еще, что не сердятся старики, привыкли к молодежи. Дед сам иногда не прочь повеселиться.

— Я говорю, нечистый, видно, вас, бабий род, на землю сеет! — бывало, разойдется он. — Дайте-ка мне смертову косу, дайте! Я бы живо всех лишних девок скосил, ни одной засидевшейся не оставил!

— Болтай, старик, болтай! — унимает его бабка Матрена, а сама тоже подбавляет: — Если лишних не оставишь, на ком вдовцы жениться будут?

— На их долю я, так и быть, оставлю.

Смеются люди на всю избу. Молоденькие девушки, как и парни, смеются громко и весело. Они ведь словно первые цветы на весенней травке. Им и в голову не придет, что могут остаться пустоцветом до осени. У тех, что повзрослее, смех иной, не очень громкий, но и не грустный пока. Кто знает, если в ближайшие годы не посватают, могут, конечно, и в девках засидеться... Шутка деда Пашко не веселила только уже засидевшихся. Одни из них шли на посиделки по старой привычке, другие — чтобы услышать новости, третьи — позавидовать молоденьким подругам, а кроме того, все они продолжали ждать женихов.

— Дед Пашко, зачем же ты Эгруню стыдишь? — слышался из переднего угла голосок. — Видишь, как покраснела, бедная!

Смешок заглушил звонкий голос из-под полатей:

— Кто это там, за высокими прялками, пищит?

Все дружно загоготали: Никон ведь в самом деле парень никудышный, а туда же, охаивает людей...

Сын старосты рассердился, но показывать на людях свою обиду не стал, обратил все в шутку:

— Что еще за мышонок там под полатами пищит? Ну-ка, вылезай на середину!

В избе было довольно светло — молодежь сама купила лампу, она же и на керосин деньги дает.

— Отчего же не выйти! — Из кучки парней, сидящих у порога, отделился звонкоголосый. — Я ведь такой же, каким был. Гляди, коли охота. Только вот палец сегодня ушиб — выделявал овчину.

Народ всегда любит остряков. А когда начинает шутить Семка, сын скорняка Лаврентя, то уж непременно всех развеселит.

Маленький чернявенький Семка стоит себе посреди избы в белой барашковой шапке, в дубленой шубе и старых валенках и с серьезным видом разглядывает свой палец, а парни и девушки хохочут.

— Эй ты, отпрыск Лаврентя, можешь отправляться обратно к дверям! От тебя так и разит кислой овчиной. Спасения нет! — попытался Никон поднять на смех Семку.

— Это хорошо, коли запах слышен: уж никак не потеряюсь, — притворно вздохнул Семка. — А вот если ты потеряешься, как тебя искать? Разве что по твоему бараньему голосу.

Никон совсем скрылся за прялками. Он еще что-то пропищал, но его никто уже не слушал, все откровенно смеялись над ним.

На помощь Никону пришли девушки, сидевшие тоже в переднем углу.

— Вот срамник! — ругали они Семку. — Бессовестный!

Одна из девушек оказалась сообразительной, она решила прекратить пререкания и запела частушки. Остальные подхватили.

Вера сидела у печки, на краю скамьи, рядом с бабушкой Матреной. Ей было грустно и не пелось. Илья, видно, совсем забыл ее. Пора уже ему побывать дома, а он все не идет из леса... К тому же сегодня вечером, перед тем как отправиться на посылки, она крепко поспорила с теткой Феклой. Конечно, не себя защищала Вера, а Федору. Просто непонятно, чего хочет купчиха от Федоры? Бедная и так ходит перед ней на цыпочках, работает, работает, покоя не видит, а все никак не угодит Фекле. Без слез куска хлеба не проглотит.

Девушки пели, а Вера тихонько рассказывала бабушке Матрене про Федору.

Матрена понимающе покачивала своей седой головой и вязала. Но вот руки перестали вязать варежку, и по ее доброму лицу прошла тень какой-то большой думы.

— Ты, дочка, вот что скажи Федоре: пусть как-нибудь зайдет к нам. Хочу поближе ее узнать...

Матрена еще не решалась сказать Вере о том, что хорошо было бы взять Федору с ее сынишкой к ним вместо дочери и внука. Ведь Пашко с Матреной стареют. Пусть ихнее хозяйство и бедное, а собакам да свиньям его не оставишь. Да и самим будет спокойнее, если глаза им закроют руки близкого человека.

— Сегодня же шепну,— обещала Вера.— Ведь она такая славная, такая добрая. И работа из рук не валится, и рот на плохое не откроется, хоть она и татарка и молится по-своему.

Последние слова бабушке Матрене, конечно, не совсем пришлись по сердцу: значит, Федора молиться будет другому богу.

Но про деда Пашко можно заранее сказать: это ему безразлично. «Боги сами по себе, люди сами по себе!» — так он, конечно, скажет.

Вера, видно, поняла, почему вдруг замолчала бабушка Матрена, и поспешила смягчить свою ошибку:

— Да и сынок у нее такой умненький. Дядя Власий велел нам научить его молитву читать, и он сразу научился. Читает ну прямо как взрослый.

— Дядя Власий? — удивилась бабушка Матрена.— Чего это он так заботится о чужих детях?

— Послушного работника хочет вырастить для своего хозяйства. Работы у него много, на всех хватит.

— Ишь ты! — снова покачала головой бабушка Матрена.— Сначала вырастит, а потом в тяжелые сани впряжет да еще по голой земле тащить заставит.

— Даже в церкви окрестить хочет.

— А мать что говорит?

— Куда ей деваться! «Придется, говорит, окрестить».

Бабушка Матрена опять что-то прикинула про себя и, словно окончательно решив, повторила еще раз:

— Не забудь, Веруся, пусть Федора зайдет к нам, да чтобы не откладывала.

На посиделки тем временем пришли еще парни. После болезни первый раз появился и Кондратий. Он прошел вперед, сел между девушками, поставил перед собой гармошку, но играть, видно, не собирался.

В избе наступила какая-то неловкая тишина, будто все были виноваты перед Кондратием и не знали, как быть. Громче зашуршали веретена, слышно было, как девушки щиплют кудель.

— Будто человек рождается и никак не может родиться,— слышался голос того же Семки.

— И верно, что-то уж слишком присмирели,— добавил кто-то.

— Ну-ка, отгадайте загадку: «В избе пирогом, а на дворе калачом».

— Собака!

— Ну-ка, мою! «Рыжко весь век хочет обогнать Вороного, да никак не может».

— Это давным-давно известно: огонь и дым.

Были и трудные загадки. Их разгадывали все вместе. Взбудораженные умы искали чего-то нового. После загадок пошли поговорки, пословицы, скороговорки. Каждому хотелось показать свои знания, свою смекалку. Одни говорили дельно, другие—глупо. А те, кто слушал, удивлялись умному ответу и осуждали бестолковых. Иногда на всю избу раздавался взрыв хохота.

Все это, видно, не было интересно только одному Кондратию. Он думал о том, что случилось с ним на празднике. Пока лежал в постели, да и теперь еще он злился и на того неизвестного человека, который проломил ему голову, и самого себя осуждал. На кой черт нужно было так напиваться? Вон и дед Пашко нет-нет да и кинет на него взгляд. Ну, мол, образованный человек, показал себя?

В избу снова зашли.

— Ого! Гляньте-ка,— слышался чей-то голос,— Михаил явился!

— Проходи, паря, вперед! — явно насмехались над ним.

— Девушки, где там у вас местечко?

— Давай поближе, Михаил, смелее! Не стыдись!

Многие еще не забыли, как в день покровы он щеголял в компании Кондратия, и теперь подшучивали над ним. Кто знает, понял ли это Михаил, но он прошел немного вперед и тут же уселся на пол, опершись о кадку с водой.

— Вопрос у меня есть к тебе,— неожиданно для Михаила заговорил Кондратий.— Скажи-ка, как я вечером в день покровы попал на улочку, что сюда ведет?

Михаил не знал, что сказать, но у него хватило смекалки сделать такое лицо, будто он что-то припоминает.

На помощь ему поспешила бабка Матрена.

— Ну и чудной ты! — сказала она Кондратию.— Сам про себя не знаешь, а у людей спрашиваешь. Откуда мог знать Михайло, где ты бродишь и что вытворяешь?

Кондратий словно поперхнулся. «Дурак я,— подумал он про себя.— Люди хотят забыть, а я то и дело напоминаю им про свое буйство...»

Михаил скорее почувствовал, чем услышал, как кто-то подошел к кадке с водой, открыл крышку и стал пить.

— Вера, дай напиться,— попросил Кондратий, чтобы вместе с водой проглотить неприятные для него слова бабки Матрены.

Глаза Веры встретились с глазами Михаила. «Не бойся»,— говорил ее взгляд. А вслух она сказала:

— Ты, может, тоже попьешь? Дам напиться за то, что подпираешь спиной кадку.

Михаилу в самом деле очень хотелось пить, и он выпил целый ковш воды. Лишь после этого у него нашлись нужные слова:

— Не знаю, Кондратий. Мы с тобой тогда расстались рано...

Кондратий заторопился домой.

— Даже не поиграл на гармошке, вот ведь какой! — роптали на Кондратия девушки. — Гордец!

— Да мы и без него обойдемся.

Девушки о чем-то пошептались и начали петь величальную песню:

Катеньку да Семушку
В саночки да в войлочные!
Сани мимо ельничка,
С горочки да в ямочку.
Сема с Катей мимо хаты,
По ухабам, по раскатам,
По раскатам, по ухабам,
Сани набок...
Сверху сани, снизу сено,
Снизу Катя, сверху Сема.

— Любо ли, Семка?

— Ой, любо! Катя, подставляй губы — поцелую!

— Уйди отсюда! — упиралась Катя, ростом такая же маленькая, как и Семка. — Стану я такому черному жуку губы подставлять!

— Ох ты, сорочий хвост! Зачем при людях сказала? Теперь всем буду казаться черным.

Кое-кто еще смеялся, а девушки запевали уже новую:

Вера, светик наш,
Вера, светик наш,
Хороша-расхороша,
Ласкова, приветлива.
Голос твой свирелочкой,
Брови твои стрелочкой,
Личико тарелочкой.
Ктой-то в лодке?
Мишка в лодке.
Вернись, Мишенька,
Вернись, Мишенька!
Дам рубашечку
С опоясочкой,
Крестиками вышита,
Поцелуешь три креста!

— Михайло, любо или нет?

— Очень любо, паря!

— Целоваться, целоваться! — раздавалось со всех сторон.

Михаил посмотрел в одну сторону, потом в другую.
— Целоваться, целоваться! — ответили ему на эти взгляды.

— А что нам, Михайло, не поцелуемся, что ли! — весело воскликнула Вера. — Мы ведь с тобой как брат с сестрой.

Михаил широко улыбался. Откуда-то у него появилась смелость, он вскочил на свои длинные ноги, тут же оказался у печи и поцеловал Веру.

— О-о-о!

— Вот это номер!

— Семка, видел, как это делается?

— Ну и Михайло!

— Вон какой разбойник!

А Михайло словно окаменел — ни назад ни вперед. Вера подвинулась в одну сторону, бабка Матрена — в другую.

— Садись сюда, Михайло. Поцеловал — так уж посиди со мной.

Вере не терпелось спросить у него про Илью. Пришел ли он из лесу? Почему его нет здесь? Не случилось ли с ним какой беды? Вера ведь и Михаила поцеловала вместо Ильи! Из-за Ильи казалась она веселой.

— Что ж ты один пришел на посиделки? — спросила она.

Михаил точно опомнился. Перед глазами встала фигура Ильи, припомнился его наказ.

— Я один пришел из лесу, всего на денек. — И шепнул: — А тебе я кое-что принес от Ильи.

Вера украдкой сжала его руку: мол, не так громко, услышат, потом скажешь.

До конца посиделок они больше не обменялись ни единым словом. Девушка думала о своем милом, а Михаил — о том, что так неожиданно свалилось на него в этот вечер. Ведь что получается? Михаила первый раз в жизни величали с девушкой. Первый раз в жизни он поцеловал девушку. Первый раз услышал, что его собираются женить. Но на ком женить? На той самой, с кем его величали! На той, которую он поцеловал!.. Михаил еще не мог толком во всем разобраться, но чувствовал, что с ним происходит что-то неведомое

ему доселе, и это неведомое и радовало и пугало его.

Когда все расходились по домам, Михаил и Вера вышли вместе.

— Ты долго еще будешь таить то, что принес от Ильи? — спросила Вера.

Михаил осмелился взять Веру под руку.

— Он поклон тебе прислал. Но ведь я могу и не передать.

— Как же ты можешь не передать? — рассмеялась Вера. — Я ведь силком отниму! Скажи, куда положил?

— За пазухой, а отнять не дам.

— Все равно отниму!

Вера понарошку стала искать у Михаила за пазухой поклон. Ему это понравилось, и захотелось, чтобы она как можно дольше искала. Ведь так приятно чувствовать руки девушки на своей груди! Они у нее сильные, как буравчики.

— Если не отдашь, буду щекотать.

— Ой, не надо! — стал защищаться Михаил. — А то помру от щекотки.

— Не помрешь... Не помрешь...

— Перестань, говорю, сй, перестань!..

И опять Вере показалось, что шалит она не с Михаилом, а с Ильей.

— Ну ладно, будет, побаловались, — наконец отступилась она. — Ты мне лучше скажи, как вы там, два брата, промышляете.

Они сели возле соседского амбара. Михаил рассказал, как они жили в лесной избушке, как промышляли и как Илья угостил его табаком из подаренного Верой кисета. Только про свою болезнь умолчал.

— Мы ведь с ним, знаешь, как живем: два брата — два друга, — прихвастнул Михаил. — Между нами секретов нет. Я теперь, это самое, даже про себя знаю больше, чем прежде. Ты, говорят, меня охраняла вечером покрова дня... Илья рассказал.

У Веры на глазах выступили слезы. Почему же сам он не пришел, хотя бы на один вечер, почему не сидит теперь с ней?

Замолкли в темноте голоса парней и девушек, где-то в нижнем конце села еще слышалась гармошка, но и она скоро умолкла.

— Мне ведь надо идти, Михайло,— вдруг заторопилась Вера.— Ты когда пойдешь обратно в лес?

— Денек поживу дома.

— Хорошо, коли так. Завтра вечером я еще увижу тебя...

Вера даже забыла попрощаться с Михаилом.

А жених еще долго сидел один у чужого амбара.

ЖИЗНЬ ТЫ НАША МОЛОДАЯ, БЕСПОКОЙНАЯ!

1

Утро выдалось славное — подмерзло, на землю палиней, идти было ходко. Одинокие шаги Михаила громко раздавались в светлых рощах, в сумрачных низинах, пугали зверей и птиц, застигнутых у лесной дороги. Но Михаил, казалось, не слышал ни громкого хлопанья крыльев взлетающих глухарей, ни посвистывания рябчиков, ни шумного бега лося. Весь он был поглощен задачей, которую надо было как-то решить. Что же ему делать, что делать? Послушаться ли отца с матерью и сделать так, как велят они, или навсегда остаться другом брату?

Михаил прошел уже полдороги, ни разу не передохнув. Захотелось пить. Он остановился у ручейка, скинул со спины тяжелую котомку. Напился. Сел. И не захотелось вставать.

Кругом была тишина. Тихо стояли седые ели, чуть лепетал ручей, где-то над головой лущили шишки клесты, тихонько переговариваясь между собой. В раздумье пребывали леса и воды, раздумывал и Михаил. Всем своим существом чувствовал парень, что к нему подошло что-то очень важное, и если сейчас не поймать, не схватить его, он останется ни с чем.

«Да разве найдешь другую такую девушку, которая была бы так же ласкова ко мне, как она, за человека бы меня считала!» — размышлял Михаил.

Ведь в жизни так и бывает: привыкшего к похвалам не удивишь вниманием, а забитому, вроде Михаила, полслова ласкового дорого.

Еще когда Михаил батрачил у Власия, он замечал, что Вера жалеет его, заступает за него, не раз подбадривала она Михаила добрым словом. Вера была свидетельницей драки Михаила с Кондратием. Она же спрятала его от чужих глаз и этим избавила от большой беды. «Мы, говорит, с тобой как брат с сестрой». Так Вера сказала ему на посиделках, при народе. У всех на виду поцеловала его и посадила рядом с собой.

«И как же я раньше не сдружился с ней? Как же это я проморгал? А кто я есть? Старший сын своих родителей. Первая доля в хозяйстве положена мне. Вот ведь кто я такой!»

Эти мысли подбодрили Михаила. Тут нечего стыдиться Ильи. Если бы старшим братом был Илья, он наверняка и разговаривать не стал бы с младшим. Жизнь-то, паря, похожа на тяжелые жернова, все перемелет, все мукой станет. Михаил отнимет подругу у Ильи. Вера привыкнет к нему. Молодожены отделятся от родителей, от их младшего сына. Будет у них свое небольшое хозяйство, будут дети... А Илья что? Пусть ищет себе другую. Ему это нетрудно — девушка найдется.

В руках у Михаила оказался сучок. Он все еще сидел и ковырял этим сучком поросшую мхом землю.

«А как, паря, меня Вера щекотала... — От этого воспоминания его лицо озарилось улыбкой. — Грудь у нее такие упругие, дышит горячо, руки сильные!»

Но и другое вспомнилось ему: ведь за пазухой-то Вера искала поклон от Ильи, а теперь там же лежит подарок Илье от Веры.

Михаил быстро вытащил из кармана завернутый в белую тряпицу сверток. Он был легонький и мягкий, но Михаилу невыносимо тяжело было держать его в руках. Хоть бы взглянуть, что там есть! Да ведь Вера не велела. «Не смей, говорит, развертывать и рассматривать!»

Вдруг на Михаила упала шишка. Ее уронил клест. Михаил вздрогнул и сунул сверток за пазуху. Чтобы успокоить свою совесть, он сказал про себя: «Зачем мне глядеть на чужое? Ведь даже собака не тронет, коли не велишь. А я человек, жених».

Он поднялся, вскинул котомку и отправился дальше.

К охотничьей избушке Михаил пришел еще засветло. Ильи не было. Видно, далеко ушел. Михаил брался то за одну работу, то за другую, но все валилось из рук. Вспомнил он про верши, взял большую берестяную набирушку и отправился к речке. Проверил первые две верши. Попались хариусы и налимы. Пошел дальше, к третьей, но вершу кто-то продырявил. В ловушке не оказалось ни одной рыбы.

Михаил вышел на берег, сел на колоду и задумался. Кто же это мог продырявить вершу? У самого берега росли кусты черной смородины. Пониже запруды был глубокий омут, еще ниже громоздились коряги, ветки, сучья, принесенные сюда внешней водой. А кругом разлапистые ели, густые ивы, спутанная и пожелтевшая пойменная трава. Сосны возвышались над самым обрывом. Из омута на более мелкое место юркнули хариусы. Посреди запруды заплескалась вода. Михаил глянул туда, и у него замерло сердце — из воды карабкалась на колоду выдра! Уши коротенькие, голова округлая, в зубах бьется хариус.

«Сбегать за ружьем!» — промелькнуло в голове у Михаила. Он припал к земле и пополз назад. Издали он видел, как зверь вылез из воды, сел на колоду, ухватился коротенькими лапами за рыбу и принялся есть. Выдра была матерая. Короткая темно-коричневая шерсть лоснилась, хвост тяжело свисал в воду.

Лесом Михаил бежал как сумасшедший. Ему хотелось, чтобы Илья еще не возвращался, чтобы он, Михаил, добыл выдру один. Для него сегодня это было так важно! Добыть ценного зверя — значит подняться в глазах Ильи на небывалую высоту.

Между соснами показалась крыша избушки. Дымка не видно. Значит, Ильи нет еще. Это хорошо. Уже возле избушки Михаил вдруг поскользнулся. Позже, когда он с ружьем бежал обратно, он понял, что под ноги ему попала мышь — ведь она даже пискнула. Это не к добру.

Еще задолго до того места, где Михаил оставил выдру, он пополз. Показался знакомый ивовый куст. За ним колода, на которой сидел Михаил. Тут он оста-

вил набирушку с рыбой. Громче застучало сердце, — казалось, оно просилось наружу. Да, да, кто-то шевелится. Это видно сквозь куст. Наверно, та самая выдра ест из набирушки его рыбу. Пусть ест, если хочет, пусть! Не жалко.

Еле слышный щелчок. Это Михаил взвел курок. Теперь уже можно разглядеть не только неясное движение, но и какое-то живое тело. Отлично видно, как выдра, если это, конечно, она, ест из набирушки рыбу. Она совсем близко, шагов десять — пятнадцать. Охотник выбрал широкий просвет в кусте, просунул ствол ружья — прогрохотал выстрел.

Михаил выстрелил из-за кустов и... аминь-аминь, в глазах у него потемнело, ноги подкосились. Растерянный, он долго стоял у куста и не хотел верить случившемуся. Вместо выдры он подстрелил ястреба. А выдра, оказывается, была еще на колоде и, испугавшись выстрела, бросилась в воду. Михаил собственными глазами видел, как по воде пошли круги.

У него было такое ощущение, будто его кто-то ограбил. Он посмотрел на умирающего ястреба, на простреленную дробинками набирушку и чуть не заревел в голос.

Уже в сумерках он вернулся к избушке. Илья все еще не было. Зашептался лес. Шевельнулись ветки сосны, закачали своими гибкими вершинами пихты, что росли в пойме реки, подул ветер, будто кто-то невидимый махнул широким подолом. Это было первое дыхание надвигающейся непогоды. И чем больше темнело, тем сильнее становились порывы ветра.

Теперь лес грозно шумел. Михаил начал было свистеть, без надобности поворошил костер, потом долго топтался перед избушкой.

Куда девался Илья? Почему он не пришел ночевать? А вдруг ушибся или заблудился? Михаил даже забыл про свою неудачную охоту на выдру. Теперь он укорял себя за то, что неладно подумал про Илью. Может, и лучше было бы, окажись Илья здесь, когда он приходил за ружьем.

— Лы-ы-ыско-оо-о! — что есть мочи крикнул Михаил.

Но ему ответил только шум леса да скрип деревьев. И вместе с этим все нарастающим гулом разбушевавшейся тайги усиливалась тревога.

— А-а-а-ту!

Нет, никто не отзывается.

— Может, он где и заночевал,— нарочно громко говорил Михаил.— Далеко ушел, запоздал и заночевал. А я зря тут тревожусь.

Он вроде бы приободрился от собственных слов и даже запел:

Жизнь ты наша молодая,
Очень беспокойная.
В село Типэ я ходил,
Темны ночки проводил,
Темны ноченьки
Да с подруженькой...

«Коли все хорошо, пусть себе ходит на здоровье, завтра придет. Я ведь и один могу переночевать, не маленький. Надо же когда-нибудь привыкнуть одному ночевать в лесной избушке. Главное — не бояться, так говорит Илья.— Михаил широко улыбнулся.— А на гостинец, посланный Верой, я все-таки посмотрю. Чего же тут плохого? Посмотрю и обратно заверну».

В белую тряпицу был завернут носовой платок. Прежде всего бросились в глаза те же буквы, которые были и на кисете. Это в одном уголке. А в другом красовался цветок. Вера так искусно вышила его шелковыми разноцветными нитками, что он казался живым. Цветок окантован узкой ленточкой. Ему, Михаилу, конечно, не понять, что это значит. Но Илья-то мигом разберется. Цветы — любовь, а алая полоска вокруг связывает воедино любовь Ильи и Веры.

Михаил долго смотрел на платок, на вышивку. Защемило сердце. Дневные размышления снова пришли ему в голову.

«Не отдам!— вдруг решил он.— Зарою в землю, пусть сгниет там. Сгниет платок — остынет между нами любовь. А если Вера спросит когда-нибудь, скажу: потерял, мол, и не посмел признаться Илье».

Сквозь шум леса Михаил услышал какой-то треск, потом грохот. По спине его будто пробежали струйки холодной воды. Может, какой зверь крадется? Может,

кто хочет потешиться над ним? В такую ненастную осеннюю ночь только нечистым и баловаться... Он насторожился, вытаращил глаза.

Пылало раздуваемое ветром пламя костра. Оно бросалось то в одну сторону, то в другую. А вокруг мелькали неясные тени. То вдруг кто-то шевельнется, то кто-то быстро проскользнет. Внимание Михаила привлекла ветвистая елочка. Под ней кто-то притаился. Михаил не хотел показывать вид, что испугался, и замурлыкал себе под нос. Но у того, кто притаился за елкой, вдруг обозначились глаза, выросли уши. Вот весь он виден. То моргнет глазами, то шевельнет хвостом. Батюшки, и рога у него выросли!..

Михаил перекрестился и прошептал молитву:

— Матича богородича! Укрой, закрой души моя...

А мысленно подбодрил себя: «Ничуть не боюсь, ничуть!» Но нервы были напряжены до предела.

Припомнились слова Ильи: «Если зверь — убежит, если нечистый — исчезнет». Надо действовать. Михаил схватил ружье и шагнул в сторону страшилища. Он шел, пошатываясь, мелкими шажками, почерневшие губы его дрожали. Сердце, казалось, остановилось, дышать стало тяжело. Испуганными глазами он искал чудовище, но под елкой никого не было.

— А-а! — обрадовался Михаил. — Испугался! Скрылся! — И изо всей силы крикнул слова заклинания: — «Молчок и тишь. Дорога сюда закрыта!»

Долго еще пробирала Михаила дрожь. Собрался было поужинать, но еда не лезла в глотку, словно была пересыпана толокном. Он занес в избушку нож, топор, ружье, запас пороха и свинца. Перекрестил дверь, дымовое отверстие и принялся щепать лучину на всю ночь.

Тут он снова вспомнил про брата...

2

У Ильи выдался тяжелый день. Охотник и собака с утра и до темна гонялись за куницей, но никак не могли поймать ее.

Куница сначала прыгала по вершинам деревьев. Лыско пришлось напрячь все силы, умение и нюх,

чтобы не потерять направление, по которому шел зверь. А сколько раз исчезал запах!

Для охотника плохо, когда нет снега. Если человек не видит след зверя, он бессилен. Но Илья знал, что его пес гонится за ценным зверем, и всячески подбадривал его.

— Ищи, Лыско, ищи! — то и дело приговаривал он. — Не вечно же она будет идти поверху, когда-нибудь спустится на землю!

Они хорошо понимали друг друга. Собака рыскала в чаще и время от времени подавала голос, призывая к себе хозяина.

Во второй половине дня стало ясно, что зверь идет к большому бурелому. Когда-то в этих местах пронесся ураган, и теперь на целую версту вширь и на несколько верст в длину повален весь лес. У куницы, видно, там постоянное место жительства.

Вскоре они подошли к бурелому. Поваленные деревья громоздились друг на друга. У самой земли густой щеткой поднялась еловая молодь.

В сумерках Лыско несколько раз загонял куницу под поваленные деревья, но Илье трудно было в этих зарослях угнаться за собакой, и зверь каждый раз успевал убежать.

Уже в темноте Илье пришлось выбираться из бурелома. Он почти ощупью нашел высохшую сосну, повалил ее, разрубил на два кряжа и развел охотничий костер — нодью.

И вот они у огня. Положенные друг на друга толстые кряжи горят ровно. Над головой шумит темный лес, предвещая перемену погоды.

— Пора уже, Лыско, давно пора и погоде перемениться, — заговорил Илья с собакой. — Время выпасть снегу. А то без снега трудно читать лесную грамоту.

Лыско решил, что разговор идет о том звере, за которым они гонялись, и тоже захотел кое-чего рассказать:

— Мува-ува... — Такой он хитрый. Не притаится на дереве и не забьется в тесное местечко, все вперед и вперед идет. А ведь он, знаешь, какой большой! Самец! — Мува-ува!..

Охотник привлек к себе собаку и положил ее голову себе на колени.

— Ты у меня такой умный, а вот слова у тебя не получаются. Как у немого... Ничего, Лыско, утро вечера мудренее. А теперь давай поедим — и спать.

Но Илья не думал, что ему придется заночевать в лесу. У него был с собой только кусок хлеба. Он поглядел на этот кусок, разломил его пополам и половину дал собаке.

Лыско, видно, крепко проголодался и проглотил свою долю не прожевывая.

— На уж, съешь и эту половину. А я как-нибудь... У меня есть немного табачку. В красивом кисете, знаешь, какой вкусный табачок! — добавил он.

Илья закурил и улыбнулся.

«Что-то сказала Михаилу Вера? Так, мол, и сказал твой брат — передай Вере поклон?... Вот ведь он какой, с чужими поклоны посылает. А самому, видно, не хочется побывать дома. Мало соскучился.

А Михаил, конечно, уже вернулся. Пришел, а меня нет.. Кому передать Верин поклон? Некому передать. Да, некому».

Илья зевнул.

— Видно, пришло время спать. Сейчас мы постелем перину, взобьем подушку...

При свете костра он разглядел небольшую пихту, наломал веток. Отрубил от валявшейся березки полено, расколол его, положил вместо подушки, веток набросал вместо перины, лег и укрылся сукманом.

— Поспим, Лыско, поспим! Ложись за моей спиной, будет теплее.

Лыско будто только этого и ждал. Он сразу подошел и лег. Ведь так хорошо спать, прижавшись к спине хозяина!

Шум леса все усиливался. Где-то поблизости свалилось дерево. Земля под Ильей вздрогнула.

Когда он уже засыпал, ему в голову пришла вдруг смешная мысль. Вот он живет, охотится, хочет побольше наловить зверей. А потом захочется еще больше, а потом еще... Как же это назвать? Простой человеческой жадностью? Или, скажем, он хочет добиться чего-то большего? А ради чего?

Ответить на это было трудно, и Илья только подумал про себя: «Человек многого хочет, человек — он все может».

И стал засыпать.

3

Михаил уже много лучины извел, а конца ночи все не видать. Сидит он — рубаха нараспашку, волосы спутаны, веки точно клеем смазаны, так и слипаются. А заснуть боится. Огонь может угаснуть, а без огня еще страшнее ждать.

Шум леса глухо проникал в избушку, и Михаилу порой чудилось, что он сидит у мельника Ивана и мелет хлеб своему хозяину. Он ведь и в самом деле много раз бывал на мельнице, когда батрачил на Власия. Вот и теперь будто слышится скрип колес. Шестерня сухого колеса вертится быстро и скрипит торопливо, словно хочет кого-то обогнать: «Казань хорош, Казань хорош, Казань хорош...» А сухое колесо отвечает шестерне не спеша, с расстановкой: «Сам хорош — так все хороши, сам хорош — так все хороши». Михаил подходит к верхнему ларю, заглядывает туда, есть или нет помол, а когда видит, что помол только в корытце, вздрагивает и сразу пробуждается.

Оказывается, лучина, воткнутая в каменку, уже догорает.

А голова у Михаила все тяжелеет и тяжелеет.

Вот он опять мелет. И опять помол остался только в корытце. Но Михаил уже не пугается, а спускается вниз выгребать муку.

У ларя стоит Вера. Она нарядилась, как в престольный праздник. Ситцевый сарафан перехвачен поясом с кисточками, на голове пестрый платок. Шею украшают яркие бусы, в ушах сверкают серьги, на кончиках кос горят алые ленточки. А сама Вера необыкновенно красивая и веселая.

«Что ты так нарядилась, точно барыня? — удивился Михаил. — Иль не молоть пришла? Поди, все девкой себя считаешь?».

«А чем не девка! — отвечает Вера. — Мы ведь с тобой женаты только для виду. — И задорно добавля-

ет:— Всю жизнь хочу быть такой красивой. Не хочу стариться».

Михаил выронил совок, которым выгребал муку.

«Не хочешь стариться? — испуганно спросил он.— Хочешь быть вечно молодой и красивой?»

«Да. Чтобы тебе не спалось, чтобы ты вечно подкарауливал меня!»

«Вера! — крикнул Михаил.— Ты меня не серди!»

«Сердись, коли охота. Ты и добрый мне не мил».

«Изобью до полусмерти и работать заставлю с утра до ночи!»

«Работать?.. Нашел чем пугать! Работа только украшает человека! А бить будешь — совсем опостылеешь!»

Рассерженный муж не стерпел. Он схватил березовую дубинку и изо всей силы ударил жену. Вера свалилась словно подкошенная и исчезла.

«Что я натворил? — испугался Михаил.— Убил жену! Я ведь не хотел... Где ты, Вера? Куда ты девалась?..»

Откуда-то из-под колес слышался старческий, глухой голос.

Может, от боли у Веры стал такой голос? И Михаил вдруг разозлился пуще прежнего.

«Куда спряталась? Думаешь, прощу тебя?»

И снова такой же старческий, глухой голос ответил ему:

«Теперь-то простишь. Я уже не молодая и не красивая».

Михаил не верил своим ушам, он пристально всматривался туда, откуда слышался этот незнакомый голос. И вдруг из-под сухого колеса к нему подползла дряхлая старуха.

«Теперь, наверно, обрадуешься».

Седые волосы у старухи растрепаны, лицо исчерчено морщинами. Сухими крючковатыми пальцами она уцепилась за бревно и смотрит на Михаила потухшими глазами.

«Ох-хо-хо! — вздохнула старуха.— Видно, сама и не смогу перебраться. Помоги, Михайло!»

А Михаил слова вымолвить не может, руки и ноги будто чужие.

«Иль не узнал? Это я, твоя жена... Ты ведь хотел, чтобы я состарилась, чтобы Илья разлюбил меня. Вот я и состарилась. Теперь ты меня люби! Слышишь?»

Голос у старухи окреп, стал повелительным и страшным; казалось, это цепной пес из темноты рычит.

«Слышишь, говорю! — У нее зло блеснули глаза, сгорбленная фигура приготовилась к прыжку. — Ты проломил мне голову, развеял светлые думы, с белой шей моей сорвал бусы, злыми словами пронзил сердце, кровью моей залил красивый наряд, ты плюнул в лицо моей молодости... И после этого ты не хочешь любить меня?! Заставлю! Люби, слышишь?»

И страшная старуха бросилась на Михаила.

Он схватил березовую дубинку и... проснулся.

Кругом мрак. Плохо натопленная с вечера каменка остыла. Холодно. Замерзли пальцы на ногах. Михаил отлежал правую руку, и она онемела. В левой было зажато топориче. Сознание медленно освобождалось от сна, будто распутывался моток ниток. Михаил сел на полке и увидел пробивающийся в щель дневной свет. Этому свету он обрадовался, как доброму другу, и бросился к дверям.

На улице падал сырой снег. Земля уже успела поседеть, а лес точно отяжелел от снежного сала.

Михаил боялся даже подумать, что с Ильей что-то могло случиться. Но как он будет добираться сюда в такую непогоду? Ведь на каждом дереве ведро воды!

Он разжег костер, повесил над огнем котелок с вчерашним супом. В голову лезли всякие мысли. Да и как тут не призадуматься!.. День был несчастливым, вечер — жутким, ночь — с кошмарными снами. И к чему бы такой сон? Вера ведь еще не его жена. Допустим, будет женой, не ударит же он ее березовой дубинкой! Ну, может, ремнем или вожжами стеганет. Другие-то ведь бьют своих жен...

А между тем время незаметно шло и шло. Надо бы затопить каменку, согреть к приходу Ильи избушку. Но Михаилу казалось, что ему не этим следует заниматься. Надо непременно помочь Илье. Но как и чем? Искать его? Куда идти, в какую сторону? Ведь он не знает, куда пошел Илья.

Михаил отправился на поросшую соснами возвышенность, что была позади избушки. Первая же елочка обдала его ледяной водой. Вода так противно бежала по голой шее за ворот рубахи. Он поднялся на самое высокое место и долго прислушивался. Кругом падали капли, отовсюду тянуло пронизывающим до костей холодом.

Михаил долго кричал, звал Илью, сначала с земли, потом залез на сосну. Но тайга не откликалась.

«Неужели ушибся? А может, заблудился? Надо искать», — решил Михаил и пошел по узенькой тропке, но вскоре весь промок.

Что же делать, когда не знаешь, в какую сторону податься? Но и возвращаться неохота. Вот так и будет стоять растерянный Михаил — весь вечер, всю ночь, до утра. А днем отправится дальше.

Кажется, уже начало темнеть. Стал падать снег, теперь посуше. И вдруг слышались какие-то звуки. Михаил сначала не разобрал, что это за звуки, но все-таки прибодрился и стал прислушиваться.

— Да это же человеческий голос! Илья! Это наш Илья, — еще не веря себе, проговорил Михаил. И тут же крикнул: — Э-э-э-й! Я здесь, здесь! Сейчас приду! — И, уже сбегая с холма в сторону избушки, Михаил шептал: — Илью нашего голыми руками не возьмешь. Он сам леший... Да что это я брешу? Никакой он не леший, просто он смелый и толковый человек. По сравнению с ним, я не человек, а портянка, вот кто я, портянка!..

Навстречу Михаилу бросился Лыско. Михаил чуть не расцеловал собаку.

— Я ведь что думал? Я, это самое, думал, мол, случилось с вами что-нибудь, — объяснял он Лыско.

— Здесь будете ласкаться, здесь! Идите скорее! — слышался голос Ильи.

Илья хлопотал у костра: раздувал потухший огонь. И хотя он уже успел сменить мокрую одежду, было видно, как сильно он замерз, — губы синие, глаза мутные, всего дрожь пробирает.

— Каменку не протопил, — сразу упрекнул Илья брата. — Костер потух. Что же ты делал целый день?

Михаил молчал. Но Илья и сам заговорил о другом:

— Вчера вечером пришел?

— Вчера вечером. Коли так, я сейчас затоплю печку,— заторопился Михаил и пошел в избушку.

Илья первым делом прямо из котелка выпил супу и, чуть согревшись, принялся помогать брату.

— Я твой голос услышал,— уже совсем оправившись, сказал Илья.— Это ты ладно придумал. А то я мог бы в другую сторону податься.

Михаил вздохнул свободнее.

— Даже на сосну взбирался. До хрипоты кричал.

Илья глянул на свой лаз, висевший перед избушкой под навесом, и подошел к нему.

— Вот за этим целых два дня гонялся.

Он вытащил из лаза куницу и протянул ее брату.

— О, паря, даже самец! — Михаил стал рассматривать ценного зверя.— В такой ненастный день и все-таки поймал!

— В буреломе поймали. В ненастный-то день не особо побегаешь, вот он и стал все больше хорониться. Мы с Лыско и вытащили его из-под коряги.

Михаил вспомнил, как он вчера охотился на выдру, и на сердце у него стало нехорошо. К тому же он совсем забыл про набирушку с рыбой, так и осталась она у речки. Хоть за ней надо сходить и уху сварить.

— Время есть еще, Илья,— отозвался старший брат,— я схожу к вершам.

Михаил сбегал к реке и быстро вернулся. Он сам выпотрошил хариусов и сам принялся варить уху. Илье казалось, что Михаил нарочно не рассказывает про домашние новости, потому и он не стал расспрашивать.

Разговор начался уже после ужина, когда братья вошли в избушку и Илья принялся разделывать свою ценную добычу.

— Как там отец промышляет?

— Неплохо,— коротко ответил Михаил.— Часть промысла уже продал.

— Что нового на селе?

— Что же там нового! Все по-старому.

Про Веру Михаил и не обмолвился. Илья спросил про нее, когда уже улеглись спать:

— Помнишь, о чем я тебя просил?.. Повидать-то ее удалось?

Михаил как-то неестественно кашлянул.

— На посиделках видел.

— Ну и что? — насторожился Илья.

— Так, ничего. Живет. По-старому. Поклон твой передал.

Лучинка еще горела, и Илья видел, что Михаил старается не глядеть на него.

— А она что ж, так ничего и не сказала?

— Почему не сказала? Обо всем говорили.

— При народе?

— Почему же это при народе?

— Сам говоришь — на посиделках.

— Почему на посиделках? На улице.

— Днем, что ли?

— А я не говорил, что днем...

— Ты, братец, будто что-то украл, а краденое во рту держишь, мямлишь чего-то себе под нос.

— Спать охота. В прошлую ночь, это самое, плохо спал.— И Михаил повернулся к стене.

Он не умел врать, поэтому выражение лица выдавало его с головой. Илья это видел, сердце его тревожно заняло. Но он не стал больше расспрашивать брата. Утомленное тело после сытной еды просило отдыха, и Илья заснул крепким сном.

Тяжело и печально было на душе у Михаила. Что он успел узнать хорошего, прожив до двадцати двух лет? Конечно, были маленькие радости, были и шалости. Но все это не то. Ведь у Михаила такое же сердце, как и у других людей. Оно может и печалиться, и радоваться, и любить! Да, да, любить! Это он почувствовал всего два дня назад. Теперь он мучается.

«Почему я не Илья? — прислушиваясь к спокойному сну брата, думает Михаил.— Тогда бы и вышитый платок был моим, тогда бы не приснилась мне вместо Веры страшная старуха».

Обидно Михаилу. Его младший брат во всех отношениях счастливее его. Хоть бы рассердиться на Илью,

сделать с ним что-нибудь... Но ведь Илья такой добрый и так он все хорошо понимает.

Михаилу казалось, что ему не хватает воздуха. Он схватил свой сукман и вышел на улицу.

Между деревьями густо падал снег. Михаил уселся под навес перед избушкой и укрылся сукманом. В его руке был зажат носовой платок, завернутый в белую тряпицу. Долго смотрел Михаил на этот маленький сверток... Нет, не может Михаил зарыть этот платочек, чтобы он сгнил в земле. Ведь теперь он сам знает силу любви и не хочет потешаться над ней. Пусть уж Илья возьмет этот платок, пусть уж он им любит. Михаил успокоился и вернулся в избушку.

На рассвете оба брата были уже на ногах. Пока варили суп, перебрасывались изредка словом-другим — о снеге, о следах зверей. Вечерний разговор не возобновляли. Но Илья заметил, что брат чем-то опечален.

— Ты, видно, эту ночь опять не спал? — неожиданно спросил его Илья.

— Кто? Я? — вздрогнул Михаил.

— Не притворяйся! Я ведь вижу, ты чего-то таишь от меня.

— Не сердись, Илья. — Михаил густо покраснел. — Вчера я забыл передать тебе подарок от Веры. Вот он. Бери.

Оба смотрели не на сверток, а друг на друга: Илья — вопросительно, Михаил — виновато.

— Самую малость позабыл ты, — сквозь зубы процедил Илья и взял протянутый ему сверточек. — От меня, брат, трудно что-либо утаить. Я тебя насквозь вижу.

Михаил промолчал. Илья повернулся к нему спиной и развернул тряпицу. Сердце так и защемило от тоски по Вере.

4

Три дня и три ночи бушевала непогода. Точно в раскрытые настежь двери сарая вдруг подует ветер, то посыплется из небесного сита ледяная крупа, то все кругом потонет под сплошными хлопьями снега, то вдруг

метель соединит воедино небо и землю. Но сильна оказалась осень в этом году. На четвертую ночь она яростно бросилась навстречу наступающей зиме, и к рассвету снова начало таять.

Звуки падающих капель шепнули Илье: «Если в самом деле иссякло терпение, сегодня же отправляйся домой. Какая уж тут охота! Сходишь домой и про Веру все сам разузнаешь».

Илья так и сделает. Нечего думать, хватит подчиняться разуму. А глаза завидующие велят повременить хотя бы денек,— мол, еще десяток белок добудешь. Но ведь после этого десятка еще десяток захочется. Надо же когда-нибудь прислушаться к тому, что сердце говорит. Молодым-то только раз бываешь, да и то не долго.

— Вот что,— не глядя на брата, сухо проговорил Илья,— я сегодня домой пойду.

Михаил тоже не взглянул на Илью. Они уже третий день по-настоящему не разговаривали. Илья сердился на старшего брата. А тот не хотел унижаться.

«Зря не зарыл носовой платок,— подумал Михаил.— Тогда бы мне легче было».

Михаил и не думал, что Илья умеет так сердиться. «Я бы десять раз успел и рассердиться и помириться».

— Завтра вечером вернусь. Собака чтобы не погналась за мной. Добычу с собой унесу,— так же сухо продолжал Илья.

Михаил, конечно, понимал, почему брат вдруг решил пойти домой.

— Чего так скоро?— спросил он.

— Из-за тебя. Одному-то небось опять будет страшно.

— С собакой не боюсь! — вспыхнул Михаил.— Нарочно не буду бояться, чтобы ты еще больше злился!

Илья хотел что-то сказать, но промолчал. Он ведь только предполагает, что брат чем-то виноват перед ним и что-то скрывает о Вере. Но предполагать — еще не значит знать. Догадка—она как тень, в руки не возьмешь, не рассмотришь.

— Злюсь...— будто бы про себя сказал Илья.— Может, вовсе и не на тебя злюсь. Может, у меня характер такой.

Лыско видел, как Илья укладывал в лаз шкурки, и догадывался, что хозяин собирается домой. Пес обрадовался и ждал, когда наконец услышит тонкий и долгий посвист. Так ведь обычно делают охотники, отправляясь в путь.

— Не ходи со мной, останься!

Лыско сначала не поверил, что хозяин так строго прикрикнул на него. Он замахал хвостом и подошел к Илье. Но тот крикнул еще строже:

— Слышишь? Не смей бежать за мной!—И отправился, так и не свистнув.

Михаил погладил ошеломленную собаку.

— Вдвоем будем охотиться, не пропадем... Испугался, думает, овин без него загорелся¹. А кто его сожжет, коли не я? Спалим когда-нибудь, не беспокойся, зевать не будем и никого не спросим. Не боюсь я тебя. Хватит, это самое, людей смешить. Разве не я старший брат?

По всему было видно, что Михаил говорил все это, твердо поверив в себя. Теперь он, наверно, не сказал бы: «Два брата—два друга».

А Лыско отошел от Михаила, сел и стал прислушиваться, не позовет ли его хозяин.

Но уже запах Ильи пропал, а его голоса так и не дождалась собака. Она заскулила, потом завывала. Лыско понимал, вернее—чувствовал, ему подсказывал собачий инстинкт, что с хозяином случилось что-то неладное, что у него какое-то горе, потому и ушел он такой рассерженный. И почему знать, надолго ли ушел... Лыско заскулил еще жалобнее.

Долго слышал Илья, как зовет его Лыско. Этот щемящий душу голос все отдалялся и отдалялся, потом оборвался, остался за мокрым лесом, затерялся в туманном воздухе. Но в ушах долго еще раздавался жалобный вой, и казалось, будто не сам Илья отдалялся от Лыско, а его собака тихонько убегает от него и зовет за собой. На мгновенье стало так одиноко, как бывает после похорон близкого человека, когда знаешь, что он никогда больше не придет к тебе, никогда не поговорит с тобой.

¹ О в и н г о р и т — невеста выходит замуж за другого.

Под ногами поскрипывал уже посиневший, сырой снег. Илья вышел на коренную лесную тропу, которая начиналась отсюда, от берега ручья, и стряхнул с себя снег.

Следы зверей и птиц много раз пересекали дорогу — такой снег никому не даст пройти тайком. Вон следы ласки, это она гналась мимо колоды за мышью, а на колоде длинные прыжки горноста. Между деревьями глухарь поставил печать величиной с ладонь. От елки к елке, от сосны к сосне, словно хвойное дерево протащили, тянутся следы белок. Вон пунктирный след лисицы, а там заяц оставил беспорядочные кресты. А дальше, на противоположном берегу ручья, Илья увидел широкий след. «Наверно, охотник прошел», — подумал он, а у самого волосы зашевелились под войлочной шляпой. Не со страху, конечно, а от неожиданности. Ведь это медведь протопал. Наверно, под утро к верховью ручья прошла медведица с медвежонком... У медведицы следы широкие, у ее детеныша поменьше. Видно, идут в свою берлогу — собрались залечь на зиму.

Что делать? Дробовик у Ильи заряжен, но заряд на белку. Есть, правда, в запасе и пули. Можно, конечно, вложить пулю в ствол, поверх беличьего заряда. Но проймет ли она такого крупного зверя? Или сначала выпустить в воздух беличий заряд и сразу же зарядить покрепче? Но ведь медведица может услышать выстрел и тогда непременно убежит. В то же время нельзя отступать, надо выследить зверя. Ведь снег, того гляди, растает, или какой-нибудь другой охотник распознает про берлогу.

Илья задумался, разглядывая следы. Вдруг он вздрогнул... Да ведь это знакомая медведица! Та самая криволапая медведица, которую они видели с Верой, когда собирали бруснику. Ну и чудеса! Ведь в тот день Илья подарил Вере алую ленту, и Вера этой алой лентой напугала зверя. Вера тогда не могла вспомнить, какая лапа у медведицы кривая. Оказывается, левая. Ох, и везет же Илье! Если убить эту медведицу, будет что вспомнить. Да-а-а, когда-нибудь скажет он своим сыновьям и дочерям: не такими, мол, как вы, были мы с вашей матерью в молодости — не побо-

ялись с голыми руками напасть на медведицу с медвежонком, и эту медведицу той же осенью я и пристрелил.

От этих дум прибавилось смелости, надежнее стал казаться дробовик, острее нож, как всегда висевший у него на боку в кожаных ножнах. И Илья направился по медвежьему следу. Будь что будет!

С деревьев сползал тающий снег. Сначала Илья шел осторожно — не хотелось промокнуть. Но медведи пошли по берегу, поросшему густым ельником, и тут уж Илья ничего не мог поделать. Только под кожаными наплечниками остались сухие места: до нитки промок.

Долго крался Илья за медведями. Неожиданно звери спустились в пойму ручья. Там их следы покружили и затерялись.

«Неужели в пойме залегли?» — подумал Илья, и ему стало жутко. Ведь он теперь совсем близко от них. Может, медведица сейчас готовится броситься на него с диким ревом. На лошадей и коров медведи нападают чаще всего тоже с ревом, чтобы напугать, а потом уж дать волю зубам и когтям... Все жилы напряглись у Ильи. Он уже не чувствовал холода, тело у него горело. Вот сейчас зверь заревет и кинется. Илья может растеряться, — ведь он не успеет ничего сделать.

Но зверя не слышно и не видно. Илья сделал большой круг. Нет, медведи дальше не ушли. Стал делать другой, поменьше. Шел крадучись, как рысь, до боли напрягая глаза. А когда Илья во второй раз переходил ручей, он увидел, как по обрыву идет медвежонок. Илья не успел еще догадаться, почему же детеныш отделился от матери, как и этот след тоже пропал. «Так вот оно что! — обрадовался Илья, поняв, в чем дело. — Вы, оказывается, хитрите?»

Звери шли прямо по дну ручья. Старый медведь всегда так делает, приближаясь к берлоге, чтобы скрыть следы. По воде они продвигались довольно долго. Только детеныш порой вылезал на берег, а следы матери можно было обнаружить на колодах, лежащих поперек ручья, и в илистых местах.

Было тихо и все так же туманно. С седых елей капала вода. То там, то здесь вздрагивали ветви — с них скатывался отяжелевший снег. Это пугало Илью.

Вот опять шевельнулась небольшая елка. С нее скатился снежный ком и развалился пополам. Поникшие ветви стали выпрямляться. В другом месте такой же снежный ком, падая, стряхнул снег с молодки. Вот еще что-то шевельнулось. В глаза бросился крутой бережок, поросший елками. Дальше росли старые березы. Еще дальше мелькнули красные ягоды рябины.

И вдруг... Что такое? Краешком глаза Илья уловил что-то черное. Приклад ружья сам собой приник к плечу. И уже сквозь прорезь прицела Илья увидел медведицу. Зверь лежал на кочке у отверстия логова и следил за Ильей. Илья прицелился в лоб, нажал на спусковой крючок. Курок щелкнул. Ружье не выстрелило. Другой раз щелк! Промок пистон. Дрогнули руки. Илья тихонько выругался и подумал: «Может, уйти? Оставить ее на зиму?» Но медведица, кажется, шевельнулась. Она видит Илью, готовится броситься.

Илья вынул пороховницу. Пороховница никак не дается в руки. Поймал. Насыпал в капсуль свежего пороха. Стал вставлять новый пистон. Пистон упал. Поставил другой. Нет, отступать нельзя, поздно. На пугливого и шелудивая собачонка бросается.

У зверя шевельнулись уши. Дошел, значит, посторонний шорох. Илья тоже уловил его. Это бежит Лыско. Еще мгновение — и прогремел выстрел. Медведица рывкнула, хватанула пастью воздух и бросилась на Илью. Илья выхватил нож, отскочил за ель. Медведица стремительно промелькнула мимо него и налетела на ель. Значит, ранена. Покрутилась на месте. Остановилась. Увидела Илью. Их глаза встретились. Пуля попала ей под левый глаз. Рана не смертельна. Надо отскочить за ель, заколоть ее, прикрываясь деревом. Яростно залаяла собака. Илья крикнул: «Лыско, возьми!» Но было уже поздно. Медведица успела рвануть Илью за полу. Пола оторвалась, Лыско прыгнул на медведицу. Зверь перекувырнулся. Лыско очутился под ним. Илья бросился на помощь собаке. Он ударил медведицу ножом. Поскользнулся, упал. Зверь оставил собаку и вцепился в руку Ильи. Лыско снова очутился на медведице. Разъяренному зверю пришлось бороться и с охотником и с собакой.

Илья уже поднялся на колени. Снова ударил. Попал в кость.

Рычала собака, редела медведица. Зверь крепко укусил Лыско. Пес дико взвизгнул. «В пасть надо просунуть руку, в пасть, задушить зверя», — мелькнуло в голове Ильи. Вот она, широкая, огненно-красная, а зубы белые...

Илья рывком толкнул в пасть левую руку. Медведь успел укусить ее. Очень больно. Но вытащить руку нельзя. Толкнул поглубже, до локтя. И крикнул, торжествуя:

— А! Попалась! Откусалась!

Медведица пустила в ход когти, но пох сильнее когтей. Илья почувствовал, что после нового удара ножом медведица вздрогнула и стала тяжелеть. Она упала на колени, будто просила прощения, и стала постепенно валиться на бок.

Илья вытащил из пасти руку и испуганно прошептал: «Господи благослови...» Глаза искали что-нибудь для перевязки. Подступала тошнота. Задрожали колени. Он с трудом подошел к ручью, чтобы обмыть руку, и только тогда увидел — кровь выше локтя была фонтаном. «Надо остановить ее. Я знаю такую молитву...» Илья снова подошел к медведице, разбросал ногой истоптанный и окровавленный снег, взял пригоршню земли, положил ее на рану и стал приговаривать:

— «Во имя отца и сына и святого духа, аминь. Речка Ель и Симва-река. Крови вода, крови раны, не щетет духа, не будет дула, два золота, пречистая богородица, утирай, укрывай, защищай, закрывай со белым платком, буди, буди, аминь! Кровь стой, как белая камень!»

Но кровь не остановилась. Илья прочитал заклинание второй раз. Прочитал третий... Заговор был бессилен. «Может, я забыл какое-нибудь слово? Может, не так сказал? Господи! Вытечет вся моя кровушка... Я и так промок до нитки, наверно, и спички подмокли. Что же будет?»

Рядом жалобно скулил Лыско.

— И тебя покусала? Погоди, Лыско... Погоди чуток... Я тебя не оставляю.

Илья вытянул из штанины несколько ниток, наложил их крестом на раны. Но и кресты из ниток не остановили кровъ.

Тошнота совсем замучила. Перед глазами поплыли желтые круги. Стали крениться деревья. Хоть бы закричать, позвать на помощь... Но кто услышит? Кто поможет?

— Потерпи, Лыско, потерпи... Я вот перевяжу рану, разожгу костер...

Снова зашатались деревья. Снова в каком-то тумане поплыли желтые круги.

«Что-то, видно, неладно со мной...»

Илья глянул на зверя. Медведица как будто тоже шевелилась. Закачалась под ногами земля, быстро валялись деревья. А затем все — земля, лес и медведица — встало дыбом. Илья не смог удержаться на ногах и стал падать куда-то вниз. Он хотел крикнуть — не получилось. Снизу подул холодом. Илья все быстрее и быстрее падал навстречу этому холоду....

Вдруг ему стало хорошо. Рука не болела. И холода он не чувствовал. Послышались голоса людей. Ну и пусть разговаривают, пусть. Ему и без них хорошо. Они, видно, знают Илью, по имени называют. А Илья их просит посмотреть его собаку. Она плачет. Что с ней случилось?

Голоса знакомые, а узнать трудно. Один говорит: «Надо развести костер, обсушить его одежду».

«Да, да! Вы так и сделайте», — мысленно соглашается с ними Илья.

Ах, как солнечно, как весело! Илья бежит у реки и смотрит, как отец обмазывает смолой лодку.

А люди со знакомыми голосами собираются, видно, наложить ему на руку жгут.

«Не дам я вам, не дам! — пытался увернуться от них Илья. — Мою руку искусала медведица».

Но разве они послушаются. Руку стянули так крепко, что она стала чужой, потом и вовсе отвалилась. Солнце куда-то исчезло. Илья снова стал скатываться вниз. И из темной пропасти вновь потянуло холодом.

НЕОЖИДАННЫЕ ЗНАКОМСТВА

1

К осени в окрестностях появились волки. В одном месте они задрали овцу, в другом — теленка и жеребенка-сосунка. С наступлением холодов, когда скот загнали в хлева и в конюшни, хищникам нечем стало кормиться, и они обнаглели. Волки заглядывали по ночам в села и деревни, рыскали в поисках добычи.

Нечто похожее на волчьи нравы было и в повадках скупщиков пушного промысла. Уже с самого начала охотничьего сезона их рыскало в этих краях немало — коми и русские, татары и евреи. Среди них были и богатые купцы с золотыми зубами и прасолы в рваной одежде. Все они мечтали разбогатеть за счет охотников, все старались объездить побольше селений.

Связки беличьих, горностаевых и заячьих шкурок, белый песец и лиса-крестовка, куница и соболь, выдра и норка, боровая дичь, добытая поздней осенью, медвежьи и рысьи шкуры уже с зимним мехом — все, чем богаты леса и воды здешнего края, скапливалось постепенно в руках скупщиков, зашивалось в мешки и складывалось в бочки. Когда установится санный путь, все это богатство повезут Мурашинским трактом, или отправят в сторону Архангельска, либо через верховья Вычегды в Чердынь, либо набьют им склады в устье Печоры и с открытием навигации повезут дальше, чтобы выбросить его на мировой рынок.

Бикмедов прибыл в Важгорт поздно вечером и опять остановился у Алексея Расова.

— Дядя Алексей! — еще с порога крикнул он. — Новый самовар привез! Надо новый самовар ставить!

Хозяин был дома и вязал рыболовную снасть — вентерь. Он отодвинул работу в угол, вытер руки о домотканую рубаху и поднялся.

— Давно ждем, Гафар Макарович! Проходи, дорогой гость.

Встретились как старые знакомые. Алексей обвел взглядом домочадцев, и этого было достаточно, чтобы Никитка убрался со своей книгой из-за стола и залез на полати, чтобы Сергей бросил подшивать валенок

и вышел во двор помочь распрягать лошадей. Невестки перестали пряхать и принялись успокаивать своих детей, ловя при этом каждый взгляд свекра.

— Возьми фонарь,— бросил сыну Расов, когда Сергей, похожий на отца крепким телосложением и строгим выражением лица, начал одеваться.— На улице ничего не оставляйте. Да замкни потом сарай. Большой замок на полке в боковушке.

Все помнили, как в прошлый раз была порезана сбруя на лошадях купца.

— Я велел занести все в зимнюю избу,— сказал, раздеваясь, Бикмедов.

Он не спросил разрешения, думая, что так, пожалуй, лучше, так его скорее посчитают своим человеком. Но ведь хозяин-то здесь все-таки Расов. И Расов сказал:

— В мой сарай теперь и воробей не залетит. Нет нужды заносить вещи в избу.

— Хороший хозяин! — похвалил Алексея купец.— Воробей хоть и мал, да хуже разбойника... Сам схожу. Распоряжусь, чтобы не все в избу заносили.

Пока Бикмедов ходил, хозяин велел поставить самовар, конечно, старый, маленький, из которого могут напиться только трое. А бикмедовский самовар надо еще посмотреть. Если подходящий, Алексей возьмет. А старый отдаст Сергею, когда построит ему дом и разделит сына.

Алексей засветил огонь в соседней комнате, сам вычистил ламповое стекло, сам убрал со стола, собрал с лавки вещи, оставленные детьми, и швырнул их за шкаф.

— Большой самовар привез,— вновь слышался голос Бикмедова.— Твоей семье самовар привез.

Это был действительно семейный самовар. В его пузатое чрево вмещалось полтора ведра воды. Он взгромоздился на стол всей своей тяжестью и красовался блеском новизны, будто важный гость.

— Хорошее добро,— хвалил сам Бикмедов.— Из Тулы привез. Не будешь поминать меня лихом.

— Да, вещь хорошая, ничего не скажешь. На века,— погладил Алексей сверкающую медь.— Только вот много чаю да сахару будет уходить.

— Значит, неладно сделал? — покачал головой Бикмедов. — Надо было продать. В пути сколько раз просили — не продал. Заказ, мол, заказ!

Забыв обо всем, как зачарованные стояли снохи. С полатей торчала голова Никитки. Глаза у всех блестели от восхищения. Неужели хозяин откажется? Можно ведь и пореже ставить самовар, поменьше пить чаю. Да и с сахаром нетрудно уладить. Если положишь кусок за щеку, ой, как долго он не тает, даже самый маленький кусочек, величиной с зуб!

— Попробуем, коли так, поставим.

Алексей взял самовар и перенес его к печке.

Хотя старшая сноха была ближе, свекор посмотрел на младшую: с ней дольше жить, пусть она и поставит самовар. Старшая надула губы: не любит ее свекор, совсем не любит...

На этот раз у Бикмедова было не так много товару. Он теперь занимался не продажей, а скупкой. Вместо Максима Баринова его сопровождали два крепких мужичка, которые исполняли обязанности и ямщиков и телохранителей купца.

Во время чаепития, когда все уже успели вспотеть, от гостей густо запахло звериными шкурками. Разговор за столом шел главным образом о том, как прошла охота в Важгорте, кто сколько успел промыслить.

Бикмедов так хитро расспрашивал хозяина, что тот и не заметил, как рассказал ему обо всем, что сам знал. Даже пожаловался на свою одряхлевшую собаку, но дал понять купцу, что его сыновья будут охотиться до самой весны. Васька и Митрий, надо полагать, не впустую живут в лесу.

— У тебя, дядя Алексей, куплю промысел потом, — прищурил свои маленькие глазки Бикмедов. — Приготовь, вернусь — все заберу. И самовар пока так оставлю. И лишний груз у тебя оставляю.

Алексею приятно было это слышать: богатый купец и так доверяет ему, простому мужику! Такой-то уж не обидит!

— Что твое — то твое. Ни единой беличьей шкурки не продам другому. Может, только на дробь, на порох придется немного дать Сирвойтову.

— Немного можно, — согласился Бикмедов. — Для отвода глаз. — И тут же добавил: — Дешево не давай. Я дороже куплю.

Гафар Макарович торопился: уже поздно, а ему надо еще навестить кое-кого из охотников. Он поднялся из-за стола и начал одеваться.

— Дядя Алексей, с тобой ходим, вдвоем ходим.

— Можно и со мной, — тоже начал одеваться Алексей. — К кому сначала?

— К Степану. Сначала к нему.

Степан Матвеевич оказался дома. Супруги как раз готовились ко сну.

Бикмедов зашел к Ошлапову как к давнему знакомому.

— Степан, выкладывай-ка свой товар, покупатели пришли!

Марфа убрала с пола постель. Степан зажег лампу, погасил горевшую лучину, светец отодвинул к печке.

— Проходите...

Вид у Степана был растерянный. Слишком уж неожиданно явился к нему Бикмедов. Так долго о нем ничего не было слышно — и вдруг прямо к нему, точно гром в ясный день.

Купец сел к столу, Алексей — на лавку. Ему-то что: потребуется — скажет слово, не потребуется — так посидит, послушает, как будут торговаться покупатель и продавец. Оказывается, покупателем бывает и сам купец. Вздумает Степан не продавать промысел — и не продаст. Что ты с ним сделаешь? Придется уйти от него с пустым мешком, который Алексей держит сейчас в руке. Да и сам он, Алексей, тоже хозяин своему промыслу...

День продажи добычи для охотника настоящий праздник. Что ни говори, а ради этого дня немало пота пролито.

Степан, конечно, был рад. Ему не надо навязывать свой товар, у него просят. Его растерянность прошла. Он бросил взгляд в сторону печи, где стояла Марфа, ожидая приказаний мужа.

— Ты, хозяйка, может, угостишь нас?

Бикмедов побарабанил толстыми пальцами по сто-

лу. Ему, видно, не особенно хотелось рассиживаться, но неудобно было торопить хозяина.

— Ох, и репей-трава ты, Степан, добром от тебя не отвяжешься! — весело кинул он. — Мы зашли по делу, а он угощать!

— Хотя бы для виду, — погладил Степан круглую бороду. — Крестьянское угощение, конечно, не городское...

Под руку Бикмедову подвернулась солонка — деревянная утка. Шея у утки изогнута, вместо глаз желтые бусинки, надбровные дуги покрашены, крылья и хвост тоже разрисованы, а на спине крышка. Снимешь крышку — там соль.

— Красиво, толково! Кто сделал?

— Баловство одно, — махнул рукой Степан. — В молодости было сделано. А покрасили и глаза вставили сыновья.

— Какая же это птица?

— Селезень.

— Точно живая! Толковые у тебя сыновья, хорошие сыновья.

Тем временем Марфа успела поставить на стол соленые грузди, квашеную капусту и хлеб. Степан сам ходил в другую комнату за штофом вина, который у гостеприимного хозяина всегда хранится к случаю.

— Подвигайся к столу, Алексей, — сказал Степан, хотя по-прежнему старался не встретиться с ним взглядом.

Бикмедов давно уже понял, что промысел Степана перейдет в его руки. Только вот все ли захочет он продать?

После первой рюмки Степан выложил перед купцом беличьи шкурки по десятку в связке, связку заячьих, пару-другую горностаев и норок.

Только теперь Степану бросился в глаза золотой перстень на левой руке Бикмедова. Он глядел, как эта самая рука с золотым перстнем быстро перебирала шкурки — сначала более дорогие, затем беличьи, а заячьи просто отбросила в общую кучу.

— Неправильно делаешь, Степан, — сказал вдруг купец. — Ранний промысел продаешь отдельно. Поздний будешь продавать отдельно.

Степан даже опешил от удивления.

«Ну и лиса же ты!» — подумал он. Это был действительно ранний промысел, мех еще не зимний.

— Неспелых надо соединить с хорошими. Два неспелых, восемь первосортных. Беру как хорошую десятку.

Степан почесал затылок. Власий даже спелых, первосортных, принимает за синих, неспелых, дает полцены, а этот вон как расщедрился!

— Знаю, что думаешь, — не желал выпускать вожжи из рук Бикмедов. — «Купцов много — Степан один». — И вдруг спросил: — Какая цена Сирвойтова?

На это ответил Алексей:

— Власию Спиридоновичу без особой нужды не несут. Никто не хочет, чтобы труд пропадал даром. Тратишь дробь, порох, рвешь одежду... Да ведь и семью кормить надо.

— Верно говоришь, Алексей, — поддержал его Бикмедов. — Охота — тяжелый труд. Пять копеек прибавлю на каждую белку. Кто же станет носить Сирвойтову?

После второй рюмки Степан принес новую партию шкурок. Кроме беличьих, он выложил перед Бикмедовым пять горностаев и одну куницу.

И опять рука с золотым перстнем перебрала все шкурки, откладывая их в одну кучу. А Степан глядел, глядел и наконец сообразил, что Бикмедов работает главным образом левой рукой. Значит, он левша.

— Есть еще? — Бикмедов посмотрел Степану прямо в глаза.

«А глаза-то у него как у нахальной мыши, — мелькнуло в голове у Степана, — хотя сам он походит на жирного филина, того гляди бросится на жертву. Вставить ему большие, круглые глаза да посадить на дерево — ей-богу, филин!»

— Продашь мне — не промахнешься, — настаивал купец.

Степану незачем было отпираться, и он сказал:

— Немножко есть еще товару. Но то оставляю. — В эту минуту он вспомнил о хранившейся у Власия бумаге. От Сирвойтова добром не избавишься, всю жизнь будет преследовать, если не оставишь для него

часть пушнины. И Степан повторил:— С остальным повременю.

Снова наполнили рюмки. Бикмедов похвалил грузди Марфы. Но думал он о другом. Именно ради этого «другого» он покинул свою Казань, оставил на попечение приказчиков свои магазины. У него, видите ли, пока не хватало капитала, чтобы купить на Урале один железоделательный завод, не ущемляя торговли. Гафар Макарович Бикмедов отлично понимал, что настоящими хозяевами Российской империи все решительнее становятся промышленники. Аллах свидетель, Бикмедов еще будет тузом в промышленности! А чтобы эта мечта осуществилась, он бродит сейчас и в дождь и в слякоть по земле коми, как худой шайтан, играет, точно артист, перед охотниками, перед этими простыми и доверчивыми людьми, похваливает вот эти грибы...

— Сам знаешь, Степан,— выбирая ложкой груздь получше, сказал Бикмедов,— промысел твой, ты хозяин. Но жалеть будешь. Бикмедов человек добрый, сердце доброе. Бикмедов ценит труд охотников.

Ни Степан, ни Алексей, конечно, не верили купцу. Но все-таки Бикмедов легко повышает цены на шкурки, он дает больше других скупщиков. В чем же дело? Для простых людей это загадка, а для Бикмедова яснее ясного. Бикмедов скупал пушнину и продавал ее большими партиями прямо тем промышленникам, которые из этой пушнины изготовляли меха или сдавали ее оптом представителям иностранных фирм. Вместо жадных на барыши рук многочисленных скупщиков тут действовала одна всезахватывающая рука. Вместо многих карманов один карман — карман Бикмедова. Собранную пушнину он продаст во много раз дороже покупной цены, и даже небольшая прибавка охотникам принесет ему в результате огромную пользу.

Гафар Макарович вынул из кармана маленькие счета, придвинул к себе шкурки и стал подсчитывать их стоимость. Алексей зорко следил за купцом, не плутует ли каналья, и в то же время удивлялся, как быстро и точно работали короткие, толстые пальцы купца.

Бикмедов заметил взгляд Расова и ухмыльнулся: «Не бойся! Открыто плутуют только мелкие жулики. Я не из таких».

Подсчеты закончены. Пушнину набили в мешок. Из большого бумажника Бикмедов извлек пачку новеньких, хрустящих пятерок и десяток, подсчитал мелочь и отдал Степану.

— А вот это,— еще прибавил он немного денег,— за вино. Мое пили. Купец от этого не разорится.

Степан было заупрямился.

— И слушать не хочу, Степан, слушать не хочу!

— Тогда подожди, Гафар Макарович, я, может, еще подумаю,— сказал Степан, накинул на себя шубу и вышел из избы.

— В амбар за шкурками пошел,— пояснил Алексей.

Бикмедов решил: «Еще копейку-другую прибавлю — и пойдет по всем волостям слух о моей щедрости. Каждая копейка вернется ко мне в карман рублем».

Марфа подошла убрать со стола. Бикмедов завязал с ней разговор.

— Говорят, хороших сыновей вырастила, хороших охотников.

— Кто знает...— не хотела хвастать Марфа.— Стараются...

Вошел Степан, строго взглянул на жену: не выболтала ли чего лишнего своим бабьим языком? Он принес шкурку рыжей лисы и новые связки белок.

На улице залаял Катшыс. В сенях послышались грузные шаги. Дверь отворилась, и на пороге выросла фигура Власия Сирвойтова.

Все так растерялись, будто их застigli на месте преступления.

— Значит, торгуешь, Степан? — тихо, но зловеще спросил Власий.

Степану почудилось: «Значит, ворует, Степан?»
Первым отозвался Бикмедов.

— Да, Степан продает свой промысел, а я покупаю.

— Тебя вроде не спрашивают, нехристь! — решил напрямик сразить татарина Власий.

Но Бикмедову приходилось сталкиваться и не с такими противниками. Он знал, что сила в деньгах, а в этом отношении Сирвойтов слабее его.

— А на тебе есть крест? — тем же козырем пошел Бикмедов. — Зачем обманываешь охотников? Гнилой товар продаешь за полную цену, хорошую шкурку покупаешь за полцены. Людей разоряешь? Крест-то есть на тебе?

«Попался, Власий Спиридонович! Что скажешь на это?» — пряча улыбку, подумал Алексей.

Власий словно поперхнулся, но взгляд его упал на испуганного Степана, и он опять набросился на него:

— А ты чьей головой живешь? Забыл про наш договор? — И гаркнул, будто отрубил: — Не смей продавать на сторону! Ни единой шкурки!

Степан молчал. Глазки Бикмедова хитро сверкнули.

— Хозяин этих шкурок теперь я. Хочешь, продам? Без прибыли. За что купил, за то и продам. Есть свидетели.

Только сейчас Власий увидел Алексея. «Шутит Бикмедов или всерьез говорит?» — мелькнуло у него в голове. А может, просто насмехается над ним, хочет выставить его в глазах людей олухом?

Сирвойтов сел на лавку. В первой атаке взял верх Бикмедов. Расов сравнил эту схватку купцов с нападением тупозубого пса на зубастого кобеля. Зубастый рванул разок; и тупозубый сразу же поджал хвост.

— Можно и по-другому, — снова заговорил Бикмедов. — Ты будешь продавать, я — покупать.

— Тебе-то, нехристю? — вскипел Сирвойтов.

Но у Бикмедова и на это нашлись нужные слова:

— Деньгам все равно, какому богу их хозяин молится. Лучше Бикмедова скупщика не найти. Бикмедов даст самую большую цену.

Власий пытался угрожать Бикмедову: он, мол, в своем крае сам великан и может сделать все, что захочет.

— Я уже сказал, — ответил на это Бикмедов, — самый главный хозяин — деньги. Запасай побольше пушнины — на обратном пути все заберу. Каждый год буду брать.

Кончилось тем, что оба купца вышли вместе, хотя и продолжали спорить. Но этот спор носил уже главным образом деловой характер.

2

Когда ушли чужие, Степан сел за стол, чтобы еще раз пересчитать деньги. Ему хотелось знать, сколько уплатил бы за проданную пушнину сам Власий и стоило ли гневить его.

Степан и Марфа понимали, что, хотя сегодня они и отвязались от Власия, тот не преминет наказать их в другой раз. Праздник по случаю продажи шкурок превратился в какой-то непристойный торг. И кто знает, к чему это еще приведет.

Степан не знал грамоты, и хотя у него была недурная память, он все-таки не сумел подсчитать, правильно ли уплатил ему Бикмедов и какова была бы разница, если бы он продал пушнину Сирвойтову. Под конец он рассердился на самого себя, но тут же сказал в свое оправдание:

— А, к черту! Свое ведь продал, не чужое. Кому какое дело до моего промысла? Сам Бикмедов так сказал. — И Степан встал из-за стола.

Под окном снова залаял Катшыс. Старики переглянулись. «Неужели опять Власий?» Степан быстро зашел в другую комнату — спрятать деньги, а когда вернулся, увидел, что жена озабоченно к чему-то прислушивается. Да и Степану было непонятно поведение Катшыса. Пес то ли чему-то радовался, то ли жалобно скулил.

Снаружи доносился сдержанный разговор.

— Господи, — перекрестилась Марфа, — сохрани наш дом от всякой напасти!

Громко стучало материнское сердце, тяжело стало дышать. Но Марфа не хотела верить своим предчувствиям.

— Пойти поглядеть, что ли? — неуверенно проговорил Степан.

— Подожди, Степа. Слышь, кто-то заходит...

«Господи, как долго возится, не может найти скобу».

Степан шагнул было к двери. Но она сама отворилась и на пороге выросла фигура охотника.

Старики сразу узнали Прокопия Хуторкова. В другое время они бы обрадовались ему, а теперь глядели в молчании.

Прокопий не спешил. Он снял с головы мокрую телячью шапку и перекрестил обросшее русой бородой лицо.

— Как живете-можете?

— Проходи, Прокопий,— протянул ему руку хозяин.

— Давненько не бывал я в деревне.

— Да так поздно ходишь...— проговорила хозяйка.

А под окном по-прежнему слышались голоса.

— Во всякое время приходится ходить охотнику...

Прокопий никак не находил нужных слов, хотя он всю дорогу обдумывал, как бы сказать Марфе о случившемся, чтобы не напугать ее. Но медлить было нельзя.

— Ты, Марфа, видать, не забывала помолиться за своих сыновей.

— Что-нибудь неладное с сыновьями? — откликнулся Степан и сразу же бросился к двери.

У Марфы подкосились ноги, и она опустилась на скамью. Прокопий сел рядом.

— Отчаиваться не надо... Илья убил медведицу. Ну, они немного подрались...

Марфа все слышала, все видела, только силы совсем покинули ее.

— Ваш Илья молодчина! И Лыско тоже... А тревожиться не надо.

Степан внес Илью на руках и усадил на лавку.

Илья посмотрел на мать и хотел улыбнуться, но улыбки не получилось.

— Ничего, мама, заживет...

Голос сына будто придал матери силы, и Марфа встала.

— Кормилец ты мой, что с тобой?

Она опустилась на колени перед Ильей и стала поглаживать его перевязанную руку.

Мирон положил в задний угол избы Лыско, подошел к остальным и бодро сказал:

— Вот мы и дома, Илья! Теперь все будет хорошо... На войне, братец ты мой, не такие раны бывают, и то ничего... Человек живуч, как кошка. А у тебя-то что! Пустяк. Крови много потерял, вот и ослаб. Она сама по себе в человеке обратно образуется. Сейчас главное — согреть Илью, напоить молоком, и пусть спит.

Слова Мирона подбодрили родителей. Степан расчистил на печке место, и Илью уложили туда, а Марфа принесла молоко.

— Хорошо еще, что мы вовремя очутились там, — рассказывали братья Хуторковы.

Они, оказывается, шли по следу медведицы два дня. Илье удалось перехватить зверя лишь потому, что Прокопий и Мирон остановились обсушиться у огня.

— Мы слышали выстрел и рев медведя слышали. Пришли на место, а они все, как после битвы, лежат неподвижно. Перевязали руку Илье, обсушили малость одежду и отправились.

Конечно, рассказали и про то, что Михаил остался охотиться, а Лыско покинул его, погнался за Ильей.

Бедный Лыско! Ему так долго не дают пить... А в горле пересохло. Проползти бы до печки, найти там что-нибудь полакать. Но что случилось с задними лапами? Они не двигаются, их будто вовсе нет. И все-таки Лыско не удержался и пополз на передних лапах.

— Ах, горе, горе! — забеспокоился Степан. — Видно, сильно покусала его медведица. погоди, Лыско, дай погляжу, что с тобой.

Лыско не давал осмотреть себя и особенно жалобно заскулил, когда Степан прикоснулся к спине.

— Эх-ма, — сказал Прокопий, — бросить придется собаку-то!

Степан до боли стиснул зубы и молча напоил Лыско. Жалко было собаку.

Стали толковать о том, как лечить Илью. Хуторковы видели искусанную руку Ильи и боялись, как бы она не высохла.

— Вот если бы хорошие лечебные травы найти, — сказал Прокопий. — Надо порасспросить людей, может, у кого и есть.

— Трава травой, а надо бы фершала позвать.

— Уж и фершал этот ваш! — не согласился со Степаном Мирон. Он считал, что лучше пригласить ссыльного доктора. — У нас на военном корабле был врач. Ох, и дошлый! Человека изрежет, заштопает — и ничего! Все заживет. Доктора — они смышленные!

— Доктора, говоришь? Это какого же? — припоминал Степан. — Которого привозили из села Типэ лечить Кондратия?

— Он самый. Только вот пойдет ли?

— Может, и пойдет, — ввязалась в разговор Марфа. — Господи, да ведь мы ничего не пожалеем, что попросит, то и дадим!

— За ценой дело, конечно, не станет, — поддержал жену Степан. — Пусть только поможет.

— Дело не в цене, — пояснил Мирон. — Он не вольный человек, вот в чем дело.

— Как же так? — удивилась Марфа. — К одному приехать — вольный, а к другому — нет? Где же правда-то?

— Ты, хозяйка, помолчи со своей правдой. Богатый-то не то что из села, прямо из города может позвать доктора. Говоришь незнамо что...

Марфа попыталась еще раз защитить свою правду, но Степан строго посмотрел на нее, и она умолкла.

— Хорошие лечебные травы пужны, — засыпая, обронил Прокопий. — Верное дело, — заключил он, да так вот сидя и заснул.

Он был похож сейчас на большого ястреба, отдыхающего после жестокой схватки. Руки повисли, взлохмаченная голова упала на грудь, ястребиный нос уткнулся в бороду.

Мирона тоже клонило ко сну. Ведь еще до того, как нашли Илью, братья Хуторковы промокли до нитки, порядком устали. Потом им пришлось нести на себе Илью и Лыско с самого Кузьдава, да еще ночью, по лесной дороге. Но Мирон понимал, что поддаваться усталости теперь нельзя, надо принять какое-то решение.

Прокопий громко всхрапнул, но не проснулся. Степан кивнул на полати:

— Там теплее, Мирон Васильевич. Ложитесь туда.

Мирон встал и чуть пошатнулся.

— Но! — удивился он. — Начинается качка. — И зачем-то стал одеваться. — Я хочу, дядя Степан, сходить тут в одно местечко. Объясню, когда вернусь.

Мирон считал, что о лечении Ильи надо еще кое с кем посоветоваться. Хоть он и не хвалил фельдшера, но без него, конечно, не обойтись. Надо привести его сюда — пусть осмотрит больного, а там будет видно, что делать дальше.

Село уже спало, слышались лишь голоса расходившихся с посиделок парней и девушек да звуки удалявшейся одинокой гармонии.

Мирон постучался в дом фельдшера. Оказалось, фельдшер еще три дня назад ушел в соседние села прививать оспу и не вернется целую неделю — его участок тянулся на сотни верст.

Мирон выругался.

«Кабачки и церкви в каждой деревне понастроили, а фельдшера хоть с собакой ищи — не найдешь!»

Вся надежда теперь на ссыльного доктора. Во что бы то ни стало надо доставить его сюда или отвезти к нему Илью.

Замелькали белые платки, рассыпался девичий смех.

— Ты, Анна, приходи завтра к нам сумерничать!

— Ладно, Вера. Если освобожусь, приду.

Подруги расстались, и Мирон стал спускаться с крыльца.

— Вера! — окликнул он девушку. — Постой... Иль не узнала?

— Голос-то вроде знакомый. Мирон, что ли? Что же не показывался на посиделках?

— Я только что из лесу, — сказал Мирон. — Видишь, какое дело, тут один молодец убил медведицу, ну и маленько подрался с ней. Вот мне и пришлось помочь ему добраться до дому... Ты случаем не знаешь, как вызывали доктора к Кондратию? Да ты чего так испугалась?

— Испугалась? Нет, я не испугалась... А кто он, тот молодец-то?

— Ты сначала скажи, как вы доктора привозили. У Веры задрожал голос:

— Урядник написал бумагу, чтобы затребовать его. Поехали на лошадях.

— Хм... Неужели к уряднику придется идти?

— Ты чего же не говоришь, кто убил медведицу? Только теперь Мирон вспомнил, что Илья батрачил у Власия Сирвойтова вместе с Верой.

— А молодец — ваш Илья.

Вера бросилась было к Мирону, но сразу же опомнилась и взяла себя в руки.

— Сильно покусала?

«Видно, она подруга Ильи», — подумал Мирон.

— Страшного ничего нет, — сказал он наконец. — Только вот фельдшера не оказалось дома. Придется, видно, съездить за доктором.

— Сразу надо доктора. Сначала сходить к Белоштыку, взять у него бумагу и ехать.

— По правде говоря, неохота мне связываться с ним. Да и как зайдешь к нему в такое позднее время? Ты вот что, Вера, — переменил вдруг разговор Мирон, — ты об этом пока никому ничего не говори. А я схожу к учителю, посоветуюсь с ним.

Степанов жил на квартире у местного крестьянина. Он еще не спал, несмотря на поздний час. На столе, накрытом белой скатертью, горела лампа под синим абажуром, стопками лежали ученические тетради и книги. Книг в комнате было много — на полках, на этажерке, на лавке. Сам учитель вот уже несколько дней был увлечен чтением запретной книги, которую ему прислали ссыльные из села Типэ.

Кончился керосин в лампе. Не отрываясь от книги, Николай Иванович потянулся подкрутить фитиль. Тут он услышал негромкий стук. Книга Ленина быстро исчезла со стола. На ее месте появился учебник.

Учитель слышал, как хозяйка отворила дверь и кто-то подошел к его комнате.

— Очень прошу извинить, Николай Иванович, не вовремя побеспокоил вас, — сказал Мирон, войдя в комнату и протягивая учителю руку.

— Присаживайтесь, Мирон Васильевич, рассказывайте.

Степанов тоже сел, привычно отбросив белокурые волосы со лба.

Он слушал внимательно, устремив свой пытливый взгляд на обросшее бородой лицо Мирона, и, наверно, думал о том, как бесстрашны сыны севера и сколько нужно им сил и энергии, чтобы прокормиться.

— Да, жалко парня, может плохо кончиться... Он что же, сейчас спит?

— Уложили на печку. Может, и уснул.

— Я не советовал бы держать его в тепле. Наоборот, раненая рука должна быть все время в холоде. Степанов встал и зашагал по комнате.

— Доктора надо позвать непременно. Возможно, нам удастся это сделать без помощи Белоштыка. Насколько мне известно, доктор теперь имеет право выезжать в ближайшие селения, ставя об этом в известность местного стражника.

— А согласится доктор-то? — осторожно спросил Мирон.

— Думаю, приедет, если окажется дома. Политические уважают простых людей... Это, конечно, между нами.— И вдруг спросил: — Кто и на чем поедет за доктором?

Мирон пока еще не знал этого и ответил неопределенно.

— Ну хорошо,— сказал Степанов.— Он квартирует в доме Онисима, в боковой избе. Тот, кто поедет за ним, пускай скажет Онисиму: учитель, мол, просил уговорить доктора приехать. Человек опасно ранен.

Когда Мирон вышел от учителя, из-за крыльца появилась Вера.

— Что он сказал? — дрожащим голосом спросила она.

— Советует съездить за доктором. Весь вопрос в том, как его доставить в такую распутицу: ни на сани, ни на телеге не проедешь.

— Можно верхом. Я поеду, лошадей возьму у дяди Власия. Никто не узнает. К утру успею вернуться.

— Постой, милая, постой... Что ты говоришь?

— Не бойся, Мирон. Будет знать одна Федора, наша батрачка. Мы с ней живем вдвоем в старой избе. Ведь за лошадьми хожу я сама... Я готова хоть сейчас...

Мирон скорее чутьем, нежели разумом, понял, какая необоримая сила движет девушкой. Важно было и то, что на сборы уйдет мало времени, а к утру доктор в самом деле может быть доставлен к больному.

— Ты права, Вера,— сказал он.— Только не следует брать у твоего дяди двух лошадей. Вдруг доктора не застанешь или он не согласится ехать ночью... Придется задержаться. Тогда худо тебе будет. Возьми у Власия одну лошадь, а другую — у дяди Степана. В случае чего оставишь Степанову лошадь там.

— Ой, Мирон! Это ты хорошо придумал. Я живо приведу лошадь прямо во двор к дяде Степану...

3

Далекий ночной огонек подобен одинокой звезде. Он так же мерцает в ветреную погоду, так же излучает свет в тихую. Но есть в нем и что-то другое, есть в нем какая-то притягательная сила. Дальнему огоньку радуется утомленный в дороге путник, завидев его, убыстряет шаги везущая тяжелый воз лошадь. Ведь там живые люди, теплое жилье, укрытие от непогоды.

Такой огонек-звездочку увидела Вера, когда наконец выехала из леса на открытые поля села Типэ. Ночь была ветреная и облачная, маленький огонек бился, трепетал, как птица, попавшая в силочку, и Вера быстрее погнала лошадь, словно хотела застать птичку живой.

— А ну, веселей! Теперь скоро!

Из-под ног лошадей вылетали комья грязи и снега, в глинистых местах громко чмокали копыта Гнедко. Только бы не опоздать, только бы догнать этот манящий огонек!

Вера еще не знала, в какой избе он светился, но она хорошо помнила дом Онисима с боковушкой — одно окошко обращено на дорогу, что ведет к Важгорту.

Может быть, это его огонек? Может быть, доктор еще не спит, думает о своей родимой земле, тоскует по семье?..

Огонек постепенно приближался, становился ярче,

и Вера теперь уже убедилась, что свет горит именно в боковушке, где живет ссыльный доктор.

— А ну-ка! Живее!

Мелькали смутно различимые изгороди вдоль дороги. Каждую минуту могли споткнуться мчащиеся лошади. В разгоряченное лицо бил северный ветер. В ушах свистело. Но впереди виднелся огонек, и потому Вере было не страшно.

На стук откликнулся мужчина. Узнав, что с ней говорит сам дядя Онисим, Вера объяснила, зачем приехала, и добавила, что учитель просил его уговорить доктора поехать к больному. Щелкнула щеколда, и свет фонаря осветил лицо девушки, забрызганное дорожной грязью.

— Зайди, дочка. Постараюсь помочь, чем смогу.

Уже в избе он расспросил ее обо всем более подробно и пошел к доктору.

Долго ждать не пришлось. Онисим возвратился с доброй вестью.

— Согласился,— сообщил он Вере.— Скоро поедете.

— Спасибо тебе, дядя Онисим,— тихо проговорила Вера, с трудом сдерживая слезы.

— Мне-то за что? Не я еду...

Нет, Вера не в силах произнести больше ни единого слова. Но Онисим будто невзначай спросил ее, как получилось, что за доктором приехал не сам Степан Матвеевич и отчего вдруг так расщедрился Власий Спиридонович и дал лошадь в такую распутицу.

Вера посмотрела на закрытую дверь, ведущую в другую комнату, прислушалась к храпу спящего на печи человека и шепотом объяснила, как было дело.

В избу вошел доктор.

— Я готов. Где моя спутница?

Это был человек лет сорока, приземистый, с выбритым до синевы лицом и, как показалось Вере, озорными глазами.

— Она тоже готова,— сказал вместо нее Онисим и что-то шепнул доктору.

— Понятно! Очень даже понятно! — воскликнул доктор.— А как зовут тебя, девушка? Вера! Хорошее имя.

Удивительнее всего было то, что Вера сразу почувствовала доверие к этому чужому и незнакомому человеку. Когда они вышли на улицу, у нее не было ни тени страха перед доктором, и она спокойно подвела к нему лошадь.

— Вы берите эту лошадь. Гнедко меньше трясет. Это самый лучший конь на селе.

Спустя несколько минут в кромешной тьме из села Типэ выехали верховые и помчались галопом по дороге, ведущей в Важгорт.

Вера на своем коротконогом Рыжко не могла угнаться за доктором. Он то и дело останавливался, чтобы подождать ее.

— Как дела, джигит? — спросил доктор Веру, когда та подъехала к нему.

— Бежит, бежит, да и запыхался. Никак не угонится за вами.

— Ты, видно, не знаешь, кто такой джигит?

— Ах, джигит? А мне показалось «бежит»! — рассмеялась Вера. Она была так возбуждена, что не чувствовала усталости.

— Джигит — это такой смелый наездник, который ничего не боится, — объяснил доктор. Но, подумав, что такое объяснение недостаточно полно раскрывает все качества джигита, добавил: — Это человек с благородным сердцем. А знаешь, где живут джигиты?

Доктор всю свою жизнь прожил на Кавказе, успел поработать и в Средней Азии, но за участие в революционном движении его сослали в таежный край. Ему было о чем рассказать девушке, ничего не видевшей, кроме своего да соседнего села.

— Горы стоят там до самых небес. Между горами плавают облака. А внизу бездонные пропасти. Вот наступает ночь, темная-темная. В саклю — так называют там жилища — приносят раненого молодца. Как и ваш молодой охотник, убивший медведя, тот тоже дрался с хищным зверем. Ему нужна помощь. А лекарь живет в другом ауле — аулом там называют деревни. Тогда находят самого смелого и ловкого джигита. Он берет пару быстроногих скакунов и мчится по горам. Над его головой темнеют скалы, внизу — бездонная пропасть. Только и слышно, как из-под

копыт отскакивают камни и, гремя, летят в бездну.

Вера слушала рассказ затаив дыхание. Хотя она никогда не видела ни высоких гор, ни бездонных пропастей, однако отчетливо представила себе, как джигит спешит вывести из конюшни лошадей, вскакивает на одну из них и мчится в темноту... И, может быть, ему, как и ей, Вере, засветил издали одинокий огонек, и он тоже быстрее погнал своих коней.

— Скажи, доктор, там есть медведи?

— Есть медведи. Есть тигры, пантеры, ядовитые змеи.

И воображение Веры рисует тамошнего молодца, похожего на Илью. Он дрался с тигром, был ранен, и его принес на себе верный товарищ, похожий на Мирона.

Всадники теперь ехали рядом, давая коням передышку. По обе стороны дороги стоял лес. Под копытами лошадей по-прежнему чавкала липкая грязь вперемешку с мокрым снегом.

— Ты, наверно, боялась, когда ехала к нам?

— Боялась? — удивилась Вера. — Нет, не боялась. Я не думала об этом.

«Да, да, любви неведом страх», — подумал про себя доктор, зная со слов Онисима, что заставило девушку решиться на такое рискованное путешествие.

В глазах доктора Вера была героиней, во всяком случае, человеком с благородным и волевым сердцем.

— У нас, в стране джигитов, про хороших людей и про их добрые дела слагают песни, — начал доктор, вплотную подъехав к Вере. — И если мне когда-нибудь удастся вернуться на родину, я возьму саз — это такой инструмент, вроде мандолины, — и в песне расскажу своему народу, как на далеком севере в осеннюю ночь меня похитила девушка. Я ничего не добавлю, расскажу все, как было. Вот слушай, какая это будет песня: «В стороне далекой, где сияет Полярная звезда, раскинулся край лесной. Тайга эта так велика, что на самом лучшем кабардинском скакуне не пересечешь ее от луны до луны. И живут там охотники, не знающие страха. Вступил однажды в единоборство с медведем юноша. Два дня и две ночи ревели тайга — два дня и две ночи боролись они.

Медведь побежден. Но на краю смерти и сам молодой охотник. Заныло тревожно сердце его возлюбленной. Ах! Глаза ее как южное небо, стан подобен молодому кипарису — так же строен, так же гибок. Ах! Запечалился ее солнечный лик. Жизнь без милого непроглядна, как ночь. Жить без него и дня невмочь. Набралась она силы, и сердце у нее стало бесстрашнее, чем у орлицы. «Дайте коня мне быстрого, — сказала она, — я доставлю моему милому целебную силу». Ах! Это была не просто влюбленная, это была девушка-джигит».

Вера глубоко вздохнула.

— Красивая песня!

Доктор молчал.

Вера, будто опомнившись, быстро подобрала поводья.

— Не осуди меня, господин доктор, но нам надо поторапливаться. Еще затемно мы должны быть на месте.

Она по-мужски свистнула, подхлестнула Рыжко, и конь ринулся вперед.

4

В доме Степана Матвеевича всю ночь горел свет. Без сна лежал на постели Степан. А Марфа все ходила по избе. То подойдет к сыну, которого перенесли на постель, устроенную в углу под полатями на двух сдвинутых лавках, и скажет ему ласковое словечко, то посмотрит в окно в ночную тьму. На дворе ничего не слышно, ничего не видно. Все будто вымерло, все будто прикрыто темным холстом. Из-за этого ночь казалась еще длиннее и безутешнее.

— Мама, ты не горюй, — тихонько сказал Илья, когда мать под села к нему. — Ты поспи. Доктор не скоро будет. Он ведь не простой человек, не захочет в ночь ехать. Если и приедет, так только к вечеру.

Мать с сыном знали, кто поехал за доктором. Правда, Мирон не очень-то распространялся по этому поводу. Вечером он куда-то сходил, вскоре вернулся и велел Степану вывести из конюшни Рыжко, скупно сообщив, что за доктором поедет Вера.

Да сумеет ли она все толком объяснить ученому человеку? Сумеет ли привезти доктора? В душе Марфа ругала Мирона за то, что он так сделал. Лучше бы поехать самому Степану. Мужчина — он всегда мужчина.

А Илье просто не верилось, что за доктором поехала Вера. Как это могло получиться? Как Мирон нашел Веру, как договорился с ней? Но Мирон нарочно залез на полати и сразу же захрапел. Оба брата и сейчас еще храпят.

Глаза у Ильи закрыты, но он так ясно видит свою любимую, будто она сидит рядом с ним и будто говорит ему: «Ты ведь мой единственный, мой родной...»

Нестерпимо болит рука. Ноет в боку, медведь искусал и грудь. Но надо терпеть. Надо молча лежать и ждать, ждать. Не может быть, чтобы Вера не привезла доктора.

Илья приоткрыл глаза. Мать все еще сидела около него и дремала. Ее голова вдруг упала на постель Ильи. Мать, видно, заснула. Но спала она беспокойно, учащенно дышала, порой вздрагивала.

Марфе снилось, что она еще девушка, сидит она за ткацким станом и ткёт холст. Но вдруг Марфа очутилась в церкви. Венчается со Степаном. К ним подходит поп. В руке у него венец. Поп говорит: «Сначала венец возложим на голову раба божия Степана, а на тебя, раба Марфа, в другой раз возложим». Потом Степан ушел рыбачить. А у Марфы готова баня. Марфа подошла к реке поискать мужа и видит — Степан возится на берегу, лодку мастерит.

Марфа вздрогнула и проснулась.

— О господи! — перекрестилась она. — Надо же такому присниться!

Ткать холст — это значит длинная дорога или болезнь. А венец? Возложить венец на голову — это значит смерть. Делать лодку — придется, значит, делать гроб. Так люди объясняют...

Еще больнее сжалось сердце матери, еще мрачнее стала казаться ночь.

Заскрипели полати. Спустился на пол Мирон, глянул в окно.

— Вон огни в окнах показались, поднимается, значит, народ,— сообщил он и подошел к Илье.

Илья спал.

Встал и Степан. Марфа затопила печь.

— Ты, тетка Марфа, согрей воду. Они скоро приедут. Доктору понадобится горячая вода.

После разговора с учителем Мирон был уверен, что доктор непременно приедет еще до рассвета.

Не прошло и получаса, как под окном слышался всхрап лошади.

— Приехали,— сказал Мирон и, не одевшись, выскочил из избы.

Вскоре он вернулся вместе с доктором.

— Пожалуйста, разденьтесь, господин доктор,— вместо хозяев предложил Мирон.

— Благодарю. Вы, кажется, Мирон Хуторков?

— Да, я Хуторков.

Доктор протянул ему руку.

— Здравствуйте, матрос! — И добавил:— Не удивляйтесь, что я вас знаю. Матросов в здешних краях не так уж много... Привет хозяину, хозяйке!

Степан как стоял у стола, так и остался там. Он только и смог сказать: пройдите, мол, дорогой гость. А Марфа низко поклонилась.

Старики удивлялись, как это Мирон так смело держит себя при докторе, помогает ему раздеться, всем распоряжается, сам налил воды в рукомойник, Марфе велел приготовить чистое полотенце.

Когда все было готово, доктор подошел к Илье.

— А-а! Вон ты какой, оказывается!.. Как поживаешь, молодой человек?

Илья смотрел на доктора во все глаза. Мирон подставил доктору стул.

— Спасибо, матрос! — Доктор сел и взял здоровую руку Ильи. Послушал пульс.— Твоя медведица, значит, так и лежит еще неразделанная?

Илья хотел что-то сказать, но не смог. Перехватило дыхание, сильно забилося сердце.

Доктор встал, вынул из кармана пальто небольшой пузырек, попросил налить немного воды в стакан.

Напоив Илью каплями, он стал расспрашивать о нем Мирона. Они разговаривали тихонько, коротки-

ми фразами, и Степан с Марфой снисва удивлялись, какой Мирон толковый и общительный. Так же думал про брата и Прокопий, наблюдавший с полатей за всем, что происходит.

Необходимые лекарства и хирургические инструменты у доктора были с собой. Он стал готовиться к операции. А Мирону сказал:

— Будете помогать.

— Есть помогать!

Долго пришлось разматывать тряпки — они прилипли к ранам. Долго пришлось чистить раны — ведь Илья прикладывал землю, чтобы остановить кровотечение.

Илье было очень больно, лицо покрылось капельками холодного пота. Но он терпел и лишь иногда скрипел зубами или стонал от боли.

Зато не могла сдержаться мать. Она то и дело подходила и уговаривала сына:

— Кричи, сынок, кричи, солнце мое ясное! Не сдерживайся, а то сердце лопнет.

— Молчи, хозяйка! — предупреждал жену Степан. — Надо будет — и без тебя застонет... Не мешай добрым людям.

Рана была опасная. Искусана вся рука, до самого плеча, задета артерия, почти разорвано сухожилие. Но доктор все же надеялся, что ему удастся спасти руку. Он работал и удивлялся терпению Ильи и даже побаивался, чтобы парень не израсходовал на эту выдержку все свои силы.

— Как же это получилось, молодой человек, что твоя рука попала в пасть медведю? — спросил доктор, чтобы хоть немного отвлечь Илью.

— Я сам сунул руку в пасть...

— Нарочно?

— Да... Ой!

— Ничего! Кричи, кричи! Мать-то, видишь, велит.

Вместо Ильи стал рассказывать Мирон:

— В схватке с медведем, когда ничего другого нельзя сделать, рука хорошее оружие. Ее сунешь в пасть — и медведь начинает задыхаться. Тогда с ним что угодно можно сделать.

— Тогда ему...— начал было Илья и неожиданно для себя вскрикнул.

— Громче, дорогой сыночек, сильнее кричи — сердцу легче будет.

Кто-то постучался. Марфа вышла в сени открыть дверь. Это была Вера. Она уже отвела на конюшню Гнедко и пришла сюда.

Марфа стала благодарить Веру, но Вера прервала ее:

— Я хочу зайти, хочу видеть его...

В нос ударил крепкий запах лекарств. Вера испуганно задержалась в дверях, увидев доктора в белом халате и большую миску, полную красной воды и марли.

Между доктором и Мироном — освещенное лампой лицо Ильи. Нет, это не Илья, это кто-то другой — бледный, с влажными, мутными глазами. И глаза не его. Почему они блуждают? Будто что-то ищут на потолке... Нет, нет, это не Илья!

Вера не чувствовала ни рук ни ног, только сердце стучало, словно хотело выскочить из груди.

Илья вскрикнул, и Вера, чтобы тоже не закричать, прикусила кончик платка и почему-то ухватила за руку Мirona. Измученное лицо Ильи повернулось в сторону Веры. Но глаза у него закрылись.

«Неужели не узнал?» — подумала она.

Но Илья открыл глаза и стал пристально смотреть на Веру.

Молчание влюбленных красноречивее слов. В их устремленных друг на друга взглядах было все — сердечная боль и взаимное любованье, глубокая печаль и гордость друг другом.

Илья улыбнулся, хотя эта улыбка тяжело ему далась.

Вера теперь видела прежнего Илью. Те же темные волосы, мягкие, вьющиеся, только спутанные. Те же глаза, умные, добрые, только очень усталые...

Доктор удивился: почему вдруг больной улыбнулся? Испугалась и Марфа: что такое с сыном, почему он перестал стонать? И в наступившей тишине слышался шепот Ильи:

— Ты пришла, Вера? Спасибо!

— Ах, Бера! — обернулся доктор. — Я уже говорил ей: джигит она, а не просто Вера!

Но Вера бросилась к двери и выбежала на улицу.

Не спалось в эту ночь и подруге Веры.

Федора больше всего боялась, чтобы Сирвойтовы не прознали о том, что Вера уводила Гнедко. Ночь была такая длинная, что Федора успела сочинить несколько причин в оправдание Вере. О себе она не думала. Хуже, чем жизнь у купца, ничего не могло быть. Пусть прогонят. У нее есть две дороги — отправиться в родные края просить милостыню или поселиться у стариков Пашко. Бабка Матрена так и говорила Федоре: «Перезимуешь у нас, а там воля твоя. Захочешь — останешься, будешь дочерью, не пожелаешь — так и будем доживать свой век со стариком». Нет, Федора не пропадет. Она, может, так и сделает, зиму проживет у них. Хлеб даром есть не будет. Она умеет вышивать, вязать шерстяные шали. Почему-то здесь не вяжут шерстяных шалей. Видно, не заведено. Но ведь именно на севере они и нужны. Если добавить к нитке зимнюю заячью шерсть, еще нежнее и теплее будет шаль.

Встала Фекла. Зажегся свет в новой избе. Купчиха, конечно, уже поглядывает на окна старой избы и ругает своих работниц. Ну и пусть! Федора нарочно не стала зажигать огня.

Проснулся сынишка. Без матери ему холодно. Он позвал ее.

— Я здесь, сыночек, не плачь.

Федора наклонилась, поправила на сыне старую одежду, которая служила одеялом.

— Мама, почему у тебя руки холодные?

— Спи, сыночек, рано еще.

— Мама, а где тетя Вера? Когда вы обе рядом, мне тепло.

— Спи, говорю! Сегодня пожарче натопим печь, и будет тепло.

— А что большая-то тетя скажет? Мама, у них мало дров? А чьи поленницы под навесом?

— Не шуми! Слышишь, кто-то идет.

Медленно открылась дверь. Кто-то молча остановился под полатями.

— Кто там?

— Это я. Ты уже не спишь?
Голос Веры испугал Федору.

— Что-нибудь случилось?

— Да. Я видела его руку... Будет сухоруким.

— А что доктор? — спросила Федора. — Доктора привезла?

— При докторе и посмотрела.

В темноте Вера не видела, как ее подруга поднесла ладони к лицу и прошептала молитву своему богу:

— Всемогуший аллах! Не за себя молю. Вылечи руку Ильи.

Вера разделась и опустилась на лавку. Федора встала, погладила Веру по голове, села рядом.

— Устала?

— Очень. Сначала не чувствовала, а сейчас вся ослабла.

— Ложись отдохни. Тетке скажу, что ты заболела.

Вера склонила голову на грудь Федоре, и ласковые руки подруги обняли ее. Вера вспомнила мать: она так же обнимала свою дочку, когда ее кто-нибудь обижал.

— Федора, — вдруг освободилась из объятий подруги Вера, — ты мне все равно что старшая сестра, скажи, будет ли грешно, если я дам обет дойти до Киева помолиться там за любимого?

— Бог мой! — испугалась Федора. — Что ты говоришь? Киев-то на краю света!

— Пусть! Ты мне скажи, грех или нет? Илья-то ведь еще не муж мне.

Федора не знала, что ответить. Ей ведь неведомы законы христианских богов.

— Я слышала, — опять заговорила Вера, — монашки рассказывали, как исцеляются люди, если помолиться там, в Киево-Печерской лавре. Туда идут со всех концов земли. Слепые и то прозревают... Я не боюсь длинной дороги. Пусть только поправится Илья. Я пойду...

Вера больше не спрашивала Федору, она опустилась на колени перед иконами, чтобы дать обещание богу сходить в Киев.

Но как об этом сказать господу?

И Вера начала издалека, с рассказа о своем детстве. Ее слова прерывались рыданиями, и не может быть, чтобы их не услышал бог.

— И еще скажу тебе, господь бог,— продолжала шептать Вера,— несчастливы были мои родители, царство им небесное, безвременно ушли они на тот свет. Но еще более несчастна я, их единственная дочь. Нет у меня даже крова своего. Не оставляй меня на всю жизнь бездомной кукушкой! Не заставляй меня одинокой вербой сгибаться и кланяться перед каждым дурным человеком!

Божий угол темен и молчалив. Икон не видно. Но Вера знает, иконы смотрят на нее и все видят, все слышат. И больше всех жалеет Веру богородица...

— Богородица-дева, благодатная Мария... Ты сама знаешь, какой я человек. Не боюсь я никакой работы, никому не жалуясь. Да и кому мне жаловаться?

Федора не хотела подслушивать молитвы Веры, но в доме царила такая тишина, что слова сами лезли в уши. Ведь эти слова были и ее мольбой, мольбой молодой вдовы, оторванной от родного края. И она тихо заплакала.

— Ты все знаешь, богородица. Моя девичья честь не запятнана, и не будет этого, пока не обвенчаюсь. Ты знаешь, по ком болит мое сердце и почему с такой мольбой я обращаюсь к тебе сегодня. Дай ему здоровье, вылечи его! Не дай высохнуть его руке! А я, пресвятая богородица, обещаю тебе сходить в святые места...

Резко распахнулась дверь, свет фонаря словно ударил по мраку.

Фекла приготовилась обрушить самые злые ругательства на заспавшихся батрачек. Но она так и застыла с раскрытым ртом. Вера молилась богу, Федора тоже была на ногах, даже маленький Федор не спал. Лицо богомольной купчихи смягчилось. Фекла шагнула вперед на цыпочках. Когда она сама молится, то всем приказывает ходить на цыпочках.

— Почему же огня не зажигаете? — прошептала Фекла.

— Керосин жалеем,— ответила Федора.

Это было приятно скаредной купчихе, и она без ругани и все еще шепотом начала давать указания Федоре.

ИСЦЕЛЯЮЩАЯ СИЛА

1

После оттепели ударил мороз. В течение нескольких суток он успел сковать льдом давно остывшие реки, и теперь по льду можно было проложить санный путь. Лед становился толще и на болотах, и охотникам представилась возможность побывать на островках, где до сих пор никто не тревожил ни дичь, ни зверя. Но оставаться подолгу в лесу не позволяла неотложная домашняя работа, которую обычно выполняли до глубокого снега.

Надо было вывезти навоз на поля и пашни. Без навоза на северных землях хлеба родятся плохо. Вывозить навоз — дело нелегкое, да и малоприятное, и народ старался побыстрее освободиться от него. Люди работали сообща, чтобы дело веселее спорилось. Хозяева, которые всю жизнь трудились только для самих себя, вдруг объединялись и начинали помогать то одному, то другому. Польза от совместной работы была очевидна. Хозяйство освобождалось от навоза за день. Но самое главное — человек трудился не один. Глядя на других, и свои возможности начинаешь оценивать по-иному, даже на жизнь свою начинаешь глядеть со стороны. Может быть, этим объяснялась щедрость хозяев в день помочи. Они и варили и пекли, как в престольный праздник. Не зря ребятишки бросали ученье, не случайно разгорались между ними споры, кому к какому хозяину идти с отцом возить навоз.

Сильные холода торопили людей, того гляди навоз замерзнет в хлевах. И как только первый снег покрыл поля, в деревне Важгорт стали сзывать людей на помочь. Чаще всего трудились сообща родственники и хозяева с одинаковым достатком. У кого было много скота, те подчас собирали до двадцати саней.

У Власия Сирвойтова и Степана Ошлапова помочь выпала на один и тот же день.

Веру и еще двух женщин Власий послал на поля сваливать навоз с саней.

Прошло уже полдня. На обширных полях купца появились частые ряды навозных куч.

Женщинам некогда было передохнуть — то и дело подкатывали сани. Так получалось не потому, что Власий собрал лошадей больше, чем требовалось, — этого он никогда не делал, — просто его поля были расположены на самых близких, самых лучших землях. К тому же и возчики не медлили.

— Сюда гони, сюда! — еще издали кричала Вера, завидев сани.

Она тоже торопилась, ей хотелось управиться за день. Если сегодня не вывезут, то завтра Вере придется тут работать одной.

— Ой, да ты, сыночек, совсем замерз!.. Дай-ка сюда вожжи-то, — порой пожалеет Вера малолетнего ямщика, — на-ка мои рукавицы, погрей руки. Только под носом не утирай ими... А ты, Воронко, поживее шагай! Зажирел летом — тебя с места не сдвинешь. Но-о-о!

Груженный артелью навоз возвышается на саях целой горой. Пласты крупные, и сваливать их тяжело.

На морозе навоз дымится и тут же покрывается инеем. Белый пар вьется у рта Веры и оседает инеем на брови, на серую шаль, окаймляющую покрасневшее лицо. Руки уже устали, а сани с навозом все прибывают и прибывают.

— Много еще осталось в хлеву-то? — уже у другого ямщика спросила Вера.

— Ой, много! Разве у вас сразу вывезешь! До седьмого бревна накопилось за год-то.

Веру не боялись, ей говорили то, что думали.

— День кончается, у многих, сказывают, последние сани накладывают, а в вашем хлеву только в одном углу земля показалась. До темна хватит.

— Ничего! Зато, когда кончим, повеселимся! Дядя Власий даже вина приготовил.

Людей Вера подбадривает, а у самой на душе

тоскливо становится, как подумает о наступающем вечере.

В прошлом году случилось, что Илья тоже был на помочи у купца. Но тогда Илья еще не был для Веры тем, чем стал теперь.

Ох, как тянутся дни и ночи, как хочется повидать Илью, хоть мельком! Как его рука? Что говорит фельдшер, который, по слухам, часто навещает Илью после отъезда доктора?

Верина подруга Анна была сегодня на помочи у Степана и сейчас сваливала навоз на узенькой полоске ошлаповского поля, расположенного неподалеку.

«Поеду спрошу об Илье»,— вдруг решила Вера и, выхватив из рук возчика вожжи, вскочила на сани.

— Держись, паря, крепче! Не упави! — И Вера помчалась к Анне прямо через поля.

Недолго пошептались подруги. Но все, что нужно было Вере, она узнала.

У каждого народа есть свои любимые герои. В каждом городе, в каждой деревне есть чем-нибудь примечательные люди, которых ценят и уважают окружающие.

Илья Ошлапов не был героем, да и вообще ничем не выделялся. Убить медведя у охотников-коми считалось делом обыкновенным. Ну, поговорят немного об этом и забудут.

Важгортский народ поразило другое — к простому охотнику приехал ссыльной доктор и сделал ему дома операцию. Теперь все уже знали,— об этом рассказывал фельдшер,— что если бы не доктор, Илья на всю жизнь остался бы сухоруким, а может, даже и помер бы.

Люди удивленно перешептывались:

— Да ведь, говорят, в ту же ночь и приехал!

— Не испугали, понимаешь, ни длинная дорога, ни распутица...

О Вере не упоминали. Видно, еще не знали, что за доктором ездила она.

— Есть, девоньки, есть на свете люди и с добрыми сердцами.

А тут уж сама собой напрашивалась мысль: какое же зло могли учинить такие добрые люди, как доктор, чтобы их судили, потом выслали в чужие края да еще прозвали политиками?

Если верить попу Гервасию, политики — слуги антихриста и их нужно избегать, чтобы они не обманули тебя и чтобы ты после смерти не угодил в ад. Водиться с ними избегали — за это урядники и старшины прямо тюрьмой грозили.

Но, может быть, не все политики одинаковы? Может, есть хорошие и плохие политики? Или они нарочно выставляют себя с хорошей стороны, для того, чтобы привлечь доверчивых людей, а потом обмануть их?

Одни соглашались, что, мол, и так может быть, другие отрицали. Ведь доктор-то не одного Илью вылечил, о нем давно идет добрая молва по всей волости, и плывет эта молва вверх и вниз по реке и в другие волости. Ведь он даже плату за лечение не берет. Говорят, у Степана тоже ничего не взял.

— То-то и оно,— предостерегали одни.— Коновал или знахарь шкуру содрал бы, а этот за спасибо лечит. Нет, тут что-то и впрямь неладно, бабы...

— Ладно, неладно,— защищали доктора другие,— а людям добро делает. Дай бог ему здоровья!

Бабы, конечно, не знали, что Степан Матвеевич, отвозя доктора в село Типэ, прихватил с собой небольшой мешок с сушеной боровой дичью.

«Возьмет — ладно, не возьмет — просто оставлю у него,— думал Степан.— За добро платят добром».

Доктор уехал, а разговоры о нем не прекращались, зарождая в людях новые мысли.

Илье казалось, будто доктор сделал ему не только операцию, а что-то еще, очень важное, только никак не мог понять, что именно. Но думать было еще тяжелее — болела голова, раны не давали покоя. Даже сегодня Илья лишь ненадолго поднялся с постели, и то сразу устал.

Он слышал, как под окном проезжают груженные сани, как подходят порожние упряжки и направляются к хлеву, чтобы заехать туда через задние двери. С каждым часом голоса там становились громче,

и Илья знал, почему так получается: чем меньше остается навоза, тем просторнее становится в хлеву.

Заскрипели ступени, звякнула щеколда. Илья еще не успел поправить сползшее одеяло, как в дверях показался Николай Иванович.

— Давно собираюсь навестить медвежатника, да никак не соберусь,— сказал Степанов, здороваясь с Ильей.

Приход учителя был настолько неожиданным, что Илья растерялся.

— Можно присесть?

— Садитесь вот сюда, Николай Иванович, на постель,— подвинулся Илья к стенке.

Но Степанов уже взял стул и поставил его у постели.

— Ну, рассказывай, как ты тягался с медведицей,— расстегнув пуговицы зимнего пальто и сняв шапку, проговорил учитель.— Если тебе нетрудно, то расскажи подробнее.

Молодой охотник был польщен вниманием учителя и с удовольствием поведал ему о своей схватке с медведицей.

— Здорово! Вот здорово! — искренне восхищался Степанов, пристально глядя на Илью.— Ты, оказывается, смелый парень!

Илья смущенно улыбался и покачивал больную руку.

— Какая же тут смелость! Просто иначе нельзя было. Зато и досталось мне. Как следует проучила.

— Ничего, Илья, ничего, скоро опять будешь сильным и здоровым.

— Спасибо доктору,— встал Илья.— Фершал говорит, если бы не доктор, быть бы мне сухоруким. Вот поднимусь совсем и схожу в село Типэ, отблагодарю его за то, что спас меня.

Степанов нахмурился.

— А что, нельзя к нему? — удивился Илья.— Я же по-хорошему...

— Его уже нет в Типэ.

— Как так нет?

— Говорят, перевели в другое место.

— Куда? Далеко?

— Вот уж не знаю, меня не спрашивали, — развел руками учитель.

Он кое-что знал о докторе, но не хотел говорить. Доктор прислал ему с Онисимом письмо, в котором сообщил, что политических отправляют в более глухие места, что, мол, «блюстители порядка» боятся, как бы доверенные им «преступники» не перезнакомились с местным населением и не наделали бед.

«Вы тут очень и очень нужны, — писал он Степанову. — Используйте малейшую возможность вашего легального положения, дружите с народом, старайтесь пробудить его сознание. Но будьте осторожны. Нет сомнения, что за вами установлена слежка».

Новость поразила Илью. Он как-то сразу осунулся, притих. Правда, это было пока всего-навсего проявлением отзывчивости Ильи. Но Степанов, продолжая наблюдать за парнем, порадовался этому. Ведь он, следуя советам доктора, потому и зашел к Илье, чтобы «использовать свое легальное положение».

— Ты знаешь, что я тебе принес? — сказал он, вынимая из кармана пальто небольшую книжку. — У тебя теперь столько свободного времени, что поневоле захочешь чем-то его занять.

Илья бережно взял книжку в синей обложке и шепотом прочитал:

— «Дубровский»... — Глаза у него заблестели. Давно не читал книжек. Все некогда.

— Только ты вот что, — надевая шапку, предупредил его Степанов, — читай понемногу, тебе нельзя утомляться.

— Да что вы, Николай Иванович! — рассмеялся Илья. — Разве утомишься от чтения! Это же не работа. — И тут же раскрыл книгу.

Уходя от Ильи, Николай Иванович заглянул в хлев. Мужики встретили его с почтением, а через минуту-другую уже чувствовали себя совершенно свободно. Учитель умел находить с ними общий язык.

От пытливых глаз Степанова не ускользала ни одна деталь. Хлев оказался очень большим — в длину около пятнадцати аршин, в ширину не меньше девяти. Здесь могла бы поместиться вся скотина зажиточного хозяйства — пара, а то и тройка лошадей да ко-

ров, пожалуй, десятка полтора. А у Степана Матвеевича одна лошаденка и корова с телянком. Да и навоз-то тут труха и солома. И только в одном углу, откуда остро несло аммиаком, сочно хлюпала под вилами жижа.

— Ты уж извини, Николай Иванович, мужику и в таких местах приходится копать, — сказал шурик Степана, рыжий Василь, орудуя огромными навозными вилами, сделанными из комля старой березы.

У Петрована, Степана и Михаила тоже были в руках такие самодельные вилы, но с железными наконечниками. Другое дело у Семки. Скорняк Лаврень купил своему слабосильному сыну железные вилы — легонькие, удобные.

Сырой пласт плохо поддается, если его брать в одиночку, поэтому его подхватывали все вместе с разных сторон.

— Семка, поддержи-ка своей вилочкой!

— Давай, давай! — кряхтел Семка, помогая отвалить пласт. — Прямо золото, а не навоз! Видать, неплохо постарался дядя Степан.

— Ого-го-го!

— Зато хлебушко вырастет...

Воз быстро наполнился. Под веселое гиканье и постукивание черенков вил о потолок хлева лошадка взяла воз с места, шумно выпуская из ноздрей целые снопы пара. Уже на улице возчик подхватил вожжи и погнал лошадь, а в задние ворота дед Софрон ввел новую упряжку.

— Степан Матвеевич, — сказал учитель, — почему бы вам не сделать хлев поменьше? И скотине будет теплеш, и навоз лучше. Верно я говорю, мужики?

— Очень даже верно, — ответил тот же Василь.

— Зачем же хлев уменьшать. Надо скотины больше держать, — не согласился Петрован.

— А чем же кормить?

— То-то и оно...

Разгорелся спор, в ходе которого выяснилось, что если уменьшить хлев, значит, хозяйство уже никогда не вырастет. Так не делали деды и своим сыновьям не советовали. Выходит, учитель в этом деле совсем ни-

чего не смыслит, хотя мужики и не сказали ему об этом.

Из неловкого положения вывел всех Семка. Он позвал паренька-возчика, чья лошадь уже ожидала очереди на навалку, и деловито сказал ему:

— Ты вот что, Кузьма, сбегай-ка к Власию Спиридоновичу и попроси у него сгребалку.

— Верно, Сема, верно! Пора. Навоз на исходе, вилами не зацепишь,— откликнулся дед Софрон.

— А даст ли Власий? Ему самому сегодня сгребалка нужна.

— Да мы вернем, когда ему понадобится.

— Кузьма, поезжай-ка, братец, на лошади. Так вернее будет.

На Кузьме был бабий зипун, выпачканный в навозе. Дедовская шапка то и дело сползала на глаза. Но это не мешало ему чувствовать себя счастливым. Ведь никого другого, а его, Кузьму, позвал дядя Василь в возчики! И такое вот важное поручение дают тоже ему. Не каждый бы осмелился попросить у купца эту самую сгребалку, которую, впрочем, Кузьма ни разу еще не видел.

Николай Иванович тоже понятия не имел о таком орудии, и ему захотелось посмотреть, что за штука такая и зачем она, собственно, понадобилась.

Мальчик лихо вскочил в порожние сани и по-взрослому пронзительно свистнул. Лошадь взяла с места в карьер.

«Молодчина! — подумал про Кузьму учитель.— Ему бы теперь по-настоящему учиться. А там, глядишь, лет через десяток образованным человеком станет. Ах, как не хватает образования простому люду! Да вот хотя бы этим крестьянам. Ведь им куда легче было бы отказаться от дедовских привычек».

Степанова задело за живое отношение мужиков к его предложению насчет хлева. Мужики дали ему понять, что он, учитель, в крестьянских делах профан и не стоит, мол, ему лезть куда не следует. Да, да, Николай Иванович в последнее время стал чувствовать, что он и в самом деле еще не проник в тайники души крестьянина, несмотря на свое стремление к этому. Тут нужен особый подход, педагогический. Опыт и

любовь к детям помогали ему угадывать мысли и чувства своих учеников, и дети вознаграждали его доверчивостью и истинным уважением. Но тут он имел дело с бородатыми людьми, обладающими немалым опытом и обремененными устоявшимися традициями. Даже вот в таком, казалось бы, незначительном факте, как отправка Кузьмы за неведомой ему сгребалкой, скрывалось что-то таинственное. Слишком уж подчеркнуто об этом говорилось. И вообще, логично ли посылать несмышленного паренька к человеку, которого боялись даже взрослые? Здесь что-то не так.

Но чего, собственно, он стоит без дела? И учитель попросил у Степана Матвеевича вилы, снял пальто и решительно шагнул к навалыщикам.

— Примете в свою артель?

Это было слишком неожиданно для мужиков, и сначала они оробели. Видано ли такое, чтобы ученый человек стал копать в навозе вместе с простыми мужиками! Однако растерянность исчезла, как только Семка предложил учителю свою «вилку».

— Нет уж, я этими попробую...

— Этими, конечно, того... по-настоящему.

— Позволь показать, как держать-то... Гляди... Раз — и готово!

Сначала Степанов никак не мог правильно подцепить пласт — пласт падал, прежде чем он доносил его до саней.

— Тут, брат, тебе не пером писать!

— Сравнил редьку с медом!

— Ничего, сил у меня много, выдержу, — пошутил Николай Иванович.

Мужики строго следили за каждым его движением, и он чувствовал себя школьником, сдающим экзамен. Но вот слышались слова одобрения. Василь поплевал на ладони и занял позицию поудобнее.

— А ну, попробуем артелью! Научим учителя хлебушко выращивать!

— Раз, два — взяли!

— Еще — взяли!

Огромный пласт грузно плюхнулся в сани. За ним — второй, третий.

— Раз, два — взяли!

И вдруг Степанов понял, что значит этот ободряющий выкрик, он понял, что мужики приняли его в свою артель, что каждый взмах вилами разрушает невидимый барьер скрытого недоверия к нему.

Чавкала под ногами липкая жижа, густой запах аммиака прошибал слезу, но учитель не обращал на это внимания. Он воспринимал другое — горячее дыхание своих друзей, их силу, слаженный ритм труда, блеск азартных глаз, какой бывает у детей, когда в их игру включается взрослый.

— Еще — взяли!

Раздался дробный стук черенков вил о потолок, и дымящийся воз вылетел на улицу. Потом другой. За ним третий.

— Эх, жалко, что навоз кончается! Мы бы тебя, Николай Иванович, до самой ночи продержали. Больно уж спорится работа!

— Поедешь в Питер — расскажешь, как навоз вывозить помогал!

— В Питере разный народ живет, — сказал учитель, будто между прочим. — Не всякий поймет, если и расскажу. Вот кто поймет, так это рабочие. Они вам вроде братьев. А братья по труду всегда поймут друг друга.

Братья по труду! Хорошо сказано. Верно. Очень верно!

Учитель видит по глазам Василя и Степана, что эти новые слова заинтересовали их. Так и с учениками бывает, когда он объясняет им что-нибудь новое.

Кузьма вернулся быстро. В санях лежала обыкновенная сошная оглобля.

— Молодец, Кузьма! — похвалил его Семка. — Завтра отец собирается резать борова, приходи к нам, дам тебе в награду поджаренный хвостик.

Все стали расспрашивать мальчика:

— Ну как там у них, не заканчивают еще?

— Не-е-ет! Они только что полдничали.

— А кто тебе сгребалку дал?

— Мужики. Сначала они мне хотели дать большую такую штуковину, но тут оказался Денис. Он сказал, что у дяди Степана не так уж много навоза,

и велел дать только вот это. Ох, и противный этот дядя Денис!

— Мда-а-а... Обидел он нас. Но ничего, ты тут не виноват. Мы и так обойдемся.

Довольный тем, что выполнил поручение, Кузьма снова повез на поля навоз, а учитель все еще стоял у никому не нужной оглобли, давно отслужившей свой век, и недоумевал.

Раздался дружный хохот.

— Издавна повелось у нас обманывать желторотых, Николай Иванович,— объяснил ему Василь.

— Обманывать? — Степанов даже изменился в лице.— Обидеть мальчика за то, что он добросовестно выполнил ваше поручение? Ведь он все равно узнает про ваш обман.

— Должен узнать,— сухо ответил Петрован.— Должен на всю жизнь запомнить, что нельзя быть чересчур доверчивым.

С точки зрения педагога, это было жестоко, все равно что плюнуть в доверчивую душу ребенка. Учитель мог бы пристыдить своих собеседников, но он понимал, что борьбу с этой «житейской премудростью», которая в устах Петрована прозвучала как некая философия века, надо начинать не с того конца. Да, жестокий век, жестокие законы... И не потому ли сам Петрован все время, пока учитель помогал им, хитро щурил глаза, видя, наверно, в этой помощи какой-то подвох? А ведь вся история со сгребалкой была разыграна настолько искусно, что и он, Николай Иванович, тоже оказался «желторотым», по крайней мере в представлении Петрована. Плохо, еще очень плохо он знает даже тех, чьих детей сам учит уму-разуму. С таким чувством учитель и расстался со своими новыми друзьями.

Вечером, за ужином, у Степана Матвеевича разговор то и дело возвращался к Николаю Ивановичу.

— Хороший человек наш учитель,— хвалили его мужики,— не чурается нас, простых людей.

Илья слушал и улыбался. Ему тоже хотелось поддержать этот разговор. Но сейчас Илье было не до того. Анна шепнула ему, что к ней приходила Вера

и они условились созвать сюда подруг, чтобы разве-
селить раненого дружка.

Это была очень важная весть, и она поглотила
все мысли Ильи.

2

Все было продумано и подготовлено: болтливых де-
вок не будет, тетка Марфа уйдет к соседкам, девуш-
ки принесут с собой угощение.

Навоз вывезли, и Степан с Михаилом снова ушли
в лес. Тетка Марфа хозяйничала одна.

— Входите, касаточки, входите, милые! — ласково
встретила Марфа гостей, когда они показались на
пороге. — Повеселите моего сыночка, поиграйте вдо-
воль! Он у меня совсем затосковал. Я ведь все вижу,
объяснять не надо. Да и самой мне охота побывать
у соседок. Сейчас, голубки, уйду, не буду мешать. —
И Марфа, взяв свою прялку, ушла.

— Ой-ой-ой! Ты, Илья, оказывается, здорово по-
худел! Как живешь-можешь?

— Дай, думаем, навестим парня.

— И верно, похудел...

— Ничего, уже на лад пошло.

Все пожимали Илье руку, голоса у всех были
ласковые, а глаза так и бегали: где там у него боль-
ше всего забинтовано?

Вера подошла к Илье последней. Послышались то-
ропливые возгласы:

— Садитесь, садитесь!

— Все равно как дети...

— Что глаза-то вытаращили?

Но Вере было не до подруг, не до их взглядов, не
до их возгласов: перед ней был улыбающийся Илья.
Пусть ее подруги, если им хочется, удивляются, осуж-
дают ее, пусть говорят что им взбредет в голову —
пусть, Вере теперь все равно, все нипочем.

Девушки уже расселись, некоторые начали прясть.
Стало вдруг тихо-тихо, все затаили дыхание.

На Вере, как и на большинстве девушек, был длин-
ный, широкий сарафан и белая коленкоровая кофта —
на груди вышивка, рукава оторочены кружевами.

Илья улыбался.

— Чего же ты не здороваешься? — тихо спросила Вера.

Илья забыл про свои раны и протянул Вере обе руки. Вера взяла раненую руку Ильи так бережно, будто это было что-то очень ценное и хрупкое, и склонилась к нему. Из-под ворота кофты выскользнули бусы и плавно закачались, на грудь Ильи упала ее толстая коса.

Стукнуло об пол чье-то веретено, кто-то с кем-то зашептался, кто-то вздохнул. А они, влюбленные, глядели друг на друга и молчали; их глаза говорили гораздо больше, чем можно было сказать словами...

Нет, стоять вот так, молча, на людях Вера не может. Ей хочется сказать о чем-то во весь голос, чтобы услышали все, но этого делать нельзя. И Вера бросилась в сени, а Илья уткнулся лицом в подушку, чтобы девушки не увидели, как он плачет.

Задвигались сидящие на лавках, будто ветерок пошевелил притихшие на берегу кусты. Ведь девушки все понимают, ведь они тоже любят кого-то или вздыхают в одиночестве, если еще никем не любимы.

— Это что же, так и будем сидеть целый день как немые?

— Пора начинать. Дни теперь короче заячьего хвоста, и не заметишь, как начнет смеркаться.

— Катя, ты ведь принесла... Куда положила?

Щупленькая, юркая Катя скрылась за печкой и тут же вернулась, держа в руках узелок со снедью.

— Да ты не спеши. Споткнешься — и все уронишь.

— Не споткнусь. Ноги-то небось свои.

Катя, как и ее мать, прекрасно пела. Когда впервые слушаешь ее, никак не верится, что у этой девушки с тоненькой шейкой и маленьким ртом такой сильный и красивый голос. Да и вся она такая маленькая и тоненькая, словно игрушечная.

— А где же Вера пропадает? — спросила Анна, которая считалась организатором пирушки и всем распоряжалась. — Вы тут накройте на стол, а я выйду на минутку, — и она тяжелыми шагами направилась к двери.

Когда Анна и Вера вошли, на белой скатерти уже красовался большой рыбник, лежала связка калачей, посреди стояла бутылка вина, прозрачная, с красным сургучом. По обоим концам стола радовали глаз пироги и шаньги.

Вера, видно, поплакала, но никто на нее не смотрел и никто ничего не сказал. Девушки переглянулись и гурьбой подошли к Илье.

— К столу тебя приглашаем, Илья! Вставай!

— Ради тебя и пришли сюда.

— Ради тебя хотим повеселиться.

Илья до сих пор ни разу не взглянул на стол, хотя все слышал и знал, что там делается.

— Не будь таким гордым, Илья!

— Мы ведь по-свойски...

Илья приподнял голову и глянул на стол.

— Да ведь, черт вас возьми, я лежу в одном белье...

Девушки рассмеялись.

— А где твоя одежда?

— Какую тебе — царскую или боярскую — притащить?

— Самую лучшую несите, — тряхнул он своими кудрями. — В комнате висит... единственная.

Всем было весело. Недоставало только гармошки. Да ведь у дяди Степана в сарае есть сено, в нем сколько угодно дудника! Две девушки побежали за дудником для свистулек.

Это был очень простой и каждому доступный инструмент. Из дудника делаются три свистульки: одна с низкими звуками, вторая — со средними и третья — с высокими. Самый низкий — бас — с четверть длиной, два другие — короче и тоньше — такие, чтобы звучали в лад. Возьмешь все три свистульки, поднесешь сразу к губам и дуешь в них.

И так это ладно и красиво получается, что никто не останется равнодушным. В особенности такие заядлые плясуны, как Катя.

И теперь, как только свистульки были готовы и девушки стали пробовать, хорошо ли они звучат, Катя сразу же пустилась в пляс.

— Погодите, девоньки, постойте! Сначала сор убе-

рем. Тетка Марфа сердиться будет. Видите, какой у нее белый пол!

Одни подметали, другие уже усаживались вокруг стола. Только Катю будто ничего не касалось. Она пританцовывала и пела:

Пускай белый, беленький,
Коль натопчем, подметем,
Мы идем, идем да пляшем,
Припеваючи живем.

— Ты, Илья, садись в красный угол, за жениха будешь. И невесту тебе подыщем.

— Можно и за жениха. Мне все равно.

Катя хотя и пела, но, наверно, все видела, все слышала. И все-таки для всех было неожиданностью, когда она запела именно про то, что увидела и услышала сейчас:

Глянул сокол, поглядел:
Где садиться-то ему,
Где садиться-то ему, да,
Где усесться-то ему?

— Анна, ты за хозяйку, тебе и вином поить.

— Нарезь рыбник.

— Давай я. Мне тут ближе.

— Да садитесь скорее.

— Слышите, дудочки?

Оглянулся еще раз,
Соколиный хмурит глаз.
Уж не ливень ли прольет?
Уж не гром ли прогремит?

Нынче ливень не польет,
Тучка краем обойдет.
Вот оно и солнышко
Вышло из светелочки.

— Вера, чего ты канителишься? Обделим ведь!

— Вот сюда еще можно, мы подвинемся. Ногу-то просунь.

— Пролезла или нет?

Вера села на самый краешек лавки. Уселись наконец и музыкантши. Только Катя не унималась:

Что такое, что такое?
Девки, что случилось?
Солнце только показалось
Да за тучкой скрылось.

- По четыре калача на каждого!
- Где же по четыре? У меня только три.
- Илья, с тебя и начнем. Давай выпей.
- Э-э-э, так не годится! Кто потчует, тот и на-
чинает.
- Пусть будет так.

Отчего же, отчего?
Нет на небе ничего!..
Как же, девки, как нам быть?
Кто же скажет, как нам быть?
Как нам быть?

- О господи, что это с нашей Катенькой?
 - Сорока бесхвостая! Сядешь ты или нет?
 - Да погодите вы, она что-то свое поет!
- Но на столе стояло такое вкусное угощение, что
никому не было дела до Кати. А голос ее звенел все
сильнее:

Жила за морем сова,
Премудрая голова.
Говорила мне сова:
— Жил на свете паренек,
паренек.

Ай да парень, хоть куда!
Кудри непокорные,
Глазыньки-то черные, да,
Как сморода-ягода,
ягода.

Ай да парень удалой!
Его хата — лес густой,
Его хата — лес густой, да,
А постелька — мох лесной,
мох лесной.

Ступит — шишки сыплются,
Это, девоньки, не шишки,
Это, девоньки, не шишки,—
С елки белки сыплются,
сыплются.

Темным лесом он пошел,
Что-то в чаще он нашел,
Что-то там чернеется,—
Там медведь виднеется,
виднеется.

— Илья, слышишь? Парень-то, точно, как ты!

— Слышу... А пить больше не буду — в голове зашумело. Мне ведь теперь немного надо.

А Катя пела о том, как молодой охотник встретился с медведем, как они заспорили и подрались.

— Вера, возьми рыбки, не останется ведь... Катя, перестань ты, а то никто не ест!

Медведище-то был зол!
Головища как котел,
Как у бороны зубов,
На лапище пять серпов,
серпов.

Что такое, что такое?
Тучи нет, а гром гремит.
Тучи нет, а гром гремит, да,
С корнем елочки валит,
валит.

То не туча, и не гром:
Это парень удалой,
Это парень удалой, да,
Он схватился с медведём,
с медведём.

— Это уж как есть о тебе, Илья, она поет!

— Здорово подходит!

— Я больше не могу, Анна, я ведь не парень.

— Да хоть рюмку поднесите Кате! Оставьте ей немножко рыбника!

Девушки поймали Катю за подол и потащили к столу. Вера глядела на Катю широко раскрытыми глазами. Ей припомнилась темная ночь, поездка верхом на лошади и песня доктора про джигита. Ей хотелось, чтобы Катя пела. И Илье, видно, тоже хотелось. Катю и не надо было просить. Она вырвалась из рук и снова запела:

Девушки-голубушки!
Злой медведь-то осерчал,

Злой медведь-то осерчал, да,
Парню руку искусал,
искусал.

Парню руку прокусил.
Парень этого не снес.
Парень этого не снес,
В сердце нож ему вонзил!
Вонзил!

— Не говорила ли я вам?

— Ш-ш-ш...

Воротился он домой
И устроил пир горой,
Свою милую позвал,
Петь, плясать гостей собрал,
собрал.

Там плясали весело,
Распевали весело,
Распевали весело, да,
Парню лишь невесело,
невесело.

Сокола тоска берет:
Скоро ль солнышко взойдет?
Где же его солнышко, да,
Любимая девушка,
девушка?

За подружками она,
Они стали как стена,
Они стали как стена, да,
Тут подмога ей нужна,
нужна.

Надо ее выводить,
С парнем рядом усадить,
С парнем рядом усадить, да,
Песню громче заводить,
заводить.

Тут все посмотрели на Веру.

— И верно ведь, девоньки, так оно и есть,— крикнула одна из подружек,— любимая-то и в самом деле не рядом с ним!

— Чего же вы глядите? — подхватила другая.— Надо уладить.

Тут, перебивая друг друга, затараторили все разом. Даже Катя перестала петь.

— Пусть невестой будет Вера!

— А кто же, если не она!

— Жених, согласен иль нет?

— Я-то? — отозвался Илья. — Дело за вами.

— Ах, елки-палки, за крестного-то нет парня!

— Это ничего, за него может Анна.

— А вместо крестной пусть будет Катя. Это ей за хорошую песню.

— Дайте дорогу невесте!

— Вера, не упрямясь!

Илья глазам своим не верил — прямо по лавке прошла Катя и села за Ильей, к Илье шла Вера, за ней Анна.

Сначала было как-то неловко — получилось вроде игры. Но ведь так хотят гости! Не прикажешь же им угомониться!

За столом стало еще веселее. Всем казалось, что они Илью и Веру по-настоящему женят, но не так, как бывало обычно, а по-новому, интереснее, по желанию самих влюбленных.

— Да ведь такого жениха и такую невесту на настоящих свадьбах редко увидишь!

— Точно красавицы вербоньки, чтобы не сглазить!

Вера несколько не смущалась. Разрумянившееся лицо ее улыбалось, синие глаза благодарили подруг за все, что они сегодня для нее сделали.

У Ильи чуточку кружилась голова.

— Что за чудеса, девоньки! Такое было вкусное вино, а стало вдруг горьким! — крикнул кто-то.

— Илья, слышишь, что говорят?

— Горько! Горько!

Илья встал, обвел глазами сидящих вокруг стола девушек.

— Горько! Горько!

Ничего не поделаешь, Вера тоже встала, подняла голову, повернула лицо к Илье и посмотрела на его раненую руку. Илья обнял Веру.

— Заденешь, больно будет, — шепнула она...

Илья с удивлением посмотрел на свою раненую

руку и, когда почувствовал, что она снова обрела силу, обнял Веру еще крепче.

Девушки с завистью смотрели на них.

Кто же, какая злая сила может после этого разлучить два молодых сердца!..

3

На пирушке все-таки оказались и болтливые девицы. Про то, как веселились в доме Ошлаповых, и про «свадьбу» скоро узнала и сама хозяйка. Как будто пелена спала с глаз Марфы. Теперь она поняла, почему Вера ездила за доктором, почему вдруг девушки устроили пирушку, отчего так быстро переменялся Илья — сын стал веселым, насвистывал кадрили или напевал что-нибудь себе под нос. Это, конечно, неплохо, что Илья перестал горевать, — скорее поправится. Но куда денешь старшего, Михаила? На него девки не то что при жизни — после смерти едва ли придут поглядеть. Поневоле приходится заботиться о таком обороте.

В сущности, конечно, ничего не изменилось. Как полагала Марфа, так и получается. А полагала она, что девки будут любить Илью, — так оно и получилось. Говорила Марфа, что женит старшего на Вере, — тоже получится. Только нужно все с толком делать — подмазать, где следует, не стесняться, коль придется вырвать с корнем то, что будет мешать. Конечно, без разговора с самим Ильей ничего не выйдет. Ведь ласковое-то слово и через широкую реку переправит — не утонешь, и через огонь пронесет — не сгоришь.

Однажды утром — в субботу это было — Илья сквозь сон услышал, что мать моет пол. Было еще рано. В светце горела лучина, по избе бегали тени. Илье не хотелось вставать. Мать разбросала дресву и стала усердно тереть пол голиком. Однообразное шарканье голика, всплески воды убаюкивали Илью, и он погружался в забытие. То ему чудилось, будто на улице пилят дрова, даже слышался звон пилы; то казалось, будто мимо везут воз соломы. А когда мать вытаскивала из воды тряпку, воображение переносило Илью на реку. Он сидел в лодке и ловил рыбу. Мать

передвигает кадку, она постукивает, а Илье кажется, будто он поймал большую рыбу и эта рыба бьет хвостом о дно лодки.

Мать уже почти весь пол вымыла и подошла к постели Ильи.

— Ты что же, сынок, не хочешь сегодня просыпаться? — вдруг слышался ее голос, и только теперь Илья очнулся от дремоты.

— Видно, пора вставать.

— Лежи, сынок, лежи! Пол мокрый. Я скоро кончу.

Илья повернулся лицом к матери. Марфа выпрямилась, вытерла руки о передник и шагнула к сыну.

— Голова-то теперь как, не горячая?

Рука у матери была холодная и влажная.

— Нет, теперь жару не бывает. Фершал сказал, что можно выходить на улицу. Ох, смерть как хочется в лес! Так истосковался...

Марфа вздохнула.

— То-то и оно, сынок,— произнесла она многозначительно.— Одни по одному скучают, другие по другому. Всегда так было, и так будет.

Илья понял, что мать хочет о чем-то поговорить с ним, и нарочно сказал:

— Лес по мне, наверно, тоже соскучился.

Марфа будто именно этого и ждала:

— Лес-то — не знаю, а вот девки, как погляжу, по тебе в самом деле скучают.

— Девки? — Илья не понял, ради чего мать сказала об этом, и умолк.

Видимо, и Марфа стеснялась заговорить с сыном прямо. Она снова задумчиво провела несколько раз голиком по полу.

— И много же терпения таится в человеке! — как бы с удивлением проговорила она и опять выпрямилась.— Даже сейчас еще будто холодной водой окатывают, как подумаю о былом.

Мать решила начать издалека не потому, что хотела пожаловаться сыну на свою неудавшуюся жизнь. Нет, она просто не знала, с чего начать, как перейти к главному. А уж когда начала, не смогла удержаться от того, чтобы не рассказать все, как было.

— Ты, может, и не поверишь, сынок, а были денечки, когда вот-вот ждали моей кончины. Думаешь, из-за болезни? Нет, сыночек. Били меня родичи, так били, так били...

— За что, мама? — Илья сел на постели.

Марфа поправила волосы — они то и дело спускались на глаза, когда она наклонялась, — придвинула светец, зажгла новую лучину, и ее черные глаза блеснули молодостью.

— В девках-то я была бойкая, — вроде бы пояснила Марфа. — За парнями не гонялась, сами за мной гонялись, — похвасталась она.

Илья теперь смотрел на мать так, будто старался разглядеть в ее сухощавой, высокой фигуре что-то новое. Смотрел и молчал.

Мать пополоסקала тряпку в кадке и наклонилась помыть пол под постелью.

— Дело началось летней ночью, до страды... О господи, до сих пор все как есть перед глазами... Заря пылает. Уже поют петухи. Проснулись кукушки... С гулянки провожает меня один парень. Подошли к крыльцу. Я уже хотела было зайти в дом. Вдруг слышу — там разговаривают. Сердце будто перестало помещаться в груди. «Подойди, — говорю ему, — послушай. Уж не сватает ли кто меня?» Так и есть, о том разговор. Голоса сватов чужие и какие-то нахальные. Потом уже узнала — из села Типэ, за сына мельника сватали. Коров, лошадей, слышь, полон двор, амбары полны хлеба... Да ведь в молодости-то не об этом думаешь. Я и говорю своему парню-то: «Что же мы с тобой будем делать? Какую линию будем держать?» А он и отвечает: «Линия у нас с тобой одна: жить не расставаясь до самой смерти. Меня ведь тоже, наверно, скоро захотят женить». Ну и дали мы друг другу слово не расставаться.

Зашла я в дом, а у них уже все готово, вот-вот по рукам ударят. Еще пуще забилося мое бедное сердечко. Бросилась я в комнату — мать за мной: так и так, дескать, лучше жениха не найти, решили мы выдать тебя замуж... Оттолкнула я мать, кинулась к ногам отца. «Батюшка, говорю, родимый, золотой! Неужели я стала для вас лишней и вы гоните меня из дома,

к чужому человеку, в чужую деревню?» А отец начал надо мною насмехаться: «Привыкнешь, говорит, дочка, после первой ночи, говорит, и полюбится тебе муж». Туда же сваты — хвастают, льстят: дескать, не будешь расканиваться. Не знаю, что тогда со мной случилось, видно, нечистая сила вселилась в меня. «Не нужны мне, говорю, ни ваше богатство, ни ваш хороший жених...» Да как пустилась честить их всякими словами, как начала обливаться грязью... О господи, лишается же иногда человек разума... Гляжу — один удирает, другой за ним следом: еще-де побьет сумасшедшая девка...

Ну вот. Сваты ушли. Мать плачет. Я стою в углу и жду, что будет делать отец. А убежать из дома — и мысли такой нет. Вижу я, как у отца дрожат руки, на вожжи смотрит... Пусть, думаю, делает что хочет, мне все равно. Вот он подошел ко мне, схватил за кося, снял с крюка вожжи и вывел меня на середину комнаты, чтобы не мешали полати...

Илья слушал. Казалось, все, что рассказывала мать, происходило на его глазах. Он не мог усидеть на месте. То подушку поправит, то встанет на мокрый пол, то покачает, точно ребенка, свою больную руку.

— А ты, мама, очень кричала? — спросил он.

— Я? — выжала тряпку Марфа. — Нет, не кричала. Когда мать стала молить отца, чтобы перестал меня бить, я и тогда не кричала. А уж потом, когда сознания лишилась, не знаю, может, и кричала.

Илья подтащил к себе светец, чтобы посветить матери.

— Правильно сделала! — похвалил он мать. — Я бы тоже не стал кричать и просить не стал бы.

— Не знаю уж... Может, правильно, может, и неправильно... — вздохнула Марфа и бросила поближе к порогу пригоршню дресвы.

Последние слова матери, ее тяжкий вздох не понравились Илье, и он подумал: «Видно, жалеет, что отказала богатому жениху».

— Это-то что! — не удержалась от дальнейших воспоминаний Марфа. — Побили — и прошло бы, никто и не узнал бы. Да ведь скоро начали косить. Во время сенокоса шрамы у меня потрескались, раны

раскрылись. А отчего, думаешь? Из-за тупой косы. Бывало, подойду к отцу наточить косу, он возьмет, смотришь, будто отбивает, а на самом деле ударяет оселком в обушок. «У тебя, говорит, и так будет косить». Вот ведь как хитро мстил твой дед Софрон своей родной дочери. Такая бывает во мне злость на него, порой так и хочется его же палкой пересчитать ему ребра, да что поделаешь, сама была виновата, не послушалась родителей. Ох-хо-хо! — снова вздохнула Марфа. — Так уж, видно, богом сказано: «Своим умом будешь жить — людей насмешишь, отца с матерью слушаешься — ни тоски, ни печали не узнаешь».

«Э-э, так вот почему ты о себе рассказывала... — подумал Илья. — Ну что же, послушаем дальше...»

После вечеринки, устроенной девушками, Илья не раз уже думал о матери. Он понимал, что так или иначе, но мать прослышит о его любви к Вере, и ему хотелось знать, рада она будет этому или нет.

Илья смотрел теперь на мать так, как смотрят за нечестно играющим в карты игроком.

— В молодые годы, сынок, жизнь кажется красивой и веселой, а на самом деле она как черствый сухарь, — приближалась Марфа к главной теме разговора. — Всю свою жизнь грызешь эту черствую корку, а оглянешься — век твой на исходе и любви-то никакой нету, прошла, ради детей и живешь, только о них и заботишься.

От Ильи не ускользал ни один шаг, ни одно движение матери. Марфа, видно, заметила внимательный взгляд сына и еще усерднее стала тереть пол.

— Ты, ведь, Илья, не знаешь еще, — снова выпрямилась она, — у нас с твоим отцом были уже большие разговоры.

— Что же это за большие разговоры? — струхнул Илья.

— Отец-то твой меня жалеет: помощь, говорит, тебе нужна. Мишку женить хотим. Что ты на это скажешь?

У Ильи сразу отлегло от сердца. «Значит, вот в чем дело! А я-то думал...»

— Вам виднее, мама, вы на то и родители. Попируем на свадьбе.

— Так-то оно так, дорогой сынок, да невесту-то надо найти. Дочь хороших родителей да еще с богатым приданым не пойдет за Мишку — он ведь не такой, как ты, — а какую попало тоже неохота брать в дом.

— Невест, мама, сколько угодно, — рассмеялся Илья. Он радовался, потому что после женитьбы Мишки он сам станет женихом. — Мы тут с ребятами еще осенью подсчитывали — на одного парня приходится по две девушки. Даже не считая таких, как Эгруня.

— Ну и баловни! — засмеялась Марфа. — Вы, значит, батрачек и сироток за невест не считаете? У них ведь что надето, то и в сундуке. На них-то никто уж не позарится.

Илье будто острый нож в сердце вонзился. Но он был готов услышать такие слова и сумел взять себя в руки. Он снова пристально посмотрел на мать.

На лице у Марфы было теперь такое выражение, будто одной рукой она кого-то ласкала, а другой безжалостно щипала.

— Да ведь девушку ценят не только по хорошей родне и по приданому, — словно заступилась вдруг за таких вот сироток Марфа. — Батрачки-то и работы не боятся и послушные. Они даже за нищего охотно пойдут. Всю жизнь прожить одной-одинешенькой, работать на чужих никому не любо.

Марфа зажгла новую лучину, хотя в комнате было уже светло.

— Мы с твоим отцом так решили, — снова схитрила она, — найти Мишке работающую жену, хотя и сироту. — И вдруг спросила: — Как ты думаешь, если с Верой поговорить?

У Ильи перехватило дыхание. Но не потому, что Вера может стать женой Мишки, нет, Илья понял самое главное: мать, родная мать хочет сделать своего любимого сына несчастным.

— Ты что же, сынок, не хочешь помочь матери-то, ничего и не говоришь?

Ах, каким хитрым было у нее сейчас лицо! Но Илья снова взял себя в руки.

— Я ведь не знаю, мама, захочет ли она выйти за-

муж за Михаила,— сказал Илья таким тоном, будто ему это безразлично.— Девушка она очень хорошая...

«Слава тебе господи! — мелькнуло в голове Марфы.— А я-то думала, что мой сын уж и впрямь прилип к ней».

Марфу обманул безразличный тон Ильи, и руки у нее проворнее задвигались.

День прошел у парня в размышлениях. Был фельдшер, делал перевязку. Он почему-то спросил Илью, не болит ли у него что-нибудь, и когда Илья ответил отрицательно, недоверчиво пожал плечами.

Вечером пришел Николай Иванович. Он спросил, прочитал ли Илья повесть Пушкина.

— Даже два раза успел прочитать,— обрадовался приходу учителя Илья.— Ну и интересно, оказывается! Порой даже слезу прошибает. Помните, как у Дубровского хозяйство отняли? Да ведь все вроде по закону! Неужто в самом деле бывает такой грабеж? Да еще через суд!

— Если бы не было, Пушкин не написал бы,— ответил учитель.— Александр Сергеевич не стал бы обманывать людей. Его книги во всех государствах читают.

— Во всех государствах? — поразился Илья и сразу поверил, что Пушкин написал правду.— А помните, как там Владимир Дубровский нарочно поджег свой дом? В доме пировали его разорители. Вот горит дом, пылает. Горят запертые в доме люди. Пусть они горят. Туда им и дорога. И вдруг, понимаете, вдруг люди увидели кошку. Бедняга бежит по крыше и жалобно мяукает. Детям — одна забава, смеются. И вот кузнец-то — ох, и кузнец! — говорит ребятишкам: «Вы, бесенята, над чем смеетесь? Горит живая душа, а вам веселье, бога не боитесь!» Архипом звали этого кузнеца... Он берет пожарную лестницу, поднимается, сам горит, а кошку спасает. Вот где добрая душа! — Илья волновался, глаза у него блестели, он то взмахивал здоровой рукой, то запуская пальцы в волосы.

— Ну, а как сам Владимир Дубровский? — спросил учитель.

— О-о! — сначала будто похвалил его Илья, но вдруг задумался.— Он умный, хитрый, смелый... Но

мне одно не понравилось — не отплатил Троекурову. А ведь все беды были от него, от этого Троекурова.

— Хм! — о чем-то подумал Николай Иванович. — А почему не отплатил?

— Известно, из-за Маши, — ответил Илья и задумался. — Только вот правильно ли прощать все из-за девушки?

— Значит, крепко любил ее Дубровский, — проговорил Степанов, продолжая пытливо смотреть на Илью.

— Это я понимаю. — Илья чуть было не сказал: «По себе знаю». — Но ведь такой злодей, как Кирилл Петрович, совсем безнаказанным остался!..

Степанов вытащил часы, взглянул на них и заторопился.

— Ты давай еще подумай об этом, а я зайду в другой раз.

Он взял с собой книгу и ушел.

Николай Иванович действительно торопился. Полчаса назад ему сообщили, что в село прибыл уездный школьный инспектор. Он остановился у Власия Сирвойтова и вызывает Николая Ивановича к себе. Было загадочно не столько неожиданное появление инспектора, сколько то, что он обошел учителя. В прошлом году инспектор останавливался у Степанова. Этот элегантный пожилой человек был не прочь поиграть в либерала.

Он и на этот раз не показался Степанову другим, с той лишь разницей, что, пожалуй, был более осторожен в выражениях.

— Вы, наверно, помните, милейший, что я говорил вам в прошлом году, сугубо между нами, конечно? — такими словами он встретил Степанова, когда тот явился к нему. — Я имею в виду соответствующее предписание о нормах поведения и обязанностях народного учителя в Российской империи. К сожалению, вы изволите не принимать это во внимание и тем самым навлекаете на себя подозрение соответствующего ведомства... Одним словом, нам стоило больших трудов отстоять вас как способного учителя, однако с переводом в другую школу, чтобы избежать дальнейших осложнений.

— Не будете ли вы любезны, господин инспектор,— так же вежливо и официально попросил его Степанов,— объяснить мне более подробно, в чем именно я провинился?

— Да полноте, не прикидывайтесь ребенком! Разве можно быть таким неосторожным в наше время, когда все, буквально все поставлено в жесткие рамки и любое отклонение от этих рамок рассматривается не иначе, как в лупу! Надеюсь, вы меня поняли... Впрочем, такие увещевания не входят в мои обязанности,— спохватился инспектор и подал Степанову документ, где было сказано, в чем его обвиняют и в какое селение переводят.

«За нарушение предписания...— читал про себя Николай Иванович, пропуская длинное заглавие и пункты этого предписания,— выразившееся в недопустимом сближении с местным населением, граничащем с панибратством, учителя важгортской начальной земской школы Степанова Н. И. от учительства в данной школе отстранить».

Дальше следовало строгое внушение — придерживаться указанного предписания, а также назначение в начальную школу далекого селения, которое находилось за много десятков верст от Важгорта, вниз по течению реки.

Инспектор многозначительно добавил:

— Могли быть и похуже выводы.

— Благодарю вас покорно,— ответил учитель, подумав, что он и впредь будет продолжать свое дело, но только так, чтобы соответствующие ведомства не смогли ничего разглядеть даже в самую сильную лупу.

КТО ВИНОВАТ?

1

Степан и Михаил вернулись с промысла уже по глубокому снегу, когда Катшыс не мог больше помогать им,— впрочем, и сами они на лыжах проваливались в снег по колено. Но отдыхать было некогда, да и не

умел отдыхать Степан. Еще летом он припас лесу для саней, и теперь, когда ни пройдешь мимо их дома, слышится постукивание топора или пронзительное пение пилы. Степан славился не только как хороший охотник, он еще умел отлично мастерить сани.

Работы хватало и Михаилу: он возил сено и дрова, помогал матери по хозяйству. День проработает, а вечером, после того как поужинают, уходит на посиделки. Совсем другим стал Михаил — с матерью ласковый, отцу всегда старается во всем угодить, за стол садится первым. Илье он казался смешным. Скажет слово — словно пригоршню гороху во рту держит, ничего не поймешь. Глянет на Илью — жмурится, будто в глаза ему яркий свет бьет. А собираясь на гулянку, никогда не скажет: идем, мол, Илья, со мной, — хвоста не увидишь, как выскочит из избы.

Да Илье что! Он все знал и только улыбался про себя: «Посмотрим, долговязый жених, будешь ли еще когда-нибудь мужем!» Илье не верилось, что его старший брат будет в самом деле мужем, что у него пойдут дети, что будут звать его отцом... Не верилось, да и все тут!

Конечно, про тот разговор с матерью о Вере Илья никому не поведал, даже ей самой ни полсловечка, хотя они теперь виделись часто. Илья умел держать язык за зубами. Но все-таки на сердце у него было нехорошо, все-таки что-то мешало жить, не было уверенности в завтрашнем дне.

Рука после каждого похода в лес болела все меньше и меньше. Остались только красные рубцы, но и они, говорят, скоро побелеют.

Илье сегодня не хотелось идти в лес, но отец сказал, кивнув на полати, где спали братья:

— Капканы, парень, не надо ли поглядеть? Непогода, видно, разыгралась надолго. Затеряются еще капканы.

Марфа тоже заговорила:

— И тебе пора вставать, жених. За дровами надо съездить, пока еще не занесло дороги снегом. Смотри, к свадьбе не на чем будет пиво-то варить.

Последние слова мать сказала, конечно, в шутку, но у Ильи заныло сердце. А вдруг Вера согласится

пойти за Михаила? Она ведь сама недавно говорила Илье, что брат, мол, стал таким добрым, и не заметишь, как конфетку или сушку за пазуху сунет. И потому теперь Илье захотелось разозлить брата.

— Ну, жених, встанем, что ли,— шепнул ему в ухо Илья и стал перелезать через него.

Жениха словно обожгли слова Ильи, и он, как бы защищаясь, крепко двинул брата под ложечку. От неожиданности у Ильи перехватило дыхание.

— Не будешь, это самое, лезть ко мне,— приговаривал Мишка.— Я тебе еще покажу, кто он такой, жених!

Илья зло глянул на брата и процедил сквозь зубы:

— Осень, видно, прошла: у волка зимние зубы прорезались!

— Вы чего там не поделили? Тесно стало? — добродушно прикрикнула на них мать.— Если раньше не было тесно спать, так теперь нечего ругаться — скоро расстанетесь.

Отец почему-то ничего не сказал. Он ждал дневного света, а пока усердно вязал сеть.

Вскоре Илья уже стоял на лыжах. Когда он шел по полям, было еще темно. Непогода гуляла тут с такой силой, будто подстегивала Илью и толкала его вперед по стежке, занесенной снегом.

В лесу было тише, но в оголенных ветвях берез и осин свистел ветер, а ели кидались снежными комьями.

На снегу не было ни одного старого следа — все успела замести ночная непогода.

Илья снял уже два капкана. В третий попался заяц. Хорошо еще, что заяц угодил в капкан передними лапами и недалеко уполз. Он был еще живой и, когда Илья подходил к нему, начал было отпираться: «Не я, не я, не я!..» Но как тут отопрешься, коли в капкан угодил...

У Ильи капканы расставлены на большом пространстве и на разных зверей. После болезни он успел уже поймать, кроме зайцев, одну рыжую лисицу, нескольких белок, двух горностаев.

Непогода еще не совсем замела лыжню, и охотник, кружа по лесу, безошибочно находил самые потайные ловушки.

За спиной постепенно прибавлялись капканы, низанные на веревку. А придется еще много обойти. Захотелось присесть, погрызть мерзлого хлеба, смочить глотку снеговой водой. Не снимая лыж, Илья сел прямо на снежную кочку.

В тот день, когда Илья расставлял капканы, он тут же сидел. Тогда был очень холодный день. Где-то за лесом таилось зачоченевшее солнце, на небе играла холодная заря. Ветви деревьев, казалось, были сделаны из хрупкого стекла, а лесная молодь, придавленная толстым слоем снега, будто старалась еще больше сжаться. В лесу стоял перехватывающий горло холодный туман, и слышно было, как мороз громко стучит палкой по деревьям. Он бродил повсюду: стучал в стены изб, чтобы люди не забыли подкинуть дров посуше в печурки; на открытых местах подстреливал летящих сорок и ворон; в лесу загонял поглубже в снег рябчиков и тетеревов; на дорогах ломал подсанки и рвал завертки у возчиков сортового леса, которые только недавно договорились наконец о цене с Власием Сирвойтовым; торопил большие обозы вятчей, везущих по Мурашинскому тракту в край Коми толокно, калачи, сухую и соленую треску, льняное масло, овсяную крупу, телеги, разрисованные овчинные шубы и валенки.

Сегодня деда-мороза не было слышно. Вместо него баловалась непогода, она перемешала землю и небо, занесла дороги, сгладила, сровняла все вокруг, надела сугробы возле изгородей и крылец. Сначала сугробы были одних очертаний, а потом, словно ей не понравилось, взяла да разрушила все и соорудила другие сугробы, по-новому. В пурге, как в мутной воде, было что-то таинственное и непонятное. И теперь, когда Илья смотрел на занесенную снегом лесную молодь и на окружающие его смутно различимые ели, за которыми ничего не было ни видно, ни слышно, ему вдруг стало казаться, что и сама жизнь бывает порой такой же непонятной и смутной, как непогожий день.

Разве не смотрел Илья еще совсем недавно на эту жизнь такими счастливыми глазами, что готов был торопить самое время? Разве не казалась ему собст-

венная молодость красивой и радостной? Что же случилось, отчего так неожиданно загрустило сердце?

Илья уже доел кусок мерзлого хлеба, смочил горло снегом, а вставать не хотелось. На него давила какая-то неведомая ему тяжесть. Очевидно, так горько ему не только оттого, что осенью пришлось рано прервать охоту и теперь не удастся купить выходную одежду и гармошку, и не только оттого, что мать хочет женить Мишку на Вере, но, видно, еще и оттого, что не успел он отблагодарить доктора за свое спасение да не пришлось ему больше побеседовать с учителем. Но ведь ни тот, ни другой не были Илье ни друзьями детства, ни даже старыми знакомыми, чтобы так часто вспоминать о них. Отчего же, коли так, отчего тревожится он, отчего ноет душа?

Чтобы избавиться от этих дум, сбросить с себя непонятную тяжесть, Илья быстро поднялся, стряхнул с себя снег и отправился дальше.

Как обидно, что приходится снимать капканы! Ведь Илья два дня назад так хорошо поставил их на новых тропах — и не различишь, где тут они. Не удастся, видно, еще одну лисицу поймать, а она уже подходила к приманке. Илья поставил на ее следы три капкана, да все так хитро, так аккуратно.

Вон и приманка висит на сучьях. Местность тут заросла невысокими деревьями, и снегу намело еще больше. Порядком пришлось поработать лопатой, чтобы обнаружить капкан. Два капкана уже нашлись, а третий никак не попадался. К тому же нельзя долго бродить вокруг приманки, чтобы лиса не испугалась следов и человеческого запаха, когда она снова придет сюда.

— Чудеса, да и только! — тыча лопатой, говорил себе Илья. — Ведь хорошо помню, здесь поставил...

Он почему-то не сразу сообразил, что капкан может быть и не на прежнем месте. Илью обманула ровная пелена снега, сглаженная метелью. Но вот он стал внимательнее осматривать снег под елками и увидел — в одном месте примято. Ткнулся туда голой рукой, без рукавицы, потрогал под свежим снегом. Показалось, что старый снег стал плотнее, вроде бы утоптан, — значит, кто-то тут был. Зорче стали глаза,

проворнее лыжи. Под второй елкой такая же картина, под третьей — замерзшая капля крови. Все понятно: в капкан кто-то попался и утащил его с собой.

«Конечно, не заяц утащил, не заяц», — мелькнуло в голове Ильи, и мысль, что это могла быть лиса, еще сильнее подстегнула охотника.

Мешали болтавшиеся за спиной капканы. Но сегодня оставить их в лесу нельзя: занесет лыжню — все потеряешь. Оттого, что Илья разгребал снег, руки совсем окоченели, а по спине струился пот.

«Только бы не потерять направление, только бы добраться до крупного леса!» — думал Илья и все торопливее ползал в ельнике. Больше всего боялся он темноты. Еще одна такая ненастная ночь, тогда уже считай — пропали и лиса и капкан.

Но вот и желанные места, лес тут гуще, ели и сосны выше. А вот и следы. Теперь уже можно не сомневаться — попалась лиса.

По большому лесу стало легче идти. Лиса забиралась под колоду, выбралась оттуда только утром. Это видно по следам — они посвежели, можно даже понять, какой лапой она угодила в капкан.

— Ну и несется! Ее, видно, никогда не догонишь, — приговаривал Илья, хотя сам видел, что след становится все отчетливее.

До слуха Ильи донеслось позвякивание железа. Он посмотрел по сторонам, но ничего рыжего не обнаружил. Вон мелькнуло что-то темное.

«Неужели росомаха? — даже испугался Илья. — Без ружья к ней и подойти опасно».

Нет, это не росомаха. Илья отлично видит длинный и пушистый хвост. А вот и весь зверь, целиком. Голова лисья, хвост тоже... Илья не верит своим глазам. Скинув со спины связку капканов, он вытащил из-за пояса топор и бросился к зверю...

Вскоре Илья держал в руках большую, пушистую черно-бурую лису.

После этого уже ничто не казалось тяжелым — ни капканы, ни два зайца, которые попались в ловушки; он перестал ощущать даже ту непонятную тяжесть, которая еще недавно давила на него. Значит, не потеряна еще надежда приобрести гармошку, значит,

можно еще будет справить хорошую одежду! Нет, не опостылела жизнь молодому парню!

В деревне он появился уже при вечерних огнях, домой зашел, не стряхнув с себя снег, не оставив в сенях капканы.

— Не пугайтесь,— вышел Илья прямо на середину избы.— Отец, ну-ка, освободи меня от добычи!

Кроме Марфы и Михаила, в избе была еще тетка Аксинья, та самая веселая Аксинья, которая в день покрова так задорно плясала в доме Степана. Илья смотрел на домашних и чувствовал, как отец снимает с его плеча ценного зверя. На пол посыпался снег. В избе будто все ожило.

— Есть же, бабоньки, такие вот звери в тайге-матушке.

— Да как же, добрый молодец, в такой непогожий день сумел словить ее?

— В каких же местах попалась-то?

— Да я, золотые мои, этакое первый раз вижу!

От радости Марфа забыла даже дать сыну сухую одежду.

Илья сидел уже у стола и рассказывал, как было дело.

Михаил сторонился брата, на лису взглянул мимоходом. Скоро он стал одеваться.

— Без ужина? — удивилась Марфа.

— Не хочу,— уже в дверях пробормотал он.

Илья крепко устал, он залез на печку отдохнуть. Конечно, не спалось: слишком уж неожиданной и крупной была сегодняшняя добыча. А ведь если бы сегодня не сходил, так и пропала бы черно-бурая лиса. Спасибо отцу, что надоумил. Но почему такой неразговорчивый сегодня отец? Можно подумать, что он чем-то недоволен. Да ведь когда что-либо не по нем, он строгий, а мать в таких случаях ходит по избе на цыпочках. А сегодня еще с утра все было не так: мать говорила ласково и командовала, отец молчал. Он и теперь сидел за столом и молчал. Разговаривали только женщины.

Илья подумал:

«Ради какого же праздника разоделась тетка Аксинья? Какой секрет она нет-нет да и шепнет матери?»

После ужина быстро убрали со стола.

— Сходим, коли так. По лбу ведь не ударят,— сказала Аксинья.

— Сходим,— ответила мать и ушла в другую комнату.

Вышла оттуда тоже принаряженная.

«Свататься идут,— пронзило Илью.— Тайком от меня».

Илья вскочил было, но тут же снова лег.

«Идите, коли надо, идите! А я погляжу, что у вас получится».

Но уже через минуту он снова поднял голову. Ему хотелось пойти вслед за свахами и подсмотреть, на чье крыльцо они поднимутся.

2

Пурга не унималась. В окнах едва поблескивал огонек лучины. Но у Сирвойтова горели лампы-«молнии», и, несмотря на снежный буран, их свет бил в глаза. Власий Спиридонович пировал. У него сегодня дорогие гости: представитель англо-русского лесопромышленного акционерного общества Русин фон Стюарт и сын усть-сыольского купца-лесопромышленника Константин Карпович Пипуныров.

Гости и хозяева — отец с сыном — несколько дней провели в тайге, осматривали делянки, мерили ширину реки Вэрю, места будущих катищ, выясняли запасы товарной древесины. Их водила целая толпа лесной стражи — лесники, объездчик и даже кондуктор, специально присланный из лесничества.

Все были довольны походом. Особенно радовался Русин фон Стюарт. Он собственными глазами видел такие массивы первосортного леса, каких еще не видывал ни разу, хотя занимался этим делом много лет. Русин фон Стюарт теперь был уверен, что диньельские лесные массивы намного обширнее и древесина их значительно добротнее, чем указывают специальные бюллетени, выпускаемые управлением государственных имуществ к моменту торгов. Лесной департамент не знает истинную цену своему богатству! А это как раз на руку лесопромышленникам.

Русин фон Стюарт не пожалеет живота, чтобы на следующих торгах купить диньельские лесные массивы. Он заранее знает, что компаньоны акционерного общества одобряют его поступок, а председатель, англичанин лорд Клоп, являющийся, по существу, его полновластным владельцем, безусловно утвердит такую сделку. Клоп искал первосортную древесину, но с еще большей охотой он приобрел бы землю богатого Коми края. В жилах англичанина текла кровь потомственных колонизаторов, и лорд, подобно хитрой лисе, мог бы со временем превратиться из безобидного зверя во всепожирающего хищника.

Русин фон Стюарт знал и другое: он на верном пути, его старания не пропадут даром... А вот эти — пресмыкающийся перед ним неотесанный кулак и не умеющие держать про себя тайные мысли молокососы — будут, конечно, ему очень нужны. Без них представитель акционерного общества был бы вроде как без рук, так же как и само общество не могло бы существовать без своих предприимчивых агентов. Все до мелочей учтено дошлым агентом. В послужных списках общества он Джон Рихардович, а здесь — Иван Григорьевич. Облегчена также фамилия, оставлена первая половина — Русин. Русин Иван Григорьевич! Вот и получается не целиком иностранное акционерное общество, а русско-английское: агенты русские, доверенные тоже русские и коми, а если, к примеру, взять подрядчиков, то они все местные. Так внешне выглядело дело.

Но молодежь — Владимир Сирвойтов и Константин Пипуныров, которые и учились вместе в коммерческом училище и оба думают пробовать свои силы на более высоком поприще, — желает знать, почему, скажем, царское правительство до сего времени не создало в своей стране лесобрабатывающую промышленность, а продает кругляк за границу.

В комнате, которую Сирвойтовы именовали гостиной, было не только светло, но и жарко. Иван Григорьевич Русин, здоровенный мужчина, уже в летах, с чуть косящими глазами, отер свою багровую шею клетчатым носовым платком и отодвинул от себя пустую тарелку.

— Может, добавить, Иван Григорьевич? — готовый угодить Русину, поднялся из-за стола Власий Спиридонович.

Но Русин, словно не расслышав его, обернулся к молодым людям.

— Вопрос, который вы задали мне, интересует многих, — начал он, стараясь сделать вид, что ему, как истинно русскому человеку, не безразличны судьбы своего государства. — Прежде всего эти вопросы интересуют, конечно, наших отечественных лесопромышленников. Они считают, что продавать за границу распиленный лес, фанеру, целлюлозу и другие изделия было бы гораздо выгоднее. Но, господа, нельзя забывать и того, что наша отечественная промышленность и техника, хотя и тяжело нам признаваться в этом, намного ниже той, которой владеют, скажем, передовые государства Европы, с кем мы и ведем торговлю лесом. Не надо забывать и о наших специалистах. Они слабы, плохо подготовлены. Из этого можно сделать печальный вывод: нам не под силу конкурировать с иностранным капиталом. Однако мы сильны другим — неисчерпаемыми запасами сырья. И мне кажется, наш светлейший монарх, — при этом Русин посмотрел на портрет царя, висевший на стене, — наш наисветлейший монарх и его министры не ошибаются, когда делают так, как они делают.

— Меня интересует, — неожиданно прервал Русина молодой Сирвойтов, — долго они будут делать «так, как они делают»?

Вопрос был поставлен смело, но ведь Иван Григорьевич казался вполне своим человеком и бояться его не было нужды, особенно в собственном доме.

Русин смотрел на Володю спокойно, но его косые глаза как всегда не глядели на собеседника.

— Я понимаю вас, Владимир Власьевич, — кивнул он и, чтобы показать, что бояться его не следует, без приглашения взялся за стопку вина. Остальные тоже подняли стопки и, чокнувшись, выпили. — Дело, видите ли, в том, господа, что мы, грешные, слуги царя.

Русин фон Стюарт, конечно, хитрил.

— А как думает Константин Карпович? — спросил Володя своего друга.

— Точно так же, как Иван Григорьевич,— не задумываясь, выпалил Пипуныров и поправил манжету на левой руке.

Костя Пипуныров не такой уж дурак, чтобы забыть наставления отца: «Делай то, чего захочет Русин, говори так, как лучше Русину; ты будущий его доверенный, не прозевай своего счастья».

У Кости щупленькое тельце, хрипловатый голос, но богатый отец.

Русин широко улыбнулся, и все заметили, что один зуб у гостя золотой.

— Конечно, и слугам бог дал умение мыслить,— уточнил свои взгляды Русин.— Я вам расскажу о том, что мне ведомо. В нашем государстве почти все леса принадлежат казне. Каждый год за продажу леса за границу казна получает десятки миллионов. Запасы лесов бесконечны. Можно продавать с каждым годом больше и больше и получать миллиарды рублей. Поэтому казне нет никакой надобности строить лесоперерабатывающие предприятия, лучше продавать лес кругляком, без всякого расхода.

— К тому же беспошлинно,— сострил Владимир.

— Вы правы, Владимир Власьевич... Но это получается опять-таки оттого, что у нас много леса и казне нужны деньги.

— Браво, браво, Иван Григорьевич! — зааплодировал Пипуныров.— У делового человека и разговор деловой!

Власий Спиридонович тоже хотел было похлопать, но, глядя на сына, воздержался. В комнате воцарилась неприятная тишина. Каждый думал про себя. Власия удивила сумма, получаемая казной от продажи леса. «А мы ползимы не могли договориться с отцом Кости из-за каких-то грошей. Сколько спорили, сколько сердились друг на друга!»

Власий имел в виду заключение контракта на заготовку сортового леса. Карп Пипуныров уже давно занимается этим делом, а Власий Сирвойтов взял небольшой подряд впервые. Он боялся просчитаться. Но не надо было бояться. Дела идут совсем не плохо. Каждый день прибывает на катище не один десяток бревен. Доход будет немалый.

Володе был непонятен сам Русин. Насколько ему известно, русские деловые люди рассуждают иначе. Им не по душе хозяйничание в России иностранного капитала; они недовольны и тем, что правительство мало тревожится о развитии отечественной промышленности и техники, в том числе и о создании лесобрабатывающей промышленности. Русин хотя и не защищал, но и не восставал против такой политики правительства.

Владимиру Сирвойтову знакомы статьи в газетах и журналах, где прямо сказано, что иностранный капитал чувствует себя в России как в колонии. В особенности это касается эксплуатации лесных богатств. Володя может привести факты — они собраны тоже из литературы. И не вообще, а о хозяйничании на севере Европейской России. Началось это еще в XVI веке, когда Россия наладила торговлю с иностранными государствами через Белое море. Вначале лес заготавливался для нужд кораблестроения. Вдоль Северной Двины и ее притоков, по рекам Вашке и Мезени истреблялась самая ценная древесина — так называемые «корабельные рощи». Из года в год, из века в век возрастали заготовки сортового леса. Кто же хозяева? Англичане, норвежцы, голландцы, шведы, французы, немцы, американцы и их агенты и компаньоны, живущие в России. В Северо-Двинском бассейне — Беломорская компания, куда входили в разные годы купцы Шольц и Нейре; лесопромышленники «Брант и К°», фирма «Ульсен-Стампе и К°»; торговый дом «Э-дес-Фонтейсов»; общество «Норд», которым руководит немец — барон Ферзен; лесопромышленное товарищество «Экономия», руководимое Костогоровым и норвежцем Линдесом. На Удоре и Вашке те же «Ульсен-Стампе и К°»; Геннеман, братья Пец, Карл Стюарт и другие. В бассейне Печоры опять «Ульсен-Стампен и К°», Альфред Лидбек, товарищество «Стелла Поляре» и другие. А что они делали, кроме того, что хищнически расправлялись с лесом, что создавали? Абсолютно ничего. Нет, молодой Сирвойтов не может молчать.

Тем временем Русин фон Стюарт мысленно оценивал сидящих рядом с ним людей — своих будущих по-

мощников. Костя Пипуныров, конечно, чересчур заискивает, но Русин понимает — отец приказал ему... Старый Сирвойтов какой есть, таким и останется. Его сын, смысленый и начитанный молодой человек, стремится жить своим умом, хотя еще не умеет пользоваться им, но научится. Главное — не ошибиться в выборе. Надо распознать плод по его завязи. Костя будет долгое время послушным исполнителем отцовской воли. Весь вопрос в том, в какую сторону будет гнуть отец. Надо полагать, что старший Пипуныров больше всего любит деньги, меньше — политику. Его даже можно рекомендовать в члены общества. Да, да! Это идея, черт возьми! Коми-лесопрмышленник — член англо-русского акционерного общества! Англо-русско-коми... Сенсация! Другое дело — младший Сирвойтов. В нем уже теперь теплится огонек надежды быть хозяином на своей земле. Это опасный огонек, и надо быть болваном, чтобы раздувать пламя. Это не в интересах акционерного общества и не совпадает с политикой иностранных дельцов. Это противоречит их принципу: «На чужой земле выбирай себе помощников либо из числа подхалимов, либо из тех, которые слабоваты умишком».

И Русин фон Стюарт решил: «Костя Пипуныров будет моим доверенным, а старый Сирвойтов — подрядчиком Пипунырова. Младший Сирвойтов пусть по-прежнему торгует — пусть мерит ситец, разливает керосин, деготь... Это неопасно».

Власий Спиридонович уже успел побывать на кухне. Дверь отворилась, и вместе с ним вошла Вера, неся на подносе стаканы с чаем.

— Замечательно! — воскликнул Русин, угнетенный неприятной тишиной. — Люблю крепкий чай! К тому же если его подает красавица!

Вера покраснела, поставила стаканы на стол и вышла. Она почему-то побаивалась и этого косоглазого барина и щупленького, с хриплым голосом щеголя, которого ее тетка Фекла считала уже чуть ли не женихом Сандры.

В гостиной завели граммофон. И потому, когда начали бить часы, Вера из-за шума не смогла сосчитать количество ударов. Конечно, идти на посиделки позд-

но. Проклятый дом, проклятая жизнь! За целую неделю Вере всего два удаётся выбраться из дому. Особенно много работы стало после ухода Федоры. Ох, и счастливая же эта Федора! Сумела вырваться, поселилась у стариков Пашко. Хоть бы сбегать туда на минутку! Но когда еще улягутся ненавистные хозяева...

На первом этаже кто-то разговаривал. Слышно, как спустилась с печи тетка Фекла. Она сегодня весь вечер греется — говорит, простудилась. Откуда в ней простуда-то?

В ожидании новых приказаний Вера снова стала рассматривать давно известные ей картины, висевшие на стене. Все так же страдали попавшие в ад грешники, все так же красива Киево-Печерская лавра. Эти две картины и пугали и радовали Веру. А вдруг что-нибудь помешает ей выполнить обет, данный перед богом? Ведь она непременно должна сходить в святые места! Иначе придется вечно вот так страдать в аду.

На столе, постепенно умолкая, посвистывал самовар, «молния» горела вполнакала, едва мерцала лампадка перед киотом. А в гостиной поставили новую пластинку.

— Господи,— тяжело вздохнула Вера,— когда же ты вызволишь меня отсюда?

На лестнице показалась тетка Фекла. Она нарядилась в праздничный сарафан, а лицо так и светится, расплывается в улыбке. Вера сразу поняла, что Фекла лечила свою «простуду» церковным вином. А когда купчиха навеселе, она меньше ругается.

— Поди-ка позови дядю,— улыбаясь, толкнула Веру Фекла.

Увидев жену принаряженной, Власий опешил:

— Ты же говорила, что больна...

— Дай ушко, Власий Спиридонович, комедию одну расскажу,— ухмыльнулась Фекла.

Хозяин слушал нашептывания жены и улыбался.

— Ну, не комедия ли? — спросила Фекла.

Власий почесал свою волосатую руку у запястья, а Вере показалось, что он собирается засучить рукава красной кумачовой рубахи.

— Они что же, вернулись с охоты? — спросил он, и лицо его сразу стало серьезным.

— Вернулись. Я все успела разузнать. Хвастают — много пушнины добыли, вот-де какой наш жених!

Говоря это, Фекла даже взвизгнула от смеха и взглянула на Веру. А Власий поспешил добавить:

— Ты, Вера, зайди-ка к гостям. Может, чего нужно.

Вера скрылась за дверью, а Фекла шлепнула себя по жирным бедрам и затараторила:

— С ума, наверно, сошла эта Марфа! Надумала сватать девку из купеческого дома! Ах, бессовестная! Да еще за кого — за полоумного парня! На посмешище нас хочет выставить... Тьфу!

— Потихе ты! Услышат.

— Пускай услышат! Может, постыдятся! — нарочно громко выкрикивала Фекла.

— Я не про них, про гостей говорю. Смотри, чтобы не узнали, — засмеют.

— Да ведь мы к ней как к родной дочери, — уже тише заговорила купчиха. — Что я буду без нее делать? Годиков этак до двадцати пяти и думать нечего о замужестве! Пусть поработает, не за спасибо растили. Сколько израсходовали на нее!

— Замолчи ты! — огрызнулся Власий. — Не о том речь. Беспокоюсь я о расчетах со Степаном. Так я его и не проучил. Скажи Марфе — пусть завтра же он зайдет ко мне. А чем похвастались, не забудь. Да скажи дурам-свахам, чтобы языки держали за зубами...

Власий уже хотел было зайти в гостиную, но жена удержала его:

— Знаешь, что они сказали? Младший-то ихний сегодня черно-бурую поймал.

— Илья, что ли? — не смог скрыть радости Власий, но, увидев в дверях Веру, не стал больше ни о чем спрашивать.

Вера поспешила вниз. А купец Сирвойтов важно вошел к гостям и объявил:

— Через пару дней, Иван Григорьевич, получите от меня ценный подарочек — черно-бурую лису!

— Bravo, bravo! — воскликнул Костя Пипуныров, и все, кто был в гостиной, зааплодировали.

О том, что Марфа ходила сватать Веру за Михаила, конечно, узнали на селе в тот же вечер. Такая новость распространяется с быстротой ветра.

— Слышала?

— Нет. А что?

— Да ты, видно, глухая!

У баб вдруг появилась необходимость сходить к соседкам за дрожжами, за теркой, за сухим поленом для лучины.

— Новость-то какая!

— Молчи уж, девонька!

Молодцам захотелось в метель сходить по воду.

— Слыхала? Знаешь?..

— Чудеса да и только!

— А как же с Ильей-то?

Громко шептались девушки на посиделках:

— И что же им ответили-то?

— Никто не знает.

— Хи-хи!.. Мы уж примечали. То-то долговязый гонялся за Верой!

— А по мне, лучше в омут, чем за Михаила идти.

— Бедный Илья! О чем он теперь думает?

— Что тут думать! На его глазах небось дело делается. Кабы жалел, отстоял бы.

К девушкам подошел сам жених — в новой заячьей шапке, в валенках с длинными голенищами, в новой дубленой шубе. Длинное Мишкино лицо улыбается, черные усики выросли, и сутулость вроде не так заметна.

— Михайло Степанович, садись между нами!

— Сюда иди, сюда, Михайло! Между нами садись. Никогда еще не сидел между нами.

— Да ведь и возле нас тоже не сиживал...

Все зовут, а никто не скажет — может, мол, в последний раз.

Но Михаила не обманешь сладким пряником. Он сам знает, к кому сесть. Украдкой он посматривает на девушек, ищет глазами Веру. Но Веры нет на посиделках. Ее, видно, не отпустили сегодня из дому, договариваются...

«А вы, сороки,— подумал он о девушках,— спохватитесь, да уже поздно. Пораньше надо было быть ласковыми. Теперь я на вас и смотреть не желаю!»

А девушкам забава, подталкивают друг дружку локтями: «Бедненький! Ведь и таким вот хочется жениться...»

В этот вечер на посиделки собрались у Кати. Дед Пашко перестал пускать молодежь к себе. У него с Матреной теперь большая семья, они теперь сына растят. Так прямо и говорят: сына, мол, растим!

Парни и девки сначала не поверили, думали — шутят старики. Да пришлось поверить. Прочь стал гнать их дед, даже близко к избе не подпускал. Прежде окна были у него худые — починил. Крыльцо покосилось — новое поставил. Пол теперь всегда вымыт до бела, печь занавешена, стены украшены разноцветными бумажками от конфет и картинками, вырезанными из старых журналов. Но это, конечно, уж дело рук Федоры.

Где же так долго задержалась Федора? Понесла заказ и пропала,— видно, угощают за хорошую работу. Кто бы мог подумать, что бывшая батрачка Сирвойтова такая замечательная рукодельница! Женщинам она вяжет платки, мужчинам — шарфы. А какие же они мягкие и теплые! Нитки-то ведь не из одной шерсти прядет Федора, а прибавляет заячьего пуха. Да и кружева у нее с необыкновенными узорами, никто такого узора не свяжет,— видно, так делают у татар.

Бабушка Матрена, и та у Федоры учится, тоже вяжет теперь шарф маленькому Федору.

Над столом горит лампа, бабушка Матрена сидит на самом светлом месте, а чуть поодаль дед Пашко и маленький Федор играют в «бабки».

У деда целый мешочек костей. Он их еще в молодости собрал. Одни выкрашены луковой шелухой, другие — травой-плауном, третьи — ольховой корой. А некрашенные так потемнели, что тоже кажутся выкрашенными.

Играли на щелчки. Сколько бабок проиграешь, столько получишь щелчков по лбу.

Попасть одной лодыжкой в другую тоже надо щелчком. Маленький Федор уже наловчился. Тонень-

кие пальчики малыша будто пружинки. Вот лежат две косточки. Далековато одна от другой. К тому же еще мешают другие кости. Трудная задача! А попасть надо, иначе проиграешь. У Федора надуваются щеки, рука приготовилась было к щелчку, да вдруг поднялась к головке с белыми, как лен, волосами... Нет, проиграть никак нельзя!

— Деда,— наконец заговорил малыш,— ты ведь знаешь, как надо щелкнуть эту? Скажи, деда!

— Я-то, конечно, знаю,— отзывается дед Пашко,— да ведь мне что, не мой лоб...

Федор снова стал упрашивать.

Тут за мальчонку вступилась бабушка:

— Что ты мучаешь маленького?

— Ладно, покажу,— сразу соглашается старик.— Гляди, этой лодышкой щелкну в эту, а та уже попадет вот в эту, а она толкнет ту, в которую и надо попасть.

— Бахвалишься, старый, бахвалишься! — отложила вязанье Матрена и стала наблюдать за игрой.

— В молодости, бывало, пятой бабкой в нужную попадал...

Матрена придвинулась ближе. Как у неоперившегося галчонка, сверкали глаза у мальчика.

— Проиграешь, старик! За это придется тебе десяток щелчков принять.

— Не мешай, старуха! Руки, конечно, не те, видишь, трясутся.

Дед Пашко в самом деле боялся, что не попадет, и потому долго целился.

— Ну, гляди... Раз!

— Ой, старик! — взмахнула руками Матрена, а Федор запрыгал на лавке от радости.

— Давай, деда, лоб, давай! Сколько раз, баба?— звонким голоском выкрикивал разругавшийся Федор.

— Договорились-то как? По десять? Десять раз и щелкнем.

Деду деваться некуда, проиграл — подставляй лоб.

— Куда щелкать, баба?

— В самую лысину, сыночек.

— У него же вся голова лысая...

У деда глаза закрыты, лоб сморщен, точно гармошка.

Мальчик внимательно разглядывал старика и вдруг воскликнул:

— Деда, у тебя борода в носу выросла! Постой, я выдерну.

— Ну, дергай, сынок, дергай,— не открывая глаз, проговорил дед Пашко.

Федор схватил вылезший из ноздри пучок волос да как дернул!

— Ах ты, сто чертей! — подскочил дед Пашко, стукнув под столом своей деревянной ногой.— Даже искры из глаз посыпались!

Мальчик испугался и отбежал в угол, а бабка Матрена хохотала до слез.

— Да ведь надо же такое придумать: «Борода, говорит, в носу выросла...»

Ну и Федор! Сам бог, видно, дал им на старости лет такую отраду! И жизнь-то словно посветлела, и в доме стало весело и радостно, и умирать теперь неохота.

— Полоумный старик,— заворчала бабушка Матрена,— этак перепугал мальчонку... Подставляй лоб, ничего тебе не сделается.

Федор глубоко вздохнул и снова подошел к деду. После каждого щелчка дед Пашко делал такое лицо, будто его били обухом. Мальчик щелкал и смеялся и почему-то вдруг вспомнил, как дяденька в длинной и красивой одежде, которого зовут попом, поднес деду целовать крест. Это было в церкви, когда маленького Федора крестили,— дед и баба хотели, чтобы он стал христианином. У деда тогда тоже были глаза закрыты, и поп, прежде чем дать ему целовать крест, осенил его крестным знаменiem. Вот и Федору теперь захотелось сделать то же самое.

— Баба, посмотри, что я еще умею.

Дед Пашко приоткрыл глаза.

— Ты только не дергай,— быстро сказал он, но тут же увидел, как мальчик перекрестил ему лицо.

Старик со старухой смеялись так громко, что, когда пришла Федора, она даже задержалась у порога.

— Что опять натворил баловник? — спросила она.

Но дед и бабка так смеялись, что долго не могли рассказать, в чем дело.

Федора разделась, стряхнула с шали снег и вышла из-под полатей. За последнее время она заметно изменилась — лицо округлилось, яснее стали карие глаза. Только осталась в ней прежняя робость, какая бывает у людей, испытавших большую беду. Ей до сих пор не верилось, что она избавилась навсегда от этой беды. Боязнь всего и недоверие ко всему сказывались не только в разговоре Федоры, но и во всех ее повадках, во всем ее облике.

Бабка Матрена сразу заметила, что их приемная дочь чем-то встревожена. Она положила вязанье и пошла за занавеску. Дед Пашко наострил уши. Он слышал, что Федора что-то нашептывает Матрене, а дед не признавал в своем доме никаких секретов.

— Ну-ка, бабы, выходите сюда! Что там у вас такое? Кто умер, кто воскрес? Или, может, кто женится?

— Ты, старый, угадал, — вышла из-за занавески Матрена, — люди сватаются. — И Матрена рассказала ему, что слышала.

Дед Пашко стал быстро собирать рассыпанные на столе бабки.

— Тьфу! — вдруг плюнул он. — Марфа-то каким местом думает?

За занавеской послышалось тихое всхлипывание. Маленький Федор выскочил из-за стола и побежал к матери.

— Тебя большая тетя отругала? Скажи, мам... — стал утешать Федору сын. «Большой тетей» он называл Феклу и думал, что все беды на земле исходят только от нее.

Но у мальчика были теперь защитники, которые не только сами не боялись «большой тети», но и ему велели не бояться. — Мам, скажи... Ты не плачь! Когда я вырасту большой, я сам ее отругаю!

— Господи! — всплеснула руками Матрена. — Да кто же это его научил? Конечно, ты, старик.

Пашко улыбнулся.

— Его учить не надо, своя голова имеется. Подрастет — все будет понимать.

Бабушка отвела малыша от матери.

— Бай-бай тебе пора, время позднее.

— А почему наша дочка печалится? — спросил Пашко. — Радоваться надо, скоро свадьба будет, — повеселимся, — а она слезы льет.

— Будет тебе, старый! — расстилая постель для мальчика, сказала Матрена. — Сам ведь знаешь, в чем дело. Молодые-то сердца жалостливее.

Дед Пашко, конечно, знал кое-что, а потому и понимал — Илью и Веру может разлучить только могила. Но Федоре-то какое дело до этого?

— Я тебе, старый, не все сказала, — снова заговорила бабушка Матрена и вполголоса начала рассказывать, как Вера обещалась сходить ради Ильи ко святым местам. — Только ты смотри, чтобы этот разговор вместе с собой в могилу унес.

Старик осуждающе посмотрел на свою старуху: что, мол, ты, не знаешь меня?

Федора вышла из-за занавески с покрасневшими глазами.

— Пойдем, баловень, спать, — сказала она и взяла сына на руки.

Все думали об одном и том же. Ведь что получается? Марфа хочет искалечить жизнь своему сыну. Конечно, никто не верил, что Вера согласится выйти за Михаила, но рана нанесена обоим — и Илье и Вере.

Обещание девушки сходить к святым местам ошеломило Пашко. Но дед многое повидал на своем веку, о многом передумал и привык каждое дело рассматривать и с лица и с изнанки. Ладно сделает девка, если сходит до Киева, — хоть белый свет повидает, жизнь поймет. Немного небось пользы гнуть горб на Власия.

— Когда же собирается Вера? — спросил он.

— Разговора у меня с ней не было, — ответила Матрена. — Мне про это Федора сказала.

Федоре было неловко оттого, что она выдала тайну подруги.

— Вы хоть самой Вере ничего об этом не говорите, — попросила она.

— Полно тебе, Федора! — успокоила ее бабушка

Матрена.— Кому же о ней позаботиться? — И глубоко вздохнула.— Много, бабонька ты моя, сирот на земле, да мало кто жалеет их.

— Надо сказать Вере, чтобы зашла к нам,— решил дед Пашко.— Сейчас самое время отправляться ей в путь-дорогу. Пусть сходит, ей оставлять нечего, все с собой.

Они все втроем сели за стол и стали толковать, как бы лучше снарядить Веру в дорогу.

А в это время Илья, избегая посторонних глаз, уже успел зайти в кабак. Он купил сороковку вина, выпил ее в темных сенях, выбросил на улицу пустую бутылку и отправился искать посиделки. Усталости словно и не бывало. Илья шагал вдоль домов, поглядывая на тускло светившиеся окна. Сначала он старался обходить сугробы, но, постепенно хмелея, пошел напрямик — ему теперь любая дорога казалась ровной. Он чувствовал, как в нем растет сила, небывалая, злая сила, готовая все смести вокруг, все опрокинуть.

Вот и посиделки. Илья огляделся. Мутно кругом и будто жарко. Он бросился к крыльцу, схватился за столб, хотел было его опрокинуть, но раздумал — столб тут ни при чем, он не виноват. Илья вошел в избу, широко распахнув низенькие двери, и прошел прямо на середину. Похожий на огромный снежный столб, он мрачно оглядел всех.

Все молчали. Они знали, что Илья пьет редко, а сегодня выпил с горя. Девушки усердно пряли, парни сидели заслоненные прялками. Илья видел не только кто где сидит, но и у кого какие думы написаны на лице. Парней собралось мало — одни еще промышляют зверя, другие — на заготовке сортового леса, третьи ушли в Богослов пилить дрова. Не было тут и друзей Ильи.

«А ты чего боишься, Катя? — подумал Илья.— Стыдно стало, что когда-то величала меня с Верой?»

Катя сидела на скамье возле печи, рядом с матерью.

«Нет, вы не виноваты передо мной!» — подумал Илья и еще раз огляделся.

Девушки звали Илью, просили сесть рядом. Но он уже увидел брата. Михаил сидел съежившись в красном углу, из-за соседей чуть высывались его колени. Там же, между девушками, сидели Кондратий и Никон.

— Тебя, Илья, оказывается, надо поздравить с черно-бурой лисой,— заговорила одна из девушек.

— Счастливый ты человек, Илья,— добавила другая.

Илью словно обожгли эти слова.

— Кто говорит «счастливый»? А? — Он вроде бы обрадовался, что нашлось к чему придраться.— Кто это сказал?

Илья шагнул в сторону красного угла. С него падали комья подтаявшего снега.

— Ты чего куражишься? — своим блеющим голоском бойко спросил Никон.

Илья сорвал с себя шапку и швырнул ее на пол.

— Я куражусь?

— Но-но,— вмешался Кондратий,— ты, парень, тут не шути!

— Не шучу я сегодня! — топнул Илья.

— Ты, это самое... чего так стучишь? — осмелел и Михаил.

Но Илья, видно, только этого и ждал. Он схватил брата за плечи и с силой рванул его к себе. Михаил за что-то зацепился ногой и, если бы не крепкие руки младшего брата, растянулся бы на полу.

— Это самое...— хотел было что-то сказать Михаил, но Илья так встряхнул его за грудки, что у того голос прервался.

— Смотри на меня! Слышишь?

Все видели, как у Михаила дрожат колени.

— Прямо в глаза смотри!

Илью душила все нарастающая злоба, он выговаривал слова так, словно с кровью отрывал их от себя.

Михаил все понял. Илья не простит ему того, что он вместо брата охотился, что прятал тогда носовой платок, что сватался к Вере... Но ведь он-то, Мишка, старший. Не оплошает же он перед людьми, дурной силы у него хватит.

— Ну и что? Смотрю... Думаешь, боюсь тебя?..— И он схватил Илью за грудь, глядя на него сверху вниз.

Все затаили дыхание. Что же будет?

— А ты хорошенько смотришь? — не унимался младший.

Кудрявые волосы Ильи спутались, мокрый снег так и отлетал от него во все стороны. Но и Михаил не хотел выглядеть трусом.

— Да, я хорошо смотрю. И все вижу, все понимаю, из-за чего злишься.

— Хорошо, говоришь? — еще раз спросил Илья, рванул брата на себя и приподнял его.

Михаил дрыгнул длинными ногами, прокричал что-то и, уже летя под полати, задел растопыренными руками трубу маленькой печурки. Он грохнулся у самого порога, с треском разлетелась на звенья железная труба, многоголосо ахнули девушки:

— Дьяволы!

— Трубу-то...

Но это оказалось только началом. Михаил поднялся, встали Кондратий и Никон. Вот когда представилась возможность Кондратию и Никону расправиться со своим противником!

Илья сбросил с себя шубу. Девушки жались друг к другу, Катя спряталась за мать.

— Идите на улицу, там сколько угодно деритесь. Слышите?

Парни надвигались на Илью спереди и сзади. Ноздри у Михаила раздувались, ободранный кулак сжимался.

— Ты так... это самое... Ты так хочешь?

Нельзя было терять ни одного мгновения. Илья круто повернулся и ударил Кондратия по лицу. Тот пошатнулся, а слабосильный Никон сразу же застонал в руках Ильи. Но Михаил тоже не зевал... Еще громче завизжали девушки. Развалилась маленькая печурка, зазвенело оконное стекло, громыхали железные трубы, все в избе гремело. Никон убежал, Кондратий обеими руками ухватился за свой разбитый нос.

Братья стояли друг против друга. Оба они были в саже, высыпавшейся из трубы.

— Ну что, хочешь еще, жених? — Илья тяжело дышал. — Хочешь еще?

У Михаила был такой взгляд, будто против него стоял злейший враг. Его жесткие волосы торчали, как петушиный гребень, руки, вылезавшие из коротких рукавов, были растопырены, да и сам Михаил был похож на драчливого петуха, который готов броситься на противника, но не смеет.

— А ты, это самое... не хочешь? Ты не хочешь?

Все-таки, наверно, интересно было смотреть на них, потому что убежали не все.

— Давай, давай! — крикнул кто-то с печки. — Из-за Веры не грех и подраться.

Услышав имя Веры, Илья вздрогнул, глянул на печь и тут же бросился на Михаила. Тот и пикнуть не успел, как очутился под братом. Михаил хрипел, отбивался руками и ногами, наконец он извернулся, вырвался из рук Ильи и кинулся к двери. Илья не погнался за ним.

— А там кто? — посмотрел он на печку. — Кто там дразнится?

— О господи! Ну и разбойник...

— Разбойник, говоришь? — Илья заглянул через брус. — Я разбойник?

С печи из-за угла на него смотрели испуганные, умоляющие глаза.

Вдруг плечи у Ильи будто ослабели и сам он весь размяк.

— Я... не разбойник, — сказал он спокойно и отошел от печи.

Напуганные парни и девушки выбежали из избы.

— Я не разбойник, я Дубровский, — уже сам себе сказал Илья.

На вымазанном сажеей полу валялись кирпичи и звенья железной трубы, скамейки были перевернуты, в разбитое окно врывался холодный пар, хотя кто-то успел заткнуть дыру тряпьем.

— Не хотел я этого, не хотел! — Илья схватился за голову и шагнул к печке, где молча стояли Катя с матерью. — Бей меня, тетка Христина, ругай самыми последними словами, но я...

Илья замолчал, у него перехватило дыхание.

Он не прятал от них своего лица, и Катя смотрела на него широко раскрытыми от удивления глазами: этот смелый и бойкий парень сейчас плакал.

— Мама,— обняла Катя тетку Христину,— Илья не виноват. Мама...

Но у самой Христины тоже выступили на глазах слезы. Ничего не говоря, она начала прибирать в избе, чтобы до прихода свекра навести порядок.

Илья сел на пол, опустил голову и, обессиленный, повалился на бок. Что же ему теперь делать? Пока он сделал все, что мог...

ПЕРЕСУДЫ И ПУТИ-ДОРОГИ

1

Что бы Илья ни делал, с кем бы ни встречался, а чувство стыда за свое буйство на посиделках не покидало его. Особенно глупо все это получилось потому, что волнения за Веру были напрасны. В самом деле, какой же Михаил жених для Веры? Ему и в более бедных домах отказали. После Власия мать с Аксиньей то в один дом заходили, то в другой, сватали Михаила весь мясоед, да так и не смогли найти ему невесту. Вот уж было о чем посудачить бабам!

— Не стыдится ведь добрых людей,— осуждали они Марфу,— самых хороших девушек сватает.

— Чего же ей стыдиться? Отдадут — ладно, не отдадут — тоже ладно. Ноги-то небось свои.

— Ой, Марфа, Марфа! Придется ей, видно, в другое село идти,— может, там в какой худой избе сватает.

Но в другое село Марфа не захотела идти — отложила женитьбу сына до весны.

Прошло время, и бабы стали уже об этом забывать. Степан перестал сердиться на сыновей, и братья снова примирились. Но сердце Ильи не успокаивалось. Теперь другие заботы угнетали его. Илья крепко скучал по Вере, которая еще зимой покинула Важгорт и отправилась к святым местам.

И вообще жизнь была не мила Илье. Больше всего его угнетал Власий. Ведь Илья знал, что весь охотничий промысел, в том числе и шкурку черно-бурой лисы — последнюю надежду молодого парня на покупку гармошки, — забрал за полцены Сирвойтов. Конечно, отец не до конца объяснил сыновьям, как обстояло дело. Но Степану деваться было некуда: он ведь сам обязался продать Власию весь промысел — об этом записано в бумаге. Будешь упираться — засудят, упрячут в тюрьму. Так угрожал ему сам Власий. Власий Сирвойтов припомнил все: и то, как Степан продал добычу Бикмедову, и сколько он, Сирвойтов, от этого убытку понес... Но Власий Сирвойтов, видите ли, человек не злопамятный и может простить Степану его вину, если тот не будет упрямиться и завтра же принесет ему всю добычу, в том числе и чернобурку. Степан, конечно, перепугался, когда ему пригрозили судом, и поторопился отнести Власию добычу. Важно было избавиться от беды: суд и тюрьма казались ему страшнее смерти.

Пришла весна, холодная и сухая. Оголенная земля порыжела, серым был лес, больными казались пашни с бледной озимью. В половодье река так и не вышла из берегов, а тихие места не раз затягивались ледком. Только и слышно было, как свистит на пустырях северный ветер. Громко вздыхали перед образами люди, считая себя в чем-то виноватыми. Хоть бы скорее распустились листья — скоту стало бы легче. Почки начали было разворачиваться, но так и застыли. Не звенела широкая парма певчими голосами, молчала прибрежная птица, редко кричали журавли, бродящие по болотам.

И будто нарочно, чтобы еще больше разжалобить людей, Михаилу наконец нашли невесту — певунью Катю.

Катя не упиралась, не перечила матери, а та хорошо понимала, что ждать лучшего жениха не приходится: не славилась невеста ни хорошей родней, ни большим приданым, только и было у нее что красивый голос, да еще умела Катя как-то особенно причитать.

Это было не пустое причитание, это была печальная песня о бабьей доле. Послушать Катю приходило столько женщин, и старых и молодых, что их избойной раз бывала набита людьми, как овин снопами. Даже Катина мать не умела так красиво причитать, хотя ее приглашали ради этого почти на каждую свадьбу. Дочь унаследовала от матери прекрасный голос, переняла у нее все, что та знала, но, кроме того, у Кати был необыкновенный дар: слова песни складывались у нее сами собой.

Илья зашел на девичник как раз в то время, когда Катя пела. Это была печальная песня — прощание с юностью; это был плач об утраченной свободе, это было свадебное причитание. Он пробился вперед и с удивлением остановился, окруженный женщинами: заплаканные, они почти все держали у рта концы платков.

«Ну и народ! — подумал Илья. — Недаром говорят, что у баб глаза на мокром месте».

Невеста сидела на скамье перед печью. Лицо ее было закрыто белым платком, тонкое тело наклонилось вперед, маленькие руки в такт песне то поднимались, то опускались на колени. Возле нее с обеих сторон сидели плакальщицы, они подпевали, помогали невесте.

Илья вспомнил тот день, когда у них в доме собрались девушки и Катя пела о бесстрашном парне-охотнике, убившем медведя. Тогда у нее светились радостью глаза, будто колокольчик звенел голосок, и было в ней что-то свободное, влекущее, о чем Илья не сумел бы рассказать.

А сейчас голос Кати звучит приглушенно, усталое тело гнется, точно вербонька на ветру, а лицо закрыто мокрым от слез платком. Илья и не заметил, как стал вслушиваться в слова песни. Он слушал, и перед ним возникали печальные картины: то он видит, как бьют его мать только за то, что она, молодая и красивая, не хочет расставаться со своим любимым; то он прощается с Верой, отправляющейся в далекий путь; то ему представляется Катина жизнь, когда она будет называться женой Михаила. До чего же ему стало грустно от всего этого! Наверно, и женщины плачут

не только от жалости к Кате, они плачут от собственных горестей. Так думал Илья. И он был прав.

Катя плакала, охваченная печалью, и сама не подозревала, как удивительно она выражает свои думы и чаяния, подыскивая самые точные, самые нужные слова. Ведь то же самое чувствовали и другие, только выразить не умели. А Катя так искусно вплетала слова в песню, так искренне плакала, что женщины и ее жалели и проливали слезы над собственной безрадостной жизнью. Одни из них вспоминали прошедшую молодость; другие горевали, вспоминая грозного свекра; третьи заливались слезами, проклиная вечные побои нелюбимого мужа. А ведь все они тоже были когда-то любимыми детьми своих родителей, все они носили имя отца, утерянное после замужества...

Илье жалко стало Катю, и он, боясь не сдержать слез, ушел. Такой уж у него характер: то рассердится, то из-за пустяков разжалобится до слез.

Таким он был и в день свадьбы брата.

...Пир шел горой. В красном углу сидели самые дорогие гости, поближе к печи — песельницы, за столом у дверей — дальняя родня, под полатами тоже был накрыт стол — туда садились все, кому не лень. Были и просто зеваки; эти толпились в задней части избы, свешивались с полатей, глядели с печи. Они с интересом следили за гостями, строго оценивали жениха с невестой, расхваливали рушники, развешанные по стенам.

Илья помогал отцу, командовал дружками и каждый раз, выходя из другой комнаты, бросал взгляд на молодую чету. Жених сидел в новом пиджаке и белой рубашке с широкой вышивкой на груди; непослушные волосы его были обильно смазаны церковным маслом, и весь он блестел. Черные усики его, как всегда, подрагивали. Но сам Михаил, казалось, одеревенел. Голова, руки, узкие плечи словно застыли. Он смотрел куда-то вперед, но куда именно — неизвестно. Видно, крестный Василь велел ему так смирно сидеть. А Мишка, конечно, перестарался.

Катя едва виднелась из-под стола; на нее, как нарочно, падала тень от божницы, и от этого она казалась еще меньше. На все легла тень — и на шелковую

шаль, в которой еще ее мать когда-то венчалась, и на бусы в несколько рядов, и на похудевшее лицо. Только Катиних глаз не коснулась она. Глаза ее будто стреляли то в один угол, то в другой. Катя и тут не могла унять свое желание все видеть. Рядом сидела крестная, она время от времени толкала Катю коленом, чтобы невеста не глазела по сторонам.

С первой же рюмки начали кричать «горько». Илья тут же выскочил из соседней комнаты, чтобы посмотреть, как будет целоваться Мишка.

— Горько, ребята, го-о-орько! — кричали гости.

Всем хотелось видеть, как долговязый жених согнетса, чтобы поцеловать маленькую Катю.

— Ох, и горь-ко-о!

Молодые поднялись. Катя запрокинула голову и улыбнулась мужу. Илья не ожидал такой улыбки, и его будто даже что-то укололо в сердце. А он еще жалел Катю, чуть не заплакал, слушая ее причитания... «Неужто и тут обман?»

Когда Михаил стал наклоняться, ноги его никак не хотели уместиться под столом, и ему поневоле пришлось повернуться боком.

Катя опять улыбнулась. Илья не стал ждать, когда брат поцелует жену, и бросился в другую комнату.

— Ты что блажишь, друг? — спросил его Мирон, который нарочно пришел с хутора на свадьбу Михаила и был старшим дружкой.

— Сам не знаю, что со мной делается, — тяжело дыша, ответил Илья. — Места себе не нахожу, и все тут.

— А ты маленько выпей, — посоветовал Мирон, — тогда легче будет.

— Плохой совет ты мне даешь, Мирон. Я больше никогда пить не буду.

Но на второй день свадьбы Илья все же напился и пьяный опять учинил драку. Он и Мирона ударил, когда тот пытался его выручить.

А потом так было стыдно, что хотелось куда-нибудь убежать. Неделю он не разговаривал с друзьями, хотя каждый вечер выходил из дома. Только когда отец послал сыновей и молодую сноху рубить подсеку, Илья вздохнул свободнее: в лесу его никто не увидит.

Угодья для подсек у Степана Матвеевича были тоже по Кузьдавской дороге, на берегу ручья, впадающего в Симву. Он работал здесь со своей семьей уже много лет, на месте старых, более влажных подсек сделал пожни, расчистил пойму ручья, и теперь молодая чета и Илья пришли сюда как домой: на берегу ручья стояло целое хозяйство — срубленный из бревен двухскатный шалаш и навес для хранения разной утвари и пищи.

За работу принялись усердно. Спустя несколько дней густой смешанный лес был повержен на землю.

Тутш-татш, тутш-татш, три-и-инь, — пели остро отточенные топоры. Клонясь к земле, поскрипывали березы и осины, шелестя распутившейся листвой; мягко ложились на землю ели и мелкие пихты; с шумом падали большие деревья; а самые толстые братья не трогали — пусть стоят: когда тут посеют хлеб, они будут оберегать рожь от заморозков.

Все трое рубили на одном участке: Илья — в глубине, Михаил — рядом с ним, Катя — с самого края, где лежал уже ранее поваленный лес. Молодуха часто забывала вовремя поддержать кренящиеся не в ту сторону деревья и кричала уже в момент падения:

— Эй, берегитесь! Зашибет!

Михаил порой едва успевал отскочить в сторону.

— Ты, это самое, зенки не захватила с собой, что ли?

— Ой, я же... Ветер ведь осилил.

— Ветер, ветер! — передразнивал жену Михаил. — Тебе всегда ветрено, чивочка немошная!

Он и сам не знал, что такое «чивочка», но, по его мнению, в этом слове было столько пренебрежения, что никакое другое не могло так унижить бедную Катю. Не раз рассерженный муж бросался на нее с поднятым топором.

— Навязалась же ты, это самое, мне на всю жизнь! — уже присмирив, ворчал Михаил и принимался еще усерднее рубить лес.

Илья не вмешивался в отношения молодоженов — сами разберутся. Если будешь защищать Катю, ей же хуже придется. Иногда хотелось поговорить с ней, хотелось защитить ее, но... Катя теперь уже не прежняя

Катя, не хозяйка она над собой, как раньше, когда ходила в девках.

Михаил хорошо знал, что мужья — хозяева над своими женами: об этом он часто слышал от людей постарше, то же самое сказал и поп, когда венчал их, так сказали и родители, укладывая их вместе в день свадьбы. А что же Михаил, дурак, чтобы отказываться от власти? Хватит быть для всех батраком, он и так много обид перенес. Надо и самому потешиться.

— Эй ты, чивочка, живей пошевеливайся! — покрикивал он на жену, если она не успевала ему вовремя подать одежду. — Или красивые слова для причитаний подбираешь?

Для мужа — чивочка, для свекра со свекровкой — молодуха, для людей — Мишкина жена, или просто Мишиха, словно и не было времени, когда Катя ходила приплясывая и плясала прохаживаясь, и остались то у нее только худенькие руки да ноги, изнуренное лицо да перепуганные глаза. Но, несмотря ни на что, Катя считала себя замужней женщиной, и у нее уже несколько дней чесался язык поговорить с Ильей о Верре. Ей хотелось знать, слышал ли Илья нехорошие разговоры про Веру. Об этом ей особенно хотелось рассказать Илье еще и потому, что он каждый вечер и каждое утро мастерил новую прялку.

Вернувшись с работы в шалаш, Илья принялся украшать прялку резьбой. Михаил, как и полагается настоящему хозяину, посмотрел на лапти жены и, увидев, что они начинают расползаться, не говоря ни слова, отправился искать липу, чтобы завтра с утра, до работы, починить обувь. Катя варила похлебку. После ухода мужа она стала поглядывать на Илью.

— Хороший же ты хозяин, Илья, на все руки мастер. Точно игрушка прялка-то получается, — начала Катя. — А мой Михайло топорища по-настоящему не умеет сделать. Вот погляди, что стало с руками от его топорища. Кровавые мозоли набила...

— Как же ты работаешь? — удивился Илья. — Ну-ка, дай сюда топорище, я его подправлю.

— Что ты! — испугалась Катя. — Если Михайло узнает, голову мне отрубят. Он и так уж говорит, будто я на тебя ласково поглядываю... А когда ложимся,

повернусь спиной, он так ущипнет, что искры из глаз сыплются.— Катя засучила рукав кофты и показала Илье руку, покрытую синяками.— Долго ли, кажется, живу с ним, а вон чего наделал! Таких вот синяков и на спине полно... И щиплет-то словно раскаленными щипцами.

— Вот зверь! — сердито проговорил Илья.— Погоди, я его хорошенько отругаю за это!

— Ой, Илья, Христа ради, ничего не говори! — взмолилась Катя.— Этак ты мне не поможешь.

Илья подумал, что и правда, разговором с Мишкой дела не поправишь, и снова склонился над прялкой. Но Кате уж очень хотелось потолковать о Вере. Она помешала суп в котелке и спросила Илью:

— Для кого стараешься?

— Завидуешь? — улыбнулся Илья и посмотрел на Катю.— А я вот тоже завидую... твоему красивому голосу. Только ты теперь слишком жалобно стала петь. От твоих песен, молодуха, сердце печалится.

У Кати радостно блеснули глаза: Илья, оказывается, слушает ее песни!

— Хоть бы ты, Катя, разок по-прежнему весело спела! Помнишь, зимой, когда собирались у нас? Помнишь? Ох, и весело было!..

— Так то зимой,— тяжело вздохнула Катя.— а теперь весна. Весной всегда печальнее.— И, чтобы пояснить эти странные слова, Катя добавила: — Весной даже тварь бессловесная и то больше скучает. Вот и лошадь, приведенная издалека, бежит в старые края чаще всего весной... Ничего мне не жалко, только мало пришлось в девках погулять.

— Только и всего? — удивился Илья.— А муж?

— Что муж? — не поняла Катя.

— Ведь он над тобой измывается!

— О господи, да ведь я не одна такая! Первые годы всегда так бывает. На то и муж, чтобы его бояться.

— А коли всю жизнь будет измываться?

— Всю-то жизнь не будет,— рассмеялась Катя,— к старости сыновья и дочери защитят.

Илья глянул на Катю, хотел было что-то сказать, но снова склонился над прялкой.

— Так и не сказал, Илья, кому прялку-то делаешь? — не отступалась Катя.

— Как кому? Разве не знаешь? Я ведь не цыган, чтобы менять. Вот вернется — и отдам ей.

— Вере, значит, делаешь?

— Ага!

— Ну, делай, делай...

Илья почувствовал в голосе Кати осуждение.

— Не нравится, что ли?

— Нет, конечно, — брякнула прямо Катя. — Теперь твоя Вера уж не стоит таких прялок.

Илью словно кто ножом пырнул в спину, и он зло посмотрел на Катю.

— Ты, молодуха, что-то неладное говоришь...

— Не я, а народ говорит. Видно, ты один ничего не знаешь.

— Постой, постой! — опустил прялку на землю Илья. — Что-нибудь плохое?

Катя рассмеялась.

— Ох, и хитрющие вы, парни! Сначала соблазните бедную девку, а потом, если что случится, невинными ангелами прикидываетесь.

Лицо у Ильи потемнело. Он с трудом сдерживал себя, но в то же время понимал, что только Катя может ему рассказать все, что слышала от людей.

— Ничего не скрывай, — приказал Илья. — Ты не скажешь — другие скажут. Хуже будет.

Мысленно Катя уже раскаивалась, что затеяла такой разговор. Но молчать теперь было нельзя.

— Мне-то что, — виновато начала она, — за что купила, за то и продаю... Говорят, неладно твоя Вера жила, потому, мол, и убежала из дома. Да ведь как не убежишь — стыдно.

— Чего стыдно-то?

— Будто и не знаешь?.. У девок один грех бывает.

— Брехня! — крикнул Илья. — Все брехня! Вера ушла на богомолье.

— Чего вымаливать-то? — удивилась Катя. — Вера-то ни разу в жизни не жаловалась, ни руки, ни ноги, ни глаза, ни уши у нее не болели. Ну, сам посуди! — И Катя снова рассмеялась. — Ясное дело, не станет она говорить людям: вспучило, мол, меня, уйду рожать

от вас подальше... Даже тебе, наверно, не сказала. Нет ведь?

— Не смейся, молодка,— поднялся Илья,— а то я за себя не ручаюсь...

— В самом деле, видно, виноват, потому и злишься. А если не ты виноват, так другие виноваты. К такой статной девке мужики льнут, как мухи к меду. Мало разве у Сирвойтовых людей бывает... Ну что, еще рассказать чего-нибудь?

Илья не просил, но и не останавливал Катю. Только капельки пота выступили у него на лбу и высоко вздымалась грудь под расстегнутым воротом рубахи.

— Тетка Фекла, говорят, и близко к дому ее теперь не подпустит. До нее, понимаешь ли, дошло, что Вера тайком брала лошадей и привозила доктора тебя лечить.

— Кто же им сказал? — Илья оглянулся на Катю.— Ведь об этом почти никто не знал.

— Да ведь всегда так бывает, сначала вроде никто не знает, а потом узнают. Для чего же язык-то у людей? Неспроста говорят: «Один рот и рукавицей заткнешь, а коли много ртов, и одеяло не поможет». О господи,— вдруг понизила голос Катя,— Михайло идет. Оставим пока...

Илья поднял с земли прялку и отнес под елку, что росла за шалашом.

Солнце еще не успело сесть, оно укрылось где-то за лесом. Воздух был насыщен терпким запахом молодых листьев и трав, многоголосый птичий хор оглашал всю местность. Где-то циркало, словно кто-то доил корову, где-то звенело, где-то человеческим голосом выговаривали на языке коми: «Пыштэ кедзин? Пыштэ кедзин? — Лен посеял? Лен посеял?» А где-то усердно твердили по-русски: «Конь добряк, конь добряк». Ближе к ручью изощрялся в замысловатых трелях колиб — северный соловей. Птицы радовались, восхваляя на все лады природу за то, что теплыми стали леса и воды, за то, что чисто стало вокруг, за то, что много на свете вкусных жучков да букашек.

Только Илье вдруг все опостылело. За ужином он ел лениво, вместо того чтобы отдохнуть в шалаше, растянулся на покатом берегу ручья. Он лежал на спине

и смотрел в бездонное синее небо. Там висели тоненькие, перистые облачка, а под ними то в одну, то в другую сторону летали ласточки, казавшиеся черными точками.

Илья не верил Катиным словам — они были слишком страшны. Но ведь и вправду Вера не сказала Илье, ради чего пошла на богомолье. Значит, она и в самом деле что-то таила. Прощаясь, она сказала Илье: «Мои мольбы услышал господь бог, а я обещала ему сходить на богомолье ко святым местам. Теперь я не могу взять обратно свое слово. А когда вернусь, все расскажу... Если, конечно, не забудешь меня, если по-прежнему будешь любить». Илья тогда удивился: как это забыть? Только бы она благополучно вернулась.

Не было никаких причин плохо думать про Веру, совсем не было. А теперь?..

Да, да, если он не виноват, может быть, виноваты другие... Нет, не может этого быть!..

Стали одолевать комары. Совсем рядом закуковала кукушка: ку-ку-ку-ку! Ку-ку! На близком расстоянии ее голос казался чуть осипшим, но эхо, доносившееся с противоположного берега ручья, было звонкое и чистое: ку-ку, ку-ку!

Катя спустилась к ручью вымыть посуду. Михаил возился у шалаша с принесенной липой. В пойме ручья по-прежнему заливался соловей. А Илья все думал, думал:

«Но ведь если это правда, то я собственными руками задушу их. Сначала ее, потом его. Ей-богу, задушу. Перед богом даю обещание!»

Илья никак не мог понять, кто выдал тайну о поездке Веры за доктором: ведь об этом знали только три человека — отец, мать и Мирон. Значит, мать сказала Кате, Катя — своей матери, а та — еще кому-то...

Катя мыла посуду и тихонечко мурлыкала себе под нос. Потом она запела громче.

Илья будто очнулся. Он подложил руки под голову и стал слушать.

Эх, кукушечка
Да на елочке,
Соловеюшка
Над головушкой.

II

Что споете мне,
Что расскажете
О веселии
Да о счастье?

Не о том поешь
Мне, кукушечка,
И печальна трель
Соловьиная.

Счет годам ведешь
Ты, кукушечка,
О былом поешь,
Соловеюшка.

И в самом голосе Кати и в словах песни было что-то грустное, и Илья испытал такое же чувство, как и тогда, на девичнике, когда Катя причитала. Только теперь это чувство было острее.

Мне бы с вами быть
Птицей вольною,
Мне бы песни петь
Зорьке утренней.

А я стала петь,
Как русалочка,—
У ручья, одна,
Поздней зореньке.

Ручейком течет
Жизнь-судьба моя,
Как вечерний лес,
Молчаливая.

Ручеек в лесу
Всяк перешагнет,
Молчаливую
Всяк-то попрекнет.

— Эй ты, чивочка! — загремел вдруг повелительный голос Михаила.— Долго ли еще будешь выть?

Дрогнули-испугались леса и воды, улетела с вершины сухой ели кукушка, умолк соловушка. Только беспокойное эхо сначала где-то близко, а потом все дальше и дальше нарушало тишину, передразнивая властного молодого человека: «Эй ты, чивочка! Долго ли еще будешь выть?»

Законы и обычаи, которые складываются веками, не только долговечны, но и уважаемы народом. Нарушил закон или обычай — отвечай по всей строгости, никто тебе этого не простит.

В селе Важгорт ревностно оберегали девичью честь. Презирали не только девушку, потерявшую честь, виноватыми оказывались и ее родители, а то и вся родня. Порой, казалось, незачем и вспоминать об этом, да небось никто не постыдится сказать: ты, мол, такая, и семья твоя такая, да и вся родня не лучше. И приходится глотать обиду. Что тут поделаешь? Так было, так и будет. Живи, значит, по-настоящему, как полагается девушке, а родители — учите своих дочерей, не выпускайте вожжи из рук. Народ судит строго, это самый что ни на есть тяжкий суд.

Приговор общества особенно усердно претворяет в жизнь молодежь. Сколько изобретательности проявляют парни, чтобы поднять на смех попавшую в беду девушку, поиздеваться над ней, над ее родителями, родственниками. Все им дозволено: и распевать непристойные песенки и частушки, и вымазать дверь дома смолой или дегтем, и унести что-нибудь со двора, и перевернуть скамейки возле дома — много чего придумывала молодежь. Каждую ночь забавлялись бы так парни, было бы над кем поиздеваться. И девушки боялись, ой, как боялись стать посмешищем... В пять-шесть лет раз, может, и попадалась одна такая на всю округу.

Всю весну этого года у молодежи села Важгорт чесались руки наказать Веру.

— Но как ее накажешь? — с негодованием толковали между собой парни. — Убежала, точно нашкодившая кошка.

— Ничего, походит, походит да и вернется когда-нибудь.

— Когда-нибудь — это неинтересно. Тогда нас, может, не будет. В этом году уж непременно придется пойти на заготовку леса или на Урал.

Приближалась страдная пора. Все разойдутся ставить сено, будут ночевать на пожнях.

— Жалко, брат, очень жалко, что у нее нет ни кола ни двора. Мы бы тогда знали, что делать.

— Так у Сирвойтовых ведь есть! Там росла, там жила.

— Молчи лучше, а то заставит Власий Спиридонович язык прикусить!

— Мы небось тоже не дураки, следов не оставим.

— Ох, и запрыгает же купчина!

— Здорово было бы!

— А Фекла-то, ребята! Заболеет, наверно, ежели совсем паралич не расшибет.

Однако парни побаивались и другого: коли узнает Илья — не простит. Двум парням, насмехавшимся над Верой, он крепко заткнул рты.

— Прямо на зверя стал похож, — поговаривали про него. — Слова не дает сказать.

— Чай, не велика рыбка! Можно и утихомирить!

— Думаешь, его боимся?

— Друзьями он силен, это верно.

Одни еще толковали, а другие уже тайно готовились отметить дом Власия Сирвойтова печатью позора.

Илья, конечно, не знал об этом. Вечером он ходил к реке, на рыбалу. Домой вернулся уже после захода солнца. В село идти не хотелось, забираться под полог в сарае тоже еще не хотелось, и он решил просто посидеть на взвозе.

К нему подошел и сел рядом Катшыс. Так вот всегда сживал с ним Лыско — Илья и теперь еще часто вспоминал своего верного пса.

Стояли самые короткие ночи. Весь север пылал ярко-красной зарей, и казалось, взмахни гигантской косой по дальнему лесу — непременно заденешь солнце, так низко брело оно над землей.

Село спало коротким, сладким сном. На траву выпала роса. Где-то на полях скрипел коростель, грозил детям посадить их на горячую сковороду, если они заберутся в несжатый ячмень. В детстве Илья тоже боялся этого коростеля. Он рисовал его в своем воображении похожим на бабу-ягу, у которой всегда наготове горячая сковорода. На самом же деле коростель оказался маленькой черной птичкой с проворными лапками.

Вдруг Катшыс насторожился и стал внимательно смотреть поверх соседнего дома, куда-то по направлению к церкви.

— Чего ты там увидел? — спросил Илья и тоже поглядел туда, куда смотрел пес.

Катшыс тихонько заворчал.

— Ну, чего? Где? Я ничего не вижу.

Над домами торчала колокольня, но там ничего необычного не было. И вдруг направо от колокольни мелькнуло что-то белое. Раз, другой. Потом снова показалось и остановилось в воздухе. Это походило на обезглавленного человека с раскинутыми руками. Кровь бросилась Илье в голову. «Над домом Власия... Ребята балуются, Веру позорят». Не долго думая, он забрался на крышу сарая. Отсюда хорошо была видна крыша сирвойтовского дома, на ней копошились два человека, казавшиеся отсюда совсем маленькими. Они укрепляли шест с распяленной на перекладине нижней женской рубашкой — флаг девичьего позора.

С крыши Илья не спустился, а скатился и побежал к церкви. Он ни о чем сейчас не думал, у него было только одно желание — сорвать эту позорную рубашку, сорвать, чего бы ему это ни стоило. Рядом с ним бежал Катшыс, готовый броситься на любого, лишь бы приказал Илья.

Вот и погост. Илья обошел поповский дом и стал приближаться к постройкам Сирвойтова. В руках у него был кол.

Чьи-то тени мелькали позади двора. Что они там делают, эти люди? Илья крался вслед за ними. Тут было пятеро парней. Они подошли к сваленным бревнам, тяжело подняли одно из них и понесли к крыльцу. Все молчали. Илья хотел было броситься на озорников, но что-то удержало его. Ведь бревно тащут на крыльцо Власия, значит, хотят досадить купцу. Да, да, Сирвойтов встанет утречком со своей мягкой постели, посмотрит, а все крыльцо бревнами завалено. Как тут быть, что делать? Придется людей на помощь звать! Ох, и разговоров будет!..

Парни уже успели скрыться за углом дома. Все они были сыновьями бедняков, у всех у них была на купца обида. Вера, конечно, только повод. Просто хо-

телось отплатить кровососу за издевательства. А Власий хотя и узнает, кто тут у него безобразничал, но открыто наказать не посмеет. Таков закон — опозоренная девка жила у него.

Мысли Ильи ушли от Веры. Перед ним был ненавистный Власий, тот самый, у которого он батрачил, тот самый, который разорил их семью, скупая за бесценок пушнину. Это он оставил Илью без праздничной одежды, без гармошки. «И я с ними, — мелькнуло в голове Ильи. — Хоть немного, а отплачу злодею».

Парни вернулись за следующим бревном, но, увидев Илью с колом в руках, остановились и переглянулись.

— Я хочу с вами, — сказал Илья и только теперь догадался бросить кол. — Самое толстое понесем. Пусть малость побряхтит Власий Спиридонович, когда будет обратно таскать. А позовет на помощь — не откажемся, придем.

Илья первым ухватился за бревно. Конечно, лучше было бы крашеное крыльцо завалить, но Илья не стал спорить — завалили старое.

— Живей, ребята! Пока сумерки, надо все закончить. Сирвойтов не любит, когда что-нибудь наполовину делают.

— Верно, ребята, верно! Если уж досаждают ему, так как следует.

— Чего бы еще сделать, а? — спросил Илья, забыв о своем намерении расправиться с парнями.

Те снова переглянулись. У них с собой смола, смешанная с дегтем. Хотелось им написать на дверях имя Веры да еще добавить несколько словечек покрепче. Но здесь был Илья, и никто не посмел сказать об этом.

— Вот если бы вымазать кое-где...

— Вымазать? Можно. У нас есть чем мазать.

— И написать чего-нибудь такое... поинтереснее...

— Верно!

— Да вы потише разговаривайте! Хозяин-то, может, золотые сны видит.

— А чего напишем-то?

— Дайте я придумаю, — попросил Илья. — На дверях напишем вот что: «Здесь торгуют гнилым сукном».

— Это здорово! Всем по сердцу придется! — одобрили парни.

— А если крепко рассердится?

— Человек он толковый, по бревнам догадается, что здесь было много людей. А всех ведь не накажешь.

Вымазали в обоих домах двери, вымазали и стены дома.

— А теперь пойдете-ка под навес, там тоже кое-чего можно сделать. А рубашку, пожалуй, снимем.

Когда Илья вернулся домой, он, прежде чем войти в сарай, посмотрел в сторону церкви. Хотя над домом Сирвойтова уже не маячила белая рубашка, Илье снова стало не по себе...

3

Кто бы из коми ни побывал в далеких краях, непременно скажет: «Ходил в просторные края, видел широкие просторы». И в самом деле, ведь в родном краю их окружает бесконечный лес, безлесных земель у них на родине нет. У каждого села своя полянка, а это значит — вырубленный лес. На каждой такой полянке своя, обособленная жизнь. Хоть и захочешь, да не окинешь широким взглядом местность — глаз упрется в дремучую, непроглядную чащу. А что там, за лесом, кто знает, кто ведает?..

Перед тем как отправиться в долгий путь, Вера и представить себе не могла, что же это за широкие просторы. Оказывается, широкие просторы — это не обязательно бесконечные равнины. Каждая новая деревня, всякое новое село, любой новый город — все, что видела Вера, можно было назвать широкими просторами. А железная дорога — тут и говорить нечего, она так далеко уходит, так далеко, сколько ни гляди, все равно конца не увидишь. И везде, куда ни придешь, живут люди. И везде есть бедные и богатые; есть и такие же батрачки, как сама Вера.

За долгий путь Вере пришлось идти с самыми разными людьми и ночевать приходилось у разных людей. За кусок хлеба она выполняла самую разную работу. И снова встречались ей и плохие люди, которых

следует остерегаться, и хорошие, которые казались давно знакомыми.

Может быть, только на обратном пути девушка начала понимать и осмысливать все, что она видит и слышит в чужих краях, таких не похожих на ее село. Удивление от бесконечных степей, впервые увиденных ею, сменилось усталостью. Казалось, и удивляться не было сил.

В Киево-Печерской лавре собралось со всех концов света столько народу, что Вере пришлось там пробыть целую неделю, чтобы хоть раз приложиться к богородице. Ее изображение украшает стену главного собора. Она, говорят, самая милостивая, до того милостивая, что иногда даже сама спускается к богомольцам.

Дожидаясь своей очереди, Вера усердно молилась в церквах и соборах, успела купить стружки от гроба Христа, святую водицу, крестики, красивые картинки из жизни святых, успела побывать вместе с другими богомольцами в пещере и видела святые мощи.

В пещеру попадали, спустившись из небольшого помещения, в котором тоже были святые мощи, покоившиеся в красивых гробах. Как и в церквах, здесь тоже горели свечи, лампадки, как и всюду, здесь тоже всем распоряжались монахи и монахини и на каждом углу висели кружки, в которые богомольцы опускали деньги.

Вера держала в руке свечку. Свеча уже скоро догорит, а люди тихонько шагают по пещере все куда-то вперед и вперед. Проход невысокий, немного повыше человеческого роста, и аршина четыре в ширину, и вдоль всей пещеры разукрашенные гробы, вдвинутые в земляные ниши. У каждого гроба стоят монахи и рассказывают о мучениках, которые стали святыми. И чем складнее и жалобнее они рассказывают, тем больше рук тянется к кружкам для пожертвования.

Вера сначала жертвовала у каждого гроба, думая, что скоро они отсюда выберутся на поверхность, но пещера никак не кончалась, а медные деньги, завязанные в уголке платка, были уже на исходе. Монахи рас-

сказывали, что эта пещера тянется до самого Иерусалима, где родился Христос, но дойти туда могут только безгрешные люди. Вера, конечно, не была святой, и потому ей стало трудно дышать — душил запах горящих свечей и ладана, запах сырой земли. Захотелось присесть и хотя бы ненадолго вздремнуть.

Устали и другие богомольцы; одного тошнило, другой вовсе повалился, потеряв сознание, — у них, видно, было много грехов. Вера крепилась сколько могла и все еще шла. До того, как спуститься сюда, она слышала, что в пещере живут затворники, которые никогда не выходят отсюда, день и ночь молятся богу, чтобы после смерти попасть в рай. Но Вера не могла себе представить, как они тут живут. Конечно, она не видела самих затворников — они отказались от всего мирского и не показываются людям, — она видела только оконца шириной в две ладони, прорезанные в земляной стене и заделанные мутными стеклами. За каждым таким оконцем — так сказал монах — выкопана келья на одного человека. Там даже двери нет, да и вообще нет ничего, что необходимо человеку. В это оконце затворнику подают немного хлеба, немного воды — больше он ничего не берет.

«Но он ведь живой человек, — с ужасом подумала Вера, — а живому человеку нужно солнце, нужен воздух и поговорить с кем-нибудь тоже ведь нужно».

А между тем длинноволосый монах рассказывал: — Жизнь на нашей грешной земле — это только врата на тот свет. Чем больше раб божий страдает на земле, тем больше у него надежды на вечное блаженство в царствии небесном. Не ропщите на свою жизнь, не завидуйте богатым. Богатство ваше — в смиренной душе вашей...

Наконец настал день, когда Вера смогла пробиться в главный собор. Все тут блестело белым мрамором и золотом; обвитые золотыми лентами, горели такие большие свечи, каких она еще никогда не видывала, и каждая такая свеча и много-много других свечей поменьше стояли в сверкающих золотом подсвечниках. Откуда-то доносилось пение. Невидимый

хор пел так красиво, так величественно, будто эти волшебные голоса лились с самого неба. Да и все в соборе было так необыкновенно, как на земле не бывает.

Над входом в алтарь висела икона богородицы. Она печально смотрела на грешников. Вере казалось, что богородица и на нее смотрит, и ей стало страшно. Она не могла понять, что с ней происходит. В голове мелькали какие-то несвязные мысли, чудились кошмары, и, чтобы ни о чем не думать, Вера стала усерднее отбивать поклоны...

Из собора Вера вышла с таким чувством, будто сбросила с себя тяжелый груз. Она спустилась по ступенькам, ведущим в сад, и бросилась ничком на зеленую траву под широко раскинувшимися каштанами.

Над ней пел соловей. Он напомнил Вере северного соловья — колиба, пение которого она так любила.

Теперь там, в родных краях, тоже лето, но не такие, как здесь, темные ночи, яркое солнце, но не такое, как здесь, горячее. Ох, кабы были крылья!

Тоска по родному краю охватила Веру, и она решила скорее отправиться в обратный путь.

Опять приходилось зарабатывать на пропитание.

Пора была страдная — сено поставили, начали убирать хлеба, так что наняться на поденку было легко. Вера день поработает — два идет, два поработает — четыре идет. Так она прошла почти всю Украину с ее беленькими хатами, упрятыми в сады, с яркими рыжими подсолнухами за плетнями. Куда ни поглядишь, повсюду простирается черная, жирная земля. Она поделена на узкие полосы и на бескрайние пшеничные поля. Маленькие лоскутки земли — крестьянские, большие плодородные земли — помещичьи.

Вера теперь знала, кто такие помещики: ей уже приходилось у них работать. И на этот раз она решила остановиться поработать два дня в большом имении.

Тут трудилось много народу. Были и такие, как Вера, поденщики, были и бедняки из ближних сел.

А пшеница в этих краях диво как хороша, так что Вера с охотой работала оба дня, и за ней стройным рядом выстраивались суслоны. Она и не знала, что надсмотрщик приметил, как она проворно жнет, и сказал об этом управляющему, когда тот подъехал в легком тарантасе.

— Как тебя зовут, красавица? — спросил управляющий Веру.

Вера назвалась.

— Как ты к нам попала?

— Коми я, — ответила Вера. — В Киев ходила.

Управляющий, кажется, не понял.

— А что такое «комия»?

— Коми-зырянка. Люди такие. Далеко-далеко на севере, в лесу.

— Черт побери, невиданный экземпляр! — рассмеялся управляющий и, шепнув что-то надсмотрщику, уехал.

— Он велел спросить у тебя — не останешься ли у нас на осень?

— Ой, нет! Время мало, дом далеко...

Вера еще сказала, что завтра она уже не будет работать, и попросила сегодня вечером уплатить ей.

— Ладно, — согласился надсмотрщик, — после работы приходи в усадьбу, спроси управляющего.

Усадьба помещика — это большой, старый парк. Три каменных дома стоят в ряд. Двухэтажный, с круглыми колоннами — в середине, по обе стороны от него — одноэтажные. Все они смотрят на площадку, украшенную клумбами.

Красиво одетые молодые люди играли в мяч. На этой же площадке, немного поодаль, бегали дети, похожие в своих легких платьицах на мотыльков. С ними возилась женщина в очках. По дорожке, ведущей в сад, бодрая старуха катила никелированную детскую коляску, обитую голубым шелком, а еще дальше расхаживали нарядные пары.

По всему саду разносился разноголосый гомон грачей и галок, на высоких деревьях можно было разглядеть их гнезда.

Кругом такая тишь, что не шелохнется ни один листок на деревьях. Заходящее солнце чуть окрасило

молочно-белые дома, придав им малиновый оттенок. Дневной зной успел уже смениться мягкой прохладой.

На все это Вера смотрела из-за железной решетки ограды. После долгой, утомительной жатвы под палящими лучами солнца да еще на пустой желудок ей казалось, что она попала в царство небесное, просто не верилось, что и на грешной земле так вот беспечно живут люди. Но Вера не завидовала. Она теперь хорошо знала, что жизнь на земле — только преддверие загробного мира, надо терпеть, не надо роптать и жаловаться, если хочешь попасть в рай. Ей бы только получить то, что она заработала за два дня, и скорее уйти. Придется, видно, спросить у тех вон барышень, в каком доме живет управляющий. Но как зайдешь к ним в такой одежде? Сарафан у Веры совсем грязный; есть, правда, и получше, но он в узелке. Не будешь ведь здесь переодеваться...

Послышался стук колес. Вера не успела оглянуться, как подъехавший тарантас завернул в ворота. Это был как раз сам управляющий.

«Вот хорошо-то, что при мне приехал!» — подумала Вера и поспешила за ним.

Но только она вошла в ворота, как зарычала собака. Тут же залаяли и другие собаки — сначала в одном месте, потом в другом, в третьем. Кто-то из играющих в мяч стал науськивать собак на Веру, и они набросились на нее.

— Возьми, возьми! — кричали со всех сторон, и раззадоренные собаки рвали на Вере одежду, а она, боясь двинуться с места, неистово кричала.

Кто знает, чем бы все это кончилось, если бы не нашлось среди разодетых господ таких, которые уняли собак.

Пришел сюда и управляющий. Он узнал Веру и утихомирил молодежь.

— Господа, — обратился ко всем управляющий, — этой девушке велел прийти сюда я. Перед вами редко встречающийся экземпляр. А вы знаете, как любит всякую редкость наш благодетель Юлиан Христофорович. Уезжая в Париж, он распорядился

набрать на сахарный завод разноязычных работников.— Управляющий вставил какую-то фразу по-французски. Потом добавил:— Это будет эксперимент для одного научного трактата.

— Ох, как интересно!

— Юлиан Христофорович оригинальный человек!

— А можно полюбопытствовать, какой трактат он собирается написать и в чем заключается эксперимент?

На это управляющий снова ответил по-французски, чтобы не могла понять перепуганная до полу-смерти Вера, но она и по-русски не очень-то разбиралась в таких сложных выражениях.

— Проблема социальная: будут ли разноязычные люди объединяться против хозяев так же быстро, как объединяются говорящие на одном языке?

Если бы Вера сумела разобраться в людях, собравшихся вокруг нее, она заметила бы, что не все они настроены одинаково. Одни готовы были снова натравить на Веру собак, другие смотрели на нее равнодушно, третьи с жалостью. Так же по-разному они восприняли и слова управляющего. Но Веру пугали теперь не только рычащие на нее свирепые псы, но и взгляды этих разодетых чужих людей, и она думала только об одном — как бы скорее убежать отсюда.

— Вы говорите, господин управляющий, что субъект этот — редко встречающийся экземпляр?

— Именно так, господа. Перед вами зырянка... Я, конечно, слыхал, что где-то живут гиляки, чукчи, самоеды, зыряне. Но не стану скрывать от вас свою неосведомленность. Скажите, пожалуйста, ученая молодежь, в каких местах они обитают?

Вопрос, по-видимому, оказался неожиданным, но не ответить было неудобно. Ведь здесь собралась действительно ученая молодежь — одни кончали гимназию, другие учились в институтах, а сюда они приехали на каникулы.

— Зыряне относятся к монгольской расе,— начал один из молодых людей.— Они обитают не то на полуострове Ямал, не то на побережье Баренцева моря, не то у Таймыра. Это скованная льдами пу-

стынная страна, где у жалких хижин бродят голодные волки, белые медведи и другие хищники.

— Верно, верно! — будто обрадовался другой. — О зырянах Фет написал:

В Сыртах не встретишь Геликона,
На льдине лавр не расцветет.
У чукчей нет Анакреона,
К зырянам Тютчев не придет.

— А я что сказал?.. То же самое, только в прозе. Там, говорю, скованная льдами дикая страна, люди живут как в первобытные времена, быстро вырождаются, и говорить о какой-либо культуре, конечно, не приходится.

Студент стал рассказывать о том, как не раз уже перед правительством вставал вопрос о переселении таких вот отсталых племен в Центральную Россию, чтобы они давали больший доход государству. Но он не успел закончить свой рассказ, так как к воротам быстро приближалась молодая женщина в длинном шелковом платье.

— Кого искушали? Какая такая нищенка? — издали еще донесся ее пронзительный голос. — Как она попала за ограду? Кто разрешил? Я вам сколько раз говорила — кругом лютует дизентерия. Хотите заразить моих детей, себя самих, всех нас? Немедленно выгоните ее отсюда, это же зараза! А то место, где она стоит, и ее следы прикажите посыпать хлорной известью.

У этой молодой женщины, очевидно, была большая власть: группа людей, окружавшая Веру, сразу рассеялась.

— Марш отсюда, марш! — крикнул на Веру управляющий, позабыв, видно, что сам позвал ее сюда.

Вера бросилась к воротам, молодежь снова стала науськивать на нее собак. Но Веру теперь уже трудно было догнать даже четвероногим.

Пришла она в себя, только когда оказалась на столбовой дороге. Поблизости не было ни дерева, ни кустика. Кругом лежали бесконечные поля.

Стало быстро темнеть. Прохожих на дороге не встречалось. Ноги отказывались идти дальше, и Вера

решила заночевать там, где ее застигнет полная темнота.

Хотелось есть, мучила жажда. Но, будто нарочно, поблизости не было ни одного мерцающего огонька, не слышно было журчания воды. Пришлось свернуть с дороги и устроиться на ночлег у несжатого пшеничного поля.

Страшно одной в темном поле. И все-таки лучше, чем находиться в окружении тех красиво одетых людей.

На небе светили знакомые звезды: как и в Коми, почти над головой, висела Большая Медведица, неподалеку от нее — ее дочь; потом Вера различила Утиное Гнездо, Безмен, а на самом северном краю неба одиноко сверкала Полярная звезда.

«А я ведь думала, что они в разгар лета куда-то скрываются, — уже лежа на спине, размышляла Вера. — Оказывается, их не видно в наших краях из-за белых ночей».

Под голову она положила котомку, укрылась жакеткой. Земля была еще теплая, только очень хотелось пить, и из-за этого Вера даже не могла съесть кусок хлеба, который у нее был с собой. Вера заснула, и ей приснилось, что она пьет из ручья и никак не может утолить жажду. А потом за ней гнались собаки, потом тетка Фекла ругала ее, а длинноволосый монах притаился в пещере и оттуда поглядывал на нее.

Открыв глаза, Вера увидела склонившиеся над ней колосья пшеницы. Они напомнили ей, где она провела ночь и что было вчера вечером. До чего жалко, что она не получила заработанные деньги, где-нибудь снова придется жать!

Около нее прошмыгнул какой-то маленький зверек. Вера не хотела пугать его и старалась лежать неподвижно. Где-то поблизости кричала какая-то птица: квать-квать, квать-квать... Потом свистнул суслик, ему откликнулся другой. Наверно, один из них и пробежал мимо Веры.

Просыпающееся утро рождало все новые и новые звуки. С межи вспорхнул жаворонок и повис в воздухе прямо над Верой. Маленькая птичка пела таким звонким голосом и так радостно, а ее трепещущие кры-

лышки так сверкали в лучах восходящего солнца, что, любуясь жаворонком, Вера и не заметила, как и ей тоже стало весело.

Природа не различает людей по их положению: если светит солнце, оно светит всем одинаково, если идет дождь, он мочит всех без разбору,— это уж сам человек делает одному лучше, а другому хуже. Вера была сейчас одна, и ей никто не мешал видеть это утро таким, каким оно было на самом деле.

Солнышко было свежее-свежее, словно оно только что прокатилось по нескошенным лугам и умылось росой. А лучи его были мягкими и грели так ласково, что хотелось лежать неподвижно. Везде и всем хватало солнца: и пшеничным колосьям, и травам на меже, и пчелам, копошащимся на цветах, в каждой капле росы играл солнечный луч. И уже пел теперь не один жаворонок — звенели, посвистывали, рассыпались трелями сотни жаворонков, и все они тоже купались в лучах солнца. Кругом было так радостно, что Вере захотелось вскочить и побегать по сверкающей золотом росе, а потом уже отправиться дальше, к родным местам, где ее ждет любимый.

Было видно далеко-далеко. На западе протекала какая-то речка, и на противоположном берегу виднелся не то город, не то большое село. Освещенные солнцем дома походили на большие сахарные головы, поставленные в садах. А в другой стороне простирались бесконечные поля, сады и огороды. И росло здесь все, что нужно человеку,— сытная пшеница, и разные овощи, и диковинные плоды, которых Вера не знала. До чего же много родит земля! И все-таки тяжело жить на ней. Горе и печаль, голод и нищета — постоянные спутники простого люда.

Вера закинула за спину котомку и оглянулась на дорогу — может, появится попутчик. Невдалеке шли люди. Дорога была сухая и пыльная, над головой идущих повисло темное облачко.

«Вон как много! — подумала Вера.— Наверно, тоже из Киева идут. С ними будет веселее».

Вдруг Вера уловила какое-то странное, печальное пение.

«Или умер кто, и народ идет на кладбище?»

Это можно было предположить еще и потому, что люди шли плотными рядами посередине дороги; казалось, они что-то несут или за что-то держатся, а позади и впереди несколько человек шагают отдельно. Но под облаком пыли, не желавшим отстать от людей, не видно было ни гроба и ничего другого, что нужно было бы держать или нести.

Кто-то крикнул, и пение оборвалось. И тогда — о боже! — тогда Вера услышала позвякивание железа, тогда она увидела у шагающих впереди людей ружья с торчащими штыками. Солдаты с ружьями вели закованных в цепи людей.

— Кого это так? За что? — прошептала Вера и, застыв на месте, стала разглядывать процессию.

В каждом ряду шагало по четыре человека, а таких рядов было семь. Одни шли в серых халатах, другие — просто в рубахах, некоторые были без шапок, иные — босиком, но все одинаково запыленные. В сотне шагов позади них два рыжих вола тащили телегу с поклажей.

Телега уже почти поравнялась с Верой, а она все еще смотрела, как поблескивают на солнце цепи. Одной цепью скованы эти люди друг с другом, поэтому, когда они идут, не прекращается злобный лязг. Поблескивали и штыки, торчащие над плечами солдат, блестело все, что могло блестеть, — солнцу ведь безразлично, куда падают его лучи.

«Господи, за какую же провинность их так наказывают? Почему их заковали в цепи?»

Словно и не было красоты раннего утра. В сердце Веры закралась какая-то непривычная забота. Ей захотелось узнать хоть что-нибудь про этих закованных в цепи людей.

«Спрошу у возницы, он, наверно, знает».

Вера вышла на дорогу, желая догнать возницу, который сидел на телеге и время от времени покрикивал на волов.

По всему было видно, что подводы в дороге меняются: эту часть пути везет одна подвода, другую — новая.

Возница с длинными черными усами оказался человеком словоохотливым. Он сразу же вступил с Верой в разговор и даже пожалел, что начальник, сопровожда-

ющий арестантов, не разрешает никого сажать на телегу.

Версты две прошагала Вера рядом с телегой и успела узнать, что арестанты — политики, что до этого их держали в тюрьмах, а теперь ведут в Сибирь, в ссылку.

Да ведь и в комн есть ссыльные политики. Вера вспомнила про доктора, вспомнила, как он пел, когда они ехали спасать Илью...

— Ты, может, знаешь, дядя,— спросила Вера возчика,— за что все-таки их посадили в тюрьму и почему ведут в Сибирь?

— Так я же сказал — за политику,— сразу откликнулся возница и оглянулся, не подслушивает ли кто.— Политики, они, понимаешь ли, за трудовой народ. Они хотят, чтобы не было помещиков и чтобы их земли были поделены между крестьянами. Царя они тоже не любят. Не любят тех, кто живет за счет трудового народа. Вот за это их и мучают. Политики — супротив царя да помещиков, а царь да помещики — супротив политиков. А кто сильнее? Сама подумай...

Возница часто подкручивал концы своих длинных усов и, размахивая хворостиной, подгонял волов, чтобы не отставать от партии арестантов.

— Говорю, силен на земле царь,— продолжал он,— в его руках тюрьмы, каторга, за него стоят помещики, ему служат солдаты, становые пристава...

Вера слушала теперь рассеянно. Перед ней так и стоял ссыльный доктор. Вспоминая его, Вера размышляла об этих вот арестантах. Значит, и они такие же добрые и хорошие люди, как доктор. Их мучают за то, что они стоят за трудовой народ. А если это так, то и нашего доктора послали на чужбину за то, что он хотел делать добро простым людям.

Но ведь политики антихристы! Так не раз говорил важгортский поп Гервасий, об этом же говорили и в Киево-Печерской лавре. Кому же верить? На чьей стороне правда?

Вера ускорила шаги. Ей захотелось поближе подойти к арестантам, разглядеть их.

Чем ближе она подходила к ним, тем громче звякали цепи. Кого-то душил кашель, но несчастный шел

в середине, и Вера не могла разглядеть его. А вон тот, что идет в последнем ряду, сильно хромает, его левая нога почти не отделяется от земли и поднимает много пыли.

— Эй ты, барышня,— вдруг крикнул солдат, шагавший позади всех,— опережай стороной!

Веру будто ударили эти слова, но она все-таки не перешла за канаву, а зашагала быстрее по обочине.

Арестанты все как один посмотрели на Веру.

— Ай-ай-ай! Разве можно кричать на такую красавицу? — не то в шутку, не то всерьез укорил солдата арестант, идущий с краю.

Вера встретила с ним глазами. Это был молодой человек в распахнутой на широкой груди рубашке. Как и у остальных, голова у него была обрита, как и другие, он тоже был закован в цепи, но молодой человек словно не замечал этого. Он улыбнулся Вере, и между его потемневшими от пыли губами блеснули ровные белые зубы. У Веры заняло сердце. Этот парень с широкой грудью напомнил ей Илью.

«Может, и волосы у него тоже вились», — промелькнуло в голове у Веры, и она с усилием отвела взгляд от молодого человека.

Тут были люди разного возраста, и все они по-разному выглядели. Рядом с молодым человеком тяжело шагал бородатый старик, впереди них — тоже пожилой человек, но на нем была одежда получше, чем у других, и лицо у него еще не обросло бородой. А надсадно кашлял мужчина лет тридцати.

— Милая девушка, не найдется ли у тебя кусочка хлеба? — обратился к Вере бородатый старик.

Вера оглянулась. Шагах в трех от нее шел солдат.

— Разрешите, господин сопровождающий? — снова заговорил старик.— Не себе прошу, больному товарищу.

Вера уже снимала с плеча котомку. У нее остался не доеденный вчера кусок пшеничного хлеба.

— Сначала дай сюда,— строго приказал Вере солдат,— и скажи, кто ты такая.

Вера испуганно протянула солдату кусок хлеба и сказала, что ходила в Киев молиться.

Вся колонна остановилась.

— Богомолка, значит,— равнодушно произнес солдат и стал крошить кусок хлеба. Он, видно, что-то искал в нем.— А крестики есть у тебя?

— Крестики? Да, есть...

— Ты им крестики дай, это куда лучше будет,— сказал солдат и выбросил раскрошенный хлеб в канаву.— Мы их кормим досыта.

Вера растерянно смотрела на арестантов и видела, какую ненависть к солдату выражали их лица.

— А вы чего остановились? — рявкнул тот же солдат.— Хотите, чтобы вас гнали под палящим солнцем?

Арестанты молчали. Звякнула цепь, партия двинулась дальше.

Вера медленно надела котомку на плечи.

Второй раз Вера увидела арестантов дня через три. Тогда она отстала от них и свернула в первую попавшуюся деревню — надо было заработать себе на хлеб. Потом она опять пошла дальше.

Весь день палило солнце. Особенно жарко и душно стало после полудня. Студеная вода и прохлада — вот что было самым желанным.

Вдали показался одинокий дом. Вокруг него росли развесистые деревья. Еще издали Вера разглядела колодец с журавлем.

«Вот здесь и отдохну», — подумала она.

Но когда Вера подошла к дому, там оказались люди. В тени лежали арестанты.

— А! — обрадовались они.— Знакомая! Иди, иди сюда, отдохни!

— В здешнем колодце вода вкусная, прямо ледяная.

— И тени сколько хочешь!

Вера стояла, не зная, что делать. Она со страхом поглядывала на солдата, сидевшего под деревом. Другой солдат пристроился чуть подальше.

— Ты их не бойся,— кивнул в сторону стражи знакомый парень,— они тоже люди.

Сердитого солдата здесь не было. Не видно было и того надсадно кашляющего арестанта. Вера, конечно, не могла знать, что смерть освободила его от цепей.

Вода в колодце действительно оказалась холодной. Вера пила прямо из ведра, сколько хотелось, а потом уселась под деревом, стоящим в сторонке.

— Уж больно далеко решилась путешествовать, милая! — заговорил с Верой бородатый старик, который при первой встрече попросил у нее хлеба.

Расспрашивать о многом, видно, не разрешалось, и старик сам стал рассказывать товарищам, как он когда-то тоже ходил на богомолье в Киево-Печерскую лавру.

Охотнее всех слушала старика Вера. Ведь интересно же услышать о том, что сама пережила!

Но что это? О чем говорит этот старый грешник?

— Конечно, я тогда тоже многому верил, — рассказывал он. — Но позже, когда стал жить своим умом, понял, что зря люди верят рассказням попов и монахов. Да вы сами посудите: продают святые стружки, они, мол, остались от гроба Христа. Но ведь этими стружками торгуют каждый день в течение многих веков и не в одном только Киеве. Их продают и в Иерусалиме, и в Соловках, и в Афоне — по всей земле. Надо бы понять, что столько стружек не может быть от одного гроба... Или возьмем другое: в главном соборе есть икона богородицы, она висит над дверью, что ведет в алтарь, и сама спускается к богомольцам. Так ведь, милая? — вдруг обернулся старик к Вере, и Вера кивнула ему: совершенно, мол, так, сама спускается. — Ну вот, спускается... Помню, мы долго молились богородице, чтобы она сделала милость, спустилась к нам, грешникам. Прекрасно пел хор, горели большие свечи, все блестело золотом. А мы молились, отбивая поклоны, и плакали. И вот она вняла нашим мольбам, сдвинулась с места и стала спускаться. Мы все уткнулись головой в пол, только согнутые спины и видны. А, как известно, на спине глаз нет... Ох, и грубо все сделано! Потом уже, спустя несколько лет, мне один человек рассказал, что слышно было, как скрипит блок, на котором спускают икону, — наверно, какой-нибудь ленивый монах забыл смазать его. И вот, несмотря на все это, богомольцы каждый день наполняют деньгами два ящика, что стоят рядом с иконой.

Вера смотрела на старика так, словно все это рас-

сказывал не человек, то ли рогатый дьявол, то ли крылатый ангел. Хотелось убежать отсюда, но еще сильнее хотелось слушать.

— Ящики для сбора денег,— продолжал старик,— в каждом углу, в каждой церкви, у каждой мощей. С кружкой для денег ходят монахи, монахини, послушники. Деньги собирают день и ночь. И не удивительно, что богомольцы покидают лавру, не оставив себе ни гроша. А на их место прибывают все новые и новые грешники...

Старик никого не агитировал, он просто рассказывал то, что есть. Потому и солдаты не останавливали его: пусть говорит, коли хочет, им ведь тоже интересно.

— Ну вот... Спустились мы в пещеру...

Старик все хорошо помнит: и сколько гробов он видел, и какие святые там лежат... Конечно, кое-что он по-своему рассказал: до Иерусалима, говорит, пещера тянуться не может, а богомольцам она кажется длинной потому, что монахи кружат с ними по одним и тем же местам. А в заключение он вполголоса добавил:

— Предполагают, что в дальних закоулках пещеры содержатся политические противники церкви и царя...

Последние слова Вера не уловила, но достаточно было и того, что она слышала, чтобы перевернуть в ней все, чем она жила последнее время. Она не выдержала и поднялась с таким чувством, будто ее ограбили.

— До свидания, красавица!— крикнул ей молодой человек.

— Не сбейся с пути,— добавил старик,— тебе еще идти долго.

Вера не хотела оглядываться. Но они ведь такие хорошие люди, эти закованные в цепи арестанты! И, отойдя уже довольно далеко, она помахала им рукой.

— Вам также счастливого пути!

4

Год выдался нерадостный. Плохое было лето, пустым амбаром встретили и осень. Крестьянам победнее пришлось подумать о работе на стороне.

Хорошо еще, что было куда идти. По деревням шныряли агенты, вербовали лесорубов на Урал. Подрядчики, заготавливающие сортовку, заранее торговались с доверенными.

Призадумался и Степан Матвеевич.

— Ты, старуха, чего молчишь?— однажды вечером сказал жене Степан.— Хлебушка-то ведь в этом году совсем мало собрали. Пятерым-то взрослым едокам, знаешь, сколько понадобится... Не послать ли, говорю, Михаила с женой в Богослов?

Марфе не хотелось оставаться одной на долгую зиму, и она возразила мужу:

— Тоже скажешь! Какой из нашей молодухи дровосек, этакой-то птички-синички! Мерзлые дрова колоть не ее работа. Да ведь и мне небольшая польза от этого. Пусть хотя одну зиму прядет да ткет. Носить-то вам скоро нечего будет.

— Коли так, одного его пошлем.

— Молчи, старик, молчи! Люди осудят: «В первый год, скажут, и разлучили мужа с женой...»

— Нам, что ли, с тобой отправляться? — рассердился Степан на жену.

— Почему же нам?— не уступала Марфа.— А жених-то наш на что?

— Илью не отпущу,— отрезал Степан.— Пока на сортовку не пойдем, будем с ним промыслять. Не все же звери разбежались, сколько-то, наверно, осталось в лесах.

Была и другая причина, по которой Степан не хотел отпускать Илью из дому: он боялся, чтобы сын, живя на стороне, не разбаловался.

— Не слыхала, что ли?— добавил Степан.— У купчины-то опять набедокурили — крыльцо почти что целиком разобрали.

— Да ведь никто не знает, кто это сделал,— возразила Марфа.— За чужим именем прячутся: Дубровский, мол, все это делает.

Степан вдруг рассмеялся.

— Такое рассказывают... К Белоштыку заходили ночью, нарядились в тряпье, самого урядника вытащили из постели на улицу, всячески стращали, чтобы не вздумал впредь вызывать парней в правление.

— О, господи!— изумленно всплеснула руками Марфа.— Ничегошеньки не боится нынешняя молодежь! Оглянуться не успеешь, как беду натворят... Ты бы покрепче приструнил Илью.

Кроме стариков, в избе никого не было. Марфа пряла, Степан вязал вентера. Между ними стоял светец. Горела лучина.

— Какая ты умная!— помолчав, сказал Степан.— Что же я ему скажу?

Марфа только вздохнула. Но ей хотелось рассказать мужу все, что она знала про сына.

— Я ведь с ним говорила уже. «Голову, говорю, потеряешь. Перестань баловать, одумайся».

— А он что?

— Что же он! «Я, говорит, мама, не балую...»— Марфа вдруг понизила голос:— Понимаешь, старик... и не хотелось рассказывать, да придется, видно... Из-за девки злится наш Илья. Сначала все говорили: с Верой, мол, у него неладно получилось, будто из-за этого она и убежала из дома, чтобы скрыть грех. А теперь другое толкуют — будто Вера дала обет богу сходить ради нашего сына в Киев, чтобы рука у него не отсохла.

Степан перестал вязать и с изумлением уставился на жену. Он хотел было что-то сказать, но вдруг закашлялся, встал и направился к двери.

— Ты куда?— крикнула Марфа.

— Лошади сена подбросить,— отворяя дверь, ответил Степан, но ему, видно, все еще мешал неожиданный приступ кашля...

Поступок Веры тронул многих, особенно после того, как был опровергнут недобрый слух о ней. Все были когда-то молоды, каждый любил кого-то, кто открыто, а кто и тайно, и теперь всем стало ясно, какое доброе сердце у Веры.

Конечно, было трудно поверить, что она пошла на богомолье ради парня. Но ведь об этом и сама тетка Фекла рассказывает...

Фекла сначала и слушать не хотела бабушку Матрену. Она проклинала Веру, обзывала ее самыми последними словами. Но ведь злостью не сотрешь худое. Особенно испугалась Фекла, когда молодежь осмели-

лась баловаться возле их дома. Говорят, Власий Спиридонович сам потом перетаскивал бревна с крыльца обратно за хлев. А смеху сколько было! Тогда купчихе здорово попало от ее муженька, так что поневоле пришлось бежать к бабушке Матрене. Долго расспрашивала она и Федору.

Федора ничего не утаила. И даже напонила, как сама тетка Фекла застала Веру, молящейся перед иконой. Вера тогда и дала обет сходить в Киев.

— Помню, как же не помнить!— радовалась теперь Фекла.— Ох, и Вера, ох, и девка... Не надо ей было таиться от меня. Я же ей все равно что мать. Господи, да я разве обругала бы, коли лошадь для дела брала! Она бы по-хорошему спросила: за доктором, мол, надо съездить...

— Ты, голубушка, так и говори людям,— советовала купчихе бабушка Матрена,— будто ты знала, что Вера пошла на богомолье ради Ильи. Ты же ей и в самом деле заместо матери. А уж матери дочь непременно откроет свои тайны...

Степан, вернувшись в избу, снова взялся за вентеря.

— Интересную новость ты рассказала мне, хозяйка,— продолжил он прерванный разговор.— Если взаправду такое дело, готовься к новой свадьбе... Конечно, не в этом году. В этот год не на что справлять.

Марфу будто огнем опалило.

— Ты, видно, хочешь, чтобы мы с тобой снова стали посмешищем! Я уж к ним ходила свататься. Чуть не свалилась с крыльца...

Степан почесал затылок. И то правда, коли прогнали в прошлом году, прогонят и на будущий год. Хозяйство Власия растет, прибавляется, как в сказке. Слава о Власии Спиридоновиче Сирвойтове разносится все шире и шире. Породниться с простым мужиком он, конечно, не захочет.

— Я ведь то и говорю,— оживилась Марфа, разгадав думы хозяина,— говорю, разлучить их надо. Пока Вера не вернулась, надо послать Илью в Богослов. Разбросай горячие угольки — они и потухнут быстрее.

У Степана была такая привычка: если ему что не

ясно, он умолкал. Так вышло и теперь. Он умолк, сосредоточенно думая про себя.

Марфа глубоко вздохнула.

— Нелегко растить детей, а вырастут — еще труднее становится.

Но все устроилось значительно проще, чем предполагали родители. Илья сам захотел пойти зимогорить — не отставать же ему от друзей! Собирались идти на заготовку дров Мирон, Митрий, Петрован со своим братом Иваном и Семка.

Илью тревожило только одно: успеет ли Вера до его ухода вернуться из Киева, увидит ли он ее?

Илья теперь тоже знал, почему Вера ушла на богомолье, и любил ее еще крепче. Теперь он и думать не желал, что кто-то может помешать их счастью.

Время летело быстро. Многие уходили в Богослов, не дожидаясь зимнего пути. Спешили и друзья Ильи. Из починка приходил Мирон договариваться.

Подошло время отправляться в путь. Завтра все уходят. А Веры нет. Что делать? За всю свою жизнь Илья не горевал так, как теперь.

Мирон, конечно, знал, почему он грустит. Знали и тсварищи. Да ведь не скажешь им: подождем еще недельку, я, мол, девушку ожидаю. Поднимут на смех.

Илья не мог ни пить, ни есть. Всю ночь не смыкал глаз — лежал на полатах и смотрел в темноту.

Утром отец озабоченно спросил:

— Не болен ли ты, Илья?

Мирон почевал у них. Он тоже испугался, взглянув на Илью.

— Больному в дорогу никак нельзя пускаться, — сказал Мирон.

Илья не умел обманывать.

— Ничего у меня не болит, — прямо сказал он. — Не хочу я сегодня идти.

— Неужели отстанешь от людей? — удивилась мать. Она-то лучше всех понимала, в чем дело. И боялась, как бы совсем не отказался Илья. Беда с ним, прямо беда!

— Повременю немного, — еще раз твердо сказал Илья и вышел из избы.

— Ничего, тетка Марфа, — заступился за Илью

Мирон,— дорога знакомая. До службы я два раза ходил пилить дрова. Не заблудимся. Я ведь без Ильи не тронусь. А те пусть идут. Если не догоним их, на месте увидимся.

— Это-то конечно,— согласился Степан и посмотрел на жену, словно хотел сказать: «А ты еще хочешь их разлучить! Мой сын не таков, не отступится, коли что задумает».

5

С того самого дня, как Вера услышала рассказ старого арестанта про святые места, ее словно кто подгонял длинной хворостиной. Изо дня в день шла Вера от темна до темна. А если останавливалась подработать на пропитание, то только на денек.

Оставались позади деревни, села, города. Все шире становились островки лесов, все больше сжимались просторы полей. И чем ближе она подходила к дому, тем больше задумывалась. То ей казалось, будто устами старика действительно говорил сам нечистый, то снова вспоминала она все, что видела, и это, пожалуй, было самое страшное. Ведь то, что рассказал бородатый арестант, истинная правда. Не может быть столько стружек от одного гроба, никак не может быть! Ведь стружки, купленные Верой, были совсем свежими... И еще Вера хорошо помнит, что когда она, приложившись к богородице, опустила деньги сначала в одну большую посудину, потом в другую, обе они были уже полны. Да и кто там разберет, каким образом спускается к молящимся икона, когда у всех богомольцев глаза заволокло слезами, а в ушах звучит дивное пение!.. Но если все это обман — о господи, прости ее, грешную,— если все обман, чего же смотрит сам бог?..

Когда хочешь отвязаться от навязчивых дум, начинай считать про себя — это помогает. Но Вера не знала такого способа, и чтобы заглушить неприятные мысли, старалась думать о другом. Вот она придет домой, в село Важгорт, и ее будут расспрашивать, что она видела, что слышала, правда ли Киево-Печерская лавра так красива, как ее рисуют на картинках. Вера бу-

дет рассказывать вечер, будет рассказывать другой, сначала одним, потом другим. Все будут удивляться, вздыхать, завидовать Вере, что она так далеко ходила, столько видела, столько слышала...

А еще, скажет Вера, было вот что: два дня она жала у одного помещика, пришла получать деньги, но, вместо того чтобы уплатить ей, на нее натравили собак, обозвали заразой и прогнали. Конечно, рассказывать такое даже стыдно. Разве это правильно—вместо того чтобы заплатить, собак натравили? Сами-то совсем не работают, живут как в раю, и ты же еще виновата! Они небось никакого греха не боятся, не заботятся о загробной жизни. В самую страдную пору играют себе в мяч, гуляют в саду, все разряжены, каждый день им праздник. А ты работай на них! Да еще тебя же по-всякому унижают. Сандра, поди, тоже все лето прогуляла, каникулы у нее. Вырядилась в платье с узкой талией, натянула перчатки, нацепила шляпку и прыгает, как стрекоза, в туфельках на высоких каблуках. А ты работай, работай, пока с ног не свалишься. Тетке Фекле все мало, только и знает браниться самыми последними словами. Да разве это жизнь!

Много раз думала Вера и про Илью. Какой же он теперь? А вдруг изменился, забыл свою Веру, позарился на другую?.. Если так, лучше утопиться. Вера ругала себя, зачем она скрыла от Ильи, что идет в Киев ради него. Тогда бы на сердце было спокойнее. Да что поделаешь, прошлого не вернешь...

Вера шагает уже по родной земле. Стоят облачные и холодные дни. У дороги шумят седые ели. Подхваченная пронзительным северным ветром, летит на юг перелетная птица. А сердце бьется все тревожнее, усталые ноги не хотят отдыхать. Ой ты, край родимый, дорогая, любимая земля! На твоей груди и мороз — не мороз и усталость — не усталость.

Еще не дойдя до села Типэ, Вера встретила товарищей Ильи — они шли на Урал. Первым делом Вера их крепко обняла, а потом долго слушала важгортские новости. Узнала она и как о ней судачили. Но печалиться было нечего, Илья ее любит и ждет, потому и не пошел со всеми...

Тут она еще больше заторопилась, но, уже подходя

к селу, решила сразу не идти домой, к Сирвойтовым, а прежде забежать к деду Пашко: надо повидать Илью, а родня, конечно, не позволит; кроме того, надо подробно разузнать, что тут о ней толковали, кто какие сплетни распускал. А рассказать об этом и посоветовать, как ей быть, может только бабушка Матрена. Ночку Вера поспит у них, а утром уже решит, куда податься...

Был поздний вечер, когда Илья и Мирон, ненадолго зайдя на посиделки, шатались по деревне. Неожиданно перед ними выросла Федора, что-то шепнула Илье и так же быстро скрылась в темноте.

— Что такое? — спросил Мирон.

Илья едва сдерживал радость.

— Пришла, говорит. Идем... Только вот что, завернем по пути за маленькой...

Звякнула щеколда на дверях, с силой рванулась разбухшая дверь, и на пороге избы появился Илья.

Дед Пашко деловито менял лучину, бабушка Матрена сидела принаряженная, на лице Федоры сияла радость. Из-за занавески выбежал маленький Федор.

— Дядя Илья, — закричал он, — я пряник ем! Тетя Вера дала. Вон она, на печке...

Никто не остановил Федора. Все смотрели на Илью. Ну, а Илья что? Как встал посреди избы, так и стоит. Только руки не находили себе места, да скулы подергивались.

Скрипнула лесенка, приставленная к полатам. Илья снял картуз, повесил его на гвоздь...

Все слышал Илья — и как зашуршал сарафан, и как снова скрипнула лесенка, и как ступила Вера на пол.

Она уже успела сменить дорожное платье и косу переплела, а обветренное лицо так покраснелось в тепле — ну просто расцвело...

Очень хотелось броситься друг другу в объятия. Но Илью опередил маленький Федор, и Вера взяла его на руки.

— Ты, Илья, похудел будто? — смущенно проговорила Вера.

— Дядя Илья, — кричал Федор, — я вон какой большой стал! С тебя!

Федора бросилась к сыну.

— Большой, да бестолковый...

Илья загородил руками дорогу Федоре, шагнул к Вере, несколько мгновений молча смотрел ей в глаза, потом заговорил:

— Давай, Федор, вместе обнимем тетю Веру!

— Давай! — крикнул Федор и тут же запищал в объятиях Ильи.

Дед Пашко и тетка Матрена одобрительно кивали, а Федора засуетилась, собирая на стол...

Спустя два дня из села Важгорт вышли в долгий путь трое. Бабы выглядывали из окон и удивлялись:

— Вера-то с милым пошла в Богослов пилить дрова...

ЗИМОГОРЫ

1

Издавна так повелось, что зимой коми отправляются на Урал и в Прикамье на заработки. Обычай этот восходит к тем далеким временам, когда стали там добывать железо и плавить чугун, для чего требовалось много топлива. На Вычегде и ее притоках были села и даже целые волости, из которых все взрослое население уходило каждую зиму на рубку леса. Зимогорили отцы, сыновья и сыновья сыновей. Хождение на Урал стало для народа коми традицией. А для уральских заводов, из года в год поглощавших все больше и больше дров и древесного угля, зимогоры стали источником надежной рабочей силы. Было много путей-дорог, чтобы добраться до Урала, и много было причин, гнавших туда людей. Верхневычегодские поднимались на лодках по Вычегде и Северной Кельтме, проходили так называемым Екатерининским каналом и спускались Южной Кельтмой и Камой. Нижневычегодские и с Сысолы шли пешком Мурашинским трактом и через Вятку в Пермь. С открытием Котласской железной дороги добираться стало легче, по Вычегде плыли парохом, дальше ехали поездом. С наступлением зимы шли пешком до чугулки, таща за собой длинные, узенькие саночки, груженные незатейливым скарбом.

Дороги эти тянулись на сотни верст, и до прибытия на место большие мешки с сухарями полностью опустошались. Не зря же в народе поют:

— Ах ты, Ванечка-Ванёк,
Что собрался в путь далёк?
— Долгий путь укоротить,
Пуст кармашек облегчить,
Да ступенечки считать,
Да порожки обивать,
Счастья-доли поискать,
Жизнь людскую повидать.

«Искать счастья» гнали крестьян чаще всего неурожайные и непромысловые годы. Но много было и таких, которым не помогало даже «богатое лето».

— Ах ты, Ванечка-Ванёк,
Кто б хозяйство постерег?
Скотный двор свой да домок
Ты бы запер на замок!

— Новый дом мой подождет:
Кверху ветками растет.
Весь мой скот — мышь да кот —
Перемер за этот год.
Все, что нажил да сберег,—
За плечом пустой мешок.

А кроме всего прочего, нужны были и деньжонки. Отцы и матери хотели обзавестись необходимыми для хозяйства вещами, сыновья и дочери — принарядиться, купить швейную машину, гармошку.

Правильно в песне поется, что в скитаниях по чужим краям многое увидишь, многое узнаешь, а это, пожалуй, ценнее тех грошей, которые зимогорам удавалось принести домой. Именно возможность поглядеть на чужую жизнь да и счастья поискать привлекала Илью. Многое оказалось совсем не таким, как полагал не выдавший ничего парень. Новые волости, остановка в Вятке, поездка по железной дороге, Пермь с каждым днем словно раскрывали ему глаза, стало понятнее и то, о чем рассказывали Мирон и Вера. Они оба, в особенности Мирон, куда больше знали, чем Илья. Илья перед ним, что малый ребенок, только и знает, что спрашивать, как да почему. Да и Вера силь-

но изменилась за это время. Илья смотрел на свою подругу и диву давался — такой она стала бойкой и смелой! Но погодите, Илья еще себя покажет, он тоже многое узнает, научится нужное словцо вовремя вставить.

Своих товарищей они так и не нагнали. Но еще дома было договорено, куда идти. Наконец Мирон привел Илью и Веру в то лесничество, откуда Петрован со своим братом, Митрий и Семка пошли на лесной участок.

— Они велели передать вам, — сообщили в лесничестве, — чтобы вы шли туда же. В конторе вам скажут, где они подрядились работать.

Контора находилась в небольшой деревеньке. Тут же жили низшие чины лесной стражи, которые только и искали повода, чтобы придрататься к дровосекам и составить протокол о лесонарушении.

Но важгортским, видно, повезло: на том участке, куда отправился Петрован с товарищами, лесником оказался земляк.

— Знаю важгортских. Два дня назад я их провел в лес, — сказал лесник Мирону еще в деревушке и вроде бы по секрету, хотя поблизости не было посторонних, и шепотом добавил: — На самый лучший участок поставил. Заодно и вам указал место. Благодарить будете.

Это был крепкий мужчина лет сорока пяти, с реденькой бороденкой, в казенном брезентовом плаще и в сапогах с длинными голенищами. Звали его Чукулевым Федором Варламовичем.

Когда-то Чукулев тоже был зимогором. Потом несколько лет подряд не возвращался домой, летом караулил дрова, ходил с таксаторами прокладывать просеки, а в последнее время стал лесником. Сюда же и семья его перебралась — жена и четверо детей. Средний сын работает посыльным при конторе. Ему частенько приходится бывать даже в городе.

Да вот и сам он бежит.

— Остановись, Прохор, познакомься! — крикнул Чукулев. — Земляки наши начинают прибывать.

— Драсте! — поздоровался с земляками Прохор. — Давно ждали. Веселее будет.

Прохор с длинным, как у вальдшнепа, носом и бегающими, как у сыча, глазами успел уже осмотреть с головы до ног Мирона и Илью, которые теперь стояли неподалеку от крыльца конторы; он бросил оценивающий взгляд и на сидевшую у забора Веру.

— Мой сын и не помнит как следует наши края — маленьким еще был, когда сюда приехали.

— А по мне, так все равно, — ухарски сплюнул Прохор: — Где деньги дают, там и дом.

— Слышите, какой бойкий стал! — вроде бы осуждающе заметил отец и уже другим тоном спросил: — Ты, может, спешишь?

— Ничего, подождут, — тряхнул головой Прохор. — Для чего же мне язык-то дан...

Так и не договорив, для чего все-таки ему дан язык, Прохор быстро зашагал по дороге.

— Ох, и дошлый! — похвалил сына лесник. — А ведь ему всего-то шестнадцать. Он меня далеко позади оставит!

— Спесивый юноша, — безразличным тоном обронил Мирон и спросил лесника, нужно ли что-нибудь захватить на делянку.

— Зайдите в контору — там все скажут.

В конторе зарегистрировали вновь прибывших, отметили, в какой квартал и на какую делянку они направляются, а до всего прочего им дела не было. Но Мирону все же удалось узнать, что Петрован и его спутники еще не купили кирпича для кладки печи. Мирон нашел в деревне пятьдесят штук кирпичей, наложили их в пустые мешки, кто сколько мог унести, и уже под вечер все трое отправились в лес. От деревни до делянки считалось пять верст.

Здесьние места сильно отличались от Коми края. Если в Коми местность почти ровная, пересекаемая лишь ручьями и реками, то здесь преобладали холмы и горы.

Дорога не раз подымала Мирона и его товарищей в гору или круто спускала вниз — сказывалась близость Уральского хребта.

Последнюю версту они шли по просеке, поднимаясь на сопку. На востоке маячили более высокие сопки, а за сопками где-то очень далеко возвышались вер-

шины Уральской гряды, уже покрытые зимним снегом и сверкавшие теперь в лучах вечерней зари.

— Будто облили малиновой водой,— сказала Вера, глядя на далекие горы.

— Красиво,— сказал Илья,— глаз не оторвешь!

Мирон стоял на вросшем в землю гранитном валуне. Ему было жарко, он вспотел и даже расстегнул ворот, обнажив татуированную грудь, и снял шапку.

— А воздух, чувствуете, какой легкий и чистый!

После жизни в починке выход на широкий простор заметно изменил матроса. Казалось, что он и впрямь вырвался из тесной клетки и теперь с жадностью глотает ароматный воздух гор.

— И видишь дальше, и дышать легче. Глядите,— указал он рукой на юг,—отсюда даже дым заводских труб виден. Поднимитесь сюда, поглядите.

— Да ведь как туда взобраться усталыми-то ногами? — сказала Вера, но сразу же начала карабкаться на глыбу.

— Держись за меня,— обернулся Илья, но вместо того чтобы просто помочь, поднял Веру на руки.— Ты, оказывается, совсем легкая!

— А ты будто не знаешь: я ведь теперь без грехов, потому и легкая.

— Вот это верно! — улыбнулся Мирон.— А то люди подумают, что длинный путь прошла, потому, мол, похудела... Дай сюда руку, встань на тот вон выступ.

Поднявшись на каменную глыбу, Вера поправила платок.

— Небось не жалеете, кирпичи наклали — и тащи в гору. А разве нельзя из камня печь сложить?

Илья вопросительно поглядел на Мирона. Но Мирон не хотел рассуждать на эту тему — на месте будет виднее.

Все трое посмотрели на далекие дымки.

— Ох, и топят, греховодники! На сколько же верст тянутся хвосты дыма!

— Может, и мы будем пилить дрова для этих же заводов?

— Наверно, для этих. Если нет других, поближе.

— Верст двадцать будет до них.

— Клади — все тридцать.

— Интересно, а кто хозяева этих заводов?

— Черт их знает. Наверно, какие-нибудь компаньоны, ежели не иностранцы.

Мирон приложил ладонь к щеке, набрал полную грудь воздуха и изо всех сил крикнул:

• — Охо-хо-хо-о-о-о!

И будто много Миронов, таких же сильноголосых, откликнулось со всех сторон:

— Охо-хо-хо-о-о-о! Охо! Хо-хо-хо! Хо-о-о!

— А дружно-то как! — засмеялся Илья.

— Горы откликаются, — пояснил Мирон. — В горах эхо всегда громче.

— А там, под горой, слышите? — тоже откликаются, — сказала Вера и высвободила ухо из-под платка.

— Где?

— Вон там, прямо. Слышите?

— Верно.

— Да ведь это... елки-палки... наш Петрован со своими дружками! Охо-хо-хо-хо-о!

Когда умолкло эхо, отчетливо слышались голоса.

— Они. Услышали нас. Пошли быстрее, пошли!

Все трое спрыгнули с валуна, взвалили на спины мешки с кирпичами и стали быстро спускаться с горы.

Больше всего поразило друзей появление Веры.

— Сон или явь? — вскричал Семка. — С неба или из-под земли?

— Вот так штука!

— Милости просим, друзья! Кладите мешки, отдохните!

— Мы вас на ночевках ждали. Думали, может, нагоните. Да где уж...

— Известное дело, — не мог успокоиться Семка, — жди их! Они — ручки под ручки...

— Не мели чепуху! — осадил Семена Митрий. — Лучше сходи за водой. Так ведь, Петрован?

— Коли шабаш так шабаш! — воткнул топор в плаху Петрован. — Будем готовить ужин.

Мирон устало опустил на землю тяжелую ношу.

— Понадобится ли кирпич-то?

— Кирпич? — и удивился и обрадовался Петрован. — Как же не понадобится? Я уже хотел завтра по-

сылать за кирпичом. Без печки хлеба не будет. Так ведь, Вера?

Вера освободила свой мешок.

— А если из камня сложить печ? — спросила она вместо ответа.

— Не годится, — сказал Петрован.

Илья все еще ждал неприятного для него разговора: ведь он отстал от друзей из-за девушки. Но никто и не думал напоминать ему об этом. Только Иван украдкой подмигнул Илье: дескать, молодец, девку с собой привел...

Тут и там валялись уже заготовленные бревна, из которых будет сложена избушка, называемая у лесорубов куренем. Повсюду торчали пни. Перед шалашом из веток потрескивал костер. Кругом стоял высокий, нетронутый лес — ели, сосны, лиственницы, березы.

— Лес неплохой, — заметил Мирон.

— Какой просили, — ответил Петрован. — Лучше уж маленько леснику сунуть. В хорошем лесу больше дров заготовишь.

— А он взял?

— Спрашиваешь! Так в глаза и смотрел. Видно, мало показалось. Хитер, каналья!

— Мы его видели в деревне, — поморщился Мирон.

Было о чем поговорить, хватило на весь вечер. Сначала потолковали у костра, а потом продолжали и в шалаше, когда улеглись спать.

Утром друзей разбудили тетерева. Они токовали где-то совсем близко, и дровосеки пожалели, что не захватили с собой ружья. Но, по правде говоря, для охоты и времени не было — побыстрее построить бы курень и баню. Для лесного жителя баня — это первое дело. Нужно было сходить за оставшимся кирпичом, нужно было купить муки, крупы, сушеной трески или воблы — словом, запастись самым необходимым, без чего не поработаешь, не проживешь.

Разумеется, командовал всем Петрован, как старший... Четверо — самые сильные — взялись за постройку куреня, трое отправились в деревню за кирпичом и провизией.

А через пять дней в дремучем лесу уже стоял курень с двумя маленькими оконцами и с торчавшей на

крыше железной трубой. Дверь оказалась чересчур низкой, но все-таки, пригнув голову, можно было в нее пройти. Все тут было свежее, все было новое: пол ровный и чистый, досточки пригнаны одна к одной, на-ры так ловко обструганы, точно не топором работали, а рубанком, щели в стенках аккуратно законопачены мхом. По обе стороны стола, сколоченного из широких плах, стояли скамьи. Против двери, в углу, приютилась новенькая железная печка.

— Чего не хватает, ребята?

— Жердей мало, мокрую одежду не на чем разве-шивать.

— Спиц не хватает — пилы вешать.

— Квашню надо сделать.

— Мирон, взгляни-ка, что там в бане, — коротко сказал Петрован. — Семен, сходи за жердями. Толстые не приноси. Митрий, приготовь спицы и доски — полки делать. А тебе, Вера, какая посудина нужна, большая? Я сам схожу за деревом. Квашню-то вроде из сухой ели делают?

Вера спешила убрать мусор в курене, чтобы тоже взглянуть, из каких камней кладут каменку в бане. Ежели попадется плохой камень, непременно глаза будет есть.

Банька стояла на берегу быстрого ручья, в тридцати шагах от куреня.

— Затопить-то уже можно или нет? — просунула Вера голову в дверь.

— Вечером думаем попариться. Пожалуйста, принимайте нашу работу — и затопим.

— Хвастать потом будешь, — вошла в баню Вера. — Сначала поглядим!

Баня была построена аккуратно. И корыта, чтобы подогреть воду, уже были готовы. Каменка стояла красивая и прочная, хоть пляши на ней. И негодных камней не видно.

Молодцы, трудолюбивый народ! До чего же Вере с ними хорошо! Как они с ней ласково обращаются и делают с охотой все, что Вера им прикажет, потому что считают ее настоящей хозяйкой. Этак-то почему же не жить на белом свете? При добром слове и работа спорится, и на душе легче. Да ведь и им, парням-то

этим, тоже хорошо. Женской-то работой неохота небось заниматься...

Вера стала замечать, что в ее присутствии они остерегаются произносить грубые слова, стараются быть приветливыми и выглядеть покрасивее — словом, не хотят ударить лицом в грязь. Только вот в последние дни что-то затаилось в глазах Ильи. Уж не ревнует ли он Веру? Уж не считает ли ее легкомысленной?

— Вот что, Илья,— обратилась к нему Вера,— сходи за камнями. Знаешь ведь, какие нужны, чтобы воду греть.

— Знать-то знаю, да сумею ли как следует выбрать? Может, вместе сходим?

— Пойдем,— охотно согласилась Вера.— Научу тебя камни выбирать.

Далеко идти не пришлось. На дне ручейка сколько хочешь камней, выбирай, какие нужны.

Вера чувствовала, что Илья хочет что-то сказать ей, но не решается. Придется, видно, помочь ему.

— Я ведь понятливая, Илья. Так что лучше ничего не скрывай от меня, выкладывай все, что есть на душе.

Илья даже глаза вытаращил: ведь он действительно хотел предупредить Веру, чтобы она не так ласкова была с его друзьями. Илья только еще подумал, а Вера, оказывается, уже успела обо всем догадаться. От нее, видно, ничего не утаишь. Но все-таки он сделал вид, будто не понял ее,— стыдно было высказывать вслух такие мысли.

— Ты о чем это?

— О том, чего не было,— рассмеялась Вера.— Давай заранее условимся — никогда ничего не скрывать друг от друга.

— А если будет что скрывать?— лукаво улыбнулся Илья.

— Не может этого быть,— отрезала Вера.— Сердцем почуем. От сердца ничего не скроешь.

Илья достал со дна ручья два камня и сделал вид, что внимательно разглядывает их, а на самом деле думал, что бы ответить Вере.

Интересно получается: только подумаешь о чем-ни-

будь, да еще не знаешь, как сказать, а Вера уже проникла в твои мысли...

Может, и правда, когда любишь, сердце вроде бы общим становится? Если, например, забота лежит на сердце у одного, то эта же забота тревожит и сердце другого; если заболит сердце у одного, занает и у другого. Разве тут что-нибудь скроешь! Лучше уж не хитрить.

— Ты вот говоришь: «сердце почует»... Может, и верно,— вслух раздумывал Илья.— Коли так, конечно, лучше ничего не таить друг от друга. Согласна?

— Конечно!

— Навсегда?

— Если соглашаться, то уж, конечно, навсегда.

— Вот и хорошо.

Они пошли обратно и высыпали камни у предбанника.

— Мирон!— крикнула Вера в дверь.— А что же предбанник, так и будет без пола?

— Как так без пола? — Мирон вышел из бани.— Все будет — и пол и лавки. Начинай топить. Иван уже пошел за сухими дровами.

— Ох, и помоемся мы с тобой, дружище! — Илья ткнул кулаком Мирона.

— Ох, и потрем друг другу спину! — тем же ответил Мирон.

Предбанник был тесен, друзья вышли на улицу и затеяли там возню. Подошли Иван и Семка, из куреня вышел Петрован.

— Митрий! Где Митрий?

— Здесь я.

— Да что же ты, в самом деле? Ведь у нас сегодня праздник: спать будем в новом доме, мыться в новой бане. Где твоя тальянка?

— Ах, чтоб тебя... Верно ведь!

Растянулись мехи, зазвенели колокольчики, дрогнула уснувшая на ночь природа.

— Матросскую, что ли, начнем!

— Можно и матросскую.— Митрий уже умел играть ее.

На пенек полетели сукман и шапка Мирона, между пнями образовалась площадка для пляски.

— Почаще, если можешь! Чаше!

Вера складывала в каменку дрова. И вдруг все кругом заплясало — и земля, и лес, и новая баня, и даже эхо — все, что было поблизости, все плясало.

2

Новичков в этот квартал приходило мало — их отправляли на другие участки. Дело в том, что старый хозяин ближайшего завода не то умер, не то уехал за границу, и завод поступал в продажу. Лесное ведомство, контролировавшее этот участок, выжидало заключения контракта с новым хозяином и пока не торопилось с заготовкой дров. Но тем, кто уже здесь работал, было безразлично, какому хозяину ведомство продаст лес, — дровосеки заботились о себе: сколько выработают, столько и получают.

Никогда еще Петрован так усердно не трудился на заготовке дров. В прошлые годы его напарниками обычно бывали чужие, и заработок приходилось делить пополам, а в этом году делить не придется. Напарником у него брат Иван, и работает он хорошо, хотя первое время ему было трудновато угнаться за Петрованом. Петрован мечтал вернуться домой с хорошими деньгами, поэтому он не жалел ни себя, ни брата.

Их делянка начиналась у самого куреня. Шириной она в пятьдесят сажень, в длину — сколько успеют пройти до весны. Такие же делянки были и у его товарищей. Мирон, Илья и Вера работали справа от него, Митрий и Семка — слева. Между делянками оставались нетронутые лесные полосы, равные по ширине самим делянкам. Поэтому каждая пара работала, не видя друг друга; слышно было только, как валятся деревья.

Уже выпал зимний снег. На делянке братьев выросли длинные ряды поленниц. А впереди лес еще гуще и выше. Это поднимало дух.

Несмотря на холодную погоду, Петрован работал в одной рубахе, а Иван без шапки и рукавиц, в легком, холщовом пиджаке. Сегодня они решили заготовить

по три батога¹ на человека. Валить деревья начинали с рассветом. Петрован все заранее предусмотрел. Полоса разработки разделена у него на три завала. Деревья валят в одну сторону, с таким расчетом, чтобы их было удобно распиливать и не далеко было носить чурки.

Стучат по мерзлому дереву топоры, визжит пила, с грохотом падают в кучу уже поваленных деревьев вековые сосны, седые ели, гордые осины, белые березы — вырубаются все деревья сплошь, что растут на полосе.

Разговаривать братьям не о чем, да и некогда молоть языками. Изредка разве бросят друг другу: «хватит», «пилу заberi» или что-нибудь в этом роде.

Все остальное понятно и без слов. Если дерево наклонилось не в ту сторону, куда надо, запасись жердью и сразу толкай его, как только Петрован запрокинет голову на своей короткой, жирной шее и поглядит вверх.

Вот Мирон и его помощники перестали валить деревья, — видно, сели поест. Они не отстают от братьев. Правда, они работают втроем, Вера здорово помогает. Но Петровану хочется обогнать их.

— Потом поедим, — ответил он на вопросительный взгляд брата. — И вечером можно будет дольше поработать.

Так вот день, другой потрудятся — глядишь, и оставят матроса позади. А о Митрии с Семкой и говорить нечего, те уж давно отстали, для них это дело непривычное. К тому же Семка малосильный, только и умеет что зубоскалить.

Сучья уже срублены. Иван собирал их в кучи, а Петрован ставил на бревнах отметины: чурки должны быть семи четвертей в длину — не длиннее и не короче, если не хочешь платить штраф.

Вновь запела пила. Хороша у братьев пила, истинный огонь! А все потому, что за ней Петрован ухаживает. Вот она и поет, а не дребезжит. Для нее не страшны ни комли старой березы, ни лиственницы в три обхвата.

¹ Б а т о г — мера дров, в одном батогe примерно три кубометра.

Начал синеть снег — так в здешних местах сходит на землю звездный вечер. Надо вовремя зажечь сучья, чтобы они успели разгореться еще в сумерках. В разгоревшийся костер можно подбрасывать новые сучья, чтобы было светло как днем.

Раскряживать кончили уже в сумерках, поваленных деревьев оказалось больше, чем братья в состоянии были разделать до конца, то есть до кладки в поленницы. Но это ничего. Расколоть они все равно сегодня успеют, а сложить в поленницу можно и завтра утречком, при свете костра.

— Подзакусим, что ли, Ваня? — наконец сказал Петрован и набросил на плечи сукман.

— А я думал, ты уже совсем решил не есть. Эдак, брат, жилы лопнут, с ног свалишься.

— Настоящие дровосеки никогда с ног не валятся. Весной еще бывает, когда солнышко этак размягчит да разнежит.

Большая груда сучьев с одного края уже хорошо разгорелась. Ветви шипят. И какие только фигуры не выделяет огонь между сучьями! И у каждого язычка пламени свой цвет: то пурпурный, то синеватый, то золотистый... А все вместе — костер.

Замерзший хлеб быстро оттаял, снег растопился — можно поесть и запить водой.

Петрован доволен братом. Крепкий парень, быстро научился премудрости дровосека! На будущий год можно будет побольше заработать.

— Осенью-то, говорю, пустяки, человек еще в полной силе, — захотелось Петровану поговорить. — Вот весна — она все портит. Тогда так надоест здесь, что в печенках кисло станет. Болезни всякие пойдут, будь они прокляты! Верно, места тут для них подходящие.

Иван тоже был не очень разговорчив, в особенности когда хотел есть. Сейчас он с жадностью запихивал в рот хлеб, старательно посасывая снег.

Братья сидели на чурках, лицом к огню. Ноги у обоих обуты в пимы с валеными головками, на плечи наброшены сукманы. Хотя Иван еще молод, но и теперь уже можно сказать, что лет через пять он станет таким же крепким, как брат.

— Говоришь, места здесь особенные? — отозвался Иван. — А чем особенные-то?

— Леший их знает, — махнул рукой Петрован. — Люди говорят, что здесь выше, что ли, чем у нас. Это как-то с морем вроде сравнивают. Да и снег здесь другой. Ты, браток, смотри, много не ешь снегу-то, — вдруг переменял разговор Петрован. — Вспотевшему много никак нельзя его есть. Лошадь и то болеет, коли напоишь потную.

— А чего бояться-то? — тоже махнул рукой Иван. — Мы же опять вспотеем. Если коня напоишь в дороге, ничего с ним не будет, лишь бы опять вспотел.

— Это-то верно! — почему-то обрадовался Петрован и стал вспоминать, кто и когда поил лошадей потными и как их потом лечили.

Уже совсем стемнело. В отсветах костра лес казался еще выше, а кучи чурок больше.

У Петрована и на этот случай все было рассчитано. На месте будущей поленницы он оставлял два нетолстых дерева, чтобы между ними складывать дрова. Костер хорошо освещал место работы, и после еды братья сразу же занялись делом — Иван подносил чурки, а Петрован колол.

Колоть мерзлые, длинные, в семь четвертей, чурки — для такого дела требуется не только сила, но и сноровка.

Петрован ловко орудовал своим тяжелым колуном на длинном топорище, порой пуская в ход пудовую березовую дубину. Поставит толстую чурку в лунку, сам станет чуть повыше, взмахнет колуном да как рубанет — сначала с одного края, затем с другого. От третьего удара в середку прямая чурка уж непременно раскалывается, какой бы толстой ни была. Ну, а когда крученослойные чурки, тут еще приходится вгонять дубинкой березовый клин.

Все ярче разгорался костер. Отблески его играли на деревьях, плотной стеной подступавших к нему, достигали и поленниц, выстроившихся красивыми рядами на делянке, напоминавшей теперь широкую просеку. Стук каждой брошенной Иваном чурки эхом отзывался где-то в темноте. Каждый взмах Петрована колуном сопровождался его громким покрякиванием.

Звенели твердые, как льдинки, дрова. Со стороны могло показаться, будто здесь работают при свете костра сказочные богатыри, решившие во что бы то ни стало превратить в дрова всю эту громаду леса.

Давно уже вернулись с работы Митрий и Семен. Немного позже подошли Мирон, Илья и Вера. Они повесили над костром котелки и чайники и стали ждать братьев.

— Мы им покричали, они что-то ответили, да я не разобрала. Наверно, просили воду вскипятить, — возясь у костра, сказала Вера. — Уж повешу и их котелок. Может, скоро придут.

— Разбогатеть хотят, — будто осуждая их, сказал Мирон.

Но в душе он злился на себя: как они втроем ни старались, а обогнать братьев так и не смогли. Одно только утешало — что Митрий и Семка здорово отстали от них. Но они, похоже, так и не смогут их нагнать: Семен уже снова надорвался, Митрий опять возится с ним.

— Что, паря, это тебе не овчины выделявать? — подтрунивал Илья над Семкой.

— А я не раскаиваюсь, — усевшись на нары, отшучивался Семен. — Хоть дух кислых овчин выветрится. А то, бывало, так и говорят: «Срамным духом от тебя несет».

— Верно, Семка, верно, — старался поддержать шутку Мирон. — На работе не надорвешься — калошами не разживешься.

— А без них как домой воротиться? — не унывал Семка. — Какой же я без калош зимогор?

Пока Семка лясы точил, Митрий точил пилу.

— Ты хоть бы мне, Семка, посветил, — без досады и раздражения сказал Митрий.

— Это я могу. С малых лет приходилось светить. Отец и старшая сестра, бывало, овчины выделяют, а я свечу. Тем только и кормился до десяти лет... Одну или две лучины разжечь, Митрий?

— Все равно, лишь бы светло было.

Митрию все ладно, все хорошо. Никогда не рассердится, не раскричится на Семена. Да и что толку сердиться? Он же видит — не рожден Семен для такой ра-

боты. Хорошо уж и то, что весело с ним, сам не ноет, и Митрия подбадривает.

— Ты лучше вот что,— не поднимая головы, сказал Митрий,— Расскажи-ка людям, как ты сегодня разговаривал с удмуртами и чувашами.

— С какими удмуртами и чувашами? — сразу же откликнулся Мирон, он даже перестал умываться.

— Чукилев новых рабочих привел,— пояснил Митрий.

— И ни одного коми,— добавил Семка.

— Да погоди ты, Семка, погоди! — вытираясь, Мирон подошел к Митрию.— Много их пришло?

— Много. Чукилев говорит, что каждый день будут прибывать люди в наш квартал.

— А ты, Илья, налей воды в бачок. Надо умыться.

— Сейчас налью.— Илья отложил топор.

Семен толкнул ногой Митрия: видишь-де, как забежали по ее команде. Вот тебе и девка! Скоро заставит всех на цыпочках ходить...

— А главное в чем,— все же вставил свое слово Семка,— одни говорят на одном языке, другие — на другом, третьи — опять же на другом. Ну, и я, известно, по-своему. Интересно получалось! А все-таки маленько понимаешь.

— А они что, рядом с вами остановились?

— Ага. Один даже пожалел меня: «Такой, говорит, хлипкий да чернявый, а хочет расколоть эдакую чурку». Я стал ему объяснять, что, мол, это дерево называется лиственницей и она плохо колется. Он, конечно, дело, усмехнулся, взял у меня из рук дубину. «Сколько, говорит, весит твоя дубинка?» — «Около десяти фунтов, говорю, будет...» — «О-о!» — удивился он и одной рукой несколько раз ударил по обуху моего топора. Потом отбросил дубину, взял толстенную березовую чурку да как даст — чурка и разлетелась, как орешек... Вот-де как надо! Верно говорю! А люди опять смеются... Мне даже не по себе стало: ведь среди них были красивые девки. В одну я уже успел влюбиться вот досюда,— провел Семка пальцем по горлу.— Да, чуть не забыл,— поспешно добавил он.— Слышь-ка, Мирон? У этого самого работника на руке такая же штуковина, как у тебя.

— Матрос? — удивился Мирон.

— Матрос ли, нет ли, а нарисованы якорь и лента.

— Братишка, значит, — держа в руках топор и оселок, подошел к свету Илья. — Может, даже знакомый?

— Всяко может случиться.

Вошла Вера.

— Как там у тебя, хозяйка?

— Готовьтесь, ребятки, к ужину. Уха готова. Пока будем есть, каша поспеет... Да вы, оказывается, забыли в печку дров подбросить! Или дров нет?

— За дровами я схожу, — направился к дверям Мирон.

Но о Вере у Митрия было свое мнение. Она все больше и больше нравилась ему. А почему — он и сам не знал. Наверно, потому, что Вера трудолюбивая и аккуратная, слово скажет — непременно к месту. Да разве было бы в их курене так чисто и опрятно, если бы не Вера! Разве был бы у них такой вкусный хлеб, если бы не она! Оторвется на рубахе пуговица, порвутся штаны или еще что случится — быстрые руки Веры все поправят, и не заметишь когда. Подруге Митрия, Анне, далеко до Веры. Не так она ловка, не так приветлива, хоть и любит Митрий свою полногрудую Анну.

«Эх-хе-хе! — тихонько вздохнул Митрий. — Что там они поделывают теперь, дома? В этот поздний час отец рыболовную снасть вяжет. Никитка учит уроки, Сергея с женой отец, наверно, опять угнал в лес заготавливать сортовку, а Васька с женой, конечно, дома любезничают».

— Петрован такой огонь разжег, — нарушил думы Митрия Мирон, принесший дрова, — даже небеса светятся.

— С Петрованом-то ничего не будет, а вот Ивана жалко, — озабоченно произнесла Вера. — Наградит горбом младшего брата, вот чего я боюсь. Митрий, я тебе не мешаю? Мне туда надо пройти.

— Что тебе там нужно? — поднял голову Митрий.

— Кофточка моя где-то там. У изголовья, кажется.

— Семка, ну-ка погляди!

— Я сейчас! — Семке-то что, лишь бы Митрий не сердился. — С моим почтением, Вера, — протянул кофточку Семка. — Может, еще что-нибудь нужно?

— Больше ничего не нужно. Спасибо, Сема.
— На здоровье!
— Ох, и вежливым же стал сын Лавреня! — улыбнулся Илья.

— Будешь вежливым, — вздохнул Семка, — когда дровяная чурка и та тебя не слушается!

— Веселый ты человек, Семен, — сказал Мирон, — тебе бы в цирке выступать.

— Могу и там, — неуверенно произнес Семен, постеснявшись спросить, что такое «цирк».

Мирон, Илья и Вера сели ужинать. Перед ухой поели редьки, после ухи — овсяной каши с конопляным маслом. Что еще нужно в большой пост! Семка, правда, тоже сегодня ел кашу, но без масла. И редьки у них с Митрием не было. Да где там без женщины-то! Надо было всем вместе харчиться. Предлагали ведь, да все испортил Петрован — дескать, отдельно будем кормиться. А женщина — она всегда женщина. Вера вон и редьки припасла и масла постного... Семен глядел на Мирона с друзьями и завидовал. Они как одна семья. Мирон — вместо отца, Илья и Вера — за сына и дочь. Вера даже поправляться стала, а то первое время с лица худела.

— Вот ты говоришь, — оторвался от пилы Митрий и взглянул на Мирона, — что Семке лучше будет в цирке. Что это за штука такая — цирк-то?

— О, цирк! — воскликнул Мирон, но так как за столом не принято разговаривать, то пообещал рассказать о цирке позднее, когда лягут спать.

Так бывало каждый вечер. Все рассказы непременно начинались с вопросов Митрия. Он как услышит что-нибудь новое, подумает про себя и, коли сам не разберется, начинает расспрашивать. Митрий всегда был такой любознательный. Вопросы главным образом задавались, конечно, Мирону. Но и Вере пришлось рассказать о своем путешествии в Киев. Интересные вещи, оказывается, повидала Вера...

— Значит, про цирк хотите послушать? — начал Мирон, с наслаждением вытянувшись после ужина на постели.

— С удовольствием будем слушать, — сразу же прижался к Мирону Семка.

Ох, и хорошо вот так лежать рядом с Мироном и слушать его неторопливый рассказ! От него пышет жаром, как от печки, голос гудит в груди, как в колоколе. А когда Мирон рассказывает о своей службе на флоте, о кораблях, на которых он плавал по разным морям, о бурях и штормах, тогда Семке чудится, что и сам он матрос и такой же бесстрашный, как Мирон.

— Ну вот, вышли мы, значит, ватага братишек, на берег, покинули порт, пошли в город. А надо вам, ребятки, сказать, южные города — они все в садах. Весной кругом все цветет. Воздух, знаете ли, такой пахучий...

Мирон завел такую привычку — начинать не с того, о чем будет рассказ, а описывать сначала то место, где происходит дело. И пока дошло до цирка, он провел своих слушателей по улицам большого города бог его знает куда, и в кабак заходил, и с продавщицей цветов познакомил. А потом уже привел к цирку.

— Ну, известное дело, уселись мы в кресла, — рассказывал Мирон. — Пониже нас площадка, арена называется, тут и показывают представление. И вот началось...

Семену интереснее всего показался артист, который все время смешил зрителей, его называют клоуном. А что? Думаете, Семен не смог бы смешить людей? Вместо брюк он натянет на ноги сарафаны, обуется в плетеные корзинки, нацепит на голову остроконечную шапку из бересты, лицо разукрасит сажей и красной глиной. Не хочешь, да засмеешься, особенно если еще придумать подходящие слова...

Семен слушал и улыбался. Он видел себя клоуном. Вот он спотыкается о плетеные корзинки и падает, шапка слетает с головы, а в шапке целый выводок мышей, во все стороны разбегаются белые мыши...

Илью больше интересовали звери: как хозяин тигра клал свою голову в пасть рычащему зверю, как боролся с медведем...

— Встретился бы с ними в лесу, так не очень бы представлялся! — засмеялся Илья.

— «В лесу!» — махнул рукой Митрий. — Здесь брат, звери ученые, все, как люди, понимают.

Митрий лежал на противоположных от стола на-

рах. Чтобы лучше слышать, он повернулся лицом к Мирону и заодно поддерживал огонь в светце.

Вера уже убрала со стола, помыла посуду, вытерла стол и уселась у огня вязать кружева.

Во время рассказа об очередном номере пришли братья. Семка предостерегающе поднял руку, чтобы они не шумели. Но разве Петрован послушается Семена!

— Ты, Вера, не слышала, что ли, когда я кричал? — раздраженно сказал Петрован. — Просил ведь повесить варить уху и кашу!

— Ой-ой-ой! — поднялась Вера. — Слышала, кричали, а что — не разобрала. Думала, ты воду велел вскипятить. Сейчас помогу. Где у вас рыба и крупа?

— Кашу варить уже поздно. Спасибо хоть воды согрела. А рыба — она недолго, разок вскипит — и готово.

Действительно, вскоре уха из воблы была готова.

Братья хлебали уху с такой жадностью, что у них даже уши двигались. Двух больших караваев — около десяти фунтов — как не бывало.

— Долго работали, — заметил Мирон.

— Да неохота было бросать, пока не кончили, — схитрил Петрован, чтобы остальные не догадались, что он твердо решил обогнать Мирона и Илью.

Поужинав, Петрован погладил вздувшийся живот и прилег.

— Про что рассказывал-то, Мирон? — спросил он.

— Про цирк, — опередил Мирона Семен. — Ну и здорово!

— Что-то не слыхал я такой сказки. Новая, значит.

— Это вовсе не сказка. Это из жизни.

— Из жизни? — удивился Петрован. — Тогда неинтересно. Сказка — она лучше жизни.

Сказал и тут же захрапел.

— Петрован уже спит.

— Ну и пусть дрыхнет!

В курене вдруг стало так тоскливо, что никто уже не просил Мирона рассказывать.

Мирон долго смотрел на храпевшего Петрована и чувствовал, что в нем зарождается такое же чувство,

какое он испытал в день покрова в гостях у Степана Матвеевича.

«Полу-у-у-ндра! — как и тогда, хотелось крикнуть ему.— Полу-у-у-ндра!»

1003

В воскресенье утром Мирон спросил товарищей:

— Кто хочет сходить со мной навестить соседей?

— Вот это верно! — похвалил Мирона Илья.

— А то живем, точно сычи.

— С пребольшим удовольствием сходим! — обрадовался Семка.— Мне охота повидать свою подругу. Бедняжка, наверно, стосковалась... Митрий, сходим?

Но у Митрия вдруг зачесался затылок.

— Можно бы,— протянул он,— да ведь мы хотели сходить в деревню за харчами, есть нечего.

— Мы тоже собираемся в деревню,— сказал Петрован.— Кое-чего надо купить. Рабочее время не станешь ведь терять.

— А как же моя подруга? — не унимался Семка.

— А какая она из себя-то?

— Известно какая,— самая красивая.

— Ну, раз так, мы ее сразу узнаем, передадим от тебя поклон.

Разговор кончился тем, что сходить к соседям могли всего двое. Вера тоже не пошла — у нее сегодня была стирка.

— Ну и к черту всех вас! — с досадой сказал Мирон.— Пошли, Илья?

— Без гармошки, что ли?

— Митрий, дашь тальянку?

— Берите.

Хотя Илья и не много песен играл на гармошке, но походную наяривал прилично. Лес, казалось, ожил от звуков гармошки. Из первого же встретившегося им куреня в широко открывшиеся двери высыпал народ.

— Милости просим, добрые люди, милости просим!

— Откуда вы свалились?

— Из-за того вон холма пришли.

— Там живем, как и вы,— заготавливаем дрова.

Хорошо, коли соседи с гармошкой!

Все говорили по-русски — значит, удмурты и чуваша где-то дальше. Там должен быть и матрос, которого видел Семка.

— Не обессудьте, — Мирон ведь умеет говорить как образованный, — но нам дальше надо идти.

— На обратном пути заверните.

— Спасибо! Приходите и вы к нам.

А гармошка то громче играет, то тише, то совсем заглохнет, точно застряла где-то в снежном лесу, — это так подводят здешние горы. Курени встречались теперь чаще. Столько людей сюда понаехало, столько людей! С Урала, из Сибири, с Волги, с Северной и Западной Двины...

— Тоже бедность, наверно, погнала их сюда, по одежде видно, — сказал Илья.

— А ты как думал? Таким, как Сирвойтовы и сыновья мельника, делать тут нечего, они и дома сыты.

Слова Мирона правильные, возражать Илье не приходится. Он все наяривает на гармошке и время от времени задирает кверху голову.

— Обманул нас Чукулев — лес-то здесь лучше.

— Я тоже об этом подумал. Вот тебе и земляк!

— Калым братъ — на это он земляк.

— Пусть собственный палец пососет! — разозлился Мирон. — От нашего брата калыма ему не дожидаться!

На одной делянке работали люди, несмотря на воскресный день.

— Эй, чуваша и удмурты есть тут у вас?

— Нету. Мы кержаки.

— Извиняемся в таком случае.

— Кержаки — староверы, — рассказал Мирон Илье. — У них свои законы, свои праздники.

Илье и Мирону встречались по пути дровосеки. То тут, то там дымились курени, а то и просто шалаши. А знакомого Семке матроса никто не знал.

— Матрос! Я знаю. Здравствуйте!

Как снег на голову свалился откуда-то сын Чукулева.

— А-а! Прохор! Здорово, здорово! Где был, куда идешь? — поинтересовался Мирон.

— Все дела, дела,— неопределенно ответил Прохор и сразу же стал объяснять, как пройти к удмуртам и чувашам.

— Спасибо тебе, Прохор, большое спасибо!

— Не за что, земляки, не за что. До свидания!

Пришлось повернуть обратно и пойти по визирке. Здесь, оказывается, тоже были делянки, поленницы, несрубленные полосы леса.

Матроса нашли быстро. И первым делом спросили его:

— В тот день, когда пришел сюда, колол чурку нашему Семену? Помнишь? Такой маленький, чернявый...

— Из Коми?

— Да. Мы его товарищи, живем в одном курене.

— О, значит, знакомые!

Много расспрашивать не пришлось — матрос матроса и с завязанными глазами узнает.

— Где служил?

— На Черноморском. А ты?

— Балтиец.

Вскоре хозяин и гости уже сидели за сколоченным из плах столом.

Бывший балтиец был старше Мирона года на три и повыше ростом. Смотрел он немного исподлобья и, кажется, не вполне еще доверял незнакомцам.

В курене, у маленького окошечка, что-то шила молодая женщина. В углу сидел старик и чинил валенки. Но, судя по развешанной на стене одежде и постелям, людей здесь жило гораздо больше.

— Илья, как бы не забыть,— обернулся к товарищу МIRON.— Наш Семка-то велел передать поклон своей зазнобе.

— Уже успел влюбиться! Слышишь, Марина? Уж не в тебя ли?

— Ты, Филипп, все шутишь,— ответила по-чувашски Марина.— Кто же вдову полюбит? У нас девушек хватает.

Слова Марины матрос передал Мирону и Илье по-русски. Затем на своем же языке что-то сказал Марине, а потом спросил у Ильи, можно ли поиграть на гармошке.

В руках у Филиппа тальянка будто иной стала. Чего только не играл матрос! И каждой вещи давал название: чечетка, барыня, полька, краковяк...

— А вот и походные! — И стал наигрывать. — Астраханская. Саратовская. Казанская. Ярославская. Тверская... — Одним словом, волжские походные, от устья до самого истока. — Я ведь после службы каждое лето бурлачил или матросом нанимался. Люблю Волгу-матушку, просторы ее люблю...

Илья смотрел и слушал. Ему казалось, что этот человек сильно отличался от всех, кого Илье приходилось встречать в жизни. Но если бы его спросили, чем именно он отличается, Илья не сумел бы ответить. Марина уже успела вскипятить чайник. Потом помыла соленую треску. Принесла откуда-то бутылку вина. Нарезала хлеба. И все это выставила на стол.

— Савельич, — обратился к старику Филипп, — бросай-ка свои валенки, нельзя при гостях работать! Да какой еще гость-то — братишка! Не на каждом шагу здесь матросы встречаются.

Как выяснилось позже, Савельич тоже был бурлаком, а Марина приходилась ему дочерью.

— За что пьем? — поднял кружку Филипп.

— Чтобы больше дров заготовить, — видно, нарочно задел матроса старик. — Бикмедову ой как много дров понадобится!

Филипп ничего не ответил, но, судя по тому, как он посмотрел на Савельича и как покраснела Марина, можно было понять, что старик сказал что-то для них неприятное.

— Мы выпьем за нашу встречу, — предложил бывший балтиец. — И пусть она не будет последней!

Чокнулись. Выпили. Закусили.

— Ты, папаша, сказал, что дрова заготовливают для Бикмедова. Не он ли стал новым хозяином завода? — спросил МIRON.

На все вопросы отвечал Филипп, и надо полагать, что он не случайно отвечал вместо старика.

— Это верно, — посмотрел Филипп на МIRONа, — хозяином завода будет теперь Бикмедов.

— Ох, и дошлые эти Бикмедовы, — покачал головой МIRON, — всюду поспевают, даже в Коми приезжа-

ют... Я говорю о купце Бикмедове. Из Казани к нам приезжает, пушнину у охотников скупает.

— Этот тоже купец. Человек без капитала завода не купит.

— А как его звать-то? — спросил до сих пор молчавший Илья.

Филипп кивнул в сторону старика.

— Вот он знает всех купцов по Волге. Ну-ка, Савельич, как его величают?

— Татарское имя... не припомню.

— Не Гафар Макарыч?

— Во! Правильно — Гафар Макарыч.

— Сам низенький, толстый, с маленькой бородкой, глаза точно щелочки, — перечислял Илья.

— Он! Ей-богу, он!

— Здорово хитрить умеет, — добавил Мирон. — В промысловые годы приезжает до начала охоты, чуть ли не со всеми охотниками за руку здоровается, всем обещает по самой высокой цене уплатить за пушнину.

Илья был не согласен с Мироном — уж чересчур он хулит Бикмедова.

— Но не обманывает, — вставил Илья. — Пообещает купить по самой высокой цене — и купит. Не то что наш Сирвойтов.

Филипп поинтересовался, кто такой Сирвойтов.

— Есть у нас такой кровопивец. Тоже купец, — сквозь зубы процедил Илья, и Мирон заметил, что глаза у Филиппа подобрели.

— Чего же он тебе такого сделал? — спросил Филипп.

Илья покосился на Мирона.

— Да расскажи, — подбодрил его Мирон, — сразу легче станет.

И сам стал рассказывать о том, как Илья и его брат батрачили у Власия и как этот Власий обвел вокруг пальца семью Степана, когда покупал пушнину. Илья лишь изредка вставлял словцо для точности. А Филипп так искусно вел разговор, что к тому времени, когда бутылка на столе опустела, Илья успел даже показать хозяевам свою искусанную медведем руку.

— Скажи еще спасибо, — подивился бывший балтиец, — что не высохла твоя рука!

— А почему, думаете, не высохла? — не удержался Илья.— Ссылный доктор лечил, операцию сделал.

— Марина! — вдруг воскликнул Филипп.— Где хочешь ищи, а найди нам еще бутылочку!

Марина заупрямилась было, но старик сказал ей:

— Ты, дочка, сама видишь, с кем довелось выпить. Сходи к соседке, у нее бывает. За деньгами дело не станет.

За второй бутылкой Мирон и Илья узнали кое-что и про хозяев. Они, оказывается, бурлачат втроем на одной барже. Осенью баржа так и осталась посреди замерзшей Камы, а команда разбрелась кто куда. Они вот пришли сюда скоротать зиму, и им порядком уже надоела лесная жизнь. Филипп, как он сам сказал, больше не может жить в такой глуши, его тянет на волю.

— Ничего не поделаешь, братишка,— заговорил Мирон,— такая уж, видно, душа у моряков, ищет простора, не хочет мириться с теснотой. Вот я тебе расскажу о Петроване — моем земляке. Мы с ним живем в одном курене. Так ему что! Ему три вещи только и нужны: работать до упаду, набивать брюхо да спать, пока не распухнет. Разве это жизнь? Есть у меня брат Прокопий — на хуторе, в лесу, мы с ним живем. Медведю он брат, вот кто он такой!

— Набивать брюхо — этого человеку мало,— подбавил масла в огонь Савельич.— Насекомые — они тоже живут из-за живота своего. А человеку нужна свобода. Еще как нужна-то! Но вот ее как раз и нет, свободы-то...— Старик махнул рукой, будто отгоняя надоедливую муху, облокотился на стол и задумался.

— Вы на него не обращайтесь внимания,— кивнул в сторону старика Филипп.— Это у него вроде присказки. С тысяча девятьсот пятого года твердит, коли выпьет: «Слобода, свобода...»

— Ты погоди, Филипп, погоди,— приподнял голову Савельич,— ты мне не мешай! Мои глаза меня не обманывают, вижу, с кем говорю.— И он уставился на Илью.— Хороший ты человек, бесстрашный и сильный. Но... не обижайся... На жизнь ты смотришь глазами младенца. Не верь Бикмедову, обманывает он.

— Обманывает ли, нет ли, а за беличьи шкурки дал

цену больше других купцов,— осмелился возразить Илья.

— А если бы не дал? Что бы тогда было? Отвечай! Ну, если бы не дал?

Мирон и Филипп понимающе переглянулись.

— Если бы не дал, тогда, конечно, другое дело,— неуверенно произнес Илья.— Тогда охотники не стали бы продавать ему свой промысел тайком, чтобы не узнал свой купец.

— А я о чем говорю? — обрадовался старик.— Если бы не дал больше, то и купил бы меньше. Вам, охотникам, дал копейки, а сам возьмет рубли. Израсходовал сотни, а нажил тысячи, миллионы. На эту прибыль и купил завод. Ты охотился — он на твоей охоте разбогател. Ты сейчас ему дрова заготавливаешь, а прибыль он будет брать себе. Купит, а то и построит еще один завод. Мы на него работаем — он богатеет, раздувается, а мы что?

— В общем так,— снова вмешался Филипп,— хватит болтать! Где наша тальянка-то? Поиграть охота.

Мирон почувствовал, что Филипп нарочно не дал старику говорить, так как не вполне доверяет ему и Илье. И это была правда.

О себе Филипп немного рассказал новым товарищам. Ведь и сюда, в лес, он не зря пришел. На это была особая причина. Работая грузчиком, бурлаком, а потом матросом на волжских пароходах, он сблизился с социал-демократами. Сначала ему давали отдельные поручения, а позже приняли в члены РСДРП. Вскоре он попал под подозрение агентов охраны. Но взять его не смогли — не было явных улик. Надо было отвести от себя подозрения. И он отправился работать в лес. Партия поручила ему поближе познакомиться с дровосеками, расшевелить их большевистским словом.

Филипп уже понял, что перед ним как раз такие люди, которым нужно помочь выйти на широкую дорогу. Но приходится быть осторожным, тут нельзя ошибаться. Он играл на гармошке и вглядывался в Мирона и Илью.

Опытному глазу нетрудно было проникнуть в мысли Ильи. Илья боролся сам с собой. Он никак не мог

поверить, что приветливость Бикмедова, его желание казаться своим человеком, а самое главное — покупка их промысла по более высокой цене нужны ему лишь для того, чтобы получить побольше прибыли, а на эту прибыль купить завод, для которого одних только дровосеков вон сколько нужно. Надо полагать, что на покупку этого завода понадобилось и в самом деле много денег, так много, что Илья даже и представить себе не может. Но как же так?! За прошлую зиму в Важгортской волости столько наловили зверей и дичи, а ведь никто из охотников не разбогател. Как же это Бикмедов на их промысел сумел купить целый завод? Здесь, брат, что-то не то, словам верить нельзя. Первым делом надо своими глазами увидеть этот самый завод.

Илья подошел к старику, чтобы расспросить его, пока Филипп играл. Но только он успел задать вопрос, как тальянка умолкла.

— О чем разгсвор? — осведомился гармонист.

— Илья хочет знать, большой ли завод у Бикмедова, — ответил Савельич.

— А вы разве не мимо завода шли сюда?

Мирон объяснил Филиппу, как было дело: они пришли прямо в лесничество вслед за своими товарищами.

— К тому же мы не знали, что завод принадлежит Бикмедову. Мы бы и самого Бикмедова повидали.

— Даже самого? — усмехнулся старик. — Его самого, сынок, ты здесь не застанешь. Здесь он не будет засиживаться. Тут всем ведает его управляющий. А если он и побывает здесь когда-нибудь, ты и хвоста его не увидишь.

— Когда вы прибыли сюда, завод ему еще не принадлежал, — уточнил Филипп. — Хотите сходить поглядеть?

— С большой охотой! Только вот когда?

— Лучше всего на рождество, — сказал Филипп, и все согласились с ним.

Мирон вышел на улицу. Оказывается, уже начало темнеть. Надо отправляться домой.

— Большое спасибо, друзья! — сказал, прощаясь, Мирон. — Ждем вас к нам. Марина, ты тоже приходи

непременно. У нас там есть девушка, Верой зовут, вы с ней поладите.

Новые друзья обещали прийти.

— Так не забудьте взять с собой подругу нашего Семки! — уже с порога крикнул Мирон.

— Пусть ждет! Приведем!

С этого дня молодые люди стали часто навещать друг друга.

4

Приближалось рождество. Но дровосекам было не до праздников. Почему-то заново стали принимать выполненную работу, причем гораздо придирчивее, начальство только и искало, к чему бы прицепиться.

Потом уже выяснилось, что лесное ведомство успело договориться с новым хозяином завода — ему сдадут квартал, а заготовленные дрова продадут как готовую продукцию. У местного лесничества открылись широкие возможности прикарманить весьма солидный куш. Ведь можно, принимая дрова, посчитать их так, что количество сажень будет меньше, чем на самом деле, а продать заводу столько, столько есть в действительности и уж, конечно, по более выгодной цене.

Возможностей уменьшить кубатуру в поленницах оказалось немало. Если дрова сложены не совсем плотно, сбросить со счетов сколько заблагорассудится; если полено короче или длиннее установленного размера, взять штраф. Штрафовали даже за пни, если они были выше установленной нормы, за несожженные мелкие сучья, за срубленные в лесной полосе отдельные деревья... За что только не штрафовали.

И получалось так: сдаешь, скажем, сто кубических сажень, а запишут семьдесят, самое большое — восемьдесят.

Штрафы взимались, конечно, не только в этом году и в этом квартале. Рабочих грабили и тогда, когда дрова заготавливал сам завод. Доверенные и лесные надзиратели тоже умели наживаться за счет дровосеков, только делали они это не так откровенно. Но сейчас лесное ведомство торопилось, а потому все формы мошенничества были хороши.

Приемка началась с западной стороны квартала. Дровосеки роптали на своих делянках. Но каждый выражал свой протест в одиночку, каждый говорил только о своих обидах. Каждая пара думала, что больше всего обсчитали именно их. Откуда им было знать, что делается на соседней делянке... Нетронутые лесные полосы, казалось, разделяли людей непроницаемыми стенами, каждый курень жил, как в скорлупе, своими маленькими интересами. Не будешь ведь бродить в рабочее время с делянки на делянку, из куреня в курень, чтобы узнать, у кого как приняты дрова. Не для того пришли сюда. Да и какое дело кержаку до вотяков, а сибиряку до вологодских? Каждый живет ради себя.

И все же кое-что прослышали люди друг о друге. Оказывается, у многих убавили кубатуру, потому что они якобы не умеют работать: не так валят деревья, плохо распиливают, никуда негодно складывают поленницу, не хотят принимать во внимание технические требования лесного ведомства. А вот у коми, у земляков лесника Чукулева, у них, говорят, все хорошо, они и дров заготавливают больше, и ни к чему нельзя придраться. Пример надо брать с них, с этих коми,— так говорил сам Чукулев.

Одни верили таким рассказам, другие — нет.

— Да что тут неправдоподобного? — рассуждали между собой дровосеки.— Земляк земляка не даст в обиду, не станет хулить.

— Да еще в глаза ими тычут: пример, дескать, берите с них, растуды твою...

— Обидно, конечно, страсть как обидно!

— Истинное разорение! Не только денег — лаптей домой не принесешь.

Но вот и к коми пожаловали приемщики. У Митрия и Семки дрова принимали так, будто их самих здесь и не было. И, уже уходя с делянки, приемщики сказали им: дескать, мало заготовили дров, плохо сложили поленницы — словом, на каждом шагу нарушения.

Обмануть Петрована было труднее. Он опытный человек, ему не раз приходилось сдавать свою работу и в прошлые годы. Но когда Петрован увидел, что начальники уменьшают кубатуру даже тех поленниц, которые уже были приняты ими раньше, он шепнул Чу-

кылеву, чтобы тот замолвил словечко главному. Петрован считал, что уж лучше еще подбросить немного Чукулеву, иначе больше потеряешь...

Среди приемщиков за главного был лесной кондуктор. Он важно расхаживал в черной шубе до пят, в пыжиковой шапке-ушанке, в замшевых перчатках. Ему помогали Чукулев и объездчик.

— Что ты сказал?— заорал кондуктор, когда Чукулев осмелился замолвить ему это самое словечко.— Ну-ка, повтори еще раз, да громко, чтобы все слышали! Ты что, хочешь, чтобы тебя сегодня же прогнали с работы?

Лесник стоял перед начальником ни жив ни мертв, и нельзя было понять, что у него серее — реденькая борода или лицо.

— Я тебя, сукина сына, отучу от таких штук! Сегодня же напишу на тебя жалобу, а завтра сдашь свой участок другому.

— Виноват, господин кондуктор,— дрожал Чукулев,— виноват...

— Молчать! Ты позоришь все наше ведомство! Что скажет главный, когда узнает, чем занимаются его подчиненные? Мерзавец! Идиот!..

У Петрована тоже задрожали колени. Он боялся за Чукулева. Ведь земляка и в самом деле могут прогнать, а он не виноват. Это все из-за Петрована.

— Господин старшой,— заикаясь произнес Петрован,— Чукулев не виноват. Ви-ви-новат я, неграмотный человек. Я думал...

— Что ты думал? — лицо кондуктора казалось рассерженным и даже обиженным.— Ты думал, что лесная стража только то и делает, что с дровосеков взятки берет? Не так это, уважаемый! Ошибаешься! Мы служим государству. Государство нам платит жалованье. А взяточников у нас наказывают. И вообще надо быть бессовестным, чтобы отнимать у рабочего человека трудовую копейку.— Кондуктор вдруг подобрел.— Вот ты,— хлопнул он по плечу Петрована,— ты пришел сюда издалека. Думаешь, мы не знаем, почему ты оставил свое хозяйство, жену, родной край? Ты пришел именно за этими самыми копейками. Так ведь?

— Точно так, господин кондуктор,— улыбнулся Петрован.

— И правильно сделал, что пришел. Такие богатыри, как ты, нам нужны. Душа радуется, когда приходишь на такую вот делянку. Ты настоящий дровосек. Мы другим тебя в пример ставим. Много наработал — много и получишь.

Приемка у Петрована кончилась тем, что все остались довольны: кондуктор сумел недосчитать на его делянке немало саженой дров. Чукилев отделался легким испугом, Петровану стало легче от похвалы, а объездчик лучше узнал своего начальника. Хитер начальничек, знает, что пообещать на словах, знает, как поступить на деле. Хороший пример для подчиненных!

У Мирона приемка проходила труднее. Мирон не раз брал из рук лесника мерку, чтобы проверить правильно ли обмерены поленницы. И каждый раз ему удавалось доказать свою правоту.

Но у Чукилева было приготовлено другое. Дело в том, что лесник до сих пор не получил от Мирона взятки за то, что поставил его на «хорошую делянку». Поэтому он каждый свой приход сюда украдкой искал нарушения, чтобы, даже когда все занесет снегом, сразу найти эти погрешности. Хитрец Чукилев хотел напугать штрафом своих земляков, которые не пожелали оценить по достоинству сделанное им добро, и таким образом все-таки получить взятку. Он не собирался делать это при посторонних, но сегодня, после того как кондуктор накричал на него, было весьма уместно показать перед начальством свое усердие. И Чукилев начал. Где ни копнет, там и находит нарушения. То пенек на вершок выше, чем положено, то остались несожженными кучки ветвей... Мелочь, конечно, а все-таки можно посчитать нарушением.

— Ай-ай-ай! — пожурил Мирона кондуктор. — А мне еще говорили, что вы хорошо работаете! Нельзя так, уважаемый, нельзя! У вас много нарушений. Даже теперь, когда все похоронено под снегом, на каждом шагу что-нибудь да найдешь. Понимаешь, какая картина обнаружится, когда снег сойдет?

Мирон было заспорил, но Чукилев находил все новые и новые нарушения.

— Придется составить акт на всю делянку,— сказал кондуктор и ушел.

Мирону не хотелось идти к товарищам, работавшим чуть поодаль. Он никак не мог понять, каким образом оказалось столько нарушений. Он со злостью начал расшвыривать ногами снег.

Разговор о приемке дров состоялся лишь вечером, когда все собрались в курене. Доволен был только Петрован. Он не на шутку тревожился за своего земляка Чукулева, как бы кондуктор на самом деле не прогнал его с работы.

— Сволочь он, твой Чукулев,— сказал на это Мирон.— Никто не видит никакого нарушения, а он, как собака-ищейка, рыщет и чего-то находит. Ведь сколько раз сам же он, Чукулев, приходил к нам и всегда хвалил нашу работу, а сегодня так насолил!

— Насолишь небось, ведь своя шкура дороже,— засмеялся Петрован.— Даже меня, постороннего человека, дрожь взяла, когда старшой-то накинулся на него. Ох, и исхлестал!

Он не сказал, за что кондуктор «исхлестал» лесника, но его слова смягчили чувство злобы. Что ни говори, а лесник тоже маленький человек и над ним немало измываются.

— Значит, это кондуктор такая собака!— бросил Илья.

— Вот это верно,— добавил Семка.— Нашего брата за человека не считает. Ох, и важный! А ходит — будто за каждый шаг деньги получает.— И Семка показал, как ходит кондуктор.

— Не балуй! — прикрикнул на него Петрован.— Кондуктор не бросовой человек, он все понимает, копейкой нашей дорожит.

— Иван,— заговорил Митрий,— ну-ка, расскажи, дружище, какую такую милость оказал вам кондуктор?

— Я ничего не знаю,— нараспев сказал Иван.— Меня там не было. Я дрова колот.

— Вам бы только бездельничать,— вдруг рассердился Петрован,— только и знаете шутки шутить да деньги за это брать! Чересчур богатыми будете!

Митрий посмотрел на товарищей — ему хотелось понять, как они отнеслись к словам Петрована.

— Ты, видно, боишься разориться, — сказал он, — оттого что мы с Семеном меньше дров заготовим. Не бойся, Петро, твою уху из двух вобл мы не сядем хлебать, а то еще подавимся!

Семка и Иван засмеялись: Ивану ведь тоже надоело каждый день, как он говорил, «жареную воду» хлебать.

Смех брата разозлил Петрована еще больше, чем слова Митрия. Он бросился к дверям, чтобы добавить в котелок еще одну рыбешку. Но это вызвало новый взрыв смеха. В конце концов Петрован до того рассви-репел, что, не доужинав, встал из-за стола.

Так нарушилась дружная жизнь артели.

А через день или два случилось еще одна беда: у Семки во время работы так сильно вступило в поясницу, что Митрий притащил его в курень на себе. Ни сидеть, ни стоять Семен не мог.

— Может, это когда-нибудь и пройдет, — начал было опять шутить Семка, — да ведь... ой... ой... да ведь в город не придется сходить. Рождество-то... м-м... скоро... Ой, колет, лучше помолчу!

Уже поздно вечером пришли Филипп и Марина, чтобы договориться вместе сходить в рождественские дни на завод Бикмедова.

— А ты что такой смирный сегодня, браток? — спросил Семена Филипп.

Ему рассказали о случившемся.

Филипп посмотрел на Марину. Она уже успела сесть рядом с Верой, и они теперь вместе разглядывали кружева.

— Иди сюда, лекарь, погляди, что у Семена случилось!

Марина и впрямь оказалась знатоком по части всяких переломов и растяжений. Этому искусству она научилась у своей слепой матери, к которой со всех ближних волостей приходили лечиться.

Все беспокоились за Семку, только Петровану до него не было дела. Он сидел перед топившейся железной печуркой и чинил рукавицы.

При каждом прикосновении Марины к пояснице

Семка стонал. Он чувствовал, как кончики ее теплых пальцев кружат по одному и тому же месту, и поясница у него заныла пуще прежнего.

— Потерпи, сокол, потерпи, родной,— ласково приговаривала Марина, и от этих слов Семке, правда, будто становилось легче.

В курене густо плавало тепло, отдававшее запахом раскаленной жести. Марина сидела на нарах, свесив ноги. На ней была простая ситцевая юбка и такая же кофточка, рукава которой она засучила до локтей. Свет ярко горящей лучины, которую держал Митрий, освещал каждую морщинку на ее лице. Марина так старательно разглаживала поясницу Семки, что со стороны казалось, будто она видит и слышит сейчас только кончиками пальцев.

— Скоро уж, сыночек, скоро!

Филипп снова взглянул на Петрована и спросил Мирона, почему Петро такой угрюмый.

— Поспорили,— ответил МIRON, не вдаваясь в подробности.

— Ну как, Марина? — обернулся к ней Филипп.— В чем там дело?

Марина концом платка отерла пот с лица.

— Растяжение жилы,— уверенно сказала она,— поэтому и болит.

— А когда она, эта жила, обратно укоротится? — спросил Семен.

Все рассмеялись.

— У тебя, сын Лаврентя, теперь непременно горб вырастет,— сказал Петрован.

Смех оборвался. Его слова и самый тон были настолько неожиданны, что в курене на мгновение воцарилась тишина.

— Ох, и зажил бы ты, Петро, если бы у меня вырос горб! — мрачно произнес Семка.

Опять все промолчали. Молчание порой больше слов говорит. А Петрован был похож сейчас на разъяренного бора.

— Нехорошо,— сказал наконец МIRON,— радоваться чужой беде. Да еще при посторонних!

Стыдясь за брата, Иван уставился в потолок.

Вера подошла к Марине.

— А что нужно делать, чтобы он быстрее поправился? — спросила она.

— Да-да, верно, что надо делать?

— Как его лечить?

— Ведь в таких случаях и редьку прикладывают, — перебивая друг друга, заговорили Семкины друзья.

— Можно и тертую редьку прикладывать, чтобы разогнать кровь, — согласилась Марина. — Но вообще-то лучше всего покой. Так говорила моя мать. Надо полежать несколько деньков — и все пройдет.

— Полежать-то я с великим удовольствием полежу, — улыбнулся Семка и взглянул на своего напарника, — только ведь Митрию будет скучно без меня.

— Ты об этом не печалься, Семка, — сказал Илья, — Митрию мы поможем и валить деревья и распиливать. А остальное он один сделает.

— Это верно, — поддержал его Мирон.

— Коли сам бедовал, и чужую беду поймешь, — добавил Филипп.

В курене вдруг стало веселее. Нашлась и редька. Ее быстренько натерли и приложили на полотенце к пояснице Семена.

Через минутку Семен уже ойкал да побрякивал, — видно, редька начала пощипывать спину.

5

К рождеству ударили морозы. В лесу то и дело раздавался треск: это лопались деревья. Наружные стены куреня покрылись инеем, как шерсть вспотевшей лошади. Под нарами появились снежные «зайцы». Приходилось все время поддерживать огонь в печке.

Петрован поднялся с нар, как только молодежь ушла в город. Он подбросил дровишек в печку, принес с улицы свинину, купленную к празднику, отрубил большой кусок и поставил варить на железную печку, хотя у дровосеков полагалось готовить на улице. Но сегодня стыдиться было некого, а Семка в счет не шел.

Долго не светало. Делать Петровану было нечего, и он уже несколько раз спел: «Рождество твое, Христе,

боже, наш...» Сегодня утром поют это во всем крещеном мире. Вспомнил Петрован свой дом, семью и, надо сказать, заскучал. К тому же было нехорошо на душе из-за ссоры с товарищами. Не понимают ничего молодые, совсем не знают жизни! Разве был бы Петрован скупым, если бы жил в достатке? Да он бы, знаешь, что ел весь осенний пост?! Рыбник, толокно, гороховый кисель, пшенную кашу. О, Петрован-то знал бы, что купить! А почему, думаете, не покупает?..

В печурке успели уже сгореть поленья. Петрован глядел на раскаленные угли, а перед глазами проходила вся его жизнь. Еще мальчишкой остался без отца, за хозяина. Все время приходилось подпирать старенький домишко, чтобы он ненароком не развалился. Затем с помощью добрых людей построил новый дом. Немного увеличил пашню — где сохой, где мотыгой. Во время сенокоса в руках у него коса, за поясом топор.

Трудолюбивому человеку и работающая жена досталась. В летние дни соседи только еще поднимаются с постели, а они уже наработались. Да и зима не проходила впустую — с побочных заработков никогда Петрован не возвращался с пустым карманом. А все почему? Да потому, что работал старательно, а тратил как можно меньше. У дровосеков, паря, горб-то сыт, да в животе скучно. Всю жизнь так было. А молодежь, глянь-ка, носы задирает — мы мол, тоже люди! В город отправились, за целый волок... А чего им там, в незнакомом-то городе, надо?

Он взглянул на Семку. Тот еще спал. После бессонных ночей никак не отоспится. Конечно, по чести, так следовало бы разбудить Семку и покормить его супом, — много ли ему нужно! Но Петрован махнул рукой на больного: мне, дескать, нет дела до него, язык больно острый, в другой раз не захочет досаждать старшим...

Свинина варилась долго, и сверху образовался слой жира в палец толщиной, а сало сделалось скользким, как мыло. У Петрована и вино было припрятано к праздничку. Ждать других не хотелось, и он начал пировать один.

Семку разбудил быющий в нос запах варева. Он

сдвинул с лица шубу, которой укрывался, и молча уставился на Петрована.

Сидит за столом один, значит, Иван тоже ушел, не послушался старшего брата. Перед ним котелок с супом, бутылка вина, наполовину уже пустая. Как всегда, Петрован ел жадно, а куски сала глотал запросто, будто жареные маслята. Семен вспомнил, что когда-то он гостил у бабушки, и та потчевала его свиной, а он куски сала бросал под стол... Сегодня мать, конечно, испекла пироги, шаньги с творогом, а он, Семка, лежит на нарах в курене и не смеет шевельнуться, чтобы не заныла поясница. Но нынче, может, не будет так болеть? Надо попробовать. Семка повернулся на один бок, на другой! Нет! Не болит!

В это время Петрован налил в кружку вино и только было поднес ко рту, как Семка звонко произнес:

— Будь здоров, Петро!

Петрован так и подпрыгнул на месте.

— К черту тебя! Как напугал!

— Обожди, Петро, обожди! Ты еще ничего не знаешь: поясница у меня, кажется, сегодня не болит. А может, болит?— уже сам себя спросил Семка.— Болит? М-м... Немного болит еще. Слышишь, Петрован?

Но с Петрованом что-то случилось. Он поставил кружку на стол, провел рукой по животу и бросился к двери.

Семен так и остался сидеть на постели с разинутым ртом.

Спустя некоторое время Петрован вернулся и заворчал:

— Щучья кость тебе в горло, сын Лавреня! Вся утроба взбунтовалась. И какой дурак родил тебя на свет божий?

Семка теперь уже понял, в чем дело: после длительного поста свинина оказалась слишком жирной.

— Разве я знал, что у тебя такие слабые подпорки?—подавляя смех, сказал Семен.

Но Петровану спорить было некогда — ему опять приспичило бежать...

В полдень слышалось с улицы пьяное пение. Семен уже снова лежал, а Петрован опять угощался.

Поющие подошли к курению и умолкли.

— Эй вы, зыряне! — вдруг послышался мужской голос. — Есть там кто-нибудь или нет?

— Есть. Давайте входите, — не вставая из-за стола, отозвался Петрован. Он был рад приходу людей.

В курень вошло девять мужиков, один другого ядренее, один другого угрюмее.

— Проходите. — Петрован встал и пошатнулся. — Вот я хозяин, а вы мои гости.

— А где остальные?

— Остальные?.. Не желаю их знать! Нет их, в город поперли.

Семен видел, как незнакомцы переглянулись. Чем-то они были недовольны. Человек средних лет в дубленом полушубке кивнул в сторону Семена:

— А этот почему лежит?

Петрован самым обидным образом объяснил про Семку. И тот же человек в полушубке пробурчал:

— Хм... Значит, болеет?

— Да хоть бы и не болел, — махнул рукой Петрован. — Тоска берет сидеть с ним за рюмкой. А с вами — с большой охотой. Раздевайтесь, усаживайтесь! Что осталось, все выпьем. Я человек не скупой.

Гости не стали раздеваться, но кое-кто сел к столу.

— Видно, хорошо зарабатываешь, потому и щедрый, — не по-доброму сказал бородатый мужик и украдкой ткнул в бок мужика в полушубке.

— Да уж, в работе равного мне нет! — похвастал Петрован. — У меня уже столько дров заготовлено, что таким вот, — он показал в сторону Семена, — за пять лет не заготовить. И все по правилам. Есть еще тут троица — так их делянку приемщик целиком забраковал. Вот я и поспорил с ними, не поладили, словом.

— С приемщиками?

— Сохрани бог спорить с приемщиками! Знаете лесника Чукулева? Он мой земляк, Чукулев Федор Варламыш! Нет, мне с ним спорить никак нельзя. Со своими тут поспорил... Знаете, что главный-то приемщик сказал? Ты-де, Петро, богатырь, мы-де тебя всем в пример ставим. Ох, и дошлый человек этот главный-то приемщик!

Но тут случилось нечто совершенно неожиданное.

— А тебе, сука, много ли заплатили за это?— процедил прямо в ухо Петровану один из стоявших.

— Кто сука? Я?— сразу же схватился за бутылку Петрован.

Но он и руки не успел поднять, как его ударил сидевший с ним рядом мужик.

— Бей его! — крикнул кто-то, и на Петрована посыпались удары.

— Пусть знает примерный работничек!

— Тебя хвалили, а нам сколько саженой недописали...

— Бей его за все!

— Тащите на улицу!

— Намнем ему бока!

Петрован был слишком пьян, чтобы сопротивляться. Да и куда ему одному против девяти мужиков!

— Караул! Убили!— заорал он.— Караул!

Семен вылез из-под нар, куда заполз, когда началась драка, и глянул в окно. Да разве что увидишь — стекла замерзли, лед в палец толщиной.

А на улице будто молотили. Петрован кричал диким голосом. Потом крики стали прерываться. И вдруг Петрован умолк. Дверь отворилась, и его, как мешок с глиной, втащили через порог в курень. Спустя минуту все утихло. «Гости», видимо, ушли. Семка так дрожал, что даже не мог плакать.

То он подходил к Петровану, то взбирался на нары — словом, не знал, куда себя девать. А Петрован лежал без движения, только тихо стонал. Лицо у него было в кровоподтеках, рубаха разорвана, грудь в ссадинах и синяках.

Что делать Семке? На полу холодно, до возвращения товарищей Петрован может помереть. Его надо уложить на нары, укрыть теплой одеждой. Но откуда Семен возьмет силы, чтобы поднять такую тушу? К тому же опять разболелась поясница. Семка разревелся во весь голос. Да какая от слез польза? Семен вытер рукавом глаза. Что-то надо придумать. Может, сначала поднять ноги, потом руки, а тогда уж всю тушу? Семен начал было... Ноги он поднял на нары, а когда взялся за руки, ноги соскользнули. Петрован и в са-

мом деле был тяжелый, как мешок с глиной, и скользкий, как кишка.

— Срамное дело это свиное сало!— вздохнул Семен. Он уже опять становился прежним Семкой, не мог он без шуток.— А ведь Петрован ни за что не поверит, что все было именно так... Петро, ты чего-нибудь соображаешь? Слышишь, Петро? Да как же, скажи, сообразишь после такой молотбы...

Характер у Семена был легкий, он быстро забывал обиду. Да и обижался-то он как-то по-своему, вроде бы тоже в шутку.

— Ах, беда, братец ты мой! Придется, видно, попробовать поднять тебя накатом, как тяжелые чурки поднимают.

Семен скинул шубу, разобрал нары, снял несколько досок и сделал накат.

— Ты только, Петро, не очень-то брыкайся. Ну, благослови тебя Христос, начнем...

Петрован неожиданно дернулся, доски разошлись, и он повис на самом краю нары. Семен подхватил его, напрягся изо всех сил, и вскрикнул диким голосом — по пояснице будто кто дубиной хватил.

Лежит Семен, а над ним висит Петрован. Семен боялся, что Петрован упадет, а тогда уж нечего и думать снова поднять его.

А поясница болела так, что перед глазами плавали желтые круги. Подвинуть Петрована было так тяжело, так тяжело... И все-таки Семен добился своего.

Сколько пролежал на полу сам Семен, он не знает. Наконец до него дошло, что в курене холодно, как на улице. С трудом подполз он к печке. Ох, как трудно засунуть в печку даже маленькое полено! Этого Семен долго не забудет. Но еще дольше он будет помнить невыносимо долгие часы ожидания товарищей. Ведь они вернулись только поздно вечером.

— Семен!— крикнул подвыпивший Мирон, едва перешагнув через порог.— Знаешь, что мы тебе принесли?! Давай, ребята, засветите огонь! А ты, Филипп, и не думай уходить. Марина, раздевайся! Вера, помоги ей!

Чиркнула спичка, загорелась лучина, и свет выхватил из темноты запорошенных снегом людей.

— Сема, ты спишь, что ли?

— Ребята!— вдруг крикнул Илья, заметив разоб-
ранные нары.— Здесь что-то неладно.

Бросились к Петровану — на нем живого места нет.

— Дрались...

— С кем?

— За что?

— А где Семен-то?

Семка все слышал, но, перепуганный насмерть, он притаился за печкой, так как решил, что снова пришли те люди, которые избили Петрована. Надо бы отоз-
ваться, а голоса нет. Пора вылезать, а псясница не
дает двинуться с места.

Вдруг друзья услышали не то стон, не то жалоб-
ный писк.

Семку увидели, подняли на нары, стали расспраши-
вать. А тот только стонет да всхлипывает.

— Подожди-ка... Мы тебе хорошего вина принесли.
Ты выпей — сразу полегчает.

Налили Семену полкружки вина, он выпил, и ему
действительно стало лучше.

Рассказ Семена прерывался стонами. Надо было
видеть лица слушавших его, чтобы понять, что твори-
лось у них в душе...

Иван кинулся за топором. Митрий засунул за го-
ленище нож. У Ильи недобрым огнем загорелись
глаза.

— Они еще пожалеют!

— Весь квартал перевернем!

— Пойдем, все пойдем!— не вытерпел и МIRON.

— Спокойно, матрос, спскойно,— встал перед ним
Филипп.— Не надо терять голову, надо во всем ра-
зобраться.

МIRON строго взглянул на Филиппа. Филипп отве-
тил ему таким же взглядом. Казалось, они встрети-
лись на узкой тропе, и, чтобы пройти, один неминуемо
должен столкнуть другого. Это было испытание не-
давно завязавшейся дружбы.

— Так, по-твоему, надо разобраться?— процедил
сквозь зубы МIRON и кивнул в сторону Петрована.—
Человек-то при смерти, а мы тут разбираться будем?
Товарищем называешься!

— А может быть,— прямо на Филиппа пошел Иван,— нас нарочно увели в город, чтобы моего брата избить? Семена-то ведь не тронули.

Филипп только покачал головой и сочувственно улыбнулся. Мирон недоумевающе развел руками, остальные глядели на Ивана, будто не понимая, что он сказал.

— Ты один так думаешь?— уставился на Ивана Филипп.— Может, и вы, товарищи, так же думаете?

— Чего там думать...— снова начал было Иван.

Но на него прикрикнул Мирон:

— Положи топор!

Марина накинула шаль.

— Филипп, может, пойдем домой? Время позднее.

— Сиди, Марина! Мы тут заночуем.

— Но ведь ты же говорил, что зайдем ненадолго?

— Будет лучше, если ты посмотришь Петрована.

Мирон начал медленно раздеваться. Илья открыл дверцу печурки и дунул, но там не вспыхнуло ни одной искорки.

— Дрова есть? — спросил его Митрий.

Дров не было, и они вышли на улицу. Через минуту зазвенела пила. Филипп и Мирон стали приводить в порядок нары, Вера и Марина меняли Петровану рубаху.

Вскоре в печке весело затрещали разгоревшиеся дрова. Хозяйничавший в курене холод постепенно спустился под нары и прижался к снежным «зайчикам», притаившимся в углах.

Филипп остался ночевать главным образом для того чтобы получше разузнать причину драки. Еще из первого рассказа Семена он понял, что «гости» приходили сюда с целью избить всех коми, только не ясно было, за что.

— Ты говоришь, Семен, что они с самого начала были злые?— уже растянувшись на нарах, начал расспрашивать Филипп.— Или лучше расскажи все по порядку, как было с самого утра.

Семен, конечно, первым делом рассказал о том, как он проснулся и обрадовался, что поясница у него почти не болит.

— Так было хорошо, так легко — прямо хоть впри-
сядку пустись...

О том, как пировал Петрован, Семен рассказал со всеми подробностями, не пропустив ничего. И перед глазами слушателей живо предстала полная картина. Ясно было и то, что вместо помощи больному Семену Петрован насмеялся над ним, да еще в такой день — в праздник.

— Вдруг с улицы послышалась песня. Голоса пьяные. Сначала подумал, что вы, да где уж...

Когда Семен окончил рассказ, Филипп закидал его вопросами. Хвастался ли еще чем-нибудь Петрован? Что говорили пьяные, когда его били? Какие приметы у каждого «гостя»?

Мирон тоже кое-что спросил, а потом рассказал Филиппу, как у них принимали дрова и какой разговор был с приемщиками. Пришлось рассказать и о ссоре с Петрованом.

Выслушав все это, Филипп долго молчал. Много стало ему понятно, и в первую очередь было понятно, что и незванные гости и пострадавший — жертвы неведения, ничем они, в сущности, не отличаются друг от друга. Не ясно было другое: не организовал ли эту драку какой-нибудь провокатор, чтобы заранее расстроить объединение дровосеков? Ведь эксплуатировать каждого в одиночку легче. Вот это следовало еще выяснить. Но теперь Филипп заговорил о другом:

— Скажи, Семен, а ты после завтрака-то что-нибудь ел?

— А что?— хотел было приподняться Семен, но снова кольнуло в поясницу.— Какая уж тут еда! Спасибо, жив остался...

И только теперь все вспомнили, что купили Семену колбасы и белого хлеба, а накормить забыли.

— Ешь, ешь,— сказал Мирон.— На завтра тоже хватит.

— Пусть Петровану останется, он ведь и завтра еще будет кряхтеть...

Все посмотрели на Семку: сам он хоть и мал, а сердце у него, оказывается, большое.

Вторая половина зимы выдалась снежная. Чтобы повалить дерево, приходилось сначала разгрести сугробы лопатами, а при раскряжевке люди проваливались в снег до подмышек, да и переносить чурки было не легко — настилали мостки, точно через речку. Все это были дополнительные трудности для дровосеков, и большинство из них выбилось из сил значительно раньше, чем в былые годы. А когда небо прояснилось и солнышко стало пригревать по-весеннему, жизнь здесь и вовсе опостылела дровосекам.

Особенно не повезло нынешней зимой Петровану. После избиения он целую неделю провалялся дома, еще неделю на делянку ходил только для виду, а в последнее время к нему прицепилась куриная слепота. Заболели также Иван и Митрий. Ну просто чудеса! Днем люди как люди, а чуть начнет смеркаться — слепнут. И потешался же над ними Семка, сам-то он теперь был здоров, поясница не болела. Шутил Семка, конечно, по привычке, а по существу стал для Митрия и обоих братьев самым необходимым человеком.

Только и слышалось: «Семушка, свари-ка, браток, чего-нибудь поесть», «Семка, подай топор», «Семен, если не лег, дай напиться, сынок».

А Семке что — с удовольствием, лишь бы его за человека считали. Ведь важно не то, что его часто просят что-нибудь сделать, а важно, как просят. Доброе слово дороже пряника.

Но непонятно было Семену вот что: одни страдают куриной слепотой, а другие — нет.

— Ты, Петро, все время твердишь, будто места здесь особенные, да и снег тоже, — размышлял вслух Семен, когда они оставались одни. — А почему эта самая хворь не привязывается к Мирону, Илье, Вере, ко мне? Вот что растолкуй ты мне.

— Хм... — становился в тупик Петрован, но все-таки отвечал: — Я на попа не учился. А люди так скажут, — настаивал он на своем.

— Не знаю, что там люди, а Мирон говорит: все

дело-де в пище. Человеку-де нужна сытная пища, тогда к нему никакая гадость не привяжется.

С Мироном Петрован так и не помирился по-настоящему, и потому упоминание о нем всегда злило его.

— Слишком много знает твой Мирон... Я, слава богу, голодным спать не ложился.

— А он еще говорит,— не отставал Семка,— что у человека есть органис и что этому органису нужна жирность.

— А конфетки не нужны?— сердился Петрован.— Посмотрим, что он запоет при последнем расчете! Тогда все, как в сети, видно будет — что попало, а что в сторону ушло. А ты там о каком-то органисе плетешь. Все дело в животе. Коли животу хорошо, ничего не может с человеком случиться. Только вот в последнее время у меня по ночам из десен кровь сочится. Старики говорили — это-де перед поносом бывает. Хоть бы еще этот дьявол не привязался. Костей домой не унесешь.

Порой Петрован с Семеном и о других вещах заговаривал. Однажды он неожиданно спросил у Семки:

— Что случилось-то с невенчанными супругами? Черная кошка, что ли, пробежала между ними?

Семен, правда, и сам замечал, что в последнее время Вера ходила печальная, но тут счел нужным удивиться:

— Черная кошка, говоришь? Илья-то будто ничего, веселый вроде... Не знаю, Петро, о чем ты толкуешь.

Он не хотел говорить об этом и слышать о Вере ничего дурного не хотел. Ведь она так сердечно ухаживала за Семкой, когда он болел.

— Может, другую длинноволосую нашел сын Степана?— не унимался Петрован.— Что-то больно уж привязались Мирон с Ильей к этим чувашам да вотякам.

И на самом деле Мирон со своей компанией часто ходил к чувашам и удмуртам. Там и пели и танцевали под гармошку, а бывало, по маленькой и в картишки играли. Но никогда не замечал Семен, чтобы Илья заглядывался на какую-нибудь девушку.

— Илья не дурак, чтобы Веру на другую променять.

— А башка у тебя варит, парень?— не унимался Петрован.— Не из каждой купеческой семьи девка позарится на дровосека. Им побогаче давай. Фекла небось приданое своей приемной дочке готовит...

Вера тоже не замечала, чтобы Илья заглядывался на других девушек. Но случалось, что и он и Мирон уходили куда-то, и нельзя было понять, куда и зачем они идут. А бывало еще и так. Работают они все втроем на делянке — Вера собирает сучья, Илья и Мирон рубят и тихонько переговариваются, а то и спорят. Стоит Вере подойти поближе — они умолкают. Вере обидно. Ведь у нее с Ильей договорено — ничего друг от друга не таить. Разве Вера не все рассказывает Илье? Значит, он не хозяин своему слову...

Сердце у Веры ныло с каждым днем все больше и больше. Пугало еще и то, что каким-то другим стал Илья. То разойдется, точно маленький, то вдруг замкнется в своих думах и будто забудет обо всем и лишь тихонько насвистывает какие-то чужие песни. Вера не раз пыталась заглянуть в глаза любимому, чтобы разгадать его мысли. Но и глаза у Ильи стали скрытными.

Нет, Вера так больше не может. Как угодно, а она узнает, в чем дело. Если Илья ходит к новой подруге, Вера проучит обманщика...

Рабочий день кончился. Мирон расколол последнюю чурку и сказал:

— Мы ведь собирались сегодня сходить в деревню. Может, письма есть. Давно не получали.

— Я пойду с вами,— сказала Вера.— У меня тоже есть дела: надо кое-что купить.— А сама внимательно следила за друзьями.

Мирон и Илья сначала смутились.

— Скажи, что нужно, мы сами купим,— первым взял себя в руки Мирон.

— Ведь не шуточное дело — пройти туда и обратно десять верст, да еще после работы. Пока мы сходим, ты сваришь обед, отдохнешь,— поддержал друга Илья.

— Мне нужно самой,— настаивала Вера.— Я не больше вас устала.

Что было делать? Взять с собой Веру нельзя, и отказать нехорошо. Пока шли к куреню, Илья все думал, как быть.

Петрован с братом и Митрий с Семеном еще не возвращались.

— Пойдем, Вера, с нами,— вдруг решительно сказал МIRON.

И Вера заметила, что его слова удивили Илью.

Но вместо того чтобы идти прямо в деревню, свернули к Филиппу.

— Он тоже собирался,— соврал МIRON.

Илья понял, что друг хочет оставить Веру у Марины.

Так оно и вышло. Филипп отказался идти в деревню, сказав, что он сегодня вечером должен повидать одного дровосека, который знает кое-что о людях, избивших Петрована.

— Интересно!— протянул МIRON и стал просить Филиппа взять его с собой.

— Пойдем и ты, Илья,— как бы вслух размышлял Филипп,— а Марина пока что напоит гостью чаем... Мы скоро вернемся.

— Ладно, Филипп, как-нибудь сами сообразим, что нам делать,— сказала Марина.— Спасибо, Вера, что пришла. А я как раз собиралась к тебе. Никак не могу сделать один узор.

— Какой?— с готовностью отозвалась Вера.— Нука, покажи.— И когда Марина показала кружева, она грустно сказала:— Наша Федора вот так вяжет...

Филипп сегодня собрал людей по очень важному делу. Старшие товарищи по партии сообщили ему, что скоро сам Бикмедов приедет знакомиться с делами на заводе. Заводские рабочие решили устроить при нем забастовку. Дровосеки работали тоже на Бикмедова, их притесняли не меньше, чем заводских, поэтому будет очень кстати, если они присоединятся к забастовке и тоже предъявят свои требования.

Филипп имел в виду и другое: от имени дровосеков он написал в высшую инстанцию лесного ведомства жалобу на приемщиков, которые по-жульнически с ни-

ми обошлись. Ответа на жалобу так и не поступало. Старые дрова лесничество давно уже сдало заводу, а новые завод сам заготавливал через своих доверенных и приказчиков, которые тоже умели ловко обкрадывать дровосеков.

В квартале о посылке жалобы знали многие, но мало кто верил, что отправленная Филиппом бумажка будет кем-либо принята во внимание. А на самом деле эта жалоба имела последствия. Лесничеству пришлось поделиться прикарманенными деньгами с ревизором, присланным сверху. В общем-то лесничеству на этот раз удалось выйти сухим из воды, но товарищи Филиппа по партии узнали про эту махинацию и сообщили обо всем Филиппу.

Филипп это сообщение считал большим козырем: ведь дровосеки поймут, что их обманывают со всех сторон, и ему удастся объединить вокруг себя еще больше людей, а потом выступить от их имени на митинге, который будет организован заводскими рабочими. Таким образом, дровосеки примкнут к рабочим. Господа заводчики и чиновники лесного ведомства, а с ними и царская охранка вытаращат глаза, когда увидят или услышат, что и отходники, которых считали до сих пор вполне надежным рабочим скотом, борются вместе с промышленным пролетариатом за свои права. Больше того — даже кратковременное общение дровосеков с заводскими рабочими было для угнетателей так же опасно, как опасен для вора дневной свет.

Конечно, поднять на организованную борьбу людей, интересы которых в основном не выходили за пределы своей делянки, дело нелегкое. Многое осложнялось еще и тем, что в квартале работал разноязычный народ. Но у Филиппа уже образовался актив, на который можно было опереться.

Небольшой курень быстро наполнился людьми. Те, кто пришел пораньше, уже играли в карты — так условились маскироваться на случай появления здесь незваного гостя. Филипп и Мирон тоже играли в очко. Илья взобрался на нары, с которых были видны почти все собравшиеся. Ему не терпелось узнать, с чего начнет сегодня Филипп.

Прикрепленная к стене лампа плохо освещала карты. Но, несмотря на это, медные и серебряные монеты звенели, банк рос, и зрители все теснее обступали играющих. Илья не заметил, как и сам он тоже заинтересовался игрой. Он даже пропустил мимо ушей слова Мирона. А Мирон сказал:

— Вы, ребята, так рьяно играете, будто надеетесь на карман Бикмедова.

Против Мирона сидел какой-то новенький, он чем-то заинтересовал Илью.

Незнакомец объявил свою ставку и, разглядывая карты, как бы ответил Мирону:

— Нам бояться нечего, лесничество у нас в долгу.— Он презрительно усмехнулся и добавил:— Надо полагать, казна уже подсчитывает денежки, кому сколько причитается.

Эта злая шутка насчет посланной жалобы была сейчас Филиппу на руку.

— Васька Кержак правильно говорит,— вмешался он,— лесничество у нас в долгу. Только Васька Кержак не знает, что эти денежки давно уже распределены по чужим карманам.

— По чужим?

— А что тебе известно?— уставились на Филиппа игроки.— Откуда?

— Ну-ка, ребята, потише!

Филипп, конечно, не сказал, откуда ему это известно. Так-то, мол, и так, есть такие слухи, что по жалобе присылали ревизора, а лесничество этого самого ревизора подкупило.

— Вот сволочи! Жулик на жулике!

— Потом и кровью заработанные гроши — и те отнимают!

— Всех бы их вот так!— Васька Кержак ударил кулаком по столу.

Монеты подпрыгнули. Банкомет быстро накрыл их ладонью.

— Ты, Васька, рукам воли не давай, знаем мы твои кулаки,— предупредили Кержака его друзья.

Илья заметил, что у Филиппа под рыжими усами дрогнула улыбка.

— Это верно,— будто похвалил Ваську Филипп,—

кулаки у Кержака крепкие. Только вот пользоваться ими он не умеет — бьет не тех, кого следует.

Васька Кержак насторожился. А Илья подумал: «Да что я на него гляжу, на кой он мне сдался?»

Карты сдавать начал другой, но интерес к игре был уже утрачен.

— Значит, и взаправду так было: наши дрова заново приняли, для того чтобы одурачить нас... Хитро сделано! — зашумели дровосеки.

— Заводские приемщики тоже здорово обижают.

— А лесная стража совсем обнаглела.

— При последнем расчете мы еще у них в долгу окажемся, вот увидите...

Филипп поднял руку:

— Сами себя ругаете!

— Сами себя? Как это сами себя? Ты, Филипп, не тyani, коли начал, говори!

Мирон подмигнул Илье: видишь-де, как надо работать, сами вон стали требовать.

Но Филипп не собирался еще говорить. Он обратился к Мирону:

— Ну-ка, расскажи людям, как избили твоего земляка на рождество.

— Точнее сказать, — сразу же понял друга Мирон, — собирались избить всех нас... — И вдруг он вроде оборвал самого себя: — Конечно, это неважно. Важнее — за что избили. Расскажу, как было дело...

Слушали по-разному: одни — угрюмо, другие — с интересом. А Васька Кержак сидел как на иголках: Мирон ведь рассказывал о нем и о его товарищах, хотя ни разу не упомянул их имен. Значит, вот почему Филипп говорил о Васькиных кулаках! Он, оказывается, все знает и прямо может указать на Кержака: вот-де сам он тут, бейте его! Но Васька Кержак не из боязливых, он приготовился в случае чего дать отпор. А потом он соберет своих молодцов, и уж они дадут сдачи... Васька среди них как большая щука среди плотвы — что захочет, то и сделает.

— Ну и что? — зло сверкнули глаза Кержака, когда Мирон закончил рассказ.

— Ты, видно, плохо слушал, Васька, — ответил Филипп вместо Мирона. — Речь о том, что мы, дровосеки,

вроде слепых щенков. Думаешь, что ты за свою работу получишь меньше потому, что в этом же квартале работают коми, удмурты, чувашаи?

— А мне наплевать на это! — попытался прервать разговор Кержак и потребовал карты.

— Тебе наплевать, а другому не наплевать. А дело — табак.

— Это верно: пастухи дерутся — волкам воля.

Кержак рассердился и поднялся было из-за стола, но Филипп положил ему на плечо свою тяжелую руку.

— Сиди. И слушай.

В это время Илью будто кто-то ударил: он догадался, кто такой Кержак. Все приметы точь-в-точь как рассказывал Семка. Дубленый полушубок, шапка из медвежьей шкуры, реденькая бородка, на правой щеке родинка... Вот, оказывается, кто тогда верховодил у них в курене.

— Я хочу сказать! — крикнул Илья и тут же осекся. Он понял, что надо было сначала посоветоваться с Мироном.

Все повернулись к Илье.

— Давай говори!

Илья растерялся. Он чувствовал, как горит лицо, а очутившаяся в руках ушанка распоролась по шву — с такой силой он ее мjal.

Раздался смех. Громче всех хохотал Кержак.

— Ты, парень, спросонья, что ли?

Все стали упрашивать Илью — говори, мол, — но он вдруг бросился вон из избы.

Его обожгло морозным воздухом, какой бывает по вечерам, когда зима уже позади, а до весны еще далеко. В звездном небе висел полукруг луны, он освещал вырубленные делянки и нетронутые лесные полосы. По левую руку прикорнул курень.

Илья чувствовал себя как пристыженный мальчишка. Что подумает о нем Филипп? С какими глазами Илья теперь вернется туда? Поймет ли его МIRON?

Под ногами слегка поскрипывал утоптаный на дороге снег. Дорога вела за курень, Илья направился туда. Между деревьями мелькнула какая-то тень — видно, кто-то вышел по нужде. Вместе удобнее будет зай-

ти в курень. Илья ожидал у крыльца, но из-за куреня никто не появлялся. Кто же это? Что он там делает? Надо поглядеть... Тень куда-то исчезла. Илья добежал до леса. Дорога шла дальше, поперек лесной полосы. Наверно, человек был из соседнего куреня. Но что он здесь делал? Что ему здесь нужно? Ноги бежали сами. Лесная полоса в пятьдесят сажений не так уж широка. Сквозь деревья уже проглядывал соседний вырубленный участок. Там опять будто что-то мелькнуло. Теперь уже две фигуры.

— Стойте! — зачем-то крикнул Илья. — Слышите? Никто не отозвался.

На вырубке выстроились поленницы, укрытые снежными шапками; их тоже освещал бледный свет луны. У ручья стояли три куреня.

«В здоровом ли я уме?—сплюнул Илья.— Гоняюсь за тенями. Мы же в карты играем. Никому же не запрещено ходить друг к другу».

Илья думал, что скрывшиеся люди жили в этих куренях. Но он ошибался—по кварталу шмыгал Прохор Чукулев с парнем из деревни.

Возвращения Ильи никто будто и не заметил. Все слушали Филиппа.

— Дровосеков,— говорил Филипп,— притесняют еще грубее, еще бесстыднее. Грабят все, кому не лень,— от лесника до чиновника, от доверенного до заводчика. За нас не заступается ни один закон, а против нас сколько угодно законов. Найдите мне хоть один курень, где бы люди не болели куриной слепотой или цингой. Кто заботится о них? Никто. Наши курени шесть аршин на шесть, а теснится в них порой до пятнадцати человек, задыхаются в дыму. А поглядите, как живут они, эти господа! Они и знать не хотят про наши нужды!

Филипп говорил вполголоса, и чтобы слышать его, люди обступили стол еще плотнее.

— Да, товарищи! На работе мы действительно богатыри, и нельзя осуждать земляка Мирона за то, что он считает себя богатырем. Но богатыри мы только для самих себя. Далеко ли мы ушли от того самого Петрована? Так ли мы сильны, как заводские рабочие? А ведь мы работаем тоже для завода.

Об организованной борьбе заводских рабочих Филипп рассказал подробнее. Снова завязался разговор об осенней приемке дров и о жалобе. В сердцах людей зародилась надежда. А что, если взяться сообща? А вдруг можно еще вернуть потерянные деньги? Но как это сделать?

— Надо найти оружие посильнее,—сказал Филипп.— Надо сделать так, чтобы никакие взятки не могли заглушить наш голос. Это одно. Не надо забывать и другое. Те дрова, о которых идет речь, уже проданы Бикмедову, как раз тому заводчику, кому мы заготовливаем дрова и доверенные которого прикармливают наши заработки так же, как прикармливали их другие. Чтобы понять, как трудно драться с Бикмедовым, надо знать эту лису. Кто такой Бикмедов?

Илья с трудом протиснулся между людьми и тронул Мирона за локоть.

«Что случилось?» — спросили глаза Мирона, но сейчас ему было не до Ильи.

Филиппа слушали раскрыв рты. Он знал о Бикмедове гораздо больше, чем рассказывал Мирону и Илье. Казанский купец, оказывается, купил этот завод, ограбив не только коми-охотников, он грабил и другие народы, в том числе своих земляков—татар.

Слушая Филиппа, Илья смотрел то на забытые карты, то на Ваську Кержака, который уже сколько раз перекладывал с места на место монеты. Васька, видно, волновался, Илья тоже волновался: Бикмедов ему все еще казался не таким, каким изображал его Филипп.

— Этот хитрец, конечно, встанет на сторону лесничества и, если потребуется, будет показывать такие документы на купленные дрова, какие захочет лесничество или ревизор. Они-то сумеют договориться! Но надо договориться и нам. Мы тоже не такие уж немощные, какими представляют нас господа. За нас будут заводские рабочие. А мы, товарищи, будем за них.

Осталось сказать самое главное. Но как? Прямо или все-таки подойти к этому окольными путями?

Филипп протянул руку к картам—была его очередь сдавать. Илье надоело стоять в тесноте, и он сел на

старое место, бросив быстрый взгляд на окошко, в которое, надо полагать, смотрели с улицы убежавшие незнакомцы.

«А что они могут увидеть? Ну, играют люди в карты...— успокаивал сам себя Илья.— Если бы надо было выставить караульных, Филипп не забыл бы. Засмеют, если расскажу, как я гонялся за тенями. Может, еще и обругают. Лучше уж промолчать».

А между тем собравшиеся расспрашивали Филиппа:

— Говоришь, станем на их сторону. Как это надо понимать, Филипп?

— И чем они помогут нам?

— Плохо слушали, друзья,— сказал Мирон,— не все поняли. Рабочие нам все равно что братья. Их притесняют так же, как и нас. Мы с ними работаем на одного хозяина.

— Ну и что? Это мы давно знаем.

— Знаете, да не все...

Больше тянуть нельзя. Филипп приподнял руку и заговорил еще тише:

— Я вам уже сказал, что надо найти оружие сильнее. Хватит молчать, ты не скотина бессловесная! Правда за нас. Мы во весь голос объявим о жульничестве лесничества—это первое. Во-вторых, предъявим Бикмедову требование: увеличить плату за каждую сажень дров, перемерить поленницы на всех наших участках, прислать вторую комиссию, но чтобы в нее вошли выборные и от нас. Надо требовать, чтобы за счет заводчика в квартал были присланы фельдшера и врачи — лечить больных.

— Ты говоришь,— усмехнулся Кержак,— поставишь требования перед Бикмедовым? Он, значит, нарочно приедет из Казани прямо в наш квартал и будет кланяться нам: «Ну, дорогие братья, что вам угодно?»

Некоторые засмеялись.

— Многого хочешь, Васька!

— Он, браток, далеко живет!

— Бикмедов скоро приедет осматривать свой завод,— пояснил Филипп,— тогда и повидаемся с ним.

Мирон уже знал план Филиппа: в день демонстра-

ции заводских рабочих повести молодежь в город, соединиться с рабочими, выступить от имени дровосеков и предъявить условия самому Бикмедову. Но Мирона удивляло другое: Филипп говорил сейчас совсем не так, как с ним, — о многом он умолчал, не упомянул даже о готовящейся демонстрации. Видно, он исподволь хочет подготовить людей к большому делу. Понятно: собрание тайное, нельзя все говорить — тут и новенькие есть.

Разошлись, как обычно, поздно.

Вера с Мариной сидели за столом и рассматривали русский букварь с картинками. Марина по этому букварю выучилась читать и писать. Вере тоже хотелось научиться читать по-русски. Она почти все буквы знала — ее когда-то учила Сандра.

— Ну, видели его, кого нужно было? — спросила Вера, когда друзья вернулись.

— Кого «его»? — Илья уже позабыл про давешний разговор.

Мирон хотел было помочь другу, но и у него ничего не получилось. Илья растерялся, а Вера чуть не заплакала — обманывают ее, как маленькую девочку, что-то скрывают от нее. Но что это за секреты? Зачем они так делают? Марина, наверно, тоже что-то знает. Знает и не говорит... У Веры душа горела от обиды.

Молча стоял темный лес, спрятался за облака месяц, обжигавший лицо воздух был бессилён остудить этот жар.

— Вера, ты напрасно сердишься, — хотел было догнать подругу Илья. — Мы ничего плохого не делаем.

Но Вера ускорила шаг. Илья понял, что он не может больше скрывать от нее, куда и зачем он ходит.

— Да и надо ли скрывать? — спросил он у Мирона. — Разве мы ей меньше доверяем, чем Кержаку?

— Я об этом уже думал, — ответил Мирон. — Пожалуй, можно рассказать Вере о наших собраниях. — И, помолчав, спросил про глупую выходку Ильи в курене.

Илья рассказал про Ваську. Мирон сдержал улыбку — он об этом уже знал, но тем не менее заметил:

— Интересно! Надо будет сообщить Филиппу. —

И действительно, ему захотелось объяснить Филиппу, с чего вдруг Илья так осрамился.

Когда они вернулись домой, все спали. Мирон предупредил Илью—не говорить братьям и Семену о том, что решили сегодня вечером. Митрию можно сказать, он парень толковый, поймет.

Постель Илья была рядом с постелью Веры. Вера погасила лампу и нырнула под одеяло. Илья лежал на спине и улыбался. «Ничегошеньки ты, Вера, не знаешь, а сердишься...»

Петрован громко храпел, Семен тоненько посвистывал. Илья смотрел на невидимый потолок и думал: «А вдруг Вера не поймет? Что тогда?.. Нет, Вера поймет...»

Илья протянул к Вере руку и вздрогнул—ее плечи тряслись от беззвучных рыданий.

Вера не отодвинулась и не сбросила руку Илья, она затаила дыхание, будто сразу окаменела.

— Глупая ты, Вера, совсем глупая! — зашептал Илья.— Разве бы я стал скрывать от тебя? Это ведь для меня нож острый!

Илья не знал, что еще сказать. Но рука почувствовала, что плечи Веры уже не так напряжены.

Но рассказать надо. Конечно, не обо всем, а о чем можно.

— Знаешь, где мы были сегодня?..

Илья говорил чуть слышно, но Вера разбирала каждое слово и чувствовала его горячее дыхание. И вдруг снова подкатил комок к горлу, а на глаза навернулись слезы.

— Ты что, не веришь мне, Вера? Не думай ни о чем! Я не такой...

Вера молчала. Но Илья уже знал, всем своим существом чувствовал, что она ему верит. Он обеими руками притянул ее лицо к себе.

— Не обманываю я, не обманываю...

Уже несколько дней не работал железоделательный завод Бикмедова. Молча, будто заколдованные, стояли черные корпуса. Не дымились пузатые домны, не

курились похожие на сказочной длины папиросы-трубы. Вьюжно крутящийся снег дополнял картину мертвого царства. А в соседнем поселке, примыкавшем к городу, чувствовалось необычное оживление: рабочие готовились идти на заводскую площадь, чтобы доказать свою силу и добиться желанной победы. Все знали, что Бикмедов вчера вечером приехал из Казани. Управляющий, обрусевший швед, доставшийся Бикмедову вместе с заводом, конечно, успел уже рассказать хозяину, что здесь происходит: рабочие требуют увеличить заработную плату, сократить рабочий день, построить новое общежитие, расширить больницу — словом, многого хотят рабочие. Они еще требуют увольнения одного инженера и двух мастеров... О себе управляющий, надо полагать, ничего не сказал. На него рабочие тоже жаловались.

Но то, что готовилось в лесу, знали лишь организаторы забастовки. Ночью Филиппу сообщили, что он должен привести к заводу с этих людей к двенадцати часам дня. Дровосеки собирались быстро — все были оповещены заранее. Предрассветные сумерки и вьюга помогали скрыть многое от посторонних глаз...

По тракту шли небольшими группами. В каждой группе был свой старший. В группе Мирона шагали Илья, Вера, Марина, Митрий, Васька Кержак и его три товарища.

Илья был недоволен: почему Филипп велел идти с ними кержакам? Они же виноваты перед коми. Разве не Васька Кержак со своими товарищами избил Петрована? Разве не он громче всех смеялся над Ильей, когда Илья хотел вывести его на чистую воду перед всеми?

Васька раза два пытался заговорить с Ильей, но Илья как будто не слышал его. Он, конечно, понимал, почему подобрел Васька: Мирон, видно, рассказал Филиппу о догадках Ильи, Филипп пристыдил кержаков, и Васька хочет теперь загладить свою вину. Но Илью не так-то легко обмануть. Кержаки, если хотят, пусть себе идут рядом, но он все равно не считает их своими товарищами.

После того как миновали деревню и снова шли под прикрытием леса и пурги, Мирон сказал:

— Давайте споем. Под песню легче идти. Раз-два, раз-два! Левой! Раз-два, раз-два!

Бывшему матросу хотелось повести товарищей строем. Но это удалось не сразу.

— Начнем:

Наверх вы, товарищи! Все по местам!
Последний парад наступает.

«Ах, какой сильный и красивый голос!»— подумала о Мироне Вера. И удивилась: незнакомую песню, оказывается, умеют петь и Илья, и Марина, и Васька Кержак.

Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает.

Митрий обернулся к Вере и с удивлением спросил:
— Откуда такая песня?

— Не знаю,— ответила Вера.

А песня, как хмельная брага, разливалась по жилам, наполняя необыкновенным ощущением легкости, и ноги, казалось, сами шагали в такт мелодии.

Все вымпелы выются, и цепи гремят,
Наверх якоря поднимают...

Но постойте, ведь Вере этот мотив, кажется, знаком... Где она его слышала? Когда? Такой знакомый мотив, а слова незнакомые. Вера ухватила за руку Ильи. Илья кивнул ей: дескать, учись. Вера сбилась с шага. Ее валенки не поспевали за тюнями Ильи. Вера почти повисла на руке друга. Зимняя жакетка перекосилась на ней, теплая шаль съехала, а под шалью алая ленточка — не помялась бы! Но где же все-таки слышала Вера эту мелодию? А слова сами как-то запоминаются. Вера начала даже подпевать.

— Я потом научу тебя, если захочешь,— пообещал Илья.

Мирон выдвинулся вперед и, повернувшись лицом к товарищам, не останавливаясь, командовал:

— Левой! Левой!.. Начнем другую песню.

— Давай еще раз эту,— попросил Митрий.

— Успеем еще. Попробуем новую. Раз-два! Раз-два! — Запевала взмахнул рукой.

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут.

И опять подтянули Илья, Марина, Васька Кержак.

В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы неизвестные ждут.

И снова Вера узнала мотив. Она даже вздрогнула, вспомнив, откуда знакомы ей эти песни: Илья насвистывал их, когда что-то таил от нее. Вот оно, оказывается, что было. Тайком разучивали песни, тайком распевали их. Тайком от Веры? Почему? Зачем? И будто кто-то жесткими руками сжал ей сердце. Ведь она знала, для чего они идут в город. Они скажут Бикмедэву о своих нуждах. А в песне поется:

На бой кровавый, святой и правый,
Марш, марш вперед, рабочий народ!

Но ведь это только песня. Под нее просто легче идти. Вон как легко шагает Илья! И лицо у него светится каким-то новым для Веры светом.

А понимает ли сам Илья всю глубину этих слов? Знает ли он, куда поведет его эта дорога?..

Группу Мирона догнал Филипп. Он ехал на подводе. Филипп отругал Мирона за громкое пение и, дав какие-то указания, снова скрылся за поворотом. Филипп, наверно, объедет все группы и первым появится в городе.

Петь стали вполголоса. По несколько раз повторяли одну и ту же песню, заучивали слова и мелодию. Чем ближе подходили к городу, тем чаще встречались прохожие. На санях промчался Прохор Чукулев. Он даже не взглянул на своих земляков.

По городу Мирон провел свою группу, как было приказано,—осторожно, чтобы не обратить на себя внимания. Так же шли и другие группы дровосеков. Уже у поселка получили новое указание — идти прямо на заводскую площадь.

Это был широкий двор, огороженный с трех сторон. В углу валялся металлический лом, рядами стояли паровые котлы и большие деревянные ящики—в них, видно, была упакована продукция, выпускаемая заво-

дом. Все запорошил снег. Но теперь это не походило на мертвое царство. Когда подошла группа Мирона, здесь уже волновалась многотысячная толпа.

— Видите, какая силища! — У Мирона загорелись глаза. — Есть над чем призадуматься Бикмедову!

— И все они работают на Бикмедова? — спросил Илья и от удивления свистнул.

Рядом кто-то засмеялся.

— Этот парень, видно, с неба свалился!

— Мы дровосеки, пришли из квартала, — объяснил Мирон.

— Ого! Дровосеки тоже с нами?

— Товарищи! Слышите? К нам примкнули дровосеки!

Не поверить было нельзя — обветренные на воле лица, пропитанная запахом леса одежда, мозолистые руки.

— А много вас?

— Порядочно. Вон еще подходят.

— Пролетарский привет дровосекам!

Произошло то, чего сами дровосеки не ожидали: их приняли как братьев, пожимали им руки, обнимали, хвалили и тем самым будто вдохнули в них небывалую бодрящую силу. Исчезла с лица Митрия угрюмость; как девочка, радовалась Марина; с незнакомыми парнями переговаривалась Вера.

— Товарищи! — раздался голос Филиппа. — Слушайте! — Филипп обвел глазами дровосеков. — Так вот, друзья, стачечный комитет велел выбрать от нас трех делегатов. Эти товарищи вручат Бикмедову наши требования. Кого выберем?

— Тебя, Филипп!

— Мирона!

— Ваську!

Все были согласны. Только один Илья не согласился: не надо выбирать Ваську Кержака, недостойн он такой чести. Но промолчал. Еще подумают: самому-де хочется быть делегатом. А ему и правда хотелось повидаться с Бикмедовым с глазу на глаз, но не с тем заводчиком Бикмедовым, против которого собралось сейчас столько народу. Илья хотел увидеть прежнего приветливого Гафара Макаровича. Узнал бы ку-

пец парня, убившего медведицу, или нет? Стал бы расспрашивать про Важгорт, про знакомых охотников или не стал? Что бы он сказал Илье, увидев его в числе делегатов?..

Волновался заводской двор, пестрели промасленные фуражки, новые и старые платки, шали, ушанки, шапки. В толпе шныряли мальчишки. На котлы, на деревянные ящики вскарабкались молодые парни. С надеждой глядели они на заводоуправление. Площадь оглашалась многоголосым гулом.

— Разве они поймут, что такое бедность?

— Жди от них милости!

— Добьемся! Вот увидите! Когда завод стоит, он прибыли не дает. А им нужна прибыль, значит, и наша работа. Будем бастовать до тех пор, пока не дадут, чего требуем.

— Тебе легко говорить — ты человек одинокий. А на моей шее шестеро. Чем будем жить?

— Молчи, Кирилл!..

Илья повернулся к спорящим. Рабочий, которого называли Кириллом, был крепкий мужчина, с полным лицом. Он размахивал рукой и кричал:

— Как это так «молчи»? Рот-то небось мой собственный! Заткнуть хочешь? Знаем мы вашего брата...

— Кирилл, побойся бога! — вмешался старик с испещренным морщинами лицом. — У тебя хозяйство, дом свой, тебе помогают дети, жена. А у Якова ничего нет, кроме рук. Грешишь, Кирилл! Яков не одного себя кормит, у него старуха мать, больная сестра...

— Да ладно, товарищи, — оборвал спорщиков Яков, — не будем укорять друг друга. Нам важно сейчас быть вместе.

— Будешь с таким вот вместе! — не унимался старик. — Того гляди продаст, штрейкбрехером станет.

Слово было незнакомое, но Илья видел, как от него, будто от прикосновения раскаленного железа, Кирилл съежился. Он что-то хотел сказать, но, видно, не решился. А Илья подумал: «Оказывается, и среди рабочих есть такие же толстокожие, как наш Петрован».

Вокруг зашикали. Все теперь смотрели на крыльцо заводоуправления — там стояла делегация рабочих и

дровосеков. Делегаты уже побывали у Бикмедова и собирались что-то сообщить. Вперед выступил человек и сдернул с головы картуз.

— Товарищи рабочие,— начал он,— господин заводчик принял из наших рук бумаги, но отказался удовлетворить наши требования.

Площадь ахнула. Оратор поднял руку.

— Господин заводчик не кричал на нас и не стучал кулаком по столу. Он даже шутил с нами и велел сегодня же занять наши рабочие места и гнуть спины ради его прибылей, чтобы он смог открыть новые магазины, купить новые заводы, эксплуатировать еще больше таких же, как мы, рабочих.

— Многого захотел!

— Позвать его сюда!

— Позо-о-ор!

Илья спросил у соседа, кто оратор. Ему ответили:

— Рабочий, кузнец.

— Кузнец? — удивился Илья.— «В Важгорте тоже есть кузнец, но тот совсем не такой».

— Господин заводчик велел еще передать вам,— голос кузнеца окреп, в его интонации слышалась злая ирония,— Бикмедов велел передать вам, что если вы и впредь не захотите быть рабочим скотом и серьезно думаете драться за человеческие условия жизни, он может закрыть завод совсем, и вы останетесь...

Последние слова потонули в шуме негодования.

— Не посмеет!

— Это ему самому невыгодно!

— Мы не из робкого десятка!

— Господин заводчик забывает одно,— голос кузнеца перекрыл шум,— мы собрались сюда не шутить. Нас привела на эту площадь нужда. Мы не просим и не умоляем. Мы требуем! И имеем на это право!

О правах рабочих кузнец говорил так гладко, будто книгу читал. Ведь все ценности на земле создают трудящиеся, их руками строятся города, заводы, железные дороги, да и хлеб выращивают они и одежду делают. Рабочий народ имеет право жить лучше. За это он будет бороться.

Кузнец призвал продолжать забастовку до тех пор, пока заводчик не примет их условий.

— Правильно! — кричали из толпы. — Правильно!

— Будем бороться!

— Не имеет он права не считаться с нами!

Люди еще шумели, а на крыльцо взбежал рабочий в сером картузе. Илья его сразу узнал — это был Яков — и кивнул товарищам.

— Наверно, тоже за словом в карман не полезет.

Но Яков, оказывается, хотел только пристыдить нытиков, чтобы они не нарушали единства рабочих.

И снова заговорил кузнец. Он сказал, что к бастующим рабочим присоединились дровосеки, и предоставил слово Филиппу.

Филипп говорил почти о том же, что и в квартале. Но Илья теперь все понимал по-новому, вернее сказать — глубже и шире. Да и сам Филипп показался ему другим — еще более сильным и толковым.

Но что такое? Почему вдруг умолк Филипп? Кто там появился на крыльце?

— Тише, тише!

— Сам Бикмедов!

— С управляющим...

— Тише, тише...

Заводчик, кажется, что-то сказал стоявшим на крыльце, махнул рукой, будто отгоняя муху, и стал спускаться по ступенькам. Никто его не остановил, никто не проронил ни слова. Люди медленно расступились, образовалась щель, в нее вошел Бикмедов. За хозяином шагал управляющий, а за управляющим щель снова смыкалась.

Сначала Илья видел только, как расступились рабочие, образуя проход, и как по этому проходу плыла каракулевая папаха долговязого управляющего. Другой шапки не было видно, но было ясно, что разрезала толпу именно эта невидимая шапка на коротеньком человечке, и человечек этот шел по направлению к дровосекам.

«Вот где я его увижу! — мелькнуло в голове у Ильи. — Но что же я ему скажу?»

И в самом деле — что скажет Илья, встретившись лицом к лицу с Бикмедовым? Узнает ли его заводчик? И нужна ли теперь эта встреча?

Осталось десять шагов, осталось пять шагов...

«Остановлю. Посмотрю ему в глаза».

Вот качнулись в сторону те, кто стоял перед Ильей.

Илье бросилась в глаза вытянутая вперед короткопалая, жирная рука. Она, будто штык, разрезала плотно стоящую толпу.

Илья не двинулся с места. Лицо его, по-видимому, было злым, и Бикмедов, быстро спрятав руку в карман пальто, попытался обойти Илью. Кто-то из товарищей резко дернул Илью к себе.

— Благодарю! — бросил Бикмедов и снова вытянул вперед руку. — Дорогу, дорогу!

Человеку не всегда удастся передать словами все, что он переживает в глубине души. Илья тоже не смог бы толком рассказать о том, что творилось с ним. Все соединилось в одно неприятное чувство: Бикмедов оказался не таким, каким его представлял Илья; он даже не захотел поговорить с рабочими; он, оказывается, намного могущественнее, чем полагал Илья, — вот прошел через строй ненавидящих его людей, даже не моргнув глазом, а Илья, видите ли, один хотел встать ему поперек дороги, и, надо думать, за это его осуждают рабочие.

Кто-то снова говорил. Площадь волновалась. Решалось что-то важное, а Илья, глядя вслед уходящим, видел, как Бикмедов и его управляющий вышли из толпы, сели в сани и уехали.

— Слышишь, Илья? — тронула его Вера. — Хотят идти в город. Все. Мирон тоже обещал от нашего имени.

Илья хотел спросить: «В город? Зачем?» — но тут же услышал:

— Всем, на кого опираются угнетатели, мы противопоставим объединенные силы пролетариата. За нас все честные люди, все, кто живет своим трудом. И пусть многие из них сегодня еще не встали в наши ряды, но они с нами. Просыпается, подымается трудящийся люд. Бывало ли раньше, чтобы сезонники-дровосеки объединялись с рабочими на общую борьбу? Верьте, дорогие товарищи дровосеки, ваш справедливый голос нам понятен! Рабочие обещают сделать все, что можно, чтобы и ваши требования были удовлетворены.

Так говорил человек в черной кожаной куртке, с русыми, подстриженными ежиком волосами. Он держался левой рукой за перила крыльца, а правую, сжимавшую барашковую шапку, выбрасывал вперед, будто подчеркивая главные места речи. И, судя по тому, как плотно окружили его кузнец, Филипп, Мирон и другие выборные, с каким вниманием все собравшиеся слушали его, можно было понять, что выступает один из тех, кто руководит и кузнецом, и Филиппом, и вообще всеми, бесстрашно вставшими на защиту своих прав, своего достоинства.

И снова Илья не смог бы словами передать то, что переживал он сейчас. Он только понимал, что слова оратора наполнили его сердце чувством благодарности и что это чувство переросло в желание сделать что-то большое, что-то важное. Илья взглянул на своих друзей. Верины глаза казались необыкновенно большими, а по лицу катилась слеза. Митрий смотрел на крыльцо с таким выражением, будто собирался забодать кого-то. Марина мяла пальцами концы серой шали.

— Дорогие товарищи! — продолжал человек в кожаной куртке. — Всему свое время. Сегодня наше шествие мирное, но не такое, каким оно было восемь лет назад, когда многие еще надеялись на милость царя. День девятого января, который народ назвал Кровавым воскресеньем, открыл глаза миллионам. Мы не забудем и о мрачных годах после поражения первой русской революции. Но нельзя остановить рассвет. Нельзя предотвратить молнии. Гром на реке Лене отозвался мощным эхом по всей России. Тронулся лед, долгое время сковывавший силу и мощь трудящихся.

— О чем он говорит? — спросила Вера.

— Как о чем? — удивился Илья, но тут же сообразил, что ведь и сам он узнал об этом совсем недавно.

И о Кровавом воскресенье, и о расстреле рабочих на ленских приисках, и о многом другом рассказывал Илье и его товарищам Филипп. Сегодня Илья ничего не хотел скрывать от Веры и шепотом стал растолковывать ей речь оратора.

Вера слушала, но думала о другом. Вот ради чего, оказывается, Мирон и Илья по вечерам оставляли ее одну; вот почему Илья стал ей непонятен... Это открытие не только освободило Веру от тягостных дум, оно зародило в ее душе желание стать иной и делать что-то нужное для других...

Да, да, Илья, действительно еще мало знал свою Веру!

Когда вышли со двора и построились в колонны, дровосеки оказались почти в середине.

Пурга утихла, и между облаками показалось солнце — яркое весеннее солнце!

Ветер рвал из рук наспех написанные лозунги: «Рабочие имеют право жить лучше — требуем повысить заработную плату!», «Установить восьмичасовой рабочий день!» Несли лозунги и дровосеки: «Нас обманывают приемщики дров, требуем справедливости!», «Дровосекам нужен трудовой договор».

В поселке колонна увеличилась. Впереди несмело запели:

Вихри враждебные веют над нами...

Знакомая песня! Мирон, шагавший теперь с Ильей в одном ряду, задорно потрянул головой.

— Подтянем, молодцы?

— Подтянем!

— Дружнее!

Филиппа здесь не было, рядом шли Васька с Мариной. Илья зло глянул на Ваську, ему казалось, что он важничает — был, мол, в числе делегатов...

А в воздухе звенело:

В бой роковой мы вступили с врагами...

Идти было легко и хорошо. Когда вступили в город, Илья увидел, что кое-кто из толпившихся на улице людей машет им рукой, и это подняло настроение.

Вера вдруг заметила, что у многих молодых рабочих алеют красные лоскутки на груди.

«А мы разве хуже!» — мелькнуло у нее в голове.

— Ты что собираешься сделать? — схватил ее за руку Илья, увидев, что Вера вытащила из-под платка косу, перевязанную красной лентой.

— Есть у тебя ножик?

— Ножик?

Но Вера вдруг остановилась. Изрезать алую ленту? Подарок Ильи?.. Ведь эта лента связала их!

В горле запершило. Лицо пылало. Вера не знала, как оправдать свой порыв. А Илья? Считает ли он, что эта лента связала их навеки? Дорожит ли он своим подарком?

Желание спросить Илью жгло, как горячий уголек. Вера кивнула на молодых рабочих, у которых на левой стороне груди горели лоскутки красного кумача. Илья понял Веру и обрадовался.

— Есть ножик, есть!

— Но постой! Ведь эта лента...

— Мы не всю изрежем. А если будет коротка, я новую куплю.

Илье теперь важна была не лента, а то, что Вера понимает его, шагает с ним рядом, поет с ним вместе эти замечательные песни...

Через минуту лоскутки алой ленты уже красовались на груди у дровосеков. Илья еще не знал, что алый цвет — символ пролитой крови в борьбе за лучшую жизнь. Этот цвет в его сознании сочетался с цветком шиповника, с утренней зарей, с чистой любовью, с весной...

Снова и снова гремели суровые рабочие песни, грозным потоком текла по улицам людская масса. И в этом потоке Илья чувствовал необоримую силу. Вдруг ему вспомнилось, как вел он себя прошлым летом. Иначе, как дурачеством, его поведение и не назовешь. Захотелось рассказать об этом Вере.

— Пока ты ходила в Киев, у нас в Важгорте здорово набедокурил какой-то Дубровский...

— Слышала,— улыбнулась Вера.— Говорят, дурашливый был...

Илья не ожидал от Веры таких слов и умолк.

— Ну, и что же он делал? — продолжала улыбаться Вера.— Ты, верно, его не раз видел? Какой он из себя?

— Дубровский-то? — тоже улыбнулся Илья.— Так ты, оказывается, уже знаешь... Мне он теперь не по душе: желаний много, а умом не силен. Да и откуда

ему было ума набраться? Никуда ведь из деревни не выезжал, ничего не видел. Одно баловство получилось, а пользы никакой.

Илья упрекал самого себя, Вера это понимала... Но что там, впереди? Почему остановились люди? Неподалеку возвышался двухэтажный особняк. С парадного крыльца с круглыми колоннами сбежал человек, бросился к чугунным воротам и запер их на замок, испуганно поглядывая на демонстрантов.

— Не бойся, холуй,— крикнул кто-то,— мы не тронем твоего хозяина!

— А он и не боится вас,— вдруг осмелел тот.— У него есть защитники. Скоро сами увидите.

Ждать долго не пришлось. По рядам пробежала тревожная весть:

— Жандармы...

— Слышите? Жандармы...

— Преградили дорогу!

— Пустяки! Кто их станет слушать?..

В ропоте людей чувствовалась тревога. Мирон стал пробираться вперед — ему хотелось видеть все своими глазами. За Мироном Илья, за Ильей Вера, Марина, Васька...

— Эй, вы,— прикрикнули на них.— Колонну нельзя расстраивать!

Но вперед пробирались и другие.

— Много их, жандармов-то?

— Нет.

— Почему их не отпихнут?

— Ох, и голова твоя садовая! Они только этого и ждут, мастера на провокацию!

Пошли дальше. Группа Мирона оторвалась от колонны. Никаких жандармов Илья не видел. Грянула новая песня. Улица вдруг стала узкой. Прохожие жались к стенам домов, подводы сворачивали в переулки.

Илье казалось, что он теперь самый сильный человек на земле,— конечно, не он сам по себе, а в единстве со всей этой колонной.

Вера спросила:

— Куда мы идем?

— Куда идем? — отозвался вместо Ильи Мирон.— Хотим пройти мимо той вон гостиницы, где остановил-

ся Бикмедов. Пусть заводчик посмотрит теперь на нас, пусть постыдится городских жителей, пусть подумает, до чего нас довел!

Мирон так и не закончил. Кто-то крикнул:

— Конные жандармы!

Это было при выходе на площадь. С противоположного конца площади и из двух боковых улиц одновременно скакали на демонстрантов верховые. Колонна дрогнула. Послышались ругательства. Кое-кто бросился было назад, но на улице образовался затор. Кони теснили демонстрантов со всех сторон.

— Стойте! Убийцы, что вы делаете? — раздался чей-то пронзительный голос.

Шум стоял невообразимый. Слышались проклятья, свист нагаек, храп лошадей, глухие удары.

Илья едва успел увернуться от коня и загородить Веру, но в то же мгновение почувствовал, как руку и шею пронзила жгучая боль.

— Сволочь! — процедил он сквозь зубы, глядя на жандарма, который на своем рыжем коне въехал прямо в толпу, яростно размахивая нагайкой.

Рядом избивал безоружных людей другой жандарм, за ними третий, четвертый...

— Илья, — испуганно крикнула Вера, — убьют, бежим!

— А где наши?

Искать не было нужды — то тут, то там мелькали лоскутки алой ленты. Васька бежал с Мариной. Бежали и другие. Илья крикнул Вере:

— Беги за ними!

Вера сначала не поняла, почему Илья отстал, а когда оглянулась, вздрогнула. Где он?

Жандармы лютовали.

Вера испуганно вскрикнула — на нее надвигался жандарм, над ухом просвистела нагайка. Уже на бегу она увидела — ей махали руками, ее звали Марина и Васька.

— А где Илья? Где Мирон?

— Вон там, — Васька уже увидел их.

Мирон стащил с коня жандарма и бил его. Илья бежал к Мирону.

— Ой! — вскрикнула Вера.

— И я! — бросился Васька.

— Убьют! Ой убьют...

— Ты куда? Стой, Вера!

Кто-то еще крикнул: «Вера!» Кто-то попытался остановить ее. Напрасно! Ее не остановила бы теперь огненная стена, не удержала бы бездонная пропасть.

Жандармы соскочили с коней. Васька потерялся среди них. На снегу мелькнуло что-то алое. Нет, не ленточка, кровь... Шум покрыл голос Мирона:

— Илья, беги!

Но в Илью вцепились два жандарма, заламывают за спину руки. Васька толкнул одного, другого ударил по лицу. Мирона скручивали пятеро.

— Илья! — закричала Вера и кинулась к нему.

Вон они уже бегут втроем. Навстречу им бросился гарцевавший жандарм.

— Гадина! — Тяжелый, как свинчатка, кулак Васьки ударил в бровь коню. Конь затанцевал на месте.

Вот и забор. Калитка. Марина уже там.

— Сюда! Скорей на другую улицу!..

Быстро стемнело. По обе стороны дороги стоял лес. Дровосеки небольшими группами возвращались в свой квартал. Шли они как с похмелья. Одни раскаивались; другие вспоминали, как было дело; третьим казалось, что они сегодня узнали что-то очень важное и потому раскаиваться не следует, что самое главное еще впереди.

Вера устала, и держалась за Илью. Впереди так же под руку шли Марина и Васька. Он, видно, старался успокоить Марину — она тревожилась за Филиппа.

«А я совсем еще недавно готов был хулить перед людьми Кержака, — корил себя Илья. — Ведь если бы не Васька, быть бы мне теперь у жандармов в лапах. Наперед не узнаешь, кто тебе друг, а кто враг».

Теперь-то Илья хорошо знал: другом ему был Васька, врагом — Бикмедов.

— Сердце болит, — глубоко вздохнула Вера, — как

подумаю о Мироне: могут посадить в тюрьму, сослать...

— Может, обойдется,— сам себе не веря, сказал Илья.

Вера сильнее прижала к себе локоть Ильи и тихо, почти шепотом, произнесла:

— Я тебе еще не говорила, что видела каторжников, когда ходила в Киев... Ой, Илья, Илья!..

Она рассказала все, как было. Илья только теперь понял, что многое, многое познала Вера за свой долгий путь. И именно потому она так быстро поняла Илью...

Дровосеки еще не успели вернуться в свои курени, а Мирон уже оказался за железной решеткой. Он сидел в камере мрачный, опустив голову. И вдруг даже привстал от неожиданности.

— Прохор, тебя тоже?

На лице у Прохора Чукулева не было ни ссадин, ни синяков, как у Мирона; одежда на нем тоже была цела.

Сын лесника оскалил мелкие, как у мыши, зубки.

— Ох, и дурак же ты, земляк! Сколько времени следил за вами и ничего не разузнал, а ты вот сам сунул голову в петлю!

— Ты следил за нами?

— Не за тобой, конечно. Ты-то что, обманутый Филиппом человек...

Мирону хотелось броситься на Прохора, но он вовремя взял себя в руки: он понял, что земляка подослала сюда охранка. Мирон даже заставил себя улыбнуться.

— А ты, Прохор Чукулев, давно уже в сыщиках?

Чукулева передернуло от этих слов.

— Вот что, Мирон Хуторков, я тебе зла не желаю...

— Не желаешь? — изумился Мирон.

И Прохор понял, что не следовало всего говорить. Но ничего не поделаешь, у молодого сыщика еще не доставало опыта.

Из дальнейшего разговора с Чукулевым Мирон выяснил, что жандармам не удалось поймать Филиппа, и от этого на душе у него стало легче.

Плохое лето непременно дает себя знать следующей весной. Раньше времени заблестят донышки мучных ларей, раньше срока подберутся в сараях остатки сена. Все, кроме богатых, вступают в борьбу с голодом. Большинство, конечно, выходит из этой борьбы победителями. Но на что только не толкает голод! Выйдет корм — дают волю ножу, режут скот; начнут голодать — пускают на помол семена. А потом хоть волосы рви на себе, да мало толку.

Этой весной Степану Матвеевичу тоже туго пришлось: рано вышло сено, еще зимой приходилось занимать мучицы. Но все-таки он сумел сохранить скот до молодой травы, поля засеял хорошими семенами ячменя и овса и не думал пускать на помол семенную рожь, которую обычно сеют на подсеках еще до страды. А когда вскрылись реки, тут уж помогла рыба, затем и травы съедобные появились. Выручала пихтовая кора, по-местному кач. Хоть всю жизнь ешь, хватит этого добра в лесах у коми. Принесут кору домой, подсушат, натолкут, просеют через сито — белая мука да и только. И не перестают кормиться ею в Важгорте. Идешь по селу — только и слышишь: зырк, зырк, зырк! — это толкут сушеный кач.

Марфа с невесткой тоже занялись этим делом. Посреди комнаты стояла большая ступа из толстой березы. Катя держала в руках тяжелый, точно свинцовый пест. Зырк, зырк, зырк! — подрагивал дом от каждого удара. Вдрагивала от каждого удара и сама Катя. У нее, видно, сильно устали руки, мешала свободным движениям и располневшая талия.

— Мы, матушка, плохо, видно, просушили качто,— обратилась Катя к свекрови.— Никак не толчется, словно сырая солома.

Плохая пища никого не красит. Голодная жизнь одинаково сказывается на коми и на русском, на удмурте и на татарине. Землистое лицо Кати напомнило Марфе голодных людей, два года назад приходивших сюда с юга.

«О господи,— подумала о невестке Марфа,— хоть бы не оставила вдовцом Михаила! Опять придется год свататься. Теперь и впрямь никто не отдаст за него свою дочь. Скажут — одну уже уморил».

Марфа не жаловалась на Катю. Бог наградил невестку приветливостью и послушанием. Это немало. Кроме того, Марфа скоро будет бабушкой. Тогда живи себе да мурлычь у зыбки!

— Обожди, я немножко потолку,— подошла она к Кате.— Ты иди отдохни на печи, распрями поясницу-то.

Катя пошла и пошатнулась,— видно, закружилась голова. Марфа испуганно проводила ее взглядом и решила про себя: «Нельзя ее больше кормить качественным хлебом, надо будет молока давать. Бог в грех не поставит, хоть нынче и пост. Не из-за себя, из-за ребенка на душу грех возьму».

Пришли с работы Степан с сыном. Несмотря на нехватку хлеба, в эту весну они хорошо поработали — расширили поля и пожни, справили подсеку. Не зря, оказывается, Власий хвалил Михаила, молодой мужик оказался работающим, только вот преждевременно стал обнаруживать повадки хозяина дома. Ему одно говоришь, а он тебе другое. Степана перестал отцом называть, дал ему кличку «старик». Даже командовать начал: сходи-де, старик, туда-то и туда-то, сделай то-то и то-то! Степан, конечно, понимал, что сын живет тещиным умом. А мать будто не видит ничего, потакает сыну. Да сумеет ли Михаил оценить это? С ним, видно, трудненько будет жить под старость...

И опять — в который раз! — вспомнил Степан о младшем сыне. Эх, Илья, Илья! Он будто и не думает возвращаться домой, всю жизнь хочет зимогорить. А кто виноват? Сам ли он, отец, отпустивший любимого сына прошлой осенью на Урал, или Вера, с которой Илья не хочет расставаться? Чего только не наговорил Степану Петрован, вернувшийся оттуда. Если верить ему, Илья уже вконец испорченный человек. А испортили его Мирон и какой-то Филипп.

На самом же деле Илья остался на Урале вот по какой причине. Из писем ему было известно, что дома

трудно с хлебом, и после возвращения, хочешь не хочешь, пришлось бы все лето батрачить. О свадьбе нельзя было и думать — нужен запас хлеба, нужны деньги. С того времени, как женился Мишка, хозяйство до сих пор хромает. Еще он слышал, будто мать не хочет и подпускать Веру к своему дому. А у купчихи Феклы один разговор: разорил-де нас младший сын Марфы, увел работницу во цвете лет, а дальше еще хуже будет — станут требовать приданое. Вон ведь как хитро надумала Марфа!

— Ну и пусть с ума сходят! — узнав об этом, сказал однажды в разговоре с Верой Илья. — Своей головой будем жить!

Многие дровосеки не разъехались по домам. Одни нанялись сплавать лес, другие — караулить дрова, третьи — на лесоустройство.

Остался и Васька Кержак со своими товарищами. Когда Васька узнал, что Илья и Вера не хотят возвращаться домой, он пришел к ним.

— Теперь нам нельзя работать врозь: одной нагайкой нас окрестили. Хотите в нашу артель — лес сплавать? Не пожалеете.

Илья пообещал — и не пожалел. Васька Кержак оказался человеком с таким боевым и добрым сердцем, что лучшего друга Илья и не хотел.

Марфа приготовила ужин. Усевшись за стол, Михаил взял хлеб из кача, испеченный в виде толстых сочней, разломил его и брезгливо бросил обратно.

— Ты, это самое, — зло уставился он на мать, — видно, уморить нас хочешь.

— О господи! — обиделась Марфа. — Что это ты говоришь, сынок? Я сегодня к шести совкам кача добавила целых два совка ячменной муки. У других и этого нет.

— Ты у нас богатая, — зло буркнул Михаил и, снова взяв хлеб, принялся жевать. — У меня вон живот вздулся, твердый, точно камень, дышать трудно.

— Надо растопить червей да выпить ихнее масло. И не заметишь, как живот перестанет болеть, — не то всерьез, не то в шутку сказал Степан.

Ему не хотелось бранить сына, Михаил действительно мучился животом.

Но молодой хозяин не зря ополчился на мать, у него еще кое-что было на уме. Недаром он просидел вчерашний вечер у тещи, а сегодня весь день обдумывал, с чего бы начать.

— Уж лучше было пойти батрачить к Сирвойтову,— обронил он.— Целое лето хороший хлеб ел бы. Он-то — милости просим, звал. «Тебе, говорит, никогда не откажу».

Степан положил на стол ложку. Не хотел сердиться, да, видно, придется.

— Чего же не идешь, коли звал? Работать на кровососа куда важнее, чем в своем хозяйстве... Эх ты, куриная твоя голова! Постыдился бы хоть семьи-то!

Михаил посмотрел на жену, которая сидела тут же за столом, скрестив пальцы под выпяченным животом.

— Велика семья — полтора человека! Да что ты... это самое... напиралась на меня? Младшего-то, небось, не бранишь. С малолетства на него батрачу и сейчас новые пашни расчищаю, а свою долю он наравне со мной возьмет. Хм! Он зимогорит, а ты здесь с голодухи пухни, ему же хозяйство расширай!

— Михайло! Бесстыжий! — закричала мать.— Считаться вздумал!

— Мне нечего стыдиться! Меня-то вы не стыдились, за щенка держали! Не я был любимым сыном...

— Замолчишь ты или нет?! — стукнул кулаком по столу Степан.— Шкуру спущу!

Отца своего Михаил знал — в гневе он может и впрямь шкуру под липку разделать,—а потому не стал препираться. Но по всему было видно, что он не сдался и не раскаивается. Когда-нибудь он еще покажет отцу с матерью! Он еще с ними и за старые обиды не расплатился...

— Что же это за жизнь! — утирая слезу, запричитала Марфа.— Весь век пришлось бедовать. Думала, вырастут сыновья — легче станет. А облегчения никакого, все труднее и труднее. Да разве стала бы я кормить вас таким хлебом, ежели бы достаток? У не-

вестки вон в чем только душа держится. Сама еле хожу. А сенокос на носу...

Степан насупился, но промолчал. Кто тут больше виноват — он или жена? А может, сама жизнь виновата? Ведь весь свой век Степан трудится, не зная покоя, а вон до чего дошли — древесный хлеб едят. Конечно, можно было бы поклониться Власию или Ивану-мельнику, попросить у них в долг два мешка муки. Да ведь из чужого амбара легко вынести, да тяжело обратно внести.

И все-таки оставалось одно — занять у кого-нибудь хлеба. Степан не тряпка, не хочет он, чтобы его вечно попрекали за столом. Ничего не говоря, он вышел из дому и направился к погосту. Под мышкой у него был пустой мешок.

Сирвойтовы, отец с сыном, еще торговали: сын — в лавке, отец — на мучном складе. Покупателей было немало — люди запасались к страде мукой, сушеной треской, табаком.

Степан вошел в мучной склад и ахнул — мешки с мукой сложены один к одному до самого потолка. Этой муки хватило бы всему селу на целый год.

«А мы древесным хлебом давимся,— подумал Степан.— Над каждым куском дрожим, будь ты проклят!»

Власий, видно, торопился. Он сам положил на весы пудовую гирию и сухо бросил покупательнице:

— Долго возишься, молодуха. Вся мука хорошая, привозная. Так ты что, деньгами уплатишь или пометку сделаем?

— Отметь, благодетель, отметь.

— Двенадцать поденщин. Не забудь. В страду.

— Разве двенадцать? — взглянула женщина на Власия.

— До сих пор не знал, что у тебя уши из глины.

— Уши-то у меня не глиняные... Ну да ладно... Что поделаешь... придется уж поработать. Жить-то всем хочется.

Молодуха ушла. К весам подошел следующий. Тут же оказался Семка.

— Со вчерашнего вечера ищу тебя, дядя Степан! Митрий получил письмо от Ильи.

— Что он пишет? — Степан схватил Семку за руку, словно боясь, что тот может уйти.

— На сплаве хорошие деньги заработал. Да еще пишет, что на лесничество в суд подали, требуют, чтобы возвратили дровосекам деньги.

— Пстой, пстой, Семка! — вмешался Власий. — Ты это о чем толкуешь?

— О жульничестве, дядя Власий. А дровосеки не дураки, ходили в город жаловаться, даже с конными жандармами подрались. Хуторского Мирона тогда вот в тюрьму и посадили.

— Туда ему и дорога! — махнул рукой Сирвойтов и опять повернулся к весам. — Побольше бы таких сажали, без них спокойнее.

Степан понял, кого имел в виду Власий, и оборвал разговор с Семкой.

— Много ли тебе, сын Лавреня?

— Мне-то? Чтоб смог донести. Отец один пуд велел, да вешай два... Да, так в суд, значит, подали на лесничество. Может, теперь и выплатят немного... Сколько с нас, дядя Власий? Бери! С моим почтением! Нашего брата разорить трудно, овчины отдашь на выделку — обратно свои денежки вернем.

Раздался хохот. Не обиделся и Власий. Что поделаешь с балагуром! Да и обижаются на такое только недалёковидные люди. А Власий Сирвойтов ой как далеко видит! У него все точно рассчитано. Хотят мук — пусть берут сколько угодно. Нужны деньги — деньгами даст. Продает он вдвое дороже, чем покупает. Это если на деньги, а если поденщиной — еще выше. Не проиграет Власий, если и в долг даст: оплатят пушниной, а если год окажется непромысловым, будут заготавливать сортовку. На следующий год Сирвойтов возьмет такой большой подряд, что всем работы хватит. Золотое времечко для Власия Спиридоновича, золотое времечко!

— Тебе помочь, Сема?

— Ох, каналья! Верно, тяжело маленько. После такого мешка целую ночь придется пуп вправлять.

— Чем же вправляешь-то?

— Горшком. Бывает, весь живот в него втянет...

Дядя Степан,— уже в дверях обернулся Семка, я тебя у церковной ограды подожду.

— Ладно.

Степан нарочно купил целый мешок муки. Пусть вытаращит глаза жена! И Мишке нечем будет козырять, сам влез в долги — сам и расплатится. Есть еще надежда на Илью. Как ни чернил его Петрован, а отцовское сердце чует — не мог Илья измениться. Чтобы хорошего человека сделать подлецом, надо здорово попотеть... Вот написал же: на сплаве, мол, хорошие деньги заработал. Нельзя, никак нельзя Степану потерять младшего сына. В старости-то кормильцем будет он, Илья.

— Остановись-ка, коли так, дядя Степан! — крикнул Семка, когда тот подошел к церковной ограде.— Я ведь и без письма кое-чего знаю, расскажу, как мы там жили-поживали...

На следующий день Степан Матвеевич пошел к учительнице, попросил написать сыну письмо. В этом письме он и Вере посылал земной поклон.

2

После сплава Илья и Вера занимались на разные летние работы, и письмо от Степана нашло их не скоро. Однако письмо это было для них большим праздником. В его строках Илья слышал тоскующий по сыну голос отца, и в то же время было в нем что-то ободряющее. Но жизненный опыт подсказывал Илье, что нельзя поддаваться возникшему чувству и сразу же бежать домой. Он обдумал все, потолковал с Верой, и они оба поняли, что дела в родном селе сейчас плохи — и хлеба мало, и шишки в лесу не уродились, значит, осень будет непромысловой. Лучше поработать тут до большого мясоеда, вернуться домой с деньжатами и сразу же обвенчаться. Илья послал отцу ласковое письмо, перевел по почте немного денег, а матери и Михаилу с его женой велел низко кланяться.

А Вера тем временем решила кое-чем обзавестись. Она сначала купит сундук, потом швейную машину,

потом уже подарки. Непременно нужны подарки — меньше будет разговоров о нищей сироте.

Были и иные причины, которые задерживали здесь Илью и Веру. Мирон все еще сидел в тюрьме в Перми и ждал суда. Может быть, и оправдают. Может быть, и выпадет счастье встретить его на воле и вместе отправиться в родные края. Да, кстати, еще ходили слухи, будто дровосекам вернут деньги, прикарманенные лесничеством. Если и это дело разрешится в их пользу, тоже стоит подождать. Одним словом, Илья и Вера твердо решили остаться здесь еще на одну зиму.

Письмо и перевод от сына Степан получил уже в пору жатвы. Лето было дождливое, озимая рожь полегла еще во время цветения, и снопы казались легкими, точно обмолоченные. Плохой уродился и ячмень. Овес вообще едва ли успеет созреть, он еще совсем зеленый. По всему было видно, что хлеба в этом году опять будет собрано мало. И хотя Степан скучал по сыну, в душе он хвалил его за решение остаться на Урале. Может, и Михаила еще придется послать туда. Коли не будет хорошей охоты, чем уплатишь подати, чем вернешь Сирвойтову долг? Ведь Степан Матвеевич еще не знал, как усердно готовится Власий Спиридонович к зиме.

Сирвойтов съездил в Усть-Сысольск, чтобы развеять, какие могут быть в этом году условия на заготовку сортового леса. В уездном центре он узнал важные новости: сортовки будет заготавливаться по уезду значительно больше, чем в прошлом году. Друг Власия Карп Пипуныров успел уже стать членом лесопромышленного акционерного общества, и это общество теперь будет называться русско-англо-коми-лесопромышленной компанией. В отношении сына Карпа — Константина — Русин тоже сдержал обещание: сделал его доверенным. Но самым главным и ободряющим событием было то, что Карп Пипуныров принял Власия Сирвойтова как близкого родственника, а это говорило о многом. Значит, не так далек тот день, когда они по-настоящему породнятся.

— Многое теперь в наших руках, — по-дружески сказал будущему свату Карп. — Надо только суметь так повести дело, чтобы не дать себя в обиду. Конеч-

но,— добавил он,— каждому следует знать свое место... Сделай все, Власий Спиридонович, чтобы из волости как можно меньше людей ушло на Урал. Сам знаешь, как трудно им в этом году придется. Щедрее давай в долг, что попросят — товар или деньги. Пусты слух через своих людей, что на дровозаготовках ничего, кроме беды, не наживешь. Я на тебя надеюсь. Помогу взять большой подряд.

Советы хитрого лесопромышленника не пропали даром, Сирвойтов старался на совесть. Поэтому, когда пришла пора нанимать людей заготавливать сортровку, он предложил самую низкую плату. Деваться-то все равно бедноте некуда, поневоле наймешься, если не хочешь умереть с голоду...

Торговаться о цене начали после вывозки навоза. Собирались уже не раз.

Вот опять стучат в стены домов — оповещают людей, что сходка будет у купца Власия. Конечно, в старой избе.

Мужики собрались быстро. Вскоре они уже сидели на лавках и скамейках; кто устроился прямо на полу, кто залез на печку, торчали головы и с полатей. Все уже знали, что на этот раз Сирвойтов будет не один, прибыл сам доверенный. Значит, сегодня что-нибудь да решится.

В ожидании хозяев негромко переговаривались и курили.

Алексей Расов страсть как не любил курильщиков.

— Задохнешься тут с вами! — раздраженно сказал он.

— И верно, курили бы меньше,— отозвался кто-то.

— Кому охота, пусть дымит на улице...

Стали сплевывать на сигарки, топтать окурки. Кто-то, видно, подпалил полушубок,— запахло паленым.

— Поглядите, чего там горит?

— Да ничего не горит...

— Как это ничего?

Алексей сидел на лавке возле печи, окруженный родней — сваты, шурины, двоюродные братья. Остальные сидели тоже группами. У кого не было родни, группировались по признаку соседства. Рыжий Василь

был среди своих соседей по верхнему концу села, Степан и Петрован примостились на полу у печки с живущими в нижнем конце. Голова Певчего Дениса с белой шишкой маячила среди тех, кто жил возле погоста. Было еще несколько человек из села Типэ. Довольно много народу пришло из деревни Ручпиян. Важгортские зло поглядывали на них, боясь, что те согласятся работать за низкую плату. Ведь в прошлую сходку не договорились с Сирвойтовым. Подрядчик добавил по пятаку на бревно, а мужики просили по двадцать копеек. Добавил бы половину — и то хорошо.

Войдя в избу, Костя Пипуныров сморщился от густого табачного дыма, но обрадовался, что собралось много народу. Значит, будущий тесть не так глуп, коль сумел удержать столько людей от ухода на Богословские заводы.

— Здорово, мужики! — глухо произнес он.

— Здравствуй, Карпович, здравствуй!

— Эй, вы, дайте человеку пройти!

Пипуныров был в пимах с длинными голенищами и мягко ступал между людьми. Власий шел за ним почему-то на цыпочках, держа под мышкой папку.

— Что же мы теперь будем делать, мужики? — начал Власий, усевшись за стол. — Константин Карпович привез такую весть, над которой нам придется вместе подумать. Константин Карпович говорит, что заготовка сортовки из диньельских массивов встанет очень дорого. Он думает перенести заготовку сортового леса в другие места.

Это была бесстыдная ложь, рассчитанная на то, чтобы напугать людей и заключить с ними кабальный контракт. Но слова Власия мужики поняли по-своему.

— Если нельзя на Диньёле, можно и поближе. Это даже лучше.

— Это нам ничего, лишь бы цена была подходящая.

— Вы, видно, меня не поняли, — прервал мужиков Власий. — Константин Карпович хочет перенести заготовку леса на другие реки, а там, конечно, найдутся работники из других волостей.

Люди задвигались. Неожиданное сообщение и удивило и испугало их.

— Как же так — на другие реки?

— Сколько раз уже собирались, торговались...

— Мы же потому не пошли на заготовку дров...

— Так не положено...

Пипуныров потирал руки: сходка началась так, как он хотел. Да, отец прав, надо уметь подготовить почву, без этого не купишь и не продашь.

У сына лесопромышленника было, конечно, понимание дела. Ведь он и книжек сколько прочитал! Он знал, что у каждой социальной группы, у каждого класса своя психика, свои интересы. Правильно сделал молодой доверенный, что решил обойти волости и встретиться с этими полуголодными мужиками, — пригодится на будущее.

— Ты, Власий Спиридоныч, шутишь, наверно? — сказал Алексей. — Сколько уже было говорено — и вдруг — на тебе, в другое место!

Расов заговорил неспроста: если сорвется заготовка сортового леса, его три сына останутся без работы. А ходить на Урал, видно, бесполезное дело. Вон его Митрий вернулся этой весной — ни одежды, ни обуви.

— Нет, не шучу. Шутят, Алексей Петрович, на посиделках, — сказал Власий. — Я ведь для вас же стараюсь.

— Тогда не надо было нас за нос все лето водить! Мы бы давно на Урале были! — крикнул кто-то из угла.

— За этим дело не станет! — пророкотал низкий голос Петрована. — Котомки с сухарями наготове, полосья смазаны...

Слова Петрована многие одобрили — одни нарочно, чтобы напугать Власия, другие всерьез.

— Еще не поздно. Сейчас самое время отправляться...

— Нам не привыкать таскать за собой саночки!

— Бабы вон ругаются: привязались-де к нашим подолам, не избавишься от вас!

Стало оживленнее, и в этом оживлении Пипуныров почувствовал силу, направленную против него и Власия.

— Слишком уж вы быстро решаете, мужики,— поднялся он,— даже не хотите узнать толком, в чем дело.

Десятки глаз впились в доверенного, и Костя воспрянул духом. «Как мыши перед кошкой,— мелькнуло у него в голове.— Захочу — поиграю, захочу — съем».

— А чего нам долго решать! Договоримся о цене — будем работать. Не договоримся — пойдем на другие работы.

Кто-то засмеялся. В той же стороне задвигалась голова Дениса.

— Блох в шубах искать найметесь, что ли?

У Дениса своя забота — он хочет Кондратия пристроить в лавку Власия. Кроме того, Сирвойтов велел ему в нужную минуту сообщить людям важную новость.

— Урал-то, видно, придется забыть,— начал он.— Тамошние заводы, говорят, будут топить каменным углем, дров совсем мало понадобится... Не обессудь, Константин Карпович, прервал тебя.

— Ничего. Я только хотел сказать, что не мешает нам как следует во всем разобраться.

Молодому доверенному не терпелось выложить то, что он знал, о чем более опытный человек умолчал бы до поры до времени. Он стал ссылаться на казну, что казна, мол, продает лесные участки по очень дорогой цене и особенно большую цену берет за диньельские лесные массивы, а это невыгодно лесозаготовителям. Но Пипуныров, видите ли, человек добросердечный и может стать на сторону важгортских мужиков, если сами мужики не испортят дела.

Слово взял Власий Сирвойтов. В первую очередь он напомнил своим должникам, что рано или поздно придется платить долги, а без заработка об этом и думать нечего.

— Скажите спасибо,— говорил Власий,— что здесь оказался Константин Карпович, обещал заступиться за вас, если вы согласитесь работать. Он поставил передо мной, как перед подрядчиком, условие — сплавлять лес не до Котласа, а прямо до Архангельска. Каждый сортовщик получит полный расчет тогда, когда сдаст свой лес в Архангельске.

У многих зачесались затылки. Хорошенькое дельце — сплавать лес до Архангельска! До середины лета провозишься. Да и кто знает, как по такой широкой реке сплавать... Ветер может разбить плот, разбросать бревна, и останешься как после пожара...

— Н-нет, так дело не пойдет! — зашумели мужики.

— Да вы не пугайтесь раньше времени, — старался подавить шум Власий. — Я еще цены не называл, а вы из кожи вон лезете... Никто не думает заставлять вас даром работать. Что стоит, то и будет уплачено. Помните, я соглашался добавить пять копеек на бревно, а вы просили двадцать, — это при сплаве до Котласа. А до Архангельска, конечно, и разговор другой. Подумайте сами, не лучше ли получить больше денег?

И правда! Разве не о заработке пекутся мужики? Конечно, это много времени отнимет, да ведь на все время нужно!

— А вот такое дело, Власий Спиридонович, — поднялся Онисим, сидевший среди мужиков села Типэ и, по-видимому, выражавший их общее мнение. — Скажем, я работал в лесу, вывез сортовку на катище, а сплавить лес нет времени, или не хочу, или здоровье не позволяет. Как тут быть?

Сирвойтов сказал, что в таком случае сортовщик сам договорится с кем-нибудь сплавить лес и сам же расплатится со сплавщиком.

— Подрядчику нет до этого дела, — добавил Власий. — Кто как сумеет, так и сделает.

— Опять же хотелось бы знать, по каким еще рекам будут сплавать лес, если не договорятся о работе тут, на реке Вэрюю?

Власий ответил уклончиво. Но важгортские знали — близ села Типэ тоже есть хорошие леса и мужики из Типэ, видно, задумали перехватить у важгортских заработок. Ручпиянские тоже стали перешептываться. Только бы не ошибиться в цене! Большинство сортовщиков ведь будет важгортских, им и сподручнее торговаться.

Настали самые решительные минуты. Сколько раз начинали ссориться, сколько раз мирились! И только поздно вечером наконец пришли к согласию.

Костя Пипуныров потирал руки. Он славно обжулил мужиков! Лес будет доставлен до места без всяких промежуточных остановок, без лишних расходов — прямо до морского порта, откуда открываются широкие просторы мирового рынка! Это немалая заслуга перед компанией. Конечно, молодой Пипуныров всего лишь доверенное лицо, решает и подсчитывает прибыли компания. Но ведь его отец тоже член акционерного общества! Напрасно, совершенно напрасно выходит из себя Володя, друг Кости. Сыну деревенского купца еще далеко до него, сына городского туза, доверенного русско-англо-коми-лесопромышленной компании. Да и, откровенно говоря, Косте Пипунырову безразлично, что думает Володя Сирвойтов.

Выгодная сделка сильно подбодрила и подрядчика — Власия Сирвойтова. И он не поскупился, поставил сортовщикам пять ведер вина, чтобы, как говорится, обмыть сделку.

Всю ночь и весь следующий день в Важгорте горланили пьяные. На третий день начали готовиться к выходу в лес. Многого надо было сделать: завезти домой запас сена и дров, подлатать для работы в лесу одежду, наточить пилы и топоры, подготовить сани...

Вскоре по дороге в Диньёль потянулись обозы. Сортосчики везли с собой запасы сена, харчей и необходимые пожитки.

3

Степан с Михаилом тоже заготавливали сортоску. Раз в две недели они бывали дома. Надо ведь и в бане помыться, и сделать по дому кое-что, и на маленького Мишутку поглядеть. Да, братцы, да, у Кати родился сын!

Возвращаясь из леса, Михаил, не успев даже раздеться, брал на руки ребенка.

— Грязный медведь! — бросалась к нему Катя, чтобы отобрать сына. — Ведь не умылся еще. Дымом от тебя так и несет, точно на тлеющей портянке спал.

— Мы, это самое, — скалил желтые зубы молодой отец, — мы, скажи, тетка, люди рабочие, откуда нам чистенькими быть! — Но его шутка каждый раз обо-

рачивалась в обиду для Кати: — Мы скажи, тетка, даром хлеб не едим, как ты! Стараемся так жить, чтобы тебя, чивочку, кормить!

И «чивочка» поневоле умолкала, бежала готовить баню, потом, угождая мужу, подавала ему чистое белье. Да разве мало у Кати дел, разве есть за что обзывать ее дармоедкой! Утром глаза еще не успеет продрать, а ее уже сотня дел ждет: и печь надо затопить, и по воду сбегать, и корову накормить, и теленка, и овец, и свинью, и подоить корову тоже нужно, и ребенка покормить нужно. А уж вместо отдыха за прялку садиться... Глядишь — уже вечер! И опять до полной темноты со всеми делами не управишься.

— Диво да и только! — порой разводит руками Катя. — Куда бежит время? Уже смеркается, а я сегодня, матушка, даже полверетена не напряла.

— Успеешь, еще, золотко, на то вечер есть, — отвечала обычно Марфа.

Ей-то что, ее работа — за люлькой. Только и знай что мурлычь внуку да приказывай его матери — то, мол, сделай да вон то. Невесток ведь для того и приводят в дом...

И металась маленькая Катя от одной работы к другой — блохе не угнаться. Все умеет, всюду поспевает.

Так прошел осенний пост, прошло рождество, начался большой мясоед — время свадеб, пора прощания девок со своей вольной жизнью.

— Вот-вот появится Илья. Готовься, матушка, пиво варить! — как-то раз поддела Катя свекровь, помня, как рассердилась Марфа, когда получили от Ильи письмо, в котором сын просил родительского благословения на венчание его с Верой. — Сказал же батюшка-то, приедут-де и обвенчаются.

— Берестяным венцом да вокруг пня! — сразу же рассердилась Марфа. — Пока со службы не вернется, и разговоров быть не может! Нонешней осенью его год берут, уйдет в солдаты. Уж больно мне охота подол его любушки стеречь! Пусть не хитрят! Веру-то я ой как раскусила! Командовать над моим сыном никому не позволю, да и себя в обиду не дам. Ты это заруби себе на носу, молодуха!

Катя уже не раз задумывалась о том, как у нее сложится жизнь, когда женится Илья и приведет в дом Веру. Ведь Вера такая красивая, такая видная, куда Кате до нее! Не станет ли свекровь притеснять старшую невестку, не полюбит ли больше молодую?

Но, услышав такие суровые слова о Вере, Кате стало ясно, что бояться ей нечего, пожалуй, можно даже подлить масла в огонь.

— Коль спешат обвенчаться, значит, есть на то причина,— осторожно намекнула Катя.

Марфа уже давно об этом думала, потому слова невестки больно задела ее.

— Ах, так! — раскричалась она.— Тогда хоть топись, только бы не слышать, как люди над нами насмеются!

— Топиться-то, кто знает, придется ли, матушка. А языки таких вот, как купчиха, будут, конечно, молоть всякую небылицу.

— Молчи, глупая, молчи! Не пугай старуху раньше времени!

Катя собралась было еще что-то сказать, но Марфа прикрикнула на нее:

— Перестань, пока и на тебя не рассердилась!

Но получилось не так, как желали свекровь и невестка. Илья сделал по-своему. Перед возвращением домой он обвенчался с Верой там, на Урале. Конечно, он не потому спешил, что Вере следовало торопиться. Нет, просто так было надежнее. Вера упиралась: может-де, так не понравится отцу с матерью,— да разве отступится Илья от того, что задумал!

— Жить с тобой придется мне, а не им,— отрезал он, желая раз и навсегда покончить с этим. Значит, мы сами над собой хозяева.

Они пригласили товарищей, попиrowали и отправились в путь.

В родное село молодые приехали рано утром. В домах уже горел свет. Ох, как билось у Веры сердце, когда ямщик повернул к дому Степана Матвеевича! Илья сразу же бросился в дом. Звякнуло дверное кольцо, скрипнула дверь...

Одиноким глазом казалось окно, глядевшее в сторону крыльца. Вера сидела в санях и, затаив дыхание, смотрела на это окно, стараясь уловить возгласы радости, торопливые шаги... Но в окне, покрытом толстым слоем льда, не мелькнуло даже тени, сквозь толстую, бревенчатую стену не проник ни один звук. Изба стояла ко всему безразличная, небо над ней висело хмурое, холодное. Только всхрапывала еще не распряженная лошадь да поскрипывал под ногами ямщика утоптаный снег. А сколько было передумано об этом доме, сколько раз видела Вера его во сне! Вон под тем навесом она когда-то ожидала своего любимого, в эти двери стучалась ночью, чтобы хоть краешком глаза увидеть больного Илью... А сколько раз они оба вслух мечтали о том долгожданном мгновении, когда свернут с тракта к своему дому!.. Но что же? Постойте-ка, постойте! Может быть, там что-нибудь случилось? Может быть, требуется ее помощь?

Вера сбросила с себя заиндевевшее одеяло, встала на онемевшие ноги. Но вместо того чтобы пойти к дому, она повернулась к возившемуся у задка саней ямщику:

— Не развязывается, что ли, дедушка?

— Очень туго завязал, елки-палки! Пусть, думаю, покрепче будет, чтобы сундук не потерять.— И ямщик вдруг стал сетовать на свои годы: — В молодости, бывало, рукавицы возьму — так, из удалства, цельный день проношу за кушаком. А нынче даже меховые не греют, вся кровь из рук вглубь ушла.

— погоди, дедушка, я попробую.

— Попробуй, голубушка, попробуй, молодайка! Вера улыбнулась: конечно же, молодайка! Любимого мужа любимая жена. Это ведь тоже немало!

— Ты, дедушка, распрягай лошадь-то. Сани у тебя не тяжелые, сами втащим под навес.

— Спасибо, молодуха! У меня тут есть один друг-приятель, я к нему пойду. Он может обидеться, если у чужих остановлюсь.

Ямщик вертелся около саней, помогал Вере и беспрерывно тараторил:

— Ну и тяжелый же у тебя сундук! Точно камень! Но зато хоро-о-ош, ой хорош! На Урале мастера пер-

вый сорт! Все отлакируют, в железо закуют, замок со звоном поставят. У твоего сундука тоже звенит замок-то?

— Звенит...

— Так, значит, так... Я ведь тоже, знаешь ли, ходил заготавливать дрова-то... Давай поддержи с этого конца, чтобы не сильно стукнулся.

Сундук был действительно тяжел — Вера уложила в него швейную машину, полуведерный самовар, подарки для родни: отцу — вятские валенки, матери — теплую шаль, Кате — белый платок, Михаилу — картуз, маленькому Мишутке — игрушку.

«Да ведь даже собака не отзывается!» — снова глянула на дом Вера. Она не знала, что Катшыса недавно загрызли волки.

Вера распутывала веревку и не заметила, как вышел Илья.

— Ну-ка, погляжу, чего там у вас.

Вера выпрямилась.

— Что так долго?

Илье было стыдно смотреть жене в глаза.

— Отец и брат в лесу, — сказал он, подавив злость на мать, — заготавливают сортовку. Мама и Катя... они дома. — И, уже поднося сундук к крыльцу, добавил: — Не принимай близко к сердцу, если не так встретят... Потом все уладим.

Услышав это, Вера почувствовала, как у нее вдруг ослабели ноги. Ступеньки крыльца показались такими высокими, что она едва их одолела. Но вот отворилась дверь в избу. Вера перешагнула порог, ручка сундука выскользнула у нее из рук, и сундук грохнулся на пол. Вздогнула висевшая у печки зыбка, заплакал маленький Мишка. Свекровь со снохой бросились к нему.

— Ой-ой-ой! Тебя, нашего сокола, напугали!

— Ох вы, такие-сякие! Ходите тут, гремите! Разбудили нашего любимца!

— Да возьми уж, возьми на руки, дай грудь, что ли! Видишь, надрывается, бедненький!

Вера хотела пройти на середину избы, но ноги не слушались ее. Она через силу перекрестилась на икону и села на скамейку под полатами. Она поняла: начиналось житье-бытье под властью свекровки и снохи...

Илья не стал дожидаться отца и на завтра сам отправился к нему. Надо было не откладывая поговорить с ним.

Идти пришлось целый день. Дорога, проложенная по глубокому снегу, вела через сосновые боры и густые рощи, через болота и ельники, прямо к верховьям Вэрю. Это была родная тайга-матушка, и от глаз ее верного сына не могло ничто укрыться.

Илья опечалился: тайга в этом году, будто уснула. Не слышно шума крыльев боровой дичи, нет на снегу следов промысловых зверей, если не считать, что кое-где возле накрошенного сена топтались зайцы. А сена этого у придорожных деревьев — целые кучи. Просто зло берет: стоит себе елочка — тюкни ее разок-другой топором, свали и отбрось, чтобы не мешала проезду, — так ведь никому неохота этим заниматься. Зачем, мол, на чужих работать!..

Илья даже начал валить те деревья, что уж прямо на дорогу вылезли, да ведь один в поле не воин, надо сообща. Надо собрать на это дело сортовщиков.

— Будто сами не понимают! — удивлялся Илья. — Ведь для себя же поработали бы.

Ему и невдомек было, что года два назад он тоже равнодушно проходил мимо подобных вещей. В старую парму Илья Ошлапов вернулся новым человеком, хотя и не подозревал об этом.

В устье Диньёля, где были катище и жилье сортовщиков, он пришел уже в сумерки. Штабеля леса тянулись главным образом по левому берегу Вэрю и по речке Диньёль, а люди жили на возвышенности, поросшей сосновым лесом, с двух сторон окаймленной речками. Разыскивая отца, Илья разузнал, где кто живет. Размещались тут люди группами, по признаку родства или соседства. Верхние и погостские жили в центре возвышенности, родственники Алексея Расова — по склону, нижние — по реке Вэрю, ручпийанцы и лесорубы села Типэ — вдоль ручья, но тоже отдельно друг от друга. Среди вековых деревьев скрывались крытые хвоей, без окон и труб низенькие избушки-временки, односкатные и двухскатные шалаши, сделанные из елок навесы для лошадей.

Сортосчики только что вернулись с работы, и на

стойбище было оживленно: топились избушки, валил дым из шалашей, загорались костры на улице, постукивали топоры — заготавливались дрова на ночь. Усталые люди покрикивали на лошадей, где-то рассыпался девичий смех.

Избушка Степана стояла в группе нижних — там жил с ними и шурин Василь.

Когда Илья появился, отец от растерянности долго не мог повесить на таган котелок, который он держал в руке.

— Во сне или наяву вижу тебя, Илья? — выговорил он наконец.

— Вроде наяву, — улыбнулся Илья, — своими ногами пришел. — Обнимая отца, он приговаривал: — Эх, как исхудал, как исхудал!

Степан стыдливо утер глаза, высморкался и тихо проговорил:

— Стареть стал, сынок, стареть.

Потупившись, тут же стоял Михаил.

«Со мной бы старик не стал так обниматься», — подумал он, но из приличия подошел к брату и подал ему руку.

— Наконец-то вспомнил про дом... Видать, там даром никто не кормит, — не то в шутку, не то всерьез сказал Михаил.

Из-за деревьев показался Гнедко Василя.

— Тпру, лешак! — вскричал Василь и соскочил с саней. — Зимогор наш, что ли, прибыл? Аксиныя, распрягай лошадь, а я на зимогора погляжу!

О появлении зимогора сортовщики прослышали быстро, и вскоре возле костра собрался народ.

— Долго гулял, дружок, долго-о-онько!

— Как там, в тех краях, на просторах-то, люди живут?

— Слышно, заводы-то завалили каменным углем?

— А мы, брат, здорово прогадали здесь, ох, здорово!

— Скрывать нечего — надолго в кабалу попали, не скоро вырвемся.

Кто-то успел подкинуть дровишек в костер, кто-то подкатил бревно, чтобы можно было сесть, хотя некоторые сели прямо на утоптаный снег. Илья стоял,

освещенный пламенем костра. Внешне он ничем не отличался от своих односельчан. И одет был так же, как они,—серый сукман, пимы, старенькая шапка-ушанка... Но по тому, как он говорил, по тому, как уверенно держался, было видно, насколько вырос, возмужал он за это время.

— Напрасно вы плачетесь,—говорил Илья.— Поглядите, как много бревен заготовили! Любо-дорого смотреть!

— Лес-то хорош! Ничего не скажешь, дельный лес! Да вот с контрактом получилось неладно. Власий-то Спиридоныч нас в дураках оставил.

И, перебивая друг друга, сортовщики рассказывали, каким образом подрядчик оставил их в дураках.

Илья слушал и чувствовал, что новая забота ложится на его плечи, будто эти беды касались в первую очередь его.

Нет, Илья еще не думал о больших делах. Ведь он пришел сюда не для этого. Он пришел повидаться с отцом, попросить у него прощения за венчание, хотел немножко пожаловаться на мать. Вон Митрий шепчется с Анной,—видно, хочет узнать о Вере, а может быть, о Мироне тоже. «Эх, Мирон, Мирон! Кабы ты был здесь...»

Не удалось Мирону побывать в родном краю, повидать друзей. Засудили его, угнали в Сибирь...

Среди собравшихся был и Петрован. Он прятался за спины людей и робко поглядывал на Илью: ведь он столько наговорил про него! А сын Степана, оказывается, образумился, вернулся домой, разговаривает с сортовщиками как взрослый мужик... Но Петровану все же хочется спросить, правда или зря болтают, что дровосеки подали на лесничество в суд. Ведь если это правда, лишний рубль никогда не помешает в хозяйстве. Конечно, сначала надо поздороваться с Ильей, а уж потом этак невзначай спросить. Петрован пробрался к костру и как-то по-медвежьи неуклюже протянул руку. А через минуту он уже спросил про суд.

Илья сказал, что это правда и что перед отъездом у него спрашивали адреса тех, кто в прошлом году заготавливал дрова для завода Бикмедова. Мужиков, конечно, эта история заинтересовала, и они пожелали

узнать обо всем подробно. Илья рассказал, как лесничество обмануло дровосеков, как нашлись толковые люди, которые встали на их сторону, не утаил и того, как дровосеки ходили в город и вместе с бастующими рабочими завода участвовали в демонстрации.

— Там-то оно, конечно, по-всякому бывает. Там другое дело,— не то удивлялись, не то оправдывались сортовщики.— А здесь, паря, темный лес — и все тут. Что хотят Сирвойтовы, то и делают.

— Лучше и не говори! Придут на делянку, посмотрят бревно и черную отметку поставят — незачем, дескать, везти его на катище, не примем. А сколько бьешься над ним: и рубишь, и от коры очищаешь, и ровняешь, ударишь обухом — словно дудка поет...

— Хорошо еще, если в лесу забракуют. Бывает, что и на катище до самой сердцевины зарубку сделают.

— Обнаглел, ой, сильно обнаглел Спиридоныч! Все ему нипочем. Мы-де честные люди и за границу обманывать не станем.

— Честный-то он честный, да себе в карман. А нам весной затылки чесать придется. Кондратий и знать ничего не хочет: что у него купишь, все отмечает,— дескать, цены на товар еще не определены, цену скажем потом.

— Кондратию-то что! Как хозяин велит...

— Небось в свою сторону не ошибется. Кондратий человек тоже с кривинкой — мягко стелет, да жестко спать.

Долго еще, может быть, жаловались бы мужики, если бы Михаил не крикнул Илье, что отец его зовет. Тут и остальные всполошились — ведь пришли-то на минутку, а задержались надолго, лучше уж еще раз после ужина собраться.

Илью поразила избушка сортовщиков. Внутри она чуть пошире охотничьей баньки, но все сделано грубо, на скорую руку, будто строили ее непутевые люди, хотя ни Степан, ни Василь таковыми не были. Бревна не подобраны, вместо мха в пазы напихали сено, и оно торчит клочьями. Потолок тоже из нетесаных плах, а пол земляной, покрыт сеном. Прямо на полу валялись постели. Ни стола, ни лавок. В стенах торчат спицы, над печкой жерди, на которых ночью сушится одежда.

Истопили каменку. Во время ужина снова стали приходить сортовики. Избушка быстро наполнялась людьми.

Илья еще не объявил о своей женитьбе, он хотел сперва поведать об этом отцу. Но не зря же в народе говорят: «Весточка, как ласточка, новость опережает».

Вот и сюда уже долетела весть о том, что Илья приехал женатый, и здесь уже судачили про то, как встретили Веру свекровь и невестка.

— Тебя, оказывается, Илья, надо поздравить... как уж его... с законным браком!

Услышав про это, Илья взглянул на отца. Степан сидел напротив сына на полу и ел суп. Рука у отца не дрогнула, суп не пролился, только ложка чуть задержалась у рта.

— Это что же, правда, сынок?

— Ругай не ругай, а люди правду говорят,— глядя отцу в глаза, сказал Илья.— Мы приехали домой вдвоем с Верой.

Степан положил ложку, провел рукой по бороде, посмотрел на шурина, на сватью, на старшего сына.

— Слышали, что делается в моем хозяйстве? Да как же ты, такой-сякой, до сих пор молчал об этом? — снова повернулся он к Илье.

— Думал потихоньку одному тебе сказать, да вот уже прослышали.

— Хм! Втихомолку, говоришь? — Степан хотел напустить на себя строгость, но радость мешала ему.— Вы, молодые, может, всю жизнь захотите жить втихомолку. Да ведь ладно ли будет так-то?

Аксинья сначала будто окаменела, но когда увидела, что Степан не рассердился на сына, сразу ожила:

— Ты, зятюшка, не вини Илью, он-то знает, что к чему. Благодарю бога, что так удачно получилось. Купчиха Фекла теперь, пожалуй, иначе заговорит с нашим братом.

— А у тебя, молодка,— прервал Аксинью Василь,— на все своя мерка. Какое дело купчихе до Веры!

— Что ты, что ты! — Аксинья уставилась своими безбровыми глазами на Василя.— Как же так нет дела? Она же перед людьми похвалялась, что Вера у нее как родная дочь! Все, мои милые, получается так,

как загадано богом. Сказал он — быть Вере в твоём доме, зятек, так оно и вышло. Теперь Власию Спиридонычу уж придется тряхнуть мошной.

— Только подставляй подол,—засмеялся Василь,— столько денег тебе насыплет Власий!

— Зачем об этом на людях языком трепать? — рассердился Степан.

А Илья уставился на Аксиныю, будто собирался броситься на нее. Но разве такую утихомиришь!

— Подвернется случай — так я непременно напомню Фекле, как она чернила нас, как вытолкала, когда мы приходили свататься,— продолжала она.

Илья не набросился на Аксиныю, он просто вышел из избушки. Его сразу же окружили парни и девушки.

— Ну и язык у Аксины! — негодовала Анна.— Вот такие и болтают всякие небылицы.

— Илья, а правду говорят, что твоя мать чуть не выгнала Веру?

— Брешут,— хотел отпереться Илья.

— Ой, Илья, Илья! Столько уж выстрадала из-за тебя Вера-то, не дашь же ты ее в обиду?

— Драться, что ли, с первого дня прикажете?

— Зачем же драться? Ты хоть бы Аксиные рассказал.

— Коли знаете, сами и рассказывайте, языки-то, чай, с собой,— раздраженно ответил Илья.

— И расскажем! Не постыдимся!..

И девушки вошли в избушку.

Не успел Илья опомниться, как в дверях показался отец.

— Ну-ка, подойди сюда, сынок. И про мать правда? — тихо спросил Степан.

Что ответил Илья, никто не слышал, но Степан сплюнул и крикнул в дверь:

— Михаил, запрягай лошадей!

После этого Степан не проронил ни слова до тех пор, пока не сел в сани. Уже трогая лошадь, он приказал сыновьям:

— Если через два дня не приеду, возвращайтесь домой.

Лошадь затрусила рысцой и вскоре растворилась в ночной тьме.

После того как погасла лучина, в избушке сортовщиков стало темно, точно в яме. Сильнее стал чувствоваться запах прелого сена, в горле першило от пыли, пропитанной дымом, веки склеивала горьковато-удушливая сырость.

Василь сразу же уснул. Сначала он скрипел зубами, потом захрапел. Через некоторое время храп вдруг стал прерывистым, то затихал, словно у Василя остановилось дыхание, то возникал с новой силой. Слышно было, как часто вздыхала Аксинья: после такой новости она, видно, совсем лишилась сна. А Михаил будто вовсе исчез. Кто знает, спал ли он?

Илья лежал на спине. Ему чудилось, что на глазах у него черная повязка. Назойливо лезли в голову воспоминания. Чего только не вспомнил за эту ночь Илья...

Вот он, еще маленький, бежит с ребятами к реке... Вот он первый раз идет с отцом на охоту...

Потом школа. Быстро пролетели годы ученья. А какие сны снились Илье, когда он был мальчишкой! Чаще всего он во сне летал. Руки вытянет в стороны, ноги согнет в коленях — и летит. Ох, как хорошо было летать!

А когда стал старше, он уже во сне не летал. Другие стали думы, другие появились желания. Захотелось показать людям свою силу, свои способности. Если пашет, борозда чтобы была прямая, а земля ложилась бы ровно и пышно; если косит, чтобы прокос был широкий, а луг был бы будто одним взмахом побрит. Купаясь, Илья старался заплывать дальше всех, а нырять дольше всех. И все-таки никогда он не был доволен собой...

И не заметил Илья, как тихонько к нему подкралась любовь. Бывает ли в жизни еще что-нибудь такое, что приносило бы человеку столько радости и столько горя! С тех пор как Илья полюбил, вся его жизнь была освещена этим чувством. И так у него получилось, что любовь вылилась в борьбу за честь. Пришлось защищать себя, бороться за Веру. В душе молодого человека рано пробудилась злоба, его сознание не могло при-

мириться с несправедливостью, оно искало правду. Конечно, это еще маленькая правда—защищать свои интересы. Но раненое сердце, как вспаханное поле, легче примет семена и большой правды.

«Да, да,—думал Илья,—Филипп был прав, когда говорил, что лесорубов эксплуатируют наиболее грубо, наиболее бессовестно. Их не защищает ни один закон».

Илья испытал это на себе, работая на Урале. С этим же он столкнулся и здесь. Если верить торговщикам, тут угнетают народ еще грубее, еще бессовестнее. Неужели так силен Власий Сирвойтов? Неужели здесь нет ничего, кроме темного леса?

Взбудораженный мыслями мозг можно было сравнить с пчелиным ульем в дни сбора меда. Одно воспоминание вытесняло другое. Мысли путались, сталкивались, одна мысль рождала другую.

«Ага! Вот ты, оказывается, какой, молодой человек!» — это возник в сознании Ильи образ доктора. На нем белый халат, рукава закатаны. Мать просит сына кричать, чтобы не лопнуло сердце. От сильной боли прямо в глаза стекают со лба капли холодного пота. Сознание туманится. Тут же, будто сквозь белый туман, виднеется лицо любимой. «Джигит она, а не просто Вера!» — говорит доктор.

«Ты бесстрашный человек». Это уже говорит учитель Степанов. Но Илья так и не успел спросить у него, можно ли ругать царя, самого царя!

Да, в Илье тогда было немало ребячества. С того времени он прошел длинный путь, многое повидал, многое узнал.

«Просыпается, подымается трудящийся люд!»

Что из того, что эти слова принадлежат не Илье! Они были сказаны на митинге оратором. Но ведь этот оратор имел в виду Илью тоже.

«Бывало ли когда-нибудь такое, чтобы сезонники-дровосеки объединялись с рабочими на общую борьбу?»

Воспоминание о митинге наполнило душу желанием сделать что-нибудь самому для других.

«А что, если попробовать свои силы? — подумал он и сам испугался своих мыслей.— Попробовать свои силы?.. Что за чепуха...»

Тьма в избушке сгустилась. Нечем было дышать. На лбу выступил пот. Илья взял сукман, на котором лежал, и вышел наружу освежиться.

Ему не раз приходилось ночевать в лесу. Он любил слушать ночное дыхание леса, перешептывание лесной молодежи; он любил в эти часы подумать, помечтать. Но в эту ночь все казалось иным. Звезды тускло мерцали в морозной вышине. Сосны не то роптали, не то просто немного шумели перед переменной погоды.

Где-то поблизости звякнула удилами жующая сено лошадь, чуть поодаль взлетел в ночную темь сноп искр из шалаша,— видно, подбросили дров в очаг. В соседней избушке кто-то надсадно закашлялся.

«Но кто же говорит, что я один? — Илья поставил ногу на кряж.— Разве не сами сортовщики завязали разговор, что они, мол, в кабалу попали, что их Сирвойтов в дураках оставил? Не может быть, чтобы они не захотели бороться за лучшую жизнь!.. Но с чего начать? Как взяться?»

Скрипнула дверь избушки. Илья вздрогнул. В дверях появилась Аксинья.

— Господи помилуй! — с жалостливым удивлением проговорила она, поправляя свои спутанные волосы.— Да зачем же ты так убиваешься? Не надо думать худо о родной матери! Она ведь не по злобе плохо приняла твою жену. Мы все люди грешные, все любим показать свою власть. Не горюй, сокол! Пройдут годы — и мать будет прежней, и Вера привыкнет, как голубки заворкуют свекровь с невесткой.

Аксинья прикоснулась к плечу остолбеневшего Ильи, который еще и не сообразил, о чем она толкует.

— Верь мне, золотце,— будто какую тайну стала нашептывать Аксинья,— все уладится, все. Все козыри в ваших руках. Я вон лежала и прикидывала, все связывала-увязывала, осталось только в жизнь провести. Завтра же отправлюсь домой.

— Погоди, тетка! — прервал Илья Аксинью.— Ты о чем это?

— Как это о чем? Ты ведь мне милее сына родного, не заботиться об тебе никак нельзя. Да и Вера теперь стала родной. Не сердись, не сердись! Все к лучшему задумано.

— Что задумано? — В Илье опять закипела злоба, он готов был броситься на Аксиныю. — Бесхвостые сороки! Грязные кроты!

— Что ты, золотце, что ты! — испуганно отшатнулась от него Аксиныя. — Ты и впрямь сердитый! — И, сообразив, что лучше не связываться с ним, она кинулась в избу.

Немного придя в себя, Илья все же решил поговорить с теткой. Но, видно, легче повернуть вспять Вэрю, нежели заставить Аксиныю отказаться от осуществления своих замыслов. Когда Илья проснулся, ее уже не было.

— Поехала домой, — сообщил Василь, — за сеном вроде.

— Что, это самое, — с явной злобой вставил Михаил, — загорелось ей? Лошадь с места в галоп пустила, будто на пожар.

Михаилу не нравилось, что и отец стал на сторону молодоженов и Аксиныя так печется о них.

Как бы там ни мудрили, а старший брат знает, что расходы на свадьбу лягут на его плечи. «Весь мой заработок прахом пойдет», — подумал Михаил.

— Плюнь на все, — подбодрил Илью Василь, — и не суйся в бабьи дела. Так-то лучше.

Илья с удивлением посмотрел на дядю, но ничего не сказал.

Тем временем наступало утро. Все чаще и громче то тут, то там раздавались голоса:

— Онисим! Табак-то есть еще? Покурим, паря!

— Тпру-у-у, дохлятина! Чего елозишь?

— Гляди-ка! Веревка-то еле держится, вот-вот лопнет... Елки-палки!

Слышались удары топора, скрипели сани. Становище сортовщиков проснулось. Кое-кто уже ушел на делянки, чтобы прибыть туда пораньше.

Илья слушал пробуждение жизни, и ночные мысли, которые перепутала Аксиныя, снова овладели им.

От катища до делянок примерно семь верст. Сортотовщикам было непонятно, почему надо возить бревна издалека, когда лес стеной стоит у самых берегов Вэрю и Диньёля. Они не знали, что чем дальше делянки от рек, тем дешевле лесное ведомство продает

лес заготовителям. Кроме того, была и другая причина. Когда прошлой осенью побывал здесь Русин фон Стюарт, ему понравился именно этот лес. Он велел срубить тут несколько сосен, подсчитал их возраст и сунул в карман несколько щепок, чтобы потом показать специалистам. Крупные специалисты дали этому лесу наивысшую оценку. Перед англо-русско-коми-лесопромышленной компанией открылась широкая возможность в первые же годы своей деятельности завоевать на мировом рынке славу поставщика отличного леса.

Но если компании было выгодно заготовлять лес за семь верст от сплавных рек, то торговщикам это было не с руки. Свезешь один раз за сутки — мало, два раза — устают лошади. Особенно мучила их никуда не годная дорога. Мало того что вся в колдобинах, так еще без конца петляет, а на каждом повороте бревна цепляются за деревья. Да и дороги тут, по существу, не было, просто проехала когда-то подвода, вот по ее следу и ездят до сих пор.

— Словно не для себя живете, мужики, по такой дороге ездите! — пожурил торговщиков Илья, когда пошли на делянку.

Василь только руками развел.

— Всегда так было. Никому не охота трудиться на других.

— Как это на других?

— А так, — вмешался до сих пор молча шагавший Михаил. — Очень нужно гнуть спину на ручпийнцев или для этих, из Типэ! Они ведь тоже заготовляют, так пусть они и поработают. А мы по хорошей дороге за милую душу будем возить.

Илья пытался поспорить с братом, но тот считал себя настоящим торговщиком и не желал уступить новичку.

— Ты, это самое, — защищался Михаил, — ты вот попадись как-нибудь один ручпийнским, они тебе кишки-то намотают.

— За что же это они мне кишки намотают?

— А ни за что.

— Злятся они на важгортских, — пояснил Василь и рассказал, как торговщики из деревни Ручпиян пер-

выми остановились на ближнем участке, но их прогнали оттуда важгортские. Теперь они на самом дальнем участке, за сортовщиками из Типэ.

Слова Василя бередили душу Ильи. Было ясно, кому на руку распри между сортовщиками.

Уже начали попадаться навстречу груженные подводы. Каждая лошадь тащила по одному бревну. Больше класть было некуда: сани и подсанки узкие, колодки в одно гнездо, с двумя бревнами трудно на поворотах.

Полозья скрипели, лошади фыркали, изредка кто-нибудь покрикивал:

— Эй, ты! Уснул, что ли?

— Пока не спим...— будто и впрямь просыпался возчик и зло понукал лошадь: — Ну-ка, живей шагай, что ли!

Сосновый бор тонул в предрассветной синеве. Воздух, струившийся между густо стоявшими соснами, казался тоже синеватым. Голоса людей тревожно разносились по лесу.

— Вот в том-то и дело, племяш,— снова заговорил Василь.— Злобу затаило не только одно село на другое, ведь не стыдятся и бросаются друг на друга, точно волки, сосед на соседа, брат на брата. А почему? Во всем нехватка, вот почему! — Он подумал немного и добавил: — Люди уважают друг друга, когда желудки сыты. А мы сыты редко бываем, потому и грыземся.

Илья хотел объяснить, что сортовщикам лучше было бы направить свою злость на угнетателей, но в этот момент впереди громко зашумели.

Там уже начинались делянки, и оттуда расходились три дороги — важгортских, типэвских, ручпиянских. А не доезжая до развилки было опасное место на повороте: с одной стороны крутой откос, с другой — подступившие к самой дороге высокие сосны. И надо же было случиться такому — у Сергея Расова опрокинулся воз. Пока Сергей возился, сюда подъехали нагруженные возы со всех трех дорог. Образовался затор. Неизвестно, с чего началось, но Илья и его спутники застали такую картину: лошадь Сергея стояла в оглоблях в стороне от саней, поперек дороги лежало бревно. Сам Сергей с окровавленным лицом стоял на бревне и замахивался топором на молодого парня и

бородатого мужика, которые дреколями сгоняли его с дороги. Поодаль толпились другие возчики. Все кричали, ругались, лезли друг на друга. Но громче всех кричал Сергей:

— Дорога закрыта! Обождите чуток, скоро наши придут. Тогда и рассчитаемся сполна!

Другая лошадь, на которой возила бревна жена Сергея, стояла немного впереди, впряженная в груженный воз. Самой жены не было. Сергей послал ее за подмогой и не хотел открывать дорогу, пока не прибегут односельчане, чтобы расправиться с чужими.

— Закрыта дорога, закрыта! — все размахивал топором Сергей.

Высокий и крепкий, он двигался точно на пружинах, топор в его руках недобро поблескивал.

Вдруг его противники попятились. Сергей оглянулся и увидел подходивших Василя и других важгортцев.

— А теперь что скажете, ручпийские? Что теперь скажете? — приободрился он, надеясь, что Василь и другие встанут за него.

Илья с ходу вскочил на бревно. Его движения были легкими, лицо выражало готовность к борьбе.

— Что тут делается? — крикнул он.

Все умолкли. Потом заговорили, стали жаловаться на Сергея, что тот, мол, закрыл дорогу и затеял драку.

— А знаете, что они сделали, знаете, что сказали? — начал было Сергей.

— Дурак ты, Сергей! — прервал его Илья.

Слова эти были столь неожиданны и в то же время так кстати сказаны, что в группе стоявших поодаль раздался смех, а сами драчуны замолчали.

Теперь все смотрели на Илью, и Илья понял, что большинство на его стороне, даже ручпийские и типэвские. Мысль работала быстро, глаза примечали все сразу. Он уже успел оценить поворот дороги, наметил и место для объезда.

— Ох, и толковые у вас головы! — вдруг улыбнулся Илья. — Наверно, уж не первый воз тут опрокинулся.

— Некогда ведь дорогу-то делать! — слышался пронзительный женский голос. — Грызутся все. Ох, спустить бы им штаны да отхлестать вот этой плеткой!

— Прямо горе проезжать такие места! — поддержал ее кто-то.

А там и другие стали жаловаться:

— Мучают лошадей, самих себя не жалеют...

Иван, Анна и Дарья оказались тоже здесь. Они подошли к Илье. За ними потянулись и возчики из села Типэ. Тут подбежали братья Сергея — Васька и Митрий — с кольями в руках.

— Где, кого убили? — запыхавшись от быстрого бега, спросил Митрий.

Илья пошел ему навстречу.

— Вот ты-то мне и нужен. Здорово! — протянул он Митрию руку. — Разговор тут о другом.

Подошел и Васька — хилый мужичонка лет тридцати, совершенно не похожий на братьев.

— Мы тут вот о чем толкуем, — неторопливо сказал Илья, — выпрямить дорогу надо. — Он обвел взглядом стоявших вокруг него людей. — Верно я говорю?

— Конечно, верно!

— Дядя Василь! — уже увереннее крикнул Илья. — Погляди-ка, где тут удобнее обойти!

— Поглядеть можно. Это я с охотой.

В это время тот самый бородатый мужик, который яростнее других бросался на Сергея, вскочил в сани, уселся верхом на бревно и с показной удалью крикнул:

— Ну-ка, Серко, рвани! Нам некогда ждать!

Серый, в яблоках мерин после первого же удара кнутом встал на дыбы и погрузился в снег. На крутом повороте воз чуть не опрокинулся, но ловкий возчик успел на ходу выправить его.

Серко легко разрезал грудью глубокий снег.

— Ох, и дьявол же ты, Элекан! Чего же раньше не сообразил проложить новую дорогу!

— Ему бы еще новую да умную голову!

— Что вы, бабы, тогда кто бы стал драки затевать?

— Эй, слышишь, что говорят про тебя?

Но Элекан уже выехал на дорогу и, не задерживаясь, поехал дальше.

— Испугался, видно, братьев Сергея, потому и удрал.

Илья не захотел следовать за Элеканом. Вместе с Василем он нашел место поудобнее. Спустя некоторое время Иван направил своего вислобрюхого Чалко по тропе, протоптанной общими силами в снежной целине. За ним двинулись и остальные. А Сергей, действительно как дурак, стоял у бревна и, все еще злясь, рассказывал братьям, как было дело.

Когда пришли на делянку, дядя Василь похвалил Илью:

— Ты, парень, ладно сделал, а то могли покалечить друг друга.

Василь и представить себе не мог, что сегодняшнее поведение Ильи было для него серьезным испытанием. Сам Илья это понимал, но пока еще не знал, что делать дальше.

Бор был удивительно красив. В тех местах, где его еще не коснулся топор, сосны стояли прямые, как свечи, и густо, что твоя конопля. Лесной молодежи тут не было, сучья росли лишь на самых вершинах. Взглянешь туда — шапка падает. Казалось, что весь этот лес посажен сразу, за одну весну, и выращен заботливыми руками. Утренний свет, идущий от снега, и синеватый, гулкий воздух наполняли сердце бодростью. Игра оттенков радовала глаз — тут краснеет кора, там зеленеет хвоя, на которой ватой висят клочья снега...

Выработки выглядели иначе. Лес там уже поредел, утратил порядок, будто прошлась по нему какая-то губительная болезнь. Так обезобразили его сортотщики. Перестук их топоров и шум падающих деревьев слышались теперь отовсюду.

Михаил все еще курил украдкой. Дойдя до своей делянки, он завернул сигарку и протянул брату уже изрядно засаленный кисет.

— Не дымлю,— отказался Илья и тут же заметил кислую улыбку брата.

— Сам бросил или молодая жена заставила?

— Жена не велит,— нарочно соврал Илья.— Очень, говорит, противно пахнет изо рта у курящего.

— Конечно, это самое... очень даже понятно. Жена-то из купеческого дома.

«Завидует, видно»,— подумал Илья, но брату сказал:

— С тобой мне стесняться нечего. Поможешь, коли нужно будет?

— С удовольствием,— усмехнулся Михаил,— на то я и создан: одним — батрачить, другим — помогать.

— Значит, и твоя жизнь нелегка... Давай хоть я тебе пособлю.— И Илья направился к стоявшей поблизости сосне.— Эту, что ли, сначала повалим?

Но брат брел вперед не оглядываясь.

— Я ведь тебя спрашиваю, Михаил!

— А ты лучше погляди на дерево, тогда и спрашивать не придется.

Илья только теперь заметил, что снег вокруг сосны вытоптан, значит, кто-то уже осматривал ее. Но почему дерево оказалось негодным, он так и не смог определить.

— С пасынком оно,— бросил наконец Михаил.

— С пасынком? Это который же сук? Вон тот, что ли? Так ведь это обыкновенный сучок, просто немного вверх растет.

Спорить Михаил не стал, он поспешил к Илье, чтобы повалить дерево и доказать брату свою правоту.

— Руби с другой стороны,— приказал он и сам тоже занес топор.

Мачтовая сосна, из которой вышло бы три двенадцатиаршинных бревна, вздрогнула, покачнулась и со свистом рухнула в снег.

Бывалый сортовщик не ошибся, на высоте десяти аршин был пасынок — небольшой сучок, росший немного кверху.

— Ну и пусть! — не хотел сдаваться Илья.— Ведь он не гнилой.— Илья ударил топором.— Видишь, крепкий, точно льдинка.

— Я и сам знаю, что крепкий. А бревно забракуют.

— Тогда комель оставим, а бревно сделаем из вершины. Семерик-то выйдет.

— Какой ты, оказывается, толковый, парень! — укоризненно покачал головой Михаил.— Сначала сделай, потом свези на катище, а там все равно забракуют.

— Почему же такое хорошее бревно забракуют?

— Потому что это вершинник.— И, не желая больше разговаривать, Михаил пошел к своему дереву.

Илья, как пришибленный, поплелся за братом.

Из другой сосны нарезали под бревно только комлевую часть. Прямая, как струна, почти без сучьев, верхняя ее половина осталась гнить. Красноватая кора весной потемнеет, летом прокиснет, к осени под ней заведутся черви, жучки и короед.

Стали разделявать комлевую часть. Толстая кора промерзла настолько, что с трудом поддавалась топору. Возились с бревном долго. Зато получилось что надо, не налюбуйешься! Михаил с гордостью стукнул обухом по бревну.

— Теперь, это самое... думаю, нелегко будет забраковать!

Так было и на других участках. Каждый старался выбрать дерево получше, обработать бревно покрасивее, чтобы потом не пришлось раскаиваться.

Илья работал равнодушно. Он никак не мог забыть брошенную сосну и не был согласен с братом, когда тот оставил еще одно поваленное дерево. А на скольких сделал зарубки... Может, Михаил чего-то не понимает? Неужели и другие так делают? Илья все расспрашивал брата, но тот твердил одно и то же: принимают, мол, только комлевую часть, на комлевых бревнах не должно быть крупных или гнилых сучьев, сучьев-пасынков, синих лент, красного слоя, сухобокости и уж конечно грибка; бревна чтобы были прямые, как натянутая нитка, вершины не тоньше семи вершков, не толще десяти, а комель ровный.

— Для компании заготовляем, не Безрукому Миколу! — похвастал своей осведомленностью Михаил. — Какой попало лес за границу не пошлешь!

Эти слова Михаил услышал от Власия Сирвойтова, когда подрядчик спорил с мужиками. Но что такое компания, какая такая заграница, Михаил, конечно, не знал, да и не хотел знать.

И все-таки Илья полагал, что брат работает не так, как остальные. Кроме того, его не оставляло в покое утреннее происшествие. Ведь если смогли подправить дорогу в одном месте, почему же нельзя сделать этого на всем протяжении от делянок до катища?

Нет, Илья никак не может успокоиться. И после обеда он сказал брату:

— Спешить нам некуда, на одной лошади много не навозишь. Я хочу поглядеть, как там люди работают.

А Михаилу что, пусть идет, зимогору не впервой болтаться без дела. Пусть поглядит,— может, поймет, что такие красивые бревна, как у Михаила, редко у кого увидишь.

— Лыжи вон там лежат,— показал он рукой.— Так-то веселее время проводить...

Повсюду была одна и та же картина: валили только отборные сосны, испоганив остальной лес зарубками и затесами. Особенно страдал молодняк, на который валили большие деревья. Скованные морозом, с хрупкими, точно ледяными ветвями, негнущиеся стволы не выдерживали нагрузки. Потому в местах вырубки повсюду торчали расщепленные пни, попадались молодые деревья с обломанными сучьями. Они либо погибнут, либо превратятся в уродов. Сосновый бор, радовавший когда-то глаз человека своей стройностью и сказочной красотой, походил теперь на кладбище. Было больно не оттого, что тут работали и нарушили красоту девственности. Нет, Илья не мог примириться с таким бессовестным истреблением природных богатств.

Побывав на Урале, он понял, что лес представляет собой огромную ценность, на которую трудовой народ имеет равные права с Власием Сирвойтовым, Карпом Пипуныровым и их компаньонами. В чем же дело? Почему допускается такое беззаконие? Ведь это народное добро, как называл лес Филипп на тайных беседах. Где причина того, что руками лесорубов, помимо их воли, творится преступление?

Лыжи тонули в снегу, Илья проваливался чуть ли не до колен. Но все-таки он побывал уже на нескольких делянках своих односельчан, а потом попал на участок сортовщиков села Типэ. Было это уже под вечер. Возчики перед второй ездой задали корм лошадям и сами закусывали у костра.

Тут же, у костра, докуривал трубку Онисим. Илья был с ним знаком постольку, поскольку в сельской ме-

стности знают друг друга все. Однако случай, бывший два года назад, когда Онисим уговорил доктора поехать к Илье, о чем Илья знал со слов Веры, сделал эту неожиданную встречу даже приятной. Онисим предложил Илье посидеть с ним и заговорил про утреннее событие, о котором ему рассказала жена. Он похвалил Илью. Выходит, что к вечеру об этом его поступке будут знать все сортовщики. Это не так уж плохо!

С Онисимом было легко разговаривать. Он расспрашивал Илью об Урале, зная толк в работе дровосеков. О Мироне Хуторкове спросил как бы невзначай. Но Илья почувствовал, что о Мироне Онисиму хочется услышать подробнее. Однако, не зная, чем вызван его интерес к сосланному матросу, Илья не решился вдаваться в подробности.

На вид Онисим мало чем отличался от своих односельчан: добродушное лицо крестьянина с окладистой русой бородой, большие жилистые руки. Одет он, как и все сортовщики, в легкую одежонку, чтобы удобнее было работать. Вот он сидит на свежем пне против Ильи, неторопливо попыхивает трубкой и немного щурит свои светло-серые глаза, когда слушает собеседника.

— Тебе хочется знать, почему мы зря изводим столько лесу? — переспросил он Илью и как бы самому себе ответил: — Тут надо иметь понятие. И в барышах надо разбираться. — Онисим поколотил трубкой о бревно, на котором сидел Илья. Пепел посыпался на снег. — Дело тут вот в чем. Лес принадлежит казне. Казна может его продавать лесозаготовителям по-разному — всей площадью, хлыстами или даже по числу бревен. Лесная компания, которой мы заготавливаем сортовой лес, заполучила билет на определенное количество бревен. Ей безразлично, гибнет лес или нет, лишь бы бревна были первосортные. Это ей даст больше прибыли.

— Ну, а если бы эта компания закупила весь лес, как это сделали на Урале? — спросил Илья, пораженный простым объяснением Онисима. — Как бы она поступила тогда?

— Нетрудно догадаться. Все превратили бы в

деньги, не оставили бы ни сучка. Но компании выгоднее покупать бревнами.

И, будто спохватившись, что пора приниматься за работу, Онисим взял брусок и принялся точить топор.

Илья встал.

— И мне, пожалуй, пора. Спасибо, дядя Онисим, за объяснение. Мы тут недалеко работаем, наведайтесь к нам.

— Может, случится и у вас побывать.

Попрощавшись, Илья встал на лыжи и отправился к Михаилу. Теперь он смотрел на изуродованный лес другими глазами, а лесопромышленная компания предстала перед ним в образе чудовища, которое безжалостно терзает живое тело. Но что может Илья поделать с этим чудовищем? И сколько же надо силы, чтобы вступить с ним в единоборство?

То, что близко человеку, проникает в его душу. Умеющий мыслить подобен умеющему летать. Сила и желание, когда они живут под одной кровлей, вселяют решимость. Природа одарила Илью беспокойной душой, ясным умом и смелостью желаний. Но ему еще не доставало жизненного опыта, не доставало знаний, чтобы не колебаясь вступить в борьбу со злом.

Михаил удивился, увидев младшего брата удрученным. Но печаль Ильи была временной. Илья Ошляпов давно уже стал на ту дорогу, по которой идут смелые. Это дорога борьбы против зла на земле.

ПАРМА НЕГОДУЕТ

1

После того как Илья ушел в лес, Вера сразу почувствовала, что живет не дома, а у чужих, недобрых и капризных людей. Все здесь делалось так, чтобы каждую минуту напомнить ей, что она лишняя. Не задобрили свекровку со снохой и подарки, не сделали их милостивее даже такие дорогие вещи, как самовар и швейная машина, которые бывают только в зажиточных домах. Подаренная Марфе теплая шаль валялась на полке. Катя и не думала надевать новый, красивый платок,

Мишуткину игрушку и ту куда-то забросили, а самовар и машина стояли во второй комнате, в самом темном углу, будто это были бросовые вещи. Ведь недаром говорят, что нет нужды учить людей потешаться друг над другом, тут у каждого своя сноровка, каждый сумеет подобрать себе оружие, чтобы побольнее ударить. Слепая ненависть не знает милости.

И все-таки самовар и кованый сундук, стоявшие в углу под полатами, делали свое дело. Каждый раз, как только Вера уходила из дому, свекровь и сноха бросались к сундуку, чтобы получше разглядеть замок со звоном, поглаживали сверкающий медью самовар и швейную машину в футляре, покрытом лаком.

Но нельзя было не заметить, что Катя осматривала привезенные Верой вещи с чувством неприязни. А на лице Марфы, точно в зеркале, отражались все ее думы — то холодное безразличие, то нескрываемая радость.

Так прошел еще один день и еще один вечер.

Ночью, совсем неожиданно, приехал из леса хозяин. По первым же словам мужа Марфа поняла, что ей лучше помалкивать, уж придется какое-то время на цыпочках походить. Молодوخ она не стала будить. А на завтра Катя сразу же заметила, что у свекрови глаза красные, заплаканные, веки припухшие.

«Это дело Ильи,— подумала Катя.— Видать, на-ябедничал».

А днем неожиданно нагрянула Аксинья.

— Где она, где наша голубушка-молодайка? — еще с порога закричала Аксинья и бросилась обнимать Веру.— Да ведь какой красавицей стала! Да ведь как мы по тебе стосковались!..

Спустя минуту Аксинья уже рассматривала все, что привезли молодые. А потом она принялась,— правда, за дверью,— точить Марфу:

— Людей смешишь, себя не жалеешь. От богатства хочешь отказаться. Сто раз спасибо скажи — с купеческим домом породнилась. В богатом хозяйстве и объедки слаще... Мы тоже не дураки, потребуем кусок побольше!

Вера не знала дум тетки Аксиньи, но она видела, что если после прихода свекра в избе стало светлее и

радостнее, то с приходом Аксины уж чересчур стало радостно, так что захотелось где-нибудь укрыться. Но где же тут укроешься — бабы уже успели пронюхать, что Степан защищает Веру, и про беготню Аксины тоже узнали, а потому валили к Ошлаповым поглядеть на молодайку. Заглянула и бабушка Матрена с Федором, всплакнула от счастья.

Прошло еще два дня.

Степан Матвеевич так и не вернулся в лес, ждал прихода сыновей. Надо было решить, когда лучше собрать гостей. Ах, как нескладно получилось, что Илья уже обвенчался! Но ничего, ради любимого сына Степан устроит пир не хуже свадьбы. А потом по-новому придется распределить работу: на сортовку пойдут сыновья, сам Степан поживет дома — будет мастерить для продажи кошевки и колеса для одноколок, а бабы пусть прядут сколько захотят.

И вдруг неожиданность — Михаил пришел из леса, а Илья там остался.

— Неужто случилось что? — с тревогой спросил отец.

— Чему же там случиться... Покойному Безрукому Миколу работает.

Степан в это время вязал рыболовную снасть. Он положил на стол челнок, на который наматывал нитки.

— Тебе не сны снятся?

— Сны снятся, когда спишь, старик.

Михаил не спешил. Он снял с себя сукман и сел на лавку. Ему понравилось, что от его сообщения все вдруг оторопели. Отец ждал дальнейших объяснений. Катя поспешила взять из рук матушки сынишку.

— А ну, иди ко мне, тезка! — нарочно тянул Михаил. — О, ты, братец, уже совсем большой стал!

Тезка, видимо, не выспался и заплакал. Михаил отдал его обратно матери.

— Василь с тобой пришел? — спросил Степан.

— Нет, он тоже на помочи работает. А что ему оставалось делать? Тетка Аксиныа лошадь увела, да так и не привела обратно.

— Ты, Михаил, когда тебя спрашивают, хорошенько отвечай! — сказала мать.

— А чего тут отвечать? Дорогу чинят.

— Это хорошо, очень хорошо! — одобрил отец. — Давно бы надо было.

— Надо бы, да не так. Одни, это самое, тратят время на чужих, другие знай возят себе бревна да зубы скалят: зимогору-де делать нечего, пусть поработает.

Когда Михаил произносил последние слова, в избу вошла Вера — она ходила по воду. Михаил почему-то встал, застегнул ворот рубахи и уставился на нее. Вера поставила деревянные ведра на пол, вылила воду в кадку, положила на брусья коромысло. И Михаилу вспомнилось, вернее просто промелькнуло в сознании, как они, батрак и батрачка, работали у Власия, как на посиделках, на виду у всех, Вера поцеловала его, Михаила, как он впервые и, кажется, в последний раз полюбил. «Вот какой была бы моя жена», — шагнув к Вере, заключил он.

— Здравствуй, Михайло Степанович! Давно я тебя не видела.

Михаил забыл обо всем на свете. Он держал в своих лапах небольшие, аккуратные руки Веры, долго и, пожалуй, даже нахально смотрел ей в глаза, будто хотел упрекнуть за то, что она отказалась стать его женой.

— Мы и впрямь, это самое, давно не виделись. И гляди-ка, где привелось увидеться — в нашем доме.

Катя не могла такое вытерпеть. Прошипев что-то сквозь зубы, точно горноста́й, которому наступили на хвост, она шмыгнула в другую комнату. Тут только Михаил вспомнил, что у него есть «чивочка» и «тезка». Редкобородое, продолговатое лицо его вдруг стало строгим, голос очерствел:

— Твой муж велел сказать, что денька два еще там пробудет.

И в самом деле — за какие такие милости Михаил должен быть ласковым со своим младшим братом и его женой? Уж не за то ли, что в тот вечер, когда ходили свататься в дом Сирвойтовых, Илья дубасил старшего брата? Вон люди по сей день вспоминают про это и надоедают Михаилу.

— Он так и сказал, старик, — глянул Михаил на

отца,— передай-де моей жене. А вам, отцу с матерью, ни слова. Вот какие они, любимые сыночки!

— Не болтай чего не следует! — недовольно проговорил Степан.— О деле говори. Кто чинит лесовозную дорогу? С чего началось?

— Вот с него и началось,— нехотя начал Михаил.— Сначала собрал сходку...

— Кто собрал?

— Да, говорю же, наш зимогор.

— Один, что ли?

— Отчего один! Помогали дядя Василь, Митрий, Онисим из села Типэ, многие помогали. Он ведь, наш-то Илья, хитрым оказался: поначалу немногих собрал, а когда объявили сходку — милости просим, приходи кто хочешь, и столько людей повалило к костру!..

Михаилу, конечно, не хотелось хвалить брата, но иначе нельзя было — не поверили бы.

— Вы, говорит, мужики, самих себя ни во что не ставите, не хотите для себя же сделать хорошую дорогу.

— Так прямо и сказал?

— Доподлинно.

— Вот каналья! — одобрительно отозвался Степан.— А мужики что?

— По-разному. Одни и слушать не желают. Другие заодно с Ильей. «Без артельной работы, говорят, хорошей дороги не наладить». Ты ведь не знаешь, старик, что было в первое утро после твоего ухода. Пошли мы, это самое, на делянку. Дошли до развилки, глядим — дерутся. И тогда наш Илья... Даже не знаю, откуда у него столько смелости... «Стой, говорит, мужики, стой!»

Об этом событии Михаил рассказал, даже кое-что приукрасив. Отец слушал его с видимым удовольствием.

— Хм! — погладил пышную бороду Степан.— А ты было сказывал: посмеиваются-де над зимогором...

— А чего же не смеяться таким, как Петрован! Он сам не стал работать и брату не позволил. У Алексея Расова три сына на сортовке, а на помочи один Митрий.

— А ты? — спросил отец.

— Я? — удивился Михаил.— Велика нужда! Хва-

тит и одного. Ты спроси любимчика, сколько бревен он заготовил.— Голос Михаила опять стал строгим: — Так-то, паря, бревен на катище не прибавится.

Вера слушала затаив дыхание. Она понимала, что ее муж поступил правильно. Но Вера слишком хорошо знала Илью, его характер, чтобы быть за него спокойной. Не чересчур ли он умным показал себя, не наговорил ли чего лишнего? Есть всякие люди — могут и побить, могут и стражникам донести. После того как Илью вырвали из рук жандармов, Вера боялась за него пуще прежнего, а уж теперь, когда стала его женой, в особенности. Надо пойти туда. Надо быть возле него. Нельзя оставлять его там одного.

Снова пришла Аксинья, принаряженная, слова масляные. Вера и не знала, до чего гадлива эта баба. Михаил, кажется, тоже ненавидел ее. Он сухо сказал ей:

— Дядя Василь велел передать, чтобы ты завтра же утром отправлялась в лес. Просил сена и харчей захватить.

Аксинья уставилась на Михаила.

— А ты не спросил, работает ли у него чердак? — раскричалась она.— Надо мной он не хозяин! Пусть свою хворую женушку ведет в лес — хоть немного поживу без нее. Нашел тоже себе батрачку! Над кем командует? Вот возьму и разделюсь, свекра с собой заберу, два пая будет, две трети хозяйства оттяпаю. Тогда он по-другому запоет!

— Аксинья,— не выдержала Марфа,— одурела ты, что ли!

— Не заступайся за своего братца! Командовать надо мной никому не позволю! Не пойду в лес! Так и передай ему, Михаил, пусть не надеется!

— Совсем выжила из ума! — удивилась Марфа.— Где твоя совесть?

— Об своей совести подумай, свекровушка,— ляпнула Аксинья.

Ведь правду говорят, что язык до добра не доведет. Снохи и сами не заметили, как стали обливать друг дружку грязью. Тут, конечно, и молодоженов вспомнили. Аксинья хотела пристыдить Марфу за то, что она дурно обошлась с Верой. Марфа кричала на Аксинию,

что та суется не в свое дело. Все полезло наружу, как из расколотого горшка, хоть нос затыкай.

— Замолчите вы! — рассердился Степан и топнул ногой.

Замолчали. Опомнились.

Вера не плакала, слова даже не вымолвила. Она только почувствовала, как сжалось сердце. У нее сейчас было одно желание — скорее уйти в лес, к мужу. Нет, Вера не будет жаловаться ему, не скажет, что тут говорили. И ей так захотелось припасть к широкой груди Ильи, посмотреть ему в глаза и тихонько спросить: «Ты не ругаешь меня за то, что пришла к тебе? Ведь не ругаешь?»

Убежала пристыженная Аксинья. В другую комнату зашли и закрыли за собой дверь Михаил и Катя. Доить коров вышла Марфа.

— Ты вот что, молодка, — будто извиняясь, сказал Степан, — их дурные сплетни в одно ухо впусти, в другое выпусти. И помни: никому тебя в обиду не дам. — Нарочито кашлянув, Степан добавил: — Нельзя тебя обижать, никак нельзя!

Вера поняла, на что именно намекал свекор, и не заметила, как к горлу подступил комок. Она сняла со стены шубу, набросила на голову платок и выбежала на улицу.

Вернулась Вера, когда в доме уже засветили лампу, — так долго она просидела у бабушки Матрены. Федора, оказывается, тоже хотела побывать в лесу. Сбегала к Аксинье, не согласится ли та послать Федору вместо себя. Аксинья согласилась. Вера сказала про все свекру и попросила ее тоже отпустить. Степан разрешил.

2

Михаил не стал чинить дорогу и потому не мог рассказать отцу, как было все на самом деле.

А было так.

Вечером того же дня, когда Илья не дал разгореться драке, оба брата и Василь отправились в устье Диньёль ночевать. Подошли к тому месту, где утром подправили дорогу. Кое-где требовалось еще подров-

нять. Михаила послали ставить избушку, а сами остались. Подошли и другие сортовщики. Более совестливые начали помогать. Вскоре собралось человек пятнадцать. Известное дело — работа сообща всегда ладится. Один глядит на другого и не хочет ударить лицом в грязь. Потом стали исправлять и в других местах — засыпали ухабы, повалили мешающие деревья.

Ну, а за работой, конечно дело, разговаривали:

— Добро бы всю дорогу так вот выправить!

— Надоест, наверно.

— Отчего же надоест, если взяться всем миром?

— Ну и сказал! Разве поднимешь наш народ?

— Надо попробовать, — вставил Илья. — Вас ведь никто не заставлял, а вот трудитесь!

— Мы-то что, так уж, по пути. Коли начинать, так по-настоящему надо делать. Дни стали длиннее, дорога наезженная, в день можно два раза обернуться.

— Это верно. По хорошей дороге удалец и по два бревна зараз повезет.

— Может, в самом деле собрать народ?

Илья обрадовался: ведь работа сообща поможет не только дорогу наладить, но и отношения между самими сортовщиками. А это очень важно. Пока не сплотишь вокруг себя людей, нечего и силы пробовать. Да, да! Филипп тоже начал с того, что сплотил вокруг себя людей, а потом уж повел их за собой.

— Говорите, надо собрать народ? — спросил сортовщиков Илья. — А что мы людям скажем? Вы же сами видели, что многие прошли мимо нас и даже посмеивались: чудят, мол, по своей воле работают на дядюшку! — Он говорил им и в то же время самому себе. — А как сделать, чтобы ручпийские договорились с важгортскими, когда им в таком лесу тесно, все места мало? Тут надо хорошенько подумать.

Илья понимал, что начать надо именно с тех людей, которые сами вызвались помогать ему, «зимогору Илье». Сначала надо собрать их, потолковать с ними — сразу же, не откладывая на завтра. И он сказал сортовщикам:

— Приходите после ужина, потолкуем, стоит ли собирать сходку.

Пришли не все. Но вместо одних пришли другие.

Договорились быстро и решили собрать народ завтра утром. А сегодня нужно обойти избушки и шалаши, чтобы подготовить людей.

Утром на сходку собралось много народу. Спорить не стали. Поделили лесовозную дорогу на три участка: важгортским — верхний, сортовщикам из Типэ — средний, ручпиянским — нижний. Кто-то начал было шуметь — мол, ручпиянским дают менее трудный участок, — но Илья напомнил, что ручпиянцы обижены важгортскими, так что надо по справедливости.

Такая прямота Ильи удивила многих, а ручпиянцы стали считать Илью своим защитником. Жалко, однако, что ручпиянцев мало было на сходке.

Тут же выбрали на каждый участок старших: важгортцы — Василя, типэвцы — Онисима, ручпиянцы — Элекана. Над Элеканом, очевидно, хотели посмеяться: пусть-де побегает — может, уgomонится.

Илью назначили самым старшим. И опять-таки — одни по-хорошему, другие в насмешку.

— Зятю подрядчика и постараться можно! — выкрикнул кто-то из толпы. — По хорошей дороге больше сортового леса вывезем его тестю!

Слова эти будто обожгли Илью, но он промолчал. Не ради этого старался «зять подрядчика».

В первый день больше всего народу вышло на работу на участке Василя. С Элеканом пришло всего шесть человек. На завтра Онисим вывел всех своих типэвцев, и они окончили работу за один день. Ручпиянцам стало совестно, на третий день и они почти все явились. Совестно было и тем, которые наотрез отказались помогать. Даже Петрован послал брата. У него, правда, были свои расчеты: пока чинят дорогу, возить по ней все равно тяжело, и он решил дать лошади отдых. А бревен он и один заготовит вдоволь.

Все три дня Илья провел в таком волнении, какое, наверно, овладевает каждым, когда народ впервые выбирает его своим вожаком. Надо было везде поспеть: одним указания дать, других подбодрить, третьих пристыдить, четвертых похвалить. Иногда ему и впрямь начинало казаться, что он помогает Власию, а значит и лесопромышленной компании, именно тому чудовищу, против которого задумал восстать.

Не хватало старшего товарища, с которым можно было бы поговорить в открытую. Онисим как будто бы и толковый человек, но чересчур осторожный. Выслушает Илью с большим вниманием, покачает головой и ничего не скажет. Может, он еще не доверяет Илье?.. Не мог сойти за старшего и дядя Василь. Элекан больше походил на Ваську Кержака — ради друга душу не пожалеет, а умного слова от него не дождешься.

Есть еще дружок Митрий, есть и другие парни, те, с которыми до ухода на Урал Илья досаждал Власию. Они сейчас помогали Илье. Но опять-таки это только солдаты, а не командиры, их самих еще надо учить. А времени мало. Ой как мало времени!

Зима уже катится к весне. И чем меньше останется дней до конца лесозаготовительного сезона, тем труднее будет поднимать народ против Сирвойтова и ему подобных. Нельзя откладывать дела, даже на полмесяца, даже на десять дней. Необходимо поддержать порыв сортовщиков, который они проявили в работе на дороге.

Илья уже успел узнать все, чем недовольны сортовщики: они гнут спину и не знают, оплатят ли им их труды, — ведь расчет состоится только после сплава; они берут в лавке Сирвойтова провизию, орудия производства и не знают, дорого ли будет это стоить, — ведь приказчик Власия Кондратий только отмечает в толстом журнале, кто, чего и сколько взял; мужиков пугает сплав до Архангельска — ведь на это уйдет много времени; конечно, они недовольны и тем, что бревна принимают чересчур строго; кроме того, подрядчик их надует на катище, принимая бревна.

Сортовщики жаловались, но терпели. Надо положить конец их терпению. Причин достаточно, чтобы поднять людей на забастовку. Да, да, Илья не боялся называть вещи своими именами — за-бас-тов-ка! Ах, как мало осталось времени! Как поздно появился здесь Илья! К тому же его беспокоили и домашние. Что там? Как Вера? Придется, видно, сходить на сутки.

С такими думами Илья подошел к избушке. Время было позднее. Всюду играли отсветы костров — сортовщики варили ужин. По всему стойбищу перекликались голоса.

Дядя Василь тоже варил ужин. Около костра почему-то собралось много народу, в основном женщины.

Прежде всего Илья узнал Федору. Она что-то сказала, и все рассмеялись. Вера увидела Илью первая и пошла ему навстречу.

— Ну и долго ты бродишь, сортовщик! Мы ждали, ждали...

— Вера, ты его не ругай! Покоя не знает бедняга — для всех старается, дорогу налаживает.

— Ох, и бойким ты оказался, детина! И нас точно от спячки пробудил!

— Верно, девки, верно! Намедни еще дрались друг с дружкой, а нынче сообща работаем.

— Уж и постаралась ты, Дарья, прямо надорвалась...

— Я, что ли, виновата? Сказали бы: вы, мол, бабы, тоже не безрукие, помогите мужикам. Да где уж! И близко не подпускают...

Илья улыбался. К нему подошла Федора, протянула руку и поздоровалась.

— Слышишь, что бабы-то говорят? Обижаются.

— Придется подумать.

— Да-а-арья-а! — вдруг разнеслось по всему стойбищу. — Ах, каналья! Опять где-то застряла...

— «Застряла, застряла!» — передразнила отца Дарья. У нее, как и прежде, характер неунывающий, глаза озорные, а ямочки на щеках так и играют. — Ну и родитель у меня! Поел бы да лег. Так нет... Сейчас-а-ас! Иду, иду!

— И нас ждут, девки!

— Идемте, идемте!

— Приходите после ужина.

— Непременно придем!

Когда люди разошлись, вышел из избушки Василь.

— Видел, что выкинула наша вдовушка? — обратился он к Илье.

— А что? — не понял Илья. Он еще не успел узнать, зачем появились здесь Вера и Федора.

— Сама там в чужие дела лезет, а вместо себя послала других.

— Возить бревна приехали, — вставила Вера. — Если, конечно, примете.

Илья только теперь увидел две кучи сена, сложенные за елочками, двое саней на дороге, лошадей под навесом.

— Дядя Василь,— обрадовался Илья,— давай сначала поужинаем. На сытый желудок, может, и лучше покажется, что Аксинья послала вместо себя Федору.

— Так и сделаем, племяш. А ты, Федора, не серчай на меня, это я так...

Федора очень изменилась за последнее время: пополнила, лицо округлилось и сияло девичьей красотой.

— Я ведь, дядя Василь, вольная птица,— рассмеялась она.— Вспугнешь — улечу, даже и не заметишь!

Федора скинула с головы серую шерстяную шаль, подправила выбившиеся русые волосы, оголив на минутку белую полную шею и блеснув серебряными серьгами.

Василь подумал: «Дураки наши парни, на их месте я бы давно на ней женился». А Федоре сказал:

— Далеко не улетишь.

— Отчего же не улетит? Вот возьмет и подастся на юг, в родные края,— заметил Илья.

Федора удивленно посмотрела на него.

— Ты так долго ходил по людям, что успел забыть: дом мой теперь в вашем краю и родные тоже здесь. Умру с горя, коли покину их.

Это была правда. Дед Пашко и бабушка Матрена любили свою приемную дочь. Отправляя ее сюда, они наказывали ей беречь себя, не надрываться на работе.

— Точно с ребенком нянчитесь со мною,— говорила она им.— Мне уже двадцать пятый пошел. Сынок скоро в лес начнет ходить!

— А ружье купишь, дед? — тут же откликнулся маленький Федор.— Я бы застрелил большую тетерку. Да, баба?

— Ох, и вкусная будет твоя тетерка! — подзадорила мальчика бабушка Матрена, а старика упрекнула: — Хоть бы ты лук ему смастерил!

— Придет лето — сделаю. Всему свое время.

Да, всему свое время! Весной — цветы цветут, летом — зреют плоды, осенью — все поспело, собирай...

Детство Федоры ничем не отличалось от детства других ребятишек, выросших в татарском селении.

Пятилетней девочкой нянчила младшую сестренку, семилетней — пасла коров, в девять — послали на сенокос. Так же росли и дети трудового народа коми. Так же она бегала с мальчишками, когда была девочкой, так же, как все, влюбилась, когда стала девушкой, так же, как коми-девушки, вышла замуж не по своей воле. И жила бы она в своем ауле всю жизнь, если бы не засуха и голод, которые выгнали ее оттуда и сделали молодой вдовой.

Человеку свойственно жить и умирать, как и всему живому на земле. Весенний град губит все, что может погубить, но он не может убить стремления расти. Самое ласковое осеннее солнце бессильно заставить поблекшую траву снова зазеленеть. Федора переживала сейчас пору своей поздней весны. Жизненные невзгоды крепко пригибали ее к земле. И кто знает, выпрямилась бы она когда-нибудь, если бы не сумела вовремя вырваться из лап Сирвойтовых, для которых такие люди, как Федора, всего лишь рабочая скотина. Но у каждого народа были не только Сирвойтовы и Бикмедовы. И что из того, что дедушка Пашко со своей Матреной бедны! Зато они владеют таким богатством, как любовь к ближнему, и сумели поделиться этой любовью с человеком чужим по крови, с человеком чужой веры.

Счастье ни деньгами, ни аршином не измеришь. Разве не бывает несчастных во дворцах и счастливых в простых избах? Федора теперь не чувствовала себя несчастной. На далекой земле Коми она нашла кров, обрела родных и друзей. Это не так уж мало. Этого достаточно для того, чтобы взглянуть на жизнь бодрее. Она влюбилась в молодого парня. Полюбила его всем сердцем. И этот молодец был здесь, среди сортошников. Ой, как долго не показывается он! Как долго приходится ждать той минуты, когда кто-нибудь назовет его имя! Федора узнала бы своего милго издали — по тяжелой походке, по медлительной речи.

Подружились они недавно, и потому никто еще не знал про их любовь. Знала одна Вера — подружка сказала ей об этом сегодня, по пути сюда. Вера догадывалась, отчего Федора все поглядывала на стежки-дорожки, выющиеся между деревьями, отчего так при-

слушивалась к разговору и шагам приближающихся людей.

— Как тут Петро живет? Он все такой же? — нарочно спросила Вера Илью.

— Что с ним сделается! За копейку готов целую сосну верх комлем поставить.

Илья рассказал, что Петрован отказался работать на дороге.

— А брат его? — Вера даже не назвала Ивана, чтобы не показать, ради чего завела этот разговор.

— Он под началом Петрована, — ответил Илья. Но тут же вспомнил, как Иван первым проехал по целине, когда выпрямляли дорогу, и как усердно работал вместе со всеми, когда брат наконец отпустил его.

Этот разговор происходил уже в избушке, когда садились ужинать. Лучина светила тускло, но внимательные глаза могли бы заметить, как пылало лицо Федоры, как вздымалась ее высокая грудь.

После ужина сразу же стал собираться народ. Одних просил прийти Илья, когда еще не знал, что Вера здесь; другие пришли посмотреть на молодуху; третьи потянулись за первыми и вторыми.

Заиграли гармошки — и на склоне холма, у Митрия, и в стороне Вэрю, у «нижних», и по речке, у «верхних», и еще дальше, у ручпийцев.

Митрий немного опоздал — братья долго возились с ужином. Когда он пришел, уже разгорелся большой костер и вокруг него расположилась молодежь; поодаль беседовали мужики. Веру и Федору окружили бабы. Никогда еще в устье Диньёль не собиралось вместе столько народу!

— Да ведь как не прийти, как не посмотреть на молодоженов! — переговаривались женщины. — В далеких краях побывали, многое повидали...

— Жаль только, свадьбу не удалось справить. Так и осталось невыпитым у Феклы с Марфой пиво.

— Может, еще выпьем!

— Митрий! — закричали девки, когда увидели парня с гармошкой. — В повитухи, что ли, нанялся к кому — так долго не являлся?

С Митрием пришел Иван, нарочно остановился поодаль, а то еще начнут судачить про него и Федору.

— Вы, девки, хоть бы новых людей постыдились,— здороваясь с Верой и Федорой, степенно ответил Митрий.— Прежде всего, Вера, поздравляю тебя с законным браком.

— Видели, как надо,— по-вежливому! — заметил кто-то.— А мы точно коровы...

— Спасибо, Митрий! — ответила Вера и улыбнулась мужу, который сидел с мужиками на бревне.— Мы с Ильей жалели, что тебе и Ивану не пришлось побывать на нашей свадьбе.

— Едва ли устроят другую свадьбу! — снова крикнул кто-то.— Пиво так и останется невыпитым!

— Да помолчи ты со своим пивом! Мешаешь слушать...

Илья и Вера казались важгортцам какими-то особенными. И любовь их была особенная, и то, как они боролись за эту любовь с теми, кто хотел помешать их счастью. И хотя в селе плели вокруг них всякие небылицы, народ был на их стороне. Людей покоряли их смелость, их честность и вера в свои силы. К этому теперь добавилось еще и всеми признанное влияние Ильи на народ. Поэтому многим хотелось узнать, достойна ли Вера своего мужа, не опозорила ли себя Марфа, так недобро приняв в свой дом Веру.

— Ты не забыл передать поклон от Васьки Кержака и его товарищей? — взглянула Вера на мужа.— Передал?.. Ладно, коли так. Ведь такими сердечными они оказались... Иван! — вдруг Вера точно забыла, о чем говорила.— Ты что же, не хочешь здороваться со старыми друзьями?

Ивану чудилось, что если он подойдет к Федоре, которая стояла рядом с Верой, то все узнают про их любовь. И без того румяное лицо Ивана стало совсем багряным. Но не подойти уже было нельзя. Поправив шапку, он быстро подошел к ним.

— Как живешь-можешь, коли так? — пробурчал он, а потом не знал, что сказать и куда деваться.

Федора смотрела на него такими влюбленными глазами, будто говорила: «Не стыдись меня, не стыдись! Я любой девке не уступлю!»

— Медведь ты, Иван, настоящий медведь! — рассмеялась Вера.

В это время Митрий заиграл любимый девушками танец. У танца не было названия, и каждый плясал как умел: все подпрыгивали, но одни строго, будто скованные, другие — извиваясь и кланяясь, третьи — подняв руки над головами и хлопая в ладоши; танцевали все вместе, образовав круг, и поодиночке, и парами. Общим был только ритм. Это был простой танец, который сопровождался обычно частушками.

Вокруг костра мелькали пестрые платки, шали, застегнутые и расстегнутые дубленые шубы, сукманы, и без того утоптаный снег трамбовали подшитые и неподшитые валенки, тюни с холщовыми голенищами. Разлетались во все стороны щепки, накопившиеся за зиму. Вертелось все, что могло вертеться. Помолодели лица, позабылась дневная усталость.

— Ну и взялись! Вот так карусель!

— А Дарья-то наша что выделяет! Дарья-то!

— Слышишь, Дарья? Ты гляди не споткнись ненароком...

Усердно отплясывала рыжая Марья. Поближе к своему Митрию старалась держаться Анна.

— Ай да Анна! Валяй! Может, похудеешь!

— И-их!

Голубь зернышко нашел,
Голубь зернышко склевал.
Парень к девке подошел,
Сладко-сладко целовал...

Гудела темень, эхом отзывался лес. На веселый шум подходили все новые и новые люди — верхние, нижние, типэвские. Придут, наверно, и ручпиянцы.

Парень из села Типэ, поискав глазами Илью, подошел к нему и тихо сказал:

— Дядя Онисим не придет, обещался завтра утром с тобой повидаться.

— Что он сказал? — спросил Илью сидящий с ним рядом Элекан.

— Онисим не придет, — коротко ответил Илья. Он еще не совсем доверял Элекану, хотя уже успел убедиться, что ручпиянцы напрасно считают его некомпанейским мужиком.

Элекан отличался вспыльчивым нравом, но, если человек был ему по душе, он привязывался к нему

всем своим существом. Илья удивил его с первого дня — уж больно бесстрашным показал себя зимогор. Потом они вместе работали на дороге, и Илья оказался не только бесстрашным парнем, он умел быть чутким, умел понимать другого. Ведь до чего верно Илья объяснил Элекану его собственную жизнь. «Все, говорит, что у тебя есть, это твой конь Серко». Покупал его Элекан еще жеребенком. Два года был безлошадным, а вот вырастил. Добрый конь вырос. Теперь по хорошей дороге два раза съездишь — четыре бревна свезешь. Но какая от этого польза? Все прикарманил Власий. Нет у него совести. Верно сказал Илья, очень верно — надо-де проучить подрядчика, сбить с него спесь, пора сообща защищать свои права.

И сегодня, когда Илья позвал его, Элекан явился первым.

В разгар веселья пришли парни и девушки из деревни Ручпиян. Илья посмотрел в их сторону. Их было человек пятнадцать. Они остановились в сторонке и молча наблюдали за происходящим.

Илья заранее предупредил своих дружков, чтобы те по-хорошему обошлись с ними, и первым поднялся поздороваться. Умолкла гармошка Митрия. Сперва подходили к ручпиянцам парни, за ними потянулись и девушки.

— Молодоженов поздравить собрались! — объяснил кто-то.

— А нам и невдомек: что тут у вас за праздник? Пошли, говорим, поглядим.

— Брезгуете нами, не ходите, а что делить-то нам с вами?

— Ничего вроде неделенного нет. Давно все поделено!

И вдруг всем стало ясно, что и в самом деле нет никаких причин избегать друг друга. Ну и что же, что они из разных деревень? Не обязательно же устраивать драки, как это делают пьяные мужики в престольные праздники. Живут они в одном сосновом бору, на одном стойбище, и работа у всех одинаковая, возят бревна по одной дороге, которую общими силами так быстро и дружно наладили. А главное — всех их одинаково угнетает Власий Сирвойтов.

— Ребята, может, кадриль станцуем?

— Слышите? Кадриль! Чья гармошка тут горластее?

До хрипоты залилась, заиграла гармошка, защеко-тала девичьи сердца.

— Прошу, коли можно.

— Отчего же нельзя!

Никто не удивлялся, если парень приглашал девушку, а девушка — парня.

— Ох, Иван, Иван! — всплеснула руками Вера. — Видать, придется помочь тебе.

Она что-то шепнула Илье и повела Ивана в круг.

— Я тебя, медведя, научу, как краснеть перед девушкой!

Иван с опаской оглянулся на Илью, но Илья уже подхватил Федору.

Никто и не заметил, как Вера передала на ходу Ивана Федоре, а сама прильнула к Илье.

Самые красивые и замысловатые фигуры выделяла Дарья. Ей не уступал стройный парень в поношенной куртке. Это ручпийанский Иван, которого все звали Ванько, — батрак тамошнего кулака, возивший лес на лошади хозяина.

Несмотря на свою бедность, Ванько не унывал. Он всегда был весел и пришелся Дарье по сердцу.

— Вот увидите — поженятся, — тараторили наблюдавшие за ними бабы.

— Молчите вы! Скажете тоже! На какое такое хозяйство приведет Ванько жену?

— Так кто же говорит, что она к нему пойдет? Дарья его к себе приведет.

— Ну и сказанула! Да важгортцы заживо слопают мужика из чужой деревни!

— Да ладно вам спорить! Лучше поглядите на Ивана. Ох, и старается! Глядите, глядите! Надо налево, а он направо подался...

Иван как ступит не туда, так побрякивает. А Федора гоняется за ним и заливается смехом.

— Ну, чем не пара!

— Кто?

— Иван с Федорой, говорю.

— С ума спятила, что ли? Не станет же он на та-

тарке жениться! Говорят, она втихомолку своему богу молится.

— Не знаю, молится или нет, а такую, как Федора, поискать надо...

Судачили и про виновников сегодняшнего веселья. Но в то же время все понимали, что без них не плясали бы важгортские с ручпиянцами, а типэвские не играли бы им на гармошке.

Илья тоже это понимал и радовался своему первому успеху. Он плясал, а сам все примечал, за всеми следил, как это делает учитель, когда играет со своими учениками в их детские игры.

У гармониста пальцы, наверно, замерзли, но все еще бойко перебирают лады. А вон та девушка, что прислонилась к сосне, не сводит с Ильи глаз. Элекан что-то доказывает мужикам, помогая себе выразительными жестами. Вера что-то сказала, но Илья не понял ее, а когда снова встретились в танце, она пожала ему руку: скажу, мол, потом.

Народ продолжал прибывать. Пришел и Кондратий. Днем Илья заходил к нему в лавку. Кондратий был разговорчив, даже заискивал перед Ильей. Он едва удержался, чтобы не рассказать о том, что послал Сирвойтову записку — хвалил его зятя за то, что тот уговорил народ починить дорогу. Теперь, стоя в толпе сортовщиков, Кондратий тоже хотел что-то сказать и уже дважды поднимал руку, пытаясь прервать пляску. Что там у него? Илья остановился. Захлебнулась гармошка.

— Не осудите, что помешал вам,— сразу начал приказчик Сирвойтова.— Хочу воспользоваться случаем и передать вам только что полученную весть.— Кондратий стоял важный, в шубе из добротного сукна, на голове красовалась бобровая шапка, а голос ну прямо масляный.— Дядя Власий наказал очистить от снега все бревна на катище. Да чтоб ни одной снежинки! Всем ясно?

— А те, что уже приняты, тоже очищать?

— Да. Все очищать. С комля до вершины. Под метелку.

— Ты, Кондратий Денисович, видно, не совсем верно понял своего дядюшку.

— Я еще не выжил из ума.— Кондратий сурово обвел глазами мужиков.— Власий Спиридонович велел сообщить, что приезжает сам член лесопромышленной компании.

— Хм! Значит, важная птица к нам жалует.

— Только непонятно, зачем очищать уже принятые бревна? Сколько снега панесло на них! Лишняя работа.

— Раз приказано, значит, надо сделать.

И, считая разговор с сортовщиками оконченным, Кондратий ушел. Стали расходиться и сортовщики.

Илья простоял на улице, пока не ушел последний человек. Сообщение о приезде члена лесопромышленной компании застало его врасплох. Он тут же вспомнил, как Бикмедов приехал осматривать свой завод, вспомнил, как готовились рабочие к его приезду. Власий, понятно, не велика шишка, делами ворочают члены компании. Знают ли они, какие махинации проделывает их подрядчик? Не поднять ли сортовщиков именно в тот день, когда пожалует сюда этот самый член компании? Пусть посмотрит, пусть послушает, что говорит трудовой человек. Но время, время!..

Илье не стоялось на месте, он все ходил взад-вперед возле избушки.

Вышла Вера, накинув на плечи шаль.

— Ты еще не собираешься домой, Илья?

— Скоро приду.— И он подошел к жене.

Вера прижалась к нему.

— Я так соскучилась по тебе, родной!

Костер затухал, вокруг было темно, но Илья видел, какой преданностью и любовью светятся глаза Веры.

— Послушай меня. Только смотри не пугайся.— Илье захотелось рассказать Вере все, чем он теперь живет, какие думы беспокоят его.— Погоди, я тебя прикрою шубой.

— Может, сядем?

— Да, да, сядем. Надо кое-что рассказать. Надо подумать вместе. Ты ведь у меня толковая, все поймешь.

Еще с той поры, когда на Урале Вера сердилась на Илью за то, что он от нее что-то таит, и когда потом она все узнала и восприняла как должное, с той самой

поры Илья смотрел на Веру как на своего единомышленника, как на верного друга.

Уже догорел костер. Ночной холод успел забраться под шубу, проникнуть в валенки. И чем дольше рассказывал Илья о своих намерениях, тем отчетливее чувствовал он отсутствие старших товарищей, истинных организаторов.

Вера слушала Илью, прижавшись головой к его груди. Она не уговаривала мужа отказаться от своего решения и ничего не советовала, а про себя прикидывала, чем бы помочь ему.

— Ты не забыл, что говорила тогда Дарья? — вдруг спросила Вера. — Помнишь, она упрекала вас, что не позвали женщины работать на дороге? За людей вы нас не считаете, обижаете.

Илья посмотрел на жену, улыбнулся и крепко поцеловал ее.

3

Член лесопромышленной компании Карп Пипуныров приехал в Важгорт по двум причинам. Одна из них чисто деловая: в ближайшее время он ждал приезда в эти края представителей компании из-за границы и, чтобы зарекомендовать себя хозяином, знающим свой край, решил обследовать места разработок сортового леса. Другая причина была семейного характера: его единственный сын не давал ему покоя — хотел жениться.

Положение молодого Пипунырова было незавидным. Сандра работала в городе учительницей. Она уже успела вскружить голову своему жениху, а потом прямо у Кости на глазах стала заигрывать с другими. Правда, все они, если говорить о богатстве, ничего не стоили перед Костей, но Сандру, видно, привлекали иные качества — красота, сила, — а этим-то щупленький Костя не мог похвастать. Словом, надо было спешить, чтобы не прозевать невесту.

Отец, как известно, не возражал против намерений сына, в особенности теперь, когда хозяйство деревенского богача стало расти, как снежный ком. Хитрый Карп надеялся содрать с Сирвойтова большое прида-

ное — даст, не поскупится, небось только и живет тем, как бы породниться с «высшим обществом». Карп даже сына не взял с собой — он мог бы помешать торгу.

Пипуныров приехал к Сирвойтовым и был принят как дорогой гость. Хозяева ходили перед ним на цыпочках, потчевали его, ничего не жалея. Так прошла первая половина дня. Затем начался торг. У Карпа большая родня, значит, всем надо подходящий подарок подготовить, дешевыми пустяками пускай бедняки пробавляются... По многим вопросам сошлись сразу, по многим еще не поладили. Дело было, конечно, не в подарках — от этого не разоришься, но будущий сват выпрашивал вдобавок такую сумму денег, что Фекла даже поперхнулась.

— Ничего не жалко для родной дочери, — запричитала Фекла, — но ты, Карп Тимофеевич, хочешь нас разорить! Побойся бога-то!

— Бога? — удивился Карп. — Перед ним я безгрешен. Наше дело полюбовное. Договоримся — родней будем, не сойдемся — тоже ничего не потеряем, с другими породнимся. Не в пустой дом сватаю!

Всего вдоволь у Пипунырова: луга и поля что у помещика, скот без числа, магазины от товару ломятся! Недаром он столько лет занимается заготовкой сортового леса. Царь и бог в своем уезде! Невелика нужда — так долго торговаться с сельским купчиком!

— Надо кончать, Власий Спиридонович! — решительно заявил Пипуныров. — Времени у нас с тобой в обрез.

Карпу не сиделось на месте — то заглянет в соседнюю комнату, то выйдет на кухню. Скрип его фетровых бурок назойлив, лицо нахальное, на толстом брюхе натянута жилетка — противно смотреть! Сирвойтов, глядя на него, даже поморщился, как от зубной боли. Он мог бы, конечно, указать ему на дверь, да нельзя. — слишком уж заманчивые просторы откроются перед ним, если он станет сватом Пипунырова. От такого родства и сын не проиграет. Правда, Володя не в ладах с Костей и отца его избегает. Но время хорошее лекарство, оно выветрит из него ребячество. Так размышлял о Володе Сирвойтов-старший и, конечно, не собирался отказывать Пипунырову.

— Пожалей, Карп Тимофеевич, старого друга!— взмолился Власий.

И чтобы найти хоть какой-нибудь довод в свою защиту, вспомнил про Веру — якобы и ей надо будет давать приданое.

— Ты о чем это, Спиридоныч? — изумилась Фекла и даже сдвинула с ушей шелковый платок, чтобы лучше слышать.

— А ты забыла, что ли, про свою приемную дочь? — огрызнулся Власий на свою непонятливую жену. — Засмеют люди, если мы им не поможем.

— Зимогорам-то? — все еще не верила своим ушам Фекла. — Из ума ты, наверно, выжил, совсем потерял рассудок, одурел!

— Прочь на кухню! — зло сверкнул глазами хозяин. — Хоть бы на людях была поумнее!

Фекла знала, что значит, когда у мужа так загораются глаза, потому она поспешила уйти.

— Теперь-то уж дочиста разорит, до нищеты доведет! — выходя из комнаты, ворчала Фекла.

— Какие такие зимогоры? — поинтересовался Карп.

Про Илью с Верой Сирвойтов рассказал ровно столько, сколько ему было нужно.

— А теперь-то где они?

— Тоже на сортовке.

Сирвойтов вдруг вспомнил про письмо Кондратия, в котором тот хвалил Илью за то, что он уговорил людей починить лесовозную дорогу. Он рассказал об этом Пипунырову.

— Большая польза и для нас, — заметил Карп. — Когда будем на делянке, ты мне его покажи.

— Непременно покажу, Карп Тимофеевич. Парень он не бросовый, смышленный, настойчивый. Жаль только — из бедных.

— Об этом как раз не надо жалеть. Надо о другом подумать.

— Слушаю, Карп Тимофеевич.

Пипуныров сел на диван, посмотрел на дверь, ведущую в кухню, не открыта ли.

— Надо как-нибудь сделать, чтобы вот такие смышленные стали для нас с тобой полезными людьми.

— Понимаю, понимаю, Карп Тимофеевич!

— Надо дальше смотреть, вперед заглядывать. Тебе, как другу, скажу такое, чего не доверил бы даже собственной подушке.

После таких слов Власий Спиридонович воспрянул духом, даже приподнялся и вытянул свою крепкую, жилистую шею.

— Наша лесопромышленная компания,— негромко говорил Пипуныров,— будет из года в год расширяться. Есть намерение купить у казны большие лесные площади. Но нельзя забывать, что компания на самом-то деле иностранная. Наш брат — только ширма, за которой скрываются эти самые иностранцы. А получается это потому, что мы с тобой еще слабы. До поры до времени нам придется хитрить, придется вести счет на двух счётах одновременно. Будем делать вид, что мы на стороне компании, и в то же время будем накапливать силу. Трудно, конечно, незаметно копить силу, придется многое претерпеть. Все будет зависеть от того, сумеем ли мы с самого начала найти нужное направление. Ты же знаешь, в тихой воде, даже если прорыть глубокую канаву, быстрины не будет, и наоборот,— там, где в половодье свищет вода, достаточно пройти разок сохой, чтобы из этой борозды через несколько лет река образовалась. Сортовщики — народ простой, они, как вешняя вода, пророют для нас новое, широкое русло. Да, да, для нас! — подчеркнул Карп.— Если только мы их сумеем направить по нужной нам борозде.

Пипуныров, конечно, не мог, да и не хотел пока раскрывать перед Сирвойтовым все карты — как он будет бороться со своими иностранными компаньонами. Но общий смысл Сирвойтову был ясен. Цель городского капиталиста совпадала с целью сельского богача. Власия еще интересовало, как Пипуныров смотрит на русских компаньонов.

Карп ответил на это прямо:

— Смотрю на них тоже двояко: в борьбе с иностранцами — как на союзников, в защите своих, национальных интересов — как на противников.— И Пипуныров негромко рассмеялся.— Волчий закон! Сын грызет мать, как только у него появляются зубы.

— Умный ты человек, Карп Тимофеевич,— похвалил друга Сирвойтов,— за тебя можно смело держаться.

— Держаться — мало! Утопающий тоже за что-нибудь держится. Не держаться надо, а помогать. Вот как раз этого-то я и не вижу с вашей стороны.

— Неверно, Карп Тимофеевич! От всего сердца помогаю. И впредь буду помогать.

Пипуныров бросил взгляд на дверь.

— Не тебя, а сына твоего имею в виду. стыдно ему чураться меня!

— Да что ты, сват! — Власий забыл, что Карп Тимофеевич ему еще не сват.— Володя не чурается тебя. Он получил сегодня новые журналы и все на свете позабыл. Страсть любит читать... Обожди, я его сейчас позову.

Но Володя сам показался в дверях. В руках у него был раскрытый журнал.

— Что такое? — спросил Власий, увидев возбужденное лицо сына.

Получив журналы, Володя, видно, и в самом деле забыл про дорогого гостя. Волосы у него были спутаны, рубаха расстегнута, на плечи небрежно накинут пиджак.

— Теперь весь мир узнает о нас! Прочтите, Карп Тимофеевич!

Пипуныров взял журнал и повернулся к окну.

— Уже темно, оказывается,— догадался хозяин.— Сейчас засвечу лампу.

Статья под названием «Парма негодует» была напечатана в русском прогрессивном журнале.

— Хм! Значит, негодует парма? Интересно, очень даже интересно! — И Пипуныров вопрошающе взглянул на Володю.— Но почему же негодует?

— Да, да,— вмешался Сирвойтов-старший,— отчего же негодует? Лес не человек и не зверь, он не может негодовать или радоваться. Он всего-навсего шумит, когда ветрено, и дремлет, когда тихо.

Карп приподнял руку: не мешай-де читать, неотесанный ты мужик!

Свисавшую с потолка лампу-«молнию» опустили пониже. Карп читал про себя — медленно, вдумываясь

в каждое слово, будто это была какая-то деловая бумага.

Время от времени он хмыкал или приговаривал:

— Про иностранцев верно сказано. В самом деле повадились... Хм... Хм... Даже о нашей компании. Совершенно точно... А я что говорил? Свою колониальную политику думают прикрыть тем, что приняли нашего брата в свою компанию. Знаем мы это, сами знаем! Где этот журнал-то напечатан?... Хм... В Москве... Смелые, однако, люди! Кто пишет-то? Хм... Какой-то Николай Иванов... Далеко видит, далеко!

Володя сидел в сторонке и смотрел на Пипунырова так, как смотрят на преступника, который вот-вот узнает приговор суда и тогда уж по-иному запоеет.

Вторую часть статьи автор посвятил тяжелым условиям жизни сортовщиков. Он рассказал о том, как бессовестно угнетают их, отметив, что это широко известно передовым людям России. Поражало отличное знание местного материала. Это делало статью особенно острой и убедительной. В ней звучал страстный голос защитника трудового народа. Автор клеймил позором всю лесопромышленную компанию и ее прислужников — агентов, доверенных, подрядчиков, которые ради своей выгоды заключали с беззащитными сортовщиками кабальные контракты.

Володя думал, что, прочитав это, Пипуныров изменится в лице, что у него дрогнет голос. Но ничего подобного не случилось. У этого денежного мешка нет совести, у него есть только необоримая жажда наживы.

— Хм...— все так же медленно и деловито читал член лесопромышленной компании.— И тебя не забыли, Власий Спиридонович.

— Меня? — подскочил Сирвойтов.— Подобрать или по-худому, Карп Тимофеевич?

— Вы с моим Костей немного лишку дали, когда обсчитывали сортовщиков. Чересчур бросается в глаза.

— Так ведь все по закону делали, все по-хорошему. Они же по своей воле подписали контракт.

— Хм... Вот в этом месте прямо так и сказано: «Сирвойтовы».

— Извините, Карп Тимофеевич,— вмешался Володя,— там сказано: «Пипуныровы и Сирвойтовы».

— А я говорю: «Сирвойтовы»,— не повышая голоса, сказал Пипуныров.— Слушай внимательно, Власий Спиридонович: «Там орудуют Сирвойтовы. Под их игом стонет трудовой народ. Там беззаконие возведено в закон. За счет бедных крестьян, за счет охотников и сортовщиков растут их хозяйства, их капиталы. Все у них в руках — лучшие поля и луга, торговля, лес, власть. Все им дозволено, лишь бы они могли больше хапать. Уборка сена и хлеба осуществляется руками должников за самую малую плату. Небывалые барыши дает им и торговля. Например, Пипун...» Мда! — осекся Карп.— Здесь голые цифры. И весьма неточные. Хм... Вот и о пушнине и о боровой дичи упомянуто. Опять врет немножко. В четыре раза дешевле никогда не брал. В два раза, ну, в крайнем случае в три раза — это бывало. Да разве можно иначе? Совесть — плохая помощница в торговле, на нее положиться — капитала не накопить. А нам он, большой капитал, во как нужен! Без капитала деловой человек вроде бы голый. Без него ничего не построишь — ни фабрик, ни заводов, ни простых дорог, ни железных. Мда! Кажется, я лишнее стал плести...

Такая неожиданность эта статья, к тому же еще напечатана в московском журнале. Ох, и озадачила она Власия Сирвойтова! Он прямо-таки растерялся, как теряется мошенник, когда его выводят за ушко да на солнышко.

— Злостно врут, ей-богу, злостно! — стал обороняться Власий, размахивая руками и топая ногами, как будто его в самом деле держали за ухо.

— Ты послушай дальше, что пишут. Прямо о наших сортовщиках и как вы с моим сыном одурачивали их.

— Тоже врут...— снова начал было Власий, но умолк, когда услышал, что речь идет о знакомых ему вещах.

И опять-таки автор статьи знал материал прекрасно. Не был забыт ни один пункт кабального контракта. Получалась такая удручающая картина, что даже сам Карп поморщился.

— Говорю, чересчур бросается в глаза, чересчур,— еще раз заметил он.— Ну, и с твоей торговлей в долг, Власий Спиридонович, тоже получается неладное.

— Об этом тоже прописано?

— Об этом пока нет, но я слышал, что хитришь маленько.

Статья кончалась следующими словами:

«Широко раскинулась зеленая парма. В ее беспредельных лесах живет честный и трудолюбивый народ. Этот народ, как и другие народы, которые объединяет великая Русь, обогащает ее своим трудом, добывает драгоценную пушнину, лесную дичь, ценную рыбу, первосортный лес. Но трудно живет там народ. Он находится под тройным гнетом. Примером этому является англо-русско-коми лесопромышленная компания. Варварское хищение лесных богатств сочетается там с самой жестокой эксплуатацией трудящегося люда. Так больше продолжаться не может. Парма негодует!»

Карп Тимофеевич кончил читать и молча прошелся по комнате. Володя с интересом следил за ним. Лицо Пипунырова было сурово, губы плотно сжаты. Наконец он процедил сквозь зубы:

— «Ни-ко-лай И-ва-нов!» Кто же этот Николай Иванов?.. По всему видно, что живет он где-то рядом с нами. Может, и чай вместе пьем, в карты играем. Может, он за нашими женами и дочерьми волочится.

— Как вы, Карп Тимофеевич, оцениваете статью в целом? — спросил Володя.

— В целом? Мда-а... Надо продумать. Там так много сказано, что, пожалуй, прежде чем оценить ее, надо специально изучить.

— Изучить статью, где вас так раскритиковали? — удивился Володя.

— Ты еще молод, Владимир Власиевич. Критика умного человека лучше похвалы глупого. Вот я читал статью, и мне пришла в голову замечательная мысль— надо подготовить население к решающей борьбе с иностранным капиталом. Это возможно. Надо только втолковать людям, что им трудно живется потому, что всех нас эксплуатирует иностранный капитал.

— Получается так, что статью, направленную против вас, вы хотите использовать в своих целях?

— Я человек деловой.

— А как вы смотрите на общественное мнение? Ведь вокруг этой статьи, безусловно, будет много толков.

— Что такое? — рассмеялся Пипуныров. — Общественное мнение? Ха-ха-ха! С чем его едят, твое общественное мнение?

— Не мое, — начал сердиться Сирвойтов-младший, — а общественное мнение прогрессивных людей всей России и даже других стран!

— Об этом и говорить не стоит, — прервал Володю Карп. — Главное не в том, как заготовлен лес, а сколько его окажется в наличии.

— Значит, вы считаете, что в заготовке сортового леса ничто не должно измениться?

— Безусловно!

— А если сортовщики откажутся работать?

— Откажутся работать — умрут с голоду. Им деваться некуда.

— Власий Спиридонович, — в дверях показалась голова Феклы, — подь-ка сюда. Кто-то спрашивает Карпа Тимофеевича.

— Меня спрашивают? — тоже подошел к двери Пипуныров и тут же увидел своего слугу, оставленного им в городе.

Посреди кухни стоял, точно снежный столб, молодой мужик. Он порылся за пазухой и вытащил письмо с сургучной печатью.

— Так што, Карп Тимофеевич, пакет срочный, — подавая письмо хозяину, выпалил он. — От Русина.

— От Русина? Откуда он взялся?

— Так што, видно, тоже срочно приехал. Только успел зайти в дом, спросил про тебя и, не раздевшись как следует, написал. «Срочно», говорит...

Пипуныров вернулся в гостиную. Слуга стал стряхивать с себя снег.

— Ну и пурга! Прямо с ног валит!

— Пурга? — подбежал к окну Власий. — Вот ока-янная! Ведь в самом деле ни зги не видно. Все катище занесет. Беда, Карп Тимофеевич, беда! — зайдя в гос-

тиную, начал было Власий, но словно поперхнулся — Пипуныров сидел за столом испуганный и бледный.

Русин фон Стюарт напугал члена компании как раз тем, над чем Карп только что смеялся. Леший его знает, какая сила скрывается за этим самым всероссийским и мировым общественным мнением! Карп сразу же смекнул, что если даже Русин в своем коротеньком письме так командует ими, то не важнецкие его, Карпа, дела. Он слуга лесопромышленной компании, а слуга всегда виноват перед хозяином.

В комнате стало тихо, только разыгравшаяся пурга выла в трубе, и все чаще вздрагивала хоромийна Власия Сирвойтова.

— Беда с этой пургой, прямо беда!

4

Семке не терпелось съездить к устью Диньёль, и он отправился, несмотря на буран. По занесенной снегом дороге жеребая кобыла тащилась целый день. Илью пришлось разыскивать уже в темноте.

— А где он? — спросил Семка, узнав, что в избушке Ильи нет.

— К соседям пошел с дядей Василем, — ответила оказавшаяся тут же Федора и крикнула, повернувшись к двери: — Девки, гость приехал!

Из маленькой двери высыпали одна за другой женщины.

— Что за гость?

— Разве по запаху не догадываетесь?

— Семушка, ты, что ли?

— Еще спрашиваете?

— А ведь верно, Сема, от тебя по-прежнему так и несет кислой овчиной.

— На свежем-то воздухе самому тошно.

— Да где же он? Где? Голос-то слышу, а самого не вижу, — спросила Вера, выйдя последней из избушки. — Лошадь-то распряг? Девки, помогите!

— Мое вам почтение, коли поможете! А с тобой, Вера, давай сначала поздороваемся. Нарочно приехал, чтобы посмотреть на тебя!

— Ой, Сема, Сема! Ты все такой же шутник!

— Нет, не такой же. Порой бывает очень даже уныло. А сегодня — другое дело. Пока ехал, всю дорогу пел... Сходи покличь своего Илью. Скажи: «Семен Лаврентьевич тебя зовет».

— Да что у тебя такое?

— Ты сначала сходи, а после скажу. Ни от кого не утаю, всем скажу. А вы, красавицы, поаккуратнее там с моей кобылой, она жеребая, последние недельки дохаживает.

Чудачества Семки развеселили девок. Когда пришел Илья, все гурьбой повалили в избушку.

— Здравствуй, Сема!

— Здравия желаю, Илья!.. Обождите, девки, не мешайте, — и Семка вытянулся перед Ильей — так его научил Мирон. — Докладываю, вашскородне: прикарманные лесничеством деньги взысканы через суд. Можешь ехать домой и получить на почте деньги!

На лице Ильи заиграла улыбка, которая быстро сменилась растерянностью. Он хотел что-то сказать, но не смог вымолвить ни слова. Ведь это такая хорошая весть! И так ко времени она пришла!

— Ой, Филипп! — наконец вырвалось у него из груди. — Ой, Филипп! Если бы ты знал...

Все смотрели на Илью. Вера поспешила вставить в светец новую лучину, будто боялась чего-то не разглядеть. Кто-то вдруг шмыгнул носом. А Илья так и стоял, повторяя одно и то же:

— Если бы ты знал, Филипп! Ой, Филипп!

Оказывается, это Семка шмыгнул носом.

— Ведь если бы не Филипп, — проговорил сквозь слезы Семка, — увидели бы мы разве свои гроши! Ведь он готов был душу за нас отдать. — И Семка так расчувствовался, что дал волю слезам.

— Ты, Сема, даже не представляешь, как он нам теперь поможет! — Илья обнял Семена за плечи и покачал, как маленького, приговаривая: — Не плачь, сынок, не плачь!

Раздался хохот. Засмеялся и сам Семка.

— Не осуждайте меня, красавицы, это сердце у меня такое чересчур нежное, — уже снова шутил Семка, — потому-то и не смог сдержаться. Страсть люблю матросов! Вот и Мирон был таким же.

Упоминание о Мироне точно одернуло Илью. Ведь он пришел сюда на минутку, его там ждут сортовики. Остался не решенным важный вопрос. Нашлись люди, не пожелавшие участвовать в забастовке. Для одних забастовка показалась слишком дерзким делом, другие до одури боялись Власия. Привезенная Семкой новость, безусловно, вселит в людей уверенность.

— Ты, Сема, очень голоден или можешь потерпеть? — спросил Илья.

— А что?

— Я хочу, чтобы ты со мной пошел.

— Если нужно — с моим почтением! — сразу же согласился Сема. — Готов следовать за тобой.

— Пошли! По дороге объясню, что надо будет сказать сортовикам. А вы, девушки, сами все слышали.

— За нас не тревожься, — провожая Илью, шепнула ему Вера, — можешь на нас рассчитывать.

Возвратившись к подругам, Вера спросила:

— Так о чем мы говорили-то?

— Про моего Ванько говорили, — напомнила Дарья.

— Верно... Так вот, Дарья, Ванько не за себя работает, а за своего хозяина и потому может сказать: мне, мол, наплевать, сколько за бревно платит Власий. Но это будет неверно. Надо и об остальных сортовиках подумать, надо помочь им. И пусть не боится твой Ванько, он ничего не потеряет. Прогонит один хозяин — найдется к другому.

— Ты, Вера, не все знаешь, — сказала пожилая женщина, сидевшая в сторонке. — Дарья-то замышляет самого Ванько хозяином сделать.

— Зато ты чересчур много знаешь! — вспыхнула Дарья. — Мой отец не так стар, чтобы я привела в дом другого хозяина.

— Может, как-нибудь поладите.

— Пусть Вера говорит, не мешайте!

— А я бы на твоём месте, Дарья, не стала обижаться, — улыбнулась Вера. — За такого молодца надо цепляться и зубами и ногтями.

Слова Веры так всем понравились, что разговор отклонился от главной темы. Однако Вера незаметно направила его в нужное русло.

— Митрия учить не нужно,— посмотрела она на Анну,— он сам в учителя годится. Я боюсь только одного: сегодня приехал к ним отец, а дядя Алексей человек своеправный, не помешал бы сыновьям. То же самое можно сказать и про Петрована. Говорят, он держит Ивана в руках, как маленького. Но Иван уже не маленький.— Вера тайком взглянула на Федору и увидела, как та густо покраснела,— Ивану бояться нечего. Так и надо сказать ему.

Вера вспомнила и других парней и мужей, подружки и жены которых были здесь. Она хотела, чтобы женщины не оказались в стороне, чтобы они тоже участвовали в забастовке. Но женщины высказывали опасения:

— Да послушают ли они нас?

— Хорошо ли соваться в мужнины-то дела?

— Не прибедняйтесь, подружки! — уговаривала их Вера.— А чем вы хуже их? Трудитесь не меньше, даже больше. Кто раньше встает? Бабы. Кто позже спать ложится? Тоже они. А летом, в страдную пору, баба спит не больше кукушки. Осенью, зимой и весной, когда мужики на охоте или куда на заработки подаются, все хозяйство на вас держится. Хоть бы уж сами-то себя не унижали!

Никогда не слышали женщины таких слов. Ведь недаром говорится: «Царю и целого царства мало, а забитому и доброе слово сокровище».

— До упаду работала бы, коли за человека считали бы,— будто продолжали жаловаться бабы, но в их речах да и в том, как они держались, уже слышалось что-то новое, и это ободряло Веру.

— Вы, конечно, хорошо помните купца Бикмедова? Так вот, у него есть на Урале завод, железо там делают. На этом заводе работает много тысяч рабочих. Бикмедов измывается над ними так же бессовестно, как над нами Власий Сирвойтов. Но рабочие не захотели терпеть, они договорились не работать до тех пор, пока Бикмедов не улучшит их жизнь, объявили, значит, забастовку. Собрались все во дворе завода. И что бы вы думали? И жены их, и сестры, и дочери — все до единой были вместе с мужьями, отцами и братьями... А чем мы хуже их? Сами посудите!

Вера подробно рассказала и о том, как рабочие помогли дровосекам получить прикарманенные лесничеством деньги. И эти деньги пришли теперь!

— Прикиньте хорошенько! С самой осени вы работаете в лесу, мерзнете, болеете, мучаетесь. А что нажили? Все пойдет в карманы подрядчика, доверенного, членов компании. А летом? Разве ты, Анфиса, не батрачишь на Власия в самые погожие дни? А ты, Дарья, разве не клянeshь богатея, когда в стужу молотишь его хлеба? Я уж не говорю про Федору, которую чуть не загубили кровососы...

— Всем вдоволь досталось, все немало поработали на Власия,— заговорили и другие.

— Кто только не гнул на него спину!

— Много нашей кровушки он высосал!

— Так зачем же терпеть? — почти взмолилась Вера.— Почему нам всем вместе не сказать: «Хватит, Власий Спиридонович, пора и честь знать!»

— Жди от него чести!

— Скажи спасибо, если еще чем не станет досаждать!

— Ох, если бы в самом деле кто-то его обуздал!

— Дело за нами! — заключила Вера.— Не таких, как Власий, усмиряли!

Неожиданно вернулся Семка.

— У вас тут весело! — зайдя в избушку, сказал он.— Сортовщики так спорят, будто что-то делят и никак поделить не могут.

На этот раз сходка проходила на улице, перед лавкой, при свете костра. Семка едва успел рассказать, что он приехал сообщить о присланных по почте деньгах, и отошел было в сторонку, не разобрав даже, о чем тут все спорят, как его поймал Кондратий.

— Когда домой отправишься? — спросил он.

— Раненько утром. Отец не велел долго задерживаться.

— Хочешь, «за так» денег дам?

— Ты дай, а потом спрашивай.

— Вот тебе два целковых,— на орехи там или на карты пригодятся,— только отправляйся домой сейчас же.

— А чего это ты меня гонишь?

— Не гоню, а хочу послать с тобой Власию Спиридоновичу письмо.— Кондратий оглянулся, не слышит ли их кто.— Товару осталось мало, пусть пришлет завтра с кем-нибудь.

Семка стал было ссылаться на свою усталую кобылу, но Кондратий сказал:

— Не хочешь — силком не заставляю, два целковых в кармане останутся. Утром и без денег отвезут.

«Два целковых! — подумал Семка.— Чтобы заработать такие деньги, сколько овчин надо выделать, сколько поту пролить! Мне же все равно ехать, хоть теперь, хоть завтра. Если устанет кобыла, покормлю в дороге и сам посплю. Не стану же я торопиться из-за этих проклятых Сирвойтовых!»

И он согласился взять деньги «за так».

— Ты, Семка, разве уже собираешься? — удивилась Вера.

— Поеду. Опять срочное дело.

Вера подумала, что Семку посылает Илья, и даже помогла ему запрячь лошадь.

Семка и не предполагал, что Кондратий в письме предупреждает Власия о готовящейся забастовке.

Но теперь уже никакое письмо не могло остановить ход событий.

5

Снег после пурги плотный и колючий, звенит под ногами, блестит в лучах солнца. На открытых местах, где ветер еще не утих, по снегу бегут наперегонки легкие тени облаков, извиваются ленты поземки.

В лесу белая гладь испещрена, будто оспой, комьями снега, упавшими с ветвей, и освобожденные от груза деревья звенят, только прикоснись к ним.

На катище открытые места чередовались с островками неповаленного леса. Утром, когда сюда пришли сортовщики, ветер еще не утих. Лес шумел, и вдоль занесенных сугробами штабелей струилась поземка. Все сровняла, замела трехдневная пурга. Снова надо было расчищать бревна. Но на вчерашней сходке договорились: штабеля не расчищать, на делянки не идти, ждать подрядчика и члена компании на катище.

То здесь, то там вспыхивали костры, вокруг которых собирался народ.

Алексей Расов приехал в лес всего на несколько дней, чтобы удостовериться в справедливости молвы о неприличном поведении Сергея. Он не был на сходке, не считал себя связанным уговором с сортовщиками и теперь молча прошел мимо костров к своим штабелям и принялся сбрасывать с бревен снег. Сергей побаивался отца и потому тоже взялся за работу.

Илья посмотрел на Митрия.

— Ты разве не говорил отцу, какое решение приняли сортовщики?

— Конечно, говорил,— ответил Митрий,— да ведь не станет же он слушаться. Сердитый он сегодня. Всю ночь пилил Сергея с женой. И нам с Васькой попало.

Васька тоже был здесь, у костра, он добавил:

— Нашего отца, как норовистую лошадь, не сразу обуздаешь.

Возмутились и другие:

— Если каждый по-своему делать будет, какой же толк получится?

— Такие вот не артельные люди называются штрейкбрехерами,— сказал Илья.

— Чем? Чем?

— Штрейкбрехерами, говорю. Рабочие так обзывают того, кто работает, когда остальные решили не работать, кто мешает проводить забастовку.

— Иначе говоря,— пояснил Онисим, незаметно помогающий Илье,— все за дровами, а он за сеном.

— Эй, слышь, Алексей Петрович? — крикнул Василь.— Сегодня у нас вроде праздника, гостей ждем. Одному нехорошо стараться!

Но Алексей отмалчивался. Человек своенравный, он не любил, когда над ним командуют.

— Сходи скажи отцу и брату, пусть не смешат людей,— сказал Митрий Ваське.— Видишь, все пялят глаза на них, как на обезьян.

Главари забастовки развели костер посреди катища, откуда сквозь редколесье и расчистки можно было оглядеть и нижний и верхний концы.

Как только Васька подошел к отцу, тот сразу стал его распекать, тыча рукой на штабеля бревен, видно, приказывая и ему счищать снег.

— Вот увидите, и Васька будет мозолить людям глаза!

— Сорвут все дело!

— Митрий, ты сам сбегай.

Но в это время кто-то удивленно крикнул:

— Глядите, ручпийнцы-то расходятся по своим штабелям!

Их примеру последовали и некоторые типэвцы.

— Электан, дядя Онисим, сходи-ка. Что там такое? — распорядился Илья.

— Что там такое, говоришь? — подошел к Илье Петрован. — За то, что мы тут греемся, никто нам не заплатит... Ваня! — крикнул он брату, который стоял у соседнего костра, среди молодежи. — Пошли! До второй половины дня надо успеть расчистить свои бревна. А вечером поеду домой получать деньги.

Федора строго посмотрела на Ивана. «Не посмеешь пойти, не посмеешь!» — говорили ее глаза. То же самое Иван прочитал на лице Веры и во взгляде Дарьи: «Не смей нарушать общий уговор!»

— Ваня, не слышишь, что ли? — раздраженно крикнул Петрован.

— Не оглох еще, — ответил Иван. — Подождем немного. Ты ведь тоже был на сходке.

Петрован считал себя полновластным хозяином над Иваном и теперь даже растерялся от такой неожиданности.

— Лишнее болтаешь! Как бы не пожалел потом...

— Жалеть? О чем? — Иван шагнул к брату. Он не хотел оказаться трусом перед своей Федорой. — Ну, объясни, о чем же это я буду жалеть?

Старший брат вскипел и тоже шагнул навстречу Ивану.

— Скажи спасибо, людей много, — выдохнул Петрован, — а то не стал бы долго канителиться с тобой.

К ним подошла Вера.

— С ума сошли, что ли? В такое время спорите!

— А тебе какое дело? — посмотрел на Веру Петрован.

— А как же не дело? — вскочила с места Дарья. — Ты же хочешь нарушить уговор!

— Сам удираешь и брата уводишь!

— На Алексея Расова глядишь?

— Образумься, Петрован!

Петрован не успел опомниться, как его окружили парни и девки.

— Да что вы? Все за одного взялись!

— Врозь нельзя в таком деле.

— Да-а-арья! Ах, бедовая... — по всему катищу прогремел голос Дарьиного отца.

Но Дарья даже не взглянула в ту сторону, откуда слышался голос. Ей было некогда, ей нужно было пристыдить Петрована.

— На почту съездить торопишься, а не подумал, как и кто возвратил тебе эти деньги.

— Верно, Дарья, верно! — похвалила ее Вера. — Иные готовы голову свою положить, чтоб защитить тебя, твои права, Петро, а ты даже за себя не хочешь постоять. Полдня пожалел. Где же твоя совесть?

— Совесть? — совсем растерялся Петрован. — Я ее не терял. Сколько есть, вся со мной.

— Видать, не много ее у тебя.

— Большого мне не надо. Человека не убивал, ни гроша не украл, пакости ни на мизинец никому не сделал... Да что я, в самом деле, оправдываюсь перед вами, — махнул он рукой, — перед бабами! Штрекбек, что ли, я для вас? — И он пошел обратно к костру.

Спорили повсюду. Одни шумно бранились, другие пререкались, не повышая голоса, третьи убеждали по-доброму. Дело-то затеяно небывалое и касается всех, но задевает и каждого в отдельности. Людская масса шумела и бурлила, как чан с суслом, в который бросили добела раскаленный камень.

«Да, да, так оно и должно быть, так и должно!» — обводя взглядом катище, думал Илья. Он хорошо знал: без раскаленного камня и сусло не побежит, без спора и правда не родится.

Илья сейчас был подобен человеку, которому удалось задержать плотинной бесполезное от века течение реки, согнать воду в пруд, чтобы пустить ее на рабочее колесо. Но плотина еще не устоялась, вода прорыва-

лась то здесь, то там, каждый раз угрожая снести все сооружение.

— Дядя Василь,— давал Илья указания,— сходи-ка к погощанам: как бы там до драки не дошло. А у тебя как, Онисим Павлович?

Вместо ответа Онисим посмотрел на дорогу, ведущую в село.

— Будто нарочно так долго не едут,— имея в виду Власия и члена компании, сказал он и, кивнув на торговщиков, добавил: — Тяжко им без работы.

Но в это время крикнули несколько человек сразу: — Слышите? Едут! С колокольчиком...

У Веры сердце захолонуло. Она подошла к мужу и посмотрела ему в глаза.

«Начинается! — ответили глаза Ильи.— Но ты не бойся, народ с нами!»

Все вдруг смолкло, кончились споры, в снег воткнулись лопаты, многие поплелись к костру, горевшему посреди катища.

А в лесу за речкой звон колокольчика то пропадал, то возникал снова, но уже гораздо ближе.

— Не забыли, что надо говорить? — спросил Илья.

— Нет, не позабыли, помним!

Разговор должен был идти об условиях, которые торговщики решили поставить перед подрядчиком. Илья вначале хотел было все записать на бумаге, как это сделали во время забастовки на Урале. Но Онисим предложил по-иному, по-мужицки: одно условие выскажет один, другое — другой.

Осторожный и умный Онисим хотел показать члену компании, что простые мужики не такие уж темные люди, что и они умеют постоять за себя.

Когда упряжка вылетела из густого леса, колокольчик будто выскользнул из-под укрытия и зазвенел на всю пойму. Запряженные гуськом лошади бежали по занесенной снегом дороге. Тронутый лошадьми снег подхватывал жгучий ветер, и, глядя со стороны, казалось, будто дорога дымится под копытами. Упряжка еще раз пропала из виду, когда пересекала скованную льдом Вэрю, и потом снова появилась уже совсем близко.

От красавца Гнедко шел пар. Вторая лошадь, как

только остановились, стала крутить мордой, стараясь стряхнуть ледяные сосульки.

Власий Сирвойтов в короткй шубе, в валенках с длинными голенищами спрыгнул с облучка, привязал конец вожжей к кольцу, повернулся, чтобы снять с Пипунырова медвежью полость и помочь барину вылезти из саней. Но член компании отказался от его услуг и захотел вылезти сам. Черный тулуп, видно, был очень тяжел, и полы его мешали шагнуть из саней на землю. Сирвойтов снова бросился на помощь, желая этим показать, какую он важную особу привез, а на самом деле неслыханно уронил себя в глазах сортовщиков.

Все молчали. Только на раскрашенной высокой дуге позванивал сверкающий медью колокольчик. Такое напряженное молчание не предвещало ничего доброго, напоминая затишье перед боем. Ведь, по сути дела, здесь встретились противники. Намеренно не здороваясь с людьми, господа молча проследовали к костру. Илья заметил, с какой злобой взглянул на него Власий.

— Недоброе дело вы, мужики, задумали, — усевшись на краю бревна, вроде бы с сожалением сказал Пипуныров.

Он скинул с плеч тулуп, словно выставив себя на показ. Под тулупом оказалась лисья шуба, крытая дорогим сукном. Еще больше выпятилось жирное брюхо; густо повеяло запахом одеколona, которым была пропитана одежда городского туза.

Федора тайком ткнула Веру в бок: гляди, мол, каковы...

— Нечего в молчанку играть! — сердито начал Власий. — Перед вами член англо-русско-коми лесопромышленной компании Карп Тимофеевич Пипуныров, наш благодетель. Можете жаловаться ему на меня.

Карп насупился. Слова Сирвойтова ему не понравились. Конечно, и сам Карп тоже виноват — напрасно он накричал на Власия, когда прочел письмо Русина. Проклятый журнал, проклятая статья, так напугавшая Русина! Тут Василь кашлянул в кулак, готовясь заговорить.

— Жаловаться мы, Власий Спиридонович, не будем,— несмело начал он, взглянув на своих товарищей,— а при постороннем человеке все как есть скажем: по такому контракту, какой ты составил осенью, мы работать больше не желаем. Так ведь, мужики, договорились на сходке-то?

Послышалось несколько голосов:

— Тут, брат, не захочешь, да скажешь. Никому не любо нищим быть.

— Да уж, богато живем — с плога воду пьем.

Карп разглядывал лица стариков и молодых, смотрел на их залатанную одежду, хотел определить, кто тут Илья Ошлапов, которого Власий сначала расхваливал, а потом, узнав, что именно он подбил людей на забастовку, стал поносить на чем свет стоит.

— Я что-то плохо понимаю вас,— снова заговорил Карп.— Наладили хорошую лесовозную дорогу, а работать не хотите. Как-то не вяжется все это.

Вперед, поближе к огню, вышел Илья.

— Сортотщики не отказываются от работы, господин член лесопромышлениной компании,— сказал он, глядя прямо на Пипунырова,— они только хотят, чтобы их труд по справедливости оценивали.

Пипуныров вопросительно посмотрел на подрядчика: «Этот, что ли, зятек-то твой?» Но у Власия уже истощилось терпение, хотя Карп предупреждал его — не терять рассудка. «Тесть» злобно набросился на Илью:

— Это твоя работа, зимогор! Это ты мутишь людей! За такие вещи, знаешь, что делают? В тюрьму, в тюрьму тебя!

— А ну-ка, ну-ка,— вдруг послышался голос Электана,— что ты сказал, Власий Спиридонович? Мы тут, сзади, плохо расслышали. Повтори! — И, орудуя локтями, Электан стал пробираться вперед.

Глаза у него горели, он готов был ринуться в драку. За ним протискивались Митрий, Иван, Вера, Ванько, Дарья.

Вокруг Ильи столпились люди и постарше.

— Может, обратно возьмешь свои слова, Власий Спиридонович?

— Нас тут много, всех в тюрьму не пересажавешь!

Все видели, как у Сирвойтова задрожали руки и ноги, кровь бросилась ему в лицо. Но что он мог сделать с зимогором?

Пипуныров поспешил успокоить мужиков:

— Не обращайтесь на это внимания. Власий Спиридонович погорячился. Мы ведь не стражники. Давайте по-доброму договоримся.

Илья обвел взглядом катище. Возле штабелей не было ни одного человека, все подошли сюда. Это прибавило уверенности. Значит, сортовщики с ним, на его стороне. Теперь только бы не ошибиться, не показать свою неопытность! Вот так держаться бы, как держались вожаки забастовки на Урале,— смело, расчетливо, уверенно.

— Господин Пипуныров правильно сказал,— спокойно, не торопясь начал Илья,— мы можем договориться по-доброму. Сейчас только начинается самая хорошая пора для вывозки леса. Народу у нас много, и мы столько можем вывезти лесу, что его некуда будет девать. Это и вам хорошо, Власий Спиридонович, и нам неплохо, если, конечно, мы договоримся насчет условий.

«Толковый парень,— подумал Карп.— Такой, несомненно, пригодится нам, если удастся купить его со всеми потрохами».

И Карп спросил сортовщиков, чем же они недовольны.

— Многим недовольны, мил человек,— тотчас отозвались мужики.— Власий Спиридонович нас ох как обидел!

— Первым делом — слишком мала плата..

— Вторым делом...

Перечислили все, о чем было договорено на сходке. Сирвойтов вскипел пуще прежнего и стал пугать людей, что вообще, мол, прекратит лесозаготовки.

Но компании требовалось другое — как можно больше первосортного диньельского леса. И Карп начал хитрить. Он пытался убедить народ, что все беды исходят якобы от иностранцев — они за бесценок покупают лес и не считаются не только с сортовщиками, но и с заготовителями.

Илья слушал и зло улыбался. Так и хотелось

крикнуть: «Брешешь! Себя-то небось в обиду не даете, всю тяжесть на наши плечи взваливаете!»

Карпу казалось, что он отлично знает психологию простых людей и умеет разговаривать с ними. Перед ним теперь стояли три задачи: показать себя хозяином, понимающим нужды рабочего человека, прекратить забастовку, а простой в работе, конечно, отнести за счет подрядчика; посеять в народе семена национализма с тем, чтобы потом они проявили себя в нужный час.

Он старался говорить понятным и близким мужикам языком — словом, держался как свой человек.

— Ведь мой дед был таким же, как вы, простым крестьянином, охотником,— говорил Карп.— Да и сам я не какой-нибудь басурман, или там киргиз, или вояк. Живу с вами под одним небом, дышу одним воздухом нашей пармы. Богатства у нас много, разбогатеть может каждый, если нам не будут мешать приезжие угнетатели.

В толпе кто-то засмеялся.

— Анфиса! — прикрикнули на засмеявшуюся женщину.— С ума спятила, что ли? Ведь вон как красиво рассказывает!

— А вы рады, развесили уши? Слушайте, коли нравится,— нарочно громко заговорила Анфиса.— Разбогатеть, значит, можем... А я вот спрошу: если мы все богаты будем, кто же станет поденничать на лугах и пашнях Власия Спиридоновича? Кто тут будет заготавливать ему сортовку, кто мерзнуть тут будет и жить в курных избушках и шалашах, грызть мерзлую корку хлеба?

Сирвойтов крепко выругался.

— Кто такая? Хочу поглядеть.

— Думаешь, испугаюсь? — смело вошла в круг Анфиса и потрясла рукой, показывая залатанную одежонку.— Гляди, коли охота. Вся я на виду. Что надето, то и в сундуке. Не успела другого надеть. Всю жизнь на людей спину гну!

— Ты, хозяйка, чего это, того-сего, разошлась? — испуганно бросился вслед за женой косноязычный щупленький Давыд, которого словно из заплат и мор-

щин собрали.— Добрых людей хочешь, того-сего? Выходи оттуда! Сейчас же выходи! А то при всех я тебя, того самого...

Но Анфиса, видно, никогда не боялась своего муженька.

— Не суйся, когда не зовут!— толкнула она мужа.— Ты и сам не лучше их. Всю зиму в лесу продержал, а что надевать на себя будем? Кто прятал, кто ткал? На какие деньги рубаху купишь? На руки-то еще гроша ломаного не перепало, все удерживают за долги. Топор-то купили, да и то только топорище останется. Ненасытные!

— Базар это, Власий Спиридонович! — зло бросил Пипуныров.— Надо кончать.

— Базар, говоришь? — опередил Сирвойтова Илья.— Это не базар, господин член компании.

Карп уставился на Илью, и лицо у него вдруг стало почти добрым. Лесопромышленнику захотелось раскусить парня. Дошлый буржуй уже понял, что имеет дело хоть и с молодым, но смелым и умным противником, сила которого вот в этих окруживших его торговщиках. А может, и не только в них?

— Слушаю тебя, молодой человек, слушаю,— стараясь скрыть свою неприязнь, сказал он.

Такая неожиданная доброта многих удивила. И когда Илья снова обвел взглядом торговщиков, он увидел, что все они настроены по-разному. Элекан словно бы размяк, теперь он уже ничем не мог помочь Илье. Василь без всякой надобности ворошил костер. Петрован смотрел на Илью насмешливым взглядом. Дарья крепко держалась за руку Федоры. Лицо Веры говорило, что ее обуревают сложные чувства: с одной стороны, Вера помогала Илье, ведь Анфиса говорила ее словами, и Илья это знает, с другой — Вера не хочет этого скрывать — она боится за Илью.

Десятки глаз смотрели на Илью и ждали его слова, надеялись на него. «Скажи! Ты же сумеешь. И знаешь, о чем надо сказать»,— ободрял Илью взгляд Онисима. Даже Алексей Расов, голова которого торчала позади всех, чего-то ждал от Ильи.

— Мы, может быть, еще многого не понимаем, господин Пипуныров,— стараясь подавить волнение, заго-

ворил Илья,— и не всегда хорошо умеем сказать, что сердцем чувствуем. Но в словах Анфисы большая правда. Вот ты говоришь, что твой дед был таким же простым человеком, как мы. Мы этому верим. Но вот давай представим, что твой дед не умер, жив-здоров до сего времени и вместе с нами тут, на катище, спину гнет. Вдруг ему говорят, что внук-то его Карп Тимофеевич стал городским купцом и членом лесопромышленной компании и богатства у него на миллион целковых!

— А ты знаешь, сколько это — миллион-то целковых?— заерзал на месте Карп.

— Знаю. Это очень много, когда лежит в одном кармане.

— Верно. Башка у тебя работает. Но ты еще не знаешь, что один-то миллион не такие уж большие деньги.

— Может, и так,— согласился Илья.— Я не об этом. Я только хотел сказать, что твой дед не поверил бы. И, наверно, спросил бы: «Откуда у него, у моего внука, такие богатства? Может, разорил кого, как злой Гундыр?»

Карп изменился в лице. Толпа одобрительно загудела. Илья продолжал:

— Неверно говорил ты и о басурманах, киргизах и вотяках. Среди них есть очень хорошие люди. Я вот тебе расскажу, как мы работали на Урале и как эти самые вотяки...

— Хватит!— зло оборвал Илью Карп.— Не желаю слушать!

И от этого окрика, будто от удара, Илья сразу весь подобрался. Его сознание поразила мысль, что перед ним стоит сейчас именно тот, кто связан самыми тесными узами с заморским чудовищем, хотя и изо всех сил хочет казаться доброжелателем народа коми.

— У меня еще не все, господин член лесопромышленной компании!— громко сказал Илья.— Вот ты пугаешь нас иностранным капиталом, будто бы все беды от него. Ты поезжай на делянки, погляди, что там творится. Так истреблять, расхищать народное добро могут только недруги, а ведь они считают, что дышат

воздухом той же пармы, что и мы. Чем же они лучше тех, которые наезжают к нам из-за морей с единственной целью — грабить, хватать все, что возможно, и ничего не давать взамен? Верно сказала Анфиса, что нам вы оставляете только топорщища. — И Илья повернулся к сортовщикам: — Довольно, хватит работать на топорщище! Либо они согласятся на наше требование, либо мы больше работать не будем!

— Верно, верно! — дружно откликнулись сортовщики.

— Хватит, поработали на Безрукого Миколу!

— Шабаш, братцы, шабаш! Не будем заготавливать лес по такой цене!

— Да еще сплавлять до Архангельска!

— Требуем расчет отдельно — за заготовку и за сплав!

— Доподлинно верно! И так уж долго жульничал Власий Спиридонович. Конец надо положить этому, конец!

Припертые со всех сторон этими выкриками, Пипуныров и Сирвойтов походили теперь на загнанных волков, которые от злости не вмещались, казалось, в свои шкуры, но кусаться не смели. Да, здесь требовалась лисья хитрость.

— Успокойтесь, мужики, угомонитесь! — поднялся Карп. — Я пока еще не отказывался рассмотреть вашу просьбу. Зря вы так расшумелись. Выберите из числа стариков двух-трех человек, с которыми я и Власий Спиридонович сразу же пойдем договариваться. А остальные становитесь на работу.

— Илью Ошлапова выбираем! — выкрикнули из толпы.

— Онисима!

— Не спешите, — Пипуныров нарочно задержал свой взгляд на Илье. — К Илье Ошлапову у меня есть вопрос. Скажи-ка, молодой человек, давно ты знаком с неким Николаем Ивановым?

— С Николаем Ивановым? — удивился Илья. — С каким это Николаем Ивановым? Кто такой?

— Ага! Растерялся, сукин сын! — обрадовался Пипуныров, считая, что он всех перехитрил и ему удастся очернить Илью и припугнуть сортовщиков.

Но недаром говорят: «Коли сбмануть хочешь, завяжи рот другу».

— Хитрит, мужики, хитрит, не хочет признаться! — решил помочь хозяину подрядчик. — Этот самый Николай Иванов пропечатал в московском журнале всякие небылицы про нас.

Карп даже подскочил на месте — так рассердился он на Сирвойтова. Он начал было исправлять положение, но многие уже догадались, для чего ему понадобилось уличать Илью в дружбе с каким-то Ивановым, и стали засыпать его вопросами. Чтобы совсем не осрамиться, Карп снова попросил выбрать людей для переговоров.

Кроме Ильи и Онисима, выбрали также Элекана и Веру.

— Бабу? — удивились некоторые.

— Бабы тоже люди! Мы ее от себя, от баб, и выбираем. Пусть за нас постоит.

Уже по пути к избушке, где должны были происходить переговоры, Пипуныров сказал Сирвойтову:

— Опасный человек твой зятек, Власий Спиридонович.

— Да, Карп Тимофеевич, опасный.

— Надо от него избавиться.

— Надо, Карп Тимофеевич. И чем быстрее, тем лучше...

6

Два дня продолжался спор. Сортовщикам удалось заключить новый контракт. Их требования были приняты. Илья победил. Новые условия возбудили у людей желание работать. В два раза больше стало прибывать на катище сортового леса. Даже подрядчик немного успокоился: его доходы зависели от количества бревен, а их, видно, будет много, хотя в целом контракт не очень-то пришелся по нутру Сирвойтову.

Иначе оценивал события Карп. Забастовка сортовщиков, все то, что Пипуныров слышал и видел, породило в нем разноречивые чувства. Барыши за проданный лес поделят между собой иностранцы и их агенты. Карпу, младшему компаньону, достанутся объедки.

Следовательно, надо ли было Косте так стараться в пользу компании? Конечно, Костя как доверенный старался и для себя. Но ведь дело дошло до забастовки, до статьи в московском журнале, где обесчестили Пипунырова и Сирвойтова.

Все это тревожило Карпа. Ведь получилось совсем не так, как он замышлял. Он хотел объединить вокруг себя коми народ для борьбы с иностранцами, а вышло так, что Илья Ошлапов приравнял его к заморским грабителям. Конечно, зимогор маленько перегнул, но одно ясно: против национальной буржуазии поднимается еще один противник — сам народ.

Начинаются новые времена. Это показала забастовка. Придется крепко подумать, чтобы выйти из затруднительного положения. Сортовщики оказались куда сильнее, чем предполагал Карп. А может быть, они сильны только потому, что нашелся вожак? Пипуныров никогда не забудет, как Илья пристыдил его, члена лесопромышленной компании, перед всем народом и как он отстаивал интересы сортовщиков, когда заключали новый контракт. В словах Ошлапова лесопромышленник улавливал нечто такое, что наталкивало его на мысль о связи местных событий со статьей Иванова. Карп Пипуныров решил сообщить об этом следственным органам. Пусть расследуют, пусть разузнают. Чем больше соберется материала о противнике, тем легче будет победить его.

Илья тоже думал. Теперь стало ясно, насколько помогли ему сообщения о переводе денег и статья Николая Иванова. Первое приободрило сортовщиков, второе напугало Карпа и Власия. Но все-таки кто же этот Иванов? Какие такие слова пропечатаны в московском журнале про этих кровососов? Эх, увидеть бы журнал, прочитать эту статью!

— А откуда ты возьмешь этот журнал, если не съездишь в город? — сказал однажды Онисим, когда Илья заговорил с ним о статье. — Сирвойтовы держат его под замком, чтобы он не попал в наши руки.

И вообще Онисим что-то знает. Илья уже много раз замечал это и по его поведению, даже по выражению его лица. Знает — и не говорит, скрывает.

Южный ветер принес в парму дыхание весны. Хвойный лес помолодел. На делянках крепче запахло сосновой смолой.

Кора стала мягче, податливее, не то что зимой. От одного взмаха топором она отделялась длинной полосой. Илья разделявал бревно так усердно, что и не заметил, как к нему подошел Онисим.

— Хорошо, что сам пришел, Онисим Павлович. Хотелось повидать тебя. Есть разговор.

Онисим улыбнулся — он ведь тоже неспроста пришел сюда в рабочее время.

Они сели на поваленную сосну. Онисим закурил трубку.

— Что за разговор у тебя?

— Да все о том же. Житья не дает статья Иванова. Хочется прочесть — и все тут!

— Хорошо, коли хочется! Журнал этот тысячи людей получают, не одни Сирвойтовы, по всей России его читают.

Илья пристально смотрел на бородатое лицо Онисима. Ведь еще недавно Онисим сам сокрушался, что неоткуда взять журнал. Он действительно знает что-то такое, о чем Илья и не помышляет.

— Хочется знать и про самого Николая Иванова, — добавил Илья. — Кто он такой? Почему Пипуныров хотел напугать им меня?

— Вот что, милый друг, — у Онисима голос вдруг стал мягче, — этот самый Иванов шлет тебе поклон!

— Поклон? Мне?..

— Не удивляйся. Ты его давно знаешь. Книжки носил тебе читать. Может, не забыл еще?

Илья долго не мог слова вымолвить — таким неожиданным было это известие.

— Учитель Степанов? — наконец спросил он.

— Да, он, Степанов Николай Иванович.

Илья отломил от дерева прутик и стал чистить им валенки.

— Откуда тебе это известно?

Онисим нарочно долго уминал табак в трубке.

— Понравился ты мне своим характером, своим чистым сердцем. Что можно сказать, скажу, не скрою. Конечно, с уговором, что никому не выболтаешь.

— Обещаю, Онисим Павлович!— с радостью отозвался Илья.— Пусть хоть голову снимут...

— Степанов продолжает учительствовать в наших краях. Ему хорошо известны условия работы сортошников, знает он и про забастовку. Интересуется тобой, следит за каждым твоим шагом, прислал дельные советы... Что же это я разболтался?— упрекнул самого себя Онисим и сунул руку за пазуху.— Ты сначала прочти его статью, тогда и поговорим. И помни: знать об этом будешь только ты.

Это были вырванные из журнала листки. Сразу же бросилось в глаза название статьи.

— Про нашу парму!— воскликнул ошеломленный Илья.— Смотри, что делается... «Парма негодует!»

Онисим поднялся.

— До вечера оставляю тебе. С работы пойдем вместе, тогда и побеседуем.

Строчки статьи казались намагниченными, от них невозможно было оторваться. Каждое слово, каждая фраза подтверждали то, что Илья уже знал, либо открывали новые факты, новые возможности борьбы.

Прочитав статью, он еще долго сидел. Он и не предполагал, что печатное слово обладает такой силой. Здесь были собраны и выведены на чистую воду все хитроумные действия и замыслы господ, которые тщательно ими скрывались, а потому не всегда были доступны пониманию простого человека. Хозяиничание Пипуныровых и Сирвойтовых, стон народа под их гнетом, беззаконие, которое они возвели в закон, обнаруживались в статье с ужасающей ясностью.

Илья снова взялся было за бревно. Но нет, ему сегодня не работалось. Он сел на старое место и начал перечитывать статью.

И удивительно — если в первый раз она его ошеломила, то сейчас рождала в нем новые думы. Как понятны стали теперь слова Власия, которые он когда-то сказал Илье: тебе, мол, незачем знать про свою силу. Нет, Илья теперь хорошо знает, какой силой обладает народ, если его сплотить.

Конечно, объединяются и они, угнетатели. Чтобы грабить, они тоже сговариваются, хотя готовы перегрызть друг другу горло. Но напрасно надеются ком-

паньоны провести в жизнь все, что они задумали. Илья, сортовщики — все трудовые люди Коми не одиноки, у них есть надежные друзья. Разве статья, которую Илья теперь держит в руках, выражает думы одного учителя Степанова? Только друзья могли напечатать в своем журнале такую статью, где от всего сердца защищается народ коми. И эти друзья проживают в самой Москве! Статью прочтут тысячи людей, по всей России будут ее читать. Может, ее прочтут Филипп, Васька Кержак, доктор, Мирон... Они, конечно, не будут знать, что произошло в парме уже после появления статьи. Но Илья теперь отлично понимает, что его победа — это победа и его друзей.

Особенно Илью обрадовало сообщение Описима, что Степанов знает про забастовку, интересуется ее вожаками и прислал какие-то советы. Хоть бы уж быстрее настал вечер!.. Впрочем, что же это он бездельничает? Ведь скоро вернутся подводы, чтобы отправиться во вторую езду. Приедет и Вера. Надо разделить бревно. А то она еще спросит, что он делал целый день. Она ведь с таким упорством возит сортовку, не хочет отстать от сыновей Алексея Расова. Они-то делают по две с половиной ездки каждый день. На полпути устроили даже временное катище. Два раза до основного катища везут, а третий — до временного. Где уж там угнаться за ними! Они лошадей овсом кормят, а бедному Рыжко достается только суходольное сено да кнут.

Было слышно, как то здесь, то там валили сосны, громко перестукивались топоры. Вон кто-то уже едет с катища на рысях. Кто же? Не Вера ли? Так рано? Ну и пристыдит...

Илья и не заметил, как сильно взмок Рыжко, не заметил он и того, как обеспокоена Вера.

— Я сейчас, дорогая, сейчас, уже кончаю, — не поднимая головы, пробормотал Илья, торопясь закончить разделку бревна. — Подбрось лошади сена и сама отдохни. Гляди, какой сегодня ясный, веселый день!

— Илья... — начала было Вера.

— Обожди, обожди... Ты лучше расскажи что-нибудь. Я могу и слушать и работать. А может, тебе домой отправиться? Ведь Мишка в обиде на тебя за то,

что работаешь тут за него. Говорят, он свою Катю чуть ли не каждый день бьет — с ней, мол, стыдно и в лес-то ехать. Заступись ты за нее, за бедную. Ведь твоей ласки на всех хватит.

Илья напоминал сейчас набедокурившего подростка, который хочет скрыть свои проделки. Но сердце Веры бредила печаль, и она понимала мужа по-своему. Ей казалось, что неприятное известие, которое она принесла с собой, уже дошло до Ильи и он хочет заранее подготовить ее, думая, что она ничего не знает. И от этого у Веры еще больше заныло сердце.

— Вот и мать тоже подобрела,— продолжал Илья.— Сначала сама же тебя порочила, а теперь хвастает тобой. Ты, видно, всех заворожила.

— Слушай, Илья,— взмолилась Вера,— не надо тянуть! Скажи прямо. Я ведь пойму...

Занесенный топор застыл в воздухе.

— Ты о чем?

И тут Илья увидел заплаканные глаза жены и взмокшего Рыжко.

— Разве что случилось?

— Да...— еле выговорила Вера.— Случилось то, чего я все время боялась.

— Говори толком. Поплакать потом успеешь.

Кончиком вязаного платка Вера утерла слезы.

— Белоштык прислал бумагу, чтобы ты немедленно явился к нему. Говорят, какой-то там важный чиновник приехал.

Илья оторопел, но тут же взял себя в руки.

— А я думал, в самом деле что-то случилось! Чего же ты так напугалась? У Белоштыка только и работы — одних защищать, на других страх наводить. «Молчать!» Помнишь, как он кричал на нас тогда, у деда Пашко? Ха-ха-ха! Ты ведь еще не знаешь, как мы его с постели стащили и до двора волокли. Трясся он что бараний хвост! Боятся они нас! Ох, как боятся! Сирвойтовы, Пипуныровы, Белоштыки — все струсили.

— Кабы все были такими, как ты...— вздохнула Вера.

— Да, что ты, женушка! Если бы все люди были одинаковыми, тогда совсем неинтересно было бы

жить. Среди ангелов, говорят, слишком скучно, так же как чересчур весело среди чертей. Не хочу сегодня горевать. Петь хочу! Ты ведь еще не забыла, как мы с тобой на Урале рядом шагали и пели:

В бой роковой мы вступили с врагами...

Илья пристально смотрел в лицо жены и видел, как оно постепенно становилось строже, глаза загорались ненавистью, плотно сжатые губы зашевелились. Вера тоже начала петь — сначала беззвучно, потом зазвучал и ее голос:

На бой кровавый, святой и правый,
Марш, марш вперед, рабочий народ!

И пусть это была песнь сквозь слезы, пусть сердце Веры обливалось кровью, но она понимала мужа.

А Илья и радовался и страдал. Осторожно, словно прикасаясь к чему-то хрупкому, Илья взял Веру на руки и как когда-то, но во сто крат проникновеннее, заглянул жене в глаза.

— Не надо так, не надо! Отпусти! Слышишь? Сюда идут.

Илья тоже слышал приближающиеся голоса. Где-то вдалеке тревожно перекликались люди. Голоса доносились теперь со всех делянок. Это сортовщики, друзья Ильи, узнавшие про злую весть, собирались сюда, чтобы предложить Илье свою помощь. Илья Ошлапов был для них надеждой на лучшее будущее, и они не могли лишиться этой надежды.

7

После сплава Илью еще раз допрашивали. И, несмотря на то, что связь его с Ивановым, автором статьи, установить не удалось, над головой Ильи все больше сгущались тучи. Сгущались они в это лето над всей Россией.

Стоял жаркий день. В селе Важгорт убирали рано созревшие хлеба — с полей возили на гумна снопы, складывали скирды.

Власий Сирвойтов решил заскирдовать всю рожь за один день. Еще с вечера он предупредил крестьян-должников, чтобы приходили убирать хлеб.

Степан Матвеевич хотел побыстрее освободиться от Власия и послал к нему обоих сыновей с женами, дал также и лошадь. Уборку своей ржи он отложил до следующего дня.

Еще издали было видно, как быстро поднимаются скирды Сирвойтова. Все у него поставлено на широкую ногу: овин на двести снопов, гумно — хоть на тройке кататься, вокруг гумна клады ячменя, овса, пшеницы, гороха. Чуть поодаль отведено место для стогов соломы, клетки для мякины.

Подводы все прибывали. Под тяжестью снопов скрипели плохо смазанные колеса одноколок, громко чавкали мазью оси телег, трудно тащились по голой земле полозья саней — у бедняков зачастую не было ни телег, ни одноколок, а долг все равно отработай.

На гумне возвышались две скирды — одна в длину, другая в ширину. Меньшую скирду складывали братья Ошлаповы — Илья наверху, а Михаил подавал.

Власий появлялся часто. Посмотрит, даст указания и уйдет.

— Давай, это самое, закурим, что ли? — предложил Михаил, как только ушел Сирвойтов. — А то руки устали. Страсть какие тяжелые в этом году снопы!

Стало сильно парить. Михаил работал босой, рубаха нараспашку, в непокорных черных волосах торчали соломинки.

— Ванько, табак при тебе?

На другой скирде перестал подавать снопы Ванько. Он уже с весны покинул Ручпиян и теперь батрачил у Сирвойтова, чтобы быть поближе к своей неугомонной Дарье.

— Давыд, ты спустишься или нет? — спросил Ванько своего напарника.

— Можно и спуститься. Попью кстати.

К даровому табачку подошли и другие.

Не спустился только Илья. Он растянулся у себя наверху и стал смотреть в сторону поля.

Скирда уже настолько выросла, что видно отсюда было далеко. На ржаном поле, которое начиналось

сразу у задворок и тянулось до поскотины, не оставалось ни одного нескошенного участка — изгородь общая, вот народ и торопится покончить с уборкой разом, чтобы, когда откроют ворота, скот не потравил хлеба.

На многих полосах уже не было суслонов; там и здесь накладывали на телеги снопы; со стороны деревни тарахтели порожние одноколки; к воротам тяжело, будто недоенные коровы, тащились груженые возы; на гумнах, разбросанных вдоль села, тоже росли скирды — маленькие, средние, крупные.

В теплом воздухе, насыщенном запахом соломы и хлебов, стоял неумолчный шум работы.

Илья видит и свое гумно, видит узкие полосы своих полей, вытянувшиеся в ряд суслоны. Около них никто не суетится, на гумне тихо.

Ноет сердце у Ильи, кипит злобой на живодера Власия. Но ничего не поделаешь, приходится прятать свою злобу до поры до времени, чтобы не давать повода для нового свидания с господами в мундирах. Но не трусость руководила Ильей, нет! Так надо! Так посоветовал Степанов, когда Илье посчастливилось снова встретиться с ним.

Это было весной, во время сплава.

Пригнав бревна в устье Вэрю и крепко сплотив их там, сортовщики, как обычно в таких случаях, загуляли перед далеким путешествием. Илья собирался сплавать свой плот на пару с дядей Василем. Он вместе с другими мужиками был в гостях у дяди, как вдруг явилась Вера и под каким-то предлогом вызвала мужа.

Оказалось, его хотел повидать Онисим. Узнав у Ильи, когда важгортцы собираются отплывать, Онисим сообщил ему очень важную новость: в пути Илью встретит учитель Степанов.

Разумеется, об этом никто не должен знать. Когда караван плотов важгортцев будет проходить мимо села, в котором учительствует Николай Иванович, к плоту Ильи подплывет лодка с двумя рыбаками. Вот и все. А там видно будет.

С этого часа время для Ильи стало тянуться мучительно медленно, будто его тащила улитка. Даже вешняя вода, вошедшая в берега, казалась необыкновенно медлительной, хотя именно в эту пору она несла плоты наиболее ходко. Погожие и безветренные дни, плавно меняющиеся картины зеленеющих лугов и прибрежного леса, мирно прикорнувшие на пригорках деревни и села, зеркальная гладь величавой реки, вереница идущих по фарватеру плотов, над которыми струились дымки костров,— вся эта безмятежность была для Ильи чем-то вроде наказания. И только время от времени, следуя за впереди плывущим, Илья, по приказанию Василя, направлял плот сильными ударами огромного поносного весла, сделанного из цельной ели. Так длилось двое с половиной суток, во время которых сплавщики, пользуясь погожими днями и светлыми ночами, ни разу не вставали на прикол. На третьи сутки Василь вдруг забеспокоился. Он все чаще поглядывал на побледневшее небо, подозрительно косился на стаи уток. И уже всерьез заволновался, когда появились караваны диких гусей.

— Слышишь, племяш, как они тревожно гогочут? — сказал Василь. — Жди большую непогоду. Зря они никогда не возвращаются из тундры. Особенно теперь, когда подошло время гнездования. Студеное море подуло, видать, ледяным ветром и пургой.

Уже к вечеру, надевая стеганку, Илья сказал Василю:

— Ты, дядя, прав, ветерок подул с характером.

Было решено стать к ночи на прикол.

К утру ударил мороз, завихрилась снежная крупа, взревела река. Бурого цвета волны захлестывали плоты, прижатые к крутому берегу длинного плеса. Бревна стали скользкими, как стекло.

Прошли сутки, вторые. Шалаши из еловой коры кое-как защищали плотогонов от жгучего холодного ветра. Холод и тревожное безделье выматывали силы не меньше, чем работа. Илья не находил себе места. Он боялся прозевать свидание с Николаем Ивановичем и был готов отчалить в любую минуту. Он в конце концов добился того, что Василь согласился первым тронуться в путь.

Плотогоны предупреждали их:

— Зачем судьбу искушать?

— Впереди места опасные.

— Ничего, — отвечал Илья. — Может, обойдется как-нибудь. Архангельск-то, говорят, не спешит к нам навстречу, сами должны стараться.

Остальные были более осторожны и не снялись с места. Илью сердило, что караван распадается. Однако и это не остановило его. Илья был готов преодолеть любые трудности, лишь бы скорее увидеть лодку с двумя рыбаками... После свидания с учителем он согласен ждать остальных сколько угодно.

Вскоре перед ними открылась широкая, многоверстная пойма, изобилующая старицами, протоками, островками. Нужен был опыт, чтобы разобраться в этом лабиринте неожиданностей. Василь был опытным плотогоном. Илье тоже приходилось сплавливать лес через бурные пороги уральских рек. Но все это было при тихой погоде. Ветер, казавшийся за укрытием слабее, здесь, на открытых местах, бросал плот из стороны в сторону, так что приходилось постоянно грести, чтобы не попасть в беду.

И все-таки беда случилась. Они сели на мель там, где ее вовсе не ожидали. Пока раздумывали, как быть и что предпринять, наступила ночь — серая, облачная, студеная. Но самое горестное было то, что вода в реке шла на убыль. Пока дождешься каравана, можно крепко засесть.

Когда Василь сердился на кого-нибудь, он всегда угрюмо молчал, но сейчас то и дело до Ильи долетали какие-то звуки, подобные глухому мычанию. Илья понимал, что дядя выражает таким образом свое особенное недовольство, и, признавая себя виноватым, послушно выполнял его указания.

Бурлила и клочотала быстрина, грозя накрыть прикованный к песчаной отмели плот, который бился в судорожных конвульсиях. Предательски блестели обледенелые бревна в мигающих бликах горевшей бересты, поднятой на шест в виде факела. Кипящая река была готова с жадностью проглотить все, что тяжелее воды. Любой неосторожный шаг мог оказаться роковым.

Берега только угадывались: правый — по очертаниям ивняка, левый — по сырым пятнам обрыва. Вода еще не обнажила песчаную отмель, которая оказалась вершиной островка. Необходимо было прежде всего не дать заднему концу плота оседлать островок, иначе они сядут здесь намертво, — тогда уж засосет в песок. Словом, нужно продержаться до утра.

Илья шагнул в воду. Здесь ему было по колено. Василь подал слегу — длинный сосновый кряж, очищенный от коры, чтобы по нему лучше скользили бревна.

— Помочь тебе, племяш?

— Видно, придется, дядя. Надо приподнять крайнее бревно.

Василь не уступал в смелости своему племяннику. Но кровь у него была уже не та. Ледяная вода и пронизывающий ветер быстро дали себя знать. Превозмогая дрожь, Василь в сердцах упрекнул Илью:

— А я все-таки зол на тебя! Ой, как зол! — И глухо замычал, поднимая стягом бревно, под которое Илья проворно сунул слегу.

— Вижу, дядя Василь, что ты зол. И молчу.

— Ну и молчи!

Они молча подсунули еще пару таких слег, закрепили хвост плота, чтобы его не сносило на островок, и молча добрались до шалаша, перед которым все еще тлели угли. Сухая одежда и крепкий чай у пылающего костра быстро согрели их.

Вскоре Василь, решив, что утро вечера мудренее, растянулся во весь свой могучий рост на разостланной соломе, еще не успевшей превратиться в труху, и безмятежно захрапел, чтобы чуть свет снова быть на ногах. А Илья, заложив руки под голову, долго смотрел на покатую крышу шалаша, будто эта самая еловая кора имела непосредственное отношение к его думам.

По-прежнему вздрагивал плот и клочкотала вода под шалашом. Со свистом пронеслись утки. Где-то далеко-далеко ухал филин...

«Нет, он не может не сдержать своего слова. Он не обманет. Я ему верю. Я должен его увидеть, должен во что бы то ни стало!»

В памяти Ильи учитель Степанов оставался таким, каким он видел его в последний раз. Это было в тот день, когда вывозили навоз.

Но сам-то Илья теперь был уже не тем деревенским парнем, который считал Дубровского чуть ли не идеалом смелости и благородства. Илья Ошлапов знал теперь живых Дубровских, более благородных и понятных ему,— Филиппа и его друзей; знал и живых Троекуровых, более хитрых и жестоких,— заводчика, лесопромышленника, сельского кровопийцу и целую свору их прихлебателей. За его плечами был теперь опыт вожака. Это он пробуждал своих односельчан от вековой спячки. И потому он понимал, что Николай Иванович не просто сельский учитель, отважившийся в своей статье заступиться за целый народ. Степанов, несомненно, принадлежит к тем замечательным людям, которым Илья доверился всей душой. И если он не увидит учителя, это будет величайшей неудачей!

Уже было за полночь, когда Илья наконец уснул. Он не слышал, как Василь еще затемно вскипятит чайник, как переговаривался с рыбаками. Те спрашивали его с берега, откуда и куда они направляются. Рыбаки погрузились в лодку и причалили к плоту.

Василь сразу узнал Николая Ивановича и очень обрадовался старому знакомому. Второй рыбак, молодой парень, сидел в лодке до тех пор, пока Василь и учитель не подошли к шалашу.

— Так, значит, он виноват в вашей беде? — кивнув в сторону спящего Ильи, шутливо сказал Степанов, когда узнал от Василя, почему их плот оторвался от каравана и находится в таком плачевном состоянии.— Куда же он так торопился?

— Горячий больно,— ответил Василь.— А я, старый дурак, послушался его, согласился.

— Дядя Василь,— проговорил Илья, проснувшись.— С кем ты?

— Вставай, племяш. К нам гости пожаловали.

Учитель лукаво улыбался. Илье захотелось дать волю своим чувствам. Но на людях надо было вести себя сдержанно. Илья смущенно огляделся и кулаками протер глаза, будто не веря в свое пробуждение.

— Доброе утро, медвежатник!

— Здравствуйте, Николай Иванович!

Не вылезая из шалаша, Илья стал торопливо обуваться, словно и сейчас боялся опоздать.

— Нынче у нас удачный лов,— обратился Степанов к Василию.— Прошу выбрать в лодке самую лучшую рыбу. Свежей ущицы отведаем.

Проводив Василя глазами, учитель вошел в палатку и крепко обнял Илью.

— Порадовал ты меня, Илья Степанович, крепко порадовал! О твоих делах мне все известно.

Илья был так тронут, что не знал, как вести себя.

— А теперь скажи,— глядя ему в глаза, продолжал Николай Иванович,— знает ли кто-нибудь, кроме Онисима, о нашей встрече?

— Никто,— ответил Илья,— даже дядя Василь.

— Очень хорошо! Расскажи, о чем тебя допрашивали после забастовки?

Илья рассказал учителю, что больше всего начальники интересовались, кто надоумил его заступиться за сортовщиков и знает ли он, кто такой Иванов, написавший статью «Парма негодует».

— Ничто так не напугало Сирвойтовых и Пипуныровых, как статья Иванова,— лукаво улыбнулся Илья.— И нам она здорово помогла. Это я уж после понял.

«Да,— думал Степанов,— вот каких героев рождает народ, каких вожаков выдвигает из своей среды. Только бы направить эту пробуждающуюся силу по правильному пути! Трудное положение сейчас у Ильи. В глазах власть имущих он — одиночка, с которым ничего не стоит расправиться. Нужно предупредить его, чтобы он до поры до времени потише держался, не жил бы душа нараспашку... Впрочем, об этом позже, а то Василь уже притащил здоровенную рыбину».

Николай Иванович поднялся и предупредил Илью:

— Нам по пути. Потом поговорим.

И принялся вместе с Василем варить уху.

Василь очень беспокоился за плот и был не прочь сдвинуть его, так как вода в реке продолжала убывать.

— Поможем, Василий Софронович. Давайте не откладывать. Пока сварится уха, мы управимся. Илья, говори, чего делать.

Собственно, все было подготовлено. Оставалось вынести хвост плота на быстрину и, пока он будет разворачиваться, отцепить застрявший нос.

Все четверо попробовали оттолкнуться шестами, стоя на плоту. Ничего не получилось. Тогда Илья прыгнул в воду. За ним последовали оба рыбака.

Если бы эта вынужденная остановка была редкостью, ее, может быть, и стоило бы описать подробнее. Но плотогоны привыкли к куда более сложным переделкам, о которых Василь поведал учителю сразу же, как только плот поплыл по фарватеру присмирившей к утру реки.

Уху ели поочередно: пока одна пара ела, другая стояла у весел — опасно было довериться капризной быстрине.

Оставшись вдвоем с Ильей, Степанов рассказал ему, что забастовки идут по всей России. Революционные выступления рабочих и крестьян, о которых рассказывал учитель, живо напомнили Илье беседы Филиппа о революции девятьсот пятого года, о Ленском расстреле. Вспомнился митинг рабочих на заводе Бикмедова, с новой силой зазвучали сейчас для Ильи слова оратора: «Пробуждается, сплачивается рабочий люд!»

Как хорошо, что Илья начинает глубже разбираться в таких вещах! Как хорошо, что он снова встретил учителя, такого близкого и такого же, как прежде, доступного! Теперь уже Илья не сомневался, что Степанов не только учитель, но и один из неутомимых и бесстрашных вожаков масс. Это великое дело им поручила партия большевиков, о существовании которой Илья уже знал от Филиппа.

О многом еще хотелось расспросить учителя. Но плот шел быстро, а время летело еще быстрее. Уже показался плес, где решено было остановиться, чтобы подождать караван.

Степанов был доволен встречей. Он теперь твердо знал, что истинное имя автора журнальной статьи останется в тайне. Что же касается Ильи Ошлапова, то этот парень превзошел все ожидания Степанова. С ним стоит поработать, его надо беречь.

На прощание Николай Иванович сказал Илье:

— Мы с тобой еще увидимся. Может быть, и не раз. Помни, Илья: забастовку тебе господа, конечно, не простили и не простят, за тобой бесспорно установлена слежка. Будь осторожен. Ты еще пригодишься своему народу.

Да, Илья крепко запомнил слова учителя. Они стали его оружием...

А тем временем, внизу на гумне разгружали снопы с вновь прибывшей подводы. Мужики курили и мирно беседовали. Илья все еще смотрел в сторону поля, ища глазами Рыжко, на котором Катя возила снопы. Катю просили передать Вере, чтобы она тоже шла полдничать. Но что там такое? словно кто подстегнул людей. Одни забежали между суслонами, другие торопились нагрузить снопами телеги, третьи погнали рысью груженные подводы. Засуетились люди и на гумнах. Казалось, будто объявили, чтобы все возили хлеб и скирдовали его кто сколько может и где захочет.

— Нашли время курить! — неожиданно закричал бежавший к гумну Власий. — Где ваши глаза? Не видите, какое страшилище надвигается с запада!

Илья посмотрел в сторону заречья: с низовьев реки надвигалась огромная черная туча.

«А наш хлеб остался неубраанным, — промелькнуло у него в голове. — И у Давыда тоже...»

— Ох, и туча, братцы!

— Кабы не с градом...

— Поторапливайтесь, мужики!

Власий схватил шест и стал быстро кидать Илье снопы.

Заторопились и остальные. Увидев, что хозяин взял его шест, Михаил бросился разгружать телегу.

— Быстрее надо! Пошевеливайтесь!

Где-то, пока еще далеко, прогремел гром, и это еще больше подстегнуло людей. Михаил бросал снопы целыми охапками. Сейчас, словно на пожаре, ему было важно одно — успеть обогнать надвигающуюся беду, не дать погибнуть добру. А чье добро? Да все равно чье...

Резко очерченный край тучи быстро захватывал

небо. Туча выпустила бело-желтую стрелу в сердце потемневшей тайги. Илья застыл в ожидании грома, но, прежде чем в небе загромыхало, он услышал звуки колокольчика.

«Может, снова они», — подумал он о чиновниках, которые, так же звеня колокольчиками, приезжали допрашивать его.

Илья подхватил новый сноп и, уминая его коленом, глянул в сторону села. По мирскому тракту поднималась полоса серой пыли, которую тянула за собой запряженная в тарантас тройка лошадей. В это же время на просторах заречья поднялись клубы пыли. Они быстро росли, надвигаясь на село. Послышался гул приближающейся бури, прерываемый раскатами грома.

— Заснул ты, что ли? — закричал на Илью Власть, подхватывая шестом летящий вниз сноп.

Торопила своего Рыжко и Катя. Въезжая на гумно, она заголосила:

— А наш-то хлебушко остался на поле!

Михаил бросился навстречу Рыжко, повел его к месту разгрузки снопов и приказал жене:

— Развяжи веревку!

Катя едва успела спуститься с воза и дойти до задка одноколки, чтобы развязать веревку, как Михаил, оказавшийся уже там, набросился на нее.

— Долго будешь канителиться, чивочка? — сквозь зубы процедил он и двинул ей кулаком под ложечку.

У Кати перехватило дыхание, и она повалилась как сноп.

— Михайло! Поганый! Что ты натворил! — закричала Вера, подбегая к Кате. Она подняла Катю, почерневшую и безжизненно повисшую у нее на руках. — Ты ведь убил жену!

— Ничего ей не сделается, — Михаил торопился развязать воз, — она живуча, как кошка.

Ванько перестал подавать снопы и дернул Михаила за рукав.

— Для кого стараешься? — зло прошептал он и подошел к Вере.

Но работа для Михаила была теперь единственной защитой, и он казался страшным в своем неистовом рвении.

— Ванько! — посмотрел на своего батрака Власий. — Без тебя тут народу хватает. Заканчивай дело!

Но работать перестали и другие. Со скирды первым спустился Давыд.

Снова сверкнула молния.

— О господи! Свят, свят!..

Власий сердито отшвырнул шест и перекрестился.

А Илья будто не видел и не слышал, что творится на гумне. Его внимание было приковано к звону колокольчиков и к быстро надвигающейся буре. Было в этом что-то необыкновенное. Встревоженные лихим бегом тройки на селе всполошились собаки. В клубах пыли и мусора мелькнула вскрытая вихрем чья-то крыша, и было видно, как в воздухе пролетали отдельные тесины. Вихрь перешел на поле. Суслоны точно ошетинились. Один повалился, за ним другой, третий... Снопы покатались по стерне.

«Наши, может, не повалит, колья поставлены крепко». Но дрогнули и их суслоны. Они стояли дольше остальных, потом, словно солдаты под пулями, тоже повалились.

— Эх, пропал наш хлеб! Все развеет, вымолотит, размочит...

Сильный порыв ветра чуть не сбросил Илью со скирды.

В шуме бури послышался злобный окрик Власия:

— Оставьте ее! Крепите скирды!

Но тут опять сверкнула молния и ударил гром. Вспышка желто-синего пламени осветила упавшую на колени лошадь и пригнувшихся к земле людей. Илья увидел жену, которая держала на руках Катю, размахивающего руками Давыда и одиноко стоявшего в стороне брата.

«Что там у них такое?» — всполошился Илья и быстро спустился со скирды.

— Сам крепи! — продолжал размахивать руками Давыд. — Скирды-то твои... С нашими хлебами, видишь, что творится... Все из-за тебя!

Ванько тоже кричал на Сирвойтова:

— Человек помирает! А ты?

Илья наклонился над Катей.

— Что с ней? — крикнул он.

— Спроси у ее муженька,— ответила Вера. Илья посмотрел на брата. Вид у Михаила был жалкий и приниженный.

— Эх, братец ты мой, братец! — покачал головой Илья.— Разве на ней надо зло срывать? — И крикнул толпившимся тут людям: — Чего смотрите? Воды! Быстро!

Илья взял Катю из рук Веры. Ее почерневшие губы беспомощно хватали воздух, широко раскрытые глаза будто молили Илью о прощении.

— Не надо! — закричал вдруг Илья, когда принесли бурак с водой.— Может захлебнуться.

Но стоять вот так, ничего не предпринимая, было невозможно, и Илья забежал по гумну с Катей на руках, словно от этого ей могло стать легче.

А ветер крепчал, и со скирд уже полетели верхние снопы.

— Повалит скирду! — кричал Власий.— Укрепляйте быстрее!

Сам он бежал с подпоркой. Кто-то бросился выполнять его приказание.

— Михаил, ты чего смотришь?

Но Михаил не двинулся с места. Первый раз в жизни он не кинулся выполнять волю Власия. Он стоял со сжатыми кулаками и исподлобья смотрел на своего хозяина, готовый вырвать у него жердь и вместе с бурей разметать хозяйские скирды.

— Власий Спиридонович! Власий Спиридонович! — слышался вдруг визгливый голос Феклы.— Где он?.. Власий Спиридонович! О господи, большая беда!

— Какая еще там беда? — шагнул навстречу жене Власий.

— Нарочный приехал из города... В правлении остановился... Война, говорит, с ерманцем!

Новые раскаты грома прервали ее слова. Но теперь уже никто не перекрестился. Сообщение было оглушительнее небесного грома.

Хлынул дождь, но никто не побежал под укрытие. Война страшнее ливня.

СОДЕРЖАНИЕ

Богатое лето	7
День покрова — охотничий праздник	66
Два брата — два друга	113
Сельские новости	134
Жизнь ты наша молодая, беспокойная!	148
Неожиданные знакомства	170
Исцеляющая сила	198
Кто виноват?	225
Пересуды и пути-дороги	250
Зимогоры	289
Против течения	361
Парма негодует	398

9) 266 - 65 - 64 - 63
 8) 262 - 61 - 60 - 59
 7) 258 - 57 - 56 - 55
 6) 254 - 53 - 52 - 51
 5) 250 - 49 - 48 - 47
 4) 246 - 45 - 44 - 43
 3) 242 - 41 - 40 - 39
 2) 238 - 37 - 36 - 35
 1) 234 - 33 - 32 - 30

Редактор Т. Мирзоян
 Художник Ю. Боярский
 Художественный редактор Б. Мокин
 Технические редакторы И. Подшебя-
 кин, А. Третьякова
 Корректор М. Стрига

Сдано в набор 29/VIII 1973 г. Подписано к
 печати 4/I 1974 г. АО 5603. Формат 84×108^{1/32}.
 Бумага тип. № 1. Печ. л. 14,5+вкл. Усл. печ. л.
 24,47. Уч.-изд. л. 23,52. Тираж 100 000 экз.
 Заказ № 754. Цена 97 коп.

Издательство «Современник»
 Государственного комитета Совета Мини-
 стров РСФСР по делам издательств, поли-
 графии и книжной торговли и Союза
 писателей РСФСР.

121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4.

Отпечатано с матриц ордена Трудового Кра-
 сного Знамени типографии издательства ЦК
 КП Белоруссии, Минск, Ленинский про-
 спект, 79, полиграфкомбинатом им. Я. Ко-
 ласа, Госкомитета Совета Министров БССР
 по делам издательств, полиграфии и книж-
 ной торговли, Минск, Красная, 23.

BP

1875

1876

1877

1878

1879

1880

1881

1882

1883